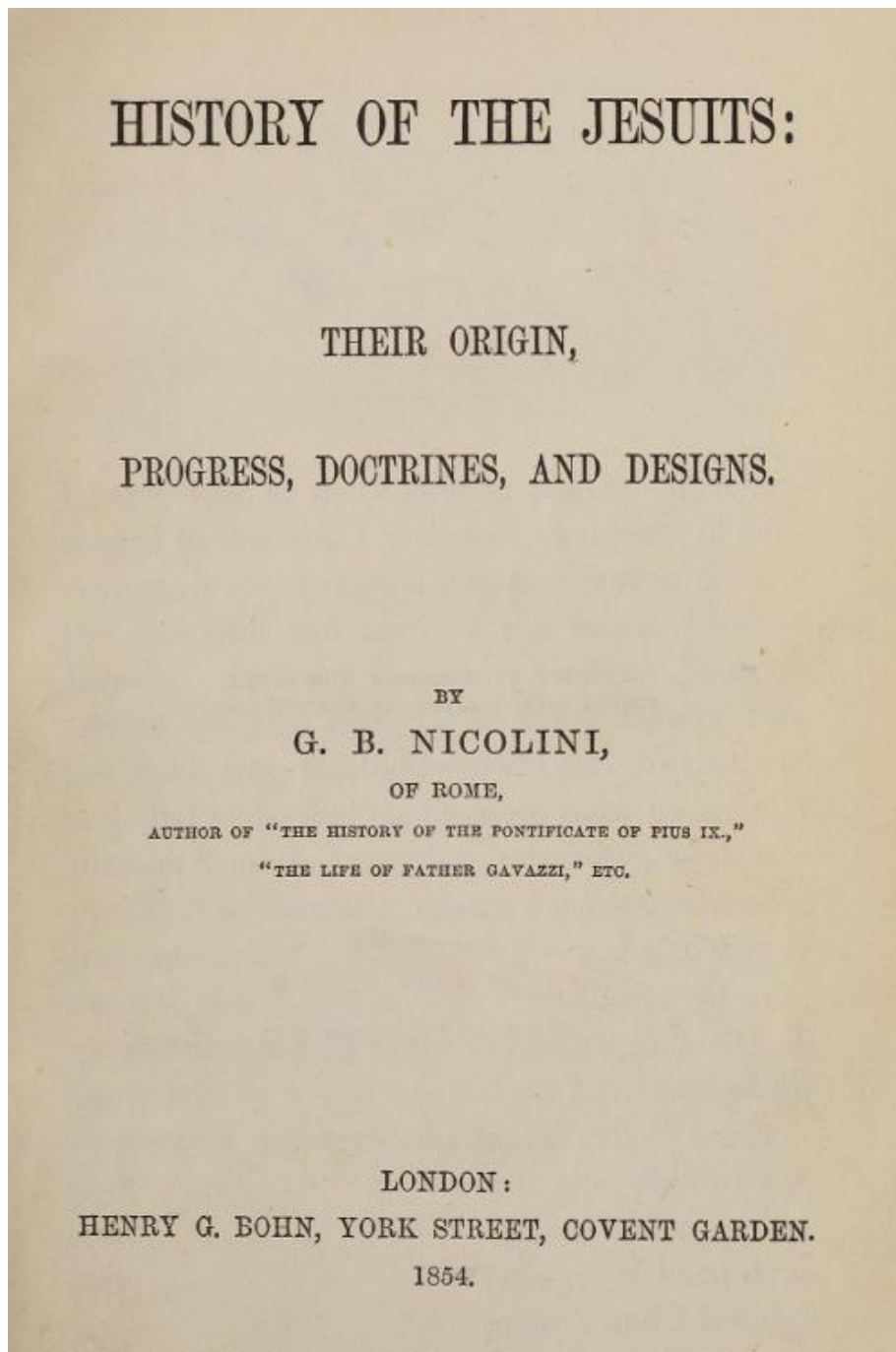

История иезуитов: их происхождение, прогресс, доктрины и замыслы

Г. Б. Николини

Электронная книга проекта Гутенберга по истории иезуитов: их происхождение, прогресс, доктрины и замыслы

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История иезуитов: их происхождение, прогресс, доктрины и замыслы

Автор: Г. Б. Николини

Дата выхода: 10 июня 2019 [Электронная книга № 59723]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Clarity и командой онлайн-корректур по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ИЕЗУИТОВ: ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПРОГРЕСС, ДОКТРИНЫ И ЗАМЫСЛЫ" ***

Anders

Hindblatt

Loyola

Лойола

Rubens. Хинчлифф.

ИСТОРИЯ ИЕЗУИТОВ: ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПРОГРЕСС, ДОКТРИНЫ И ЗАМЫСЛЫ.

Дж. Б. НИКОЛИНИ ИЗ РИМА,
АВТОРА “ИСТОРИИ ПОНТИФИКАТА ПИЯ IX”,
“ЖИЗНИ ОТЦА ГАВАЦЦИ” И ДР.

ЛОНДОН:
ГЕНРИ Г. БОН, ЙОРК-СТРИТ, КОВЕНТ-ГАРДЕН.
1854.

НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ "ХАРРИСОН И СЫНОВЬЯ":
ОФИС "ЛОНДОН ГАЗЕТТ", СЕНТ-МАРТИНС-ЛЕЙН.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Я надеюсь, что на следующих страницах я успешно справился с задачей, которую поставил перед собой, - донести до моих читателей справедливое представление о характере и целях братства Лойолы. По крайней мере, я не жалел сил для достижения этой цели. Я искренне верю, что книга была востребована; ибо у либеральных институтов, гражданской и религиозной свободы нет больших врагов, чем это коварное братство; хотя столь же верно и то, что, хотя иезуитов боятся и ненавидят со всех сторон как худшую разновидность мошенников, мало кто досконально знаком с их богатой событиями историей и со всеми теми искусствами, которыми отцы церкви снискали себе позорную известность. Вина лежит не только на публике, ибо, как ни странно, серьезной и полной истории этого замечательного общества не существует. Я сделал все возможное, чтобы восполнить этот недостаток; и я тешу себя надеждой, что, если книге посчастливится привлечь внимание общественности, она может принести какую-то пользу. Безусловно, ни в одну другую эпоху истории иезуиты не были более опасными для Англии, чем в настоящее время. Я не паникер. Я отказываюсь верить, что Англия вновь попадет под папское иго и вернется к темноте и невежеству средневековья, потому что несколько десятков граждан переходят в римское сообщество; но в то же время я верю, что многие смелые и менее рефлексивные люди относятся к этому вопросу слишком легкомысленно и неправы, отказываясь поддержать решительные меры не для религиозных преследований, а для сдерживания наглости и противодействия заговорам этих дерзких монахов. Это правда, что существует большая трудность в принятии решения о том, какие меры следует принять для достижения этой цели. Несомненно, либеральному и великодушному уму противно, недостойно свободной и великой нации преследовать какую-либо секту и создавать разные касты в одной и той же группе граждан. Но можно справедливо спросить, действительно ли монахи, и особенно иезуиты, являются гражданами Англии в самом строгом смысле этого слова? Признают ли они

королеву Викторию своей законной правительницей? Готовы ли они преданно подчиняться законам страны? На все эти вопросы я отвечаю: Нет! Даже родившись в Англии, они не считают себя англичанами. Они претендуют на привилегии, которые дает имя, но не принимают обязательств, которые оно налагает. Их страна - Рим; их суверен - Папа Римский; их законы - приказы их генерала. Англию они считают проклятой страной; англичане - еретики, с которыми они обязаны бороться. Я полагаю, что прочтение этого труда неопровержимо докажет, что с самого своего возникновения иезуиты постоянно и энергично трудились над достижением этой цели. Я не могу слишком сильно внушить умам моих читателей, что иезуиты, по самому своему призванию, по самой сути своего института, обязаны стремиться любыми средствами, правильными или неправильными, к уничтожению протестантизма. Это условие их существования, долг, который они должны выполнить, или перестать быть иезуитами. Соответственно, мы находим их перед этой зловещей дилеммой. Либо иезуиты выполняют обязанности своего призвания, либо нет. В первом случае их следует рассматривать как злейших врагов протестантской веры; во втором - как плохих и недостойных священников; и, следовательно, в обоих случаях к ним следует относиться с равной неприязнью и недоверием.

Можно ли в таком случае принять какие-либо меры против этих иностранцев, которые проживают в Англии намеренно, чтобы нарушить ее покой? Неужели нация не может сделать что-нибудь, чтобы защитить себя, не навлекая на себя упреков в нетерпимости? Что! Когда некоторые английские писатели и газеты настаивают на том, что должны быть приняты меры против некоторых других иностранцев, которые не нарушают мир в Великобритании, хотя и могут нарушить имперские мечты соседнего тирана; и когда местные власти Джерси в определенной степени прибегли к таким мерам, разве Англии будет отказано в праве предпринять шаги против врагов ее веры, ее славы и ее процветания? Важный момент вопроса, который я представляю на рассмотрение тех, кто, равнодушный к вопросам религии, очень мало заботится о том, обратят ли иезуиты половину нации в католицизм, заключается в следующем: в Англии религиозный вопрос включает также вопрос национального мира, величия и процветания. Если бы половина Англии была папистами, королева Виктория при данных обстоятельствах не могла бы полагаться на верность своих подданных, а парламент - на исполнение законов. Возможно, священники (если быть либеральным в моей гипотезе) научат невежественное и фанатичное папистское население уважать королеву и повиноваться Ей - но совершенно несомненно, они также прикажут им, и, более того, под страхом вечного проклятия, предпочтительно подчиняться приказам Папы, если они противоречат приказам Суверена. Их криком будет: — Папа перед королевой; канонические законы перед гражданским кодексом! Теперь я спрашиваю, если бы Папе Римскому повиновалась половина английского населения, долго ли Англия пользовалась бы своими свободами, процветала бы она в своих предприятиях и продолжала бы оставаться, без всяких противоречий, первой и самой могущественной нацией Европы? Можно ли представить, что это замечательное сочетание прав и обязанностей, воплощенное в конституции, это уважение Суверена к правам граждан и та искренняя любовь народа к Суверену, которые составляют реальную силу и могущество Британии, могли сохраняться долго? Мне нет необходимости далее настаивать на этом моменте. Однако я полагаю, что сказал достаточно, чтобы показать, что независимо от того, могут ли быть приняты какие-либо другие меры против этого коварного Приказа или нет, пункт Закона об эмансипации, касающийся религиозных общин, должен неукоснительно выполняться.

Я понимаю, что приведенные выше замечания, возможно, больше подошли бы к Завершению работы; но, поскольку они не носят общего характера, а представляют собой соображения,

более конкретно представленные английской публике, я счел за лучшее поместить их в Предисловии, которое может быть изменено в зависимости от места и обстоятельств, без изменения общих черт работы, к которой оно относится.

При составлении этой работы я старательно сдержал свое обещание не выдвигать ни единого факта, в отношении которого я не мог бы привести неоспоримых доказательств; и, хотя я ожидаю, что мои выводы будут оспорены, я могу смело бросить вызов любому, кто опровергнет факты, на которых они основаны. Когда я цитировал оригинальных авторов, опираясь на авторитет других, я никогда не делал этого, не убедившись, лично проверив или посоветовавшись с друзьями — когда этих работ здесь не было, — что цитаты были правильными. В первой части "Истории" я довольно подробно остановился на деталях, отчасти, возможно, под влиянием нескончаемой многословности авторов-иезуитов, с которыми я консультировался, а отчасти потому, что считал это необходимым для того, чтобы мои читатели могли составить правильное представление о механизме, принципах и деятельности Общества. Убедившись, что читатель знаком с деяниями и обычаями братства, я отказался от подробностей и привел такие общие черты основных событий, которые могли бы послужить поучительными уроками. Я постарался исключить из повествования все, что не имеет отношения к теме. Я упустил из виду приукрашивания. Я не претендую на то, чтобы быть элегантным или красноречивым писателем, тем более на языке, который мне не принадлежит и на котором я часто затруднялся выразить свои идеи. Но я должен признаться, что у меня есть некоторая надежда, что в глазах снисходительного читателя выводы, которые я вывел из фактов, окажутся логичными, язык понятным, а работа не совсем беспорядочной.

В ходе публикации я получил много писем — одни дружеские, другие оскорбительные; но, поскольку все они были анонимными, я не мог ответить ни на то, ни на другое. В любом случае, я бы ответил только своим друзьям и поблагодарил их за совет; в то время как что касается второго разряда моих корреспондентов, то, хотя "скромные авторы" и не сочли благоразумным "скрывать свои имена", я, несомненно, не снизошел бы до ответа, удовлетворившись простым соображением, что преступнику, естественно, неприятно, когда его преступления вытаскивают на свет божий.

Я не могу завершить это Предисловие, не выразив своей самой горячей благодарности библиотекарям различных государственных учреждений Эдинбурга, и особенно библиотекарю Адвокатской библиотеки и его помощникам, за щедрость, с которой они предоставили в мое распоряжение книги, находящиеся в их фондах.

Наконец, поскольку я осознаю (исходя из убежденности в собственной несостоятельности), что эта работа не может принести мне ни известности, ни уважения, моя главная надежда состоит в том, что она может оказаться полезной по крайней мере для некоторой части английского сообщества, в противном случае у меня действительно был бы повод безмерно сожалеть о своих трудах.

Эдинбург, 4 декабря 1852 г..

Содержание.

	СТРАНИЦА
Предисловия,	iii
ВВЕДЕНИЕ.	
Автора отговаривали от написания Истории иезуитов—Причины для проведения работы—Сложность четкого описания характера иезуита—Автор обязуется быть беспристрастным,	1
ГЛАВА I. 1500-40. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОРДЕНА.	
Состояние Европы в шестнадцатом веке—Италия, центр цивилизации—Александр VI.—Юлий II.—Лев X.—Его безразличие к вопросам религии—Суд обязал отлучить Лютера от церкви—Реформация в Германии, Англии и Швейцарии—Игнатий Лойола—Его рождение и образование—Ранен в Пампелуне—Он решает стать Святым— <i>Духовные упражнения</i> —Происхождение книги—Кретино—Жоли—Анализ <i>духовных упражнений</i> кардинала Вайзмана—Некоторые цитаты из нее—Паломничество кардинала Вайзмана Лойола в Палестину—Его возвращение—Его попытки прозелитизма в Барселоне—В Алькаде—В Париже—Первые десять спутников Лойолы—Они принимают обет послушания на Монмартре в 1534 году—Они отправляются в Италию—Планируемые миссии в Святой Земле—Пьер Караффа, впоследствии Павел IV.—Лойола и его спутники в Риме —Они побеждают все Сопротивление, и предполагаемое Общество одобрено Буллой Павла III., 1540,	5
ГЛАВА II. 1540-52. КОНСТИТУЦИИ ОБЩЕСТВА.	
Состояние Римской церкви в эпоху становления Общества — Экстраординарное признание Адриана VI.—Поразительная ловкость Лойолы в разработке Конституций—Анализ этой работы—Пассивное	30

послушание—Бедность—Бесплатное обучение и почему—Способы, с помощью которых иезуиты добиваются богатства,

ГЛАВА III.

1540-53.

ИЕРАРХИЯ.

Члены этого Общества разделены на четыре класса—Джоберти и Пеллико относятся к Пятому Тайному классу—Послушники—Их Испытания—Их Обеты—Ученые—Качества, которыми они должны обладать—Коадъюторы Мирские и Духовные—Их обязанности—Их Обеты—Признанные члены—Первый класс в Обществе—Они дают Четвертый обет безоговорочного повиновения Святому Престолу—Церемония принятия Обетов—Они, как и Коадъюторы, обязаны жить Подаянием—Генерал Ордена—Насколько избран—Его полномочия—Провинциальный и другие низшие должностные лица Ордена — Их характеристики,

45

ГЛАВА IV.

1541-48.

РАЗВИТИЕ ОРДЕНА И ЕГО ПЕРВЫЙ ГЕНЕРАЛ.

Игнатий, избранный генералом, сначала отказывается от должности, а затем принимает ее—Его рвение и активность в продвижении интересов Ордена—Благотворительные учреждения в Риме—Он сотрудничает в восстановлении инквизиции—Альбигойцы-Правила Трибунала-Террор, который он распространил по Италии—Иезуиты в миссиях в различных частях Европы—Первые иезуиты в Великобритании—Инструкции, данные им Лойолой—Их разбирательство,

57

ГЛАВА V.

1547-1631.

ЖЕНЩИНЫ—ИЕЗУИТКИ.

Их происхождение—Донна Изабелла—Розелло—Неприятности, которые они доставили Игнатию—Он отказывается взять на себя ответственность за них—Попытки некоторых женщин основать Орден женщин—иезуиток—Они подавлены в 1631 году—Они

71

возрождаются как Сестры Святого Сердца,

ГЛАВА VI.

1548-56.

ПЕРВОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ОРДЕНУ И СМЕРТЬ ЛОЙОЛЫ.

Чарльз В.—его промежуточным—Он изгоняет 75

Бобадилья, кто им противостоит—Кано,

Доминиканский монах—его оппозиция

иезуитам—он поставлен епископом Канарских

островов—он отрекается от епископства,

чтобы вернуться в Европу—его предсказания

относительно общества—архиепископ Толедо

откладывает пресечения в колледже

иезуитов—беспорядки в Сарагосе, чтобы не

допустить иезуитов открытие часовни—

иезуитов в Португалии—свое безделье и

разврат—Напомним, провинции Родригес—

новое начальство—хитрость для сокращения

членов их обязанность—иезуиты во Франции—

Дю Прат, епископ Клермона, их протектор—

Генриха II., по рекомендации кардинала де

Гиза, хочет установить иезуитов во Франции—

парламент отказывается регистрировать

Таинств—их создание против Сорбонны—и-

Де-Белле, Архиепископ Парижа—причин,

побуждающих их к оппозиции—иезуиты

обязаны покинуть Париж—Рим обвиняемых в

ереси—замечательное единство разных наций

в противодействии учреждению ордена—

иезуиты завоевать всю оппозицию—в

порядке, установленном в прямой оппозиции к

реформированной религии—характер

Лойола—его переписка с разными

государями—его болезни и смерти, 1556—

пристрастность Маколея, Тейлор, Стивен и

другие, для Лойола и иезуиты—причина такой

пристрастности,

ГЛАВА VII.

1541-1774.

Миссий.

Иезуит авторов, которые пишут о них— 96

представительство Восточной Индии—

Франциска Ксаверия—рвение и преданность

первых миссионеров—очерк жизни и характер

Ксавье—он приезжает в Гоа—нравственное

состояние города—усилия Ксавье, чтобы

реформировать его—ему это удастся, но частично—Ксавьер на побережье Малабар—его поведение там,—он идет к Малакка—в Японию,—его миссия в Китай—противопоставление Дон Альварес, Капитан вообще Малакка—Ксавье земель в Sancian—его болезни и смерти, 1552—удорожание Ксавье существу—увеличение миссионеров после того, как Ксавьер смерти—отец Нобили вводит идолопоклонства в христианскую форму поклонения—он дает себя как брамин—иезуиты утверждают различие каст среди новообращенных—их способ христиане—они сильно преувеличивают число новообращенных—скандальные идолопоклонство—суд Рим осуждает его—кардинал де Турнон, Папский легат в Индии—он торжественно осуждает Малабарский обряд—невероятная дерзость и наглость иезуитов, чтобы избежать постановление легата—папа и инквизиция подтвердить Указом де Турнон—он переходит в Китай—его поведение там—он изгоняется из Пекин—его лишение свободы—жестокое обращение, которому он подвергался, его смерть, 1710—иезуиты авторы его несчастий—папы Eulogium на де Турнон—неоднократные указы Святейшего Престола против иезуитов—снижение их влияния в Индии—основные функции заданий—почему Папа Римский осудил Малабарский обряд—попишу идолопоклонство—шествие хороший-пятница,

Глава VIII.

1556-1581.

ГЕНЕРАЛЫ ОРДЕНА.

Лайнеса выбирают генеральным викарием—Трудности с созывом Генеральной конгрегации—Павел IV.—Его ненависть к испанцам—Восстание Бобадильи—Насколько подавлено—Война между Павлом IV. и Филипп II.—Герцог Альва в Риме—Генеральная конгрегация—Вмешательство папы—Лайнес избран генералом—Папа приказывает, чтобы генерал оставался на своем посту только три года—Смерть Павла IV.—Избрание Пия IV.—

133

Племянник покойного папы казнен—Иезуиты
подозреваются в участии в этом акте мести—
Иезуиты обвиняются в различных проступках—
Лайнез во Франции на Конгрессе в Пуасси—
Он едет в Трент—Тридентский собор—Его
открытие и закрытие—Его результаты—
Влияние церкви Иезуиты—Лайнез
возвращается в Рим—Он умирает, 1565—Его
персонаж—Борджиа, бывший герцог
Кандийский, избранный Третьим генералом—
Его история—Пий V. Жестокий и
кровожадный—Он обрекает иезуитов на
монашеские обязанности—Борджиа в
Испании и Франции—Битва при Лепанто,
1571—Поражение турок—Канун дня Святого
Варфоломея—Смерть Борджиа, 1572—
Четвертый генерал Меркуриан—Иезуиты
наследуют богатство епископа Клермонского,
ГЛАВА IX.

В 1560-1600.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЕЗУИТОВ В РАЗНЫХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ.

Иезуиты в Англии при Елизавете —Уильям 151
Аллен основывает колледжи в Дуэ и в Риме для
англичан—Иезуиты руководят ими—Булла Пия
V. Об отлучении Елизаветы от церкви—
Характеристика, данная ей иезуитами—
Кэмпбелл и Парсон во главе иезуитской миссии
в Англии—Их биография—Они прибывают в
Англию—Поощряют католиков к
неповиновению королеве—Прокламация
против иезуитов—Их ответ на нее—Вражда
Григория XIII. в Англии—его характер—он
призывает всех восстаний против королевы—
Парсон и Кэмпбелл жадно добиваются
правительство—ускользнуть от поимки—
захват Кэмпбелл—дайверов мнений,
касающихся его судебного разбирательства—
выполнение трех иезуитов, Кэмпбелл, Шервин,
и Бриант—Парри проекта за убийство
королевы,—обнадежил иезуитов и папского
нунция, Рагаццони—иезуиты пытаются
оправдать Парри—абсурдность их
истребования—суровые законы против
иезуитов—самых из них покинуть Англию—
Хьюм на баббингтон заговор—иезуиты вместе

с Великой армадой—иезуиты на самом деле
тревожит покой Англия—двойственность их
поведения—иезуит, притворяется ярым
республиканцем в Риме в последней
революции—брошено в Тибр,

поведения иезуитов в Португалии—они
предотвращают Дон Себастьян от Женя—
Паскье обвиняет их в том, что стремился стать
королями Португалии—это обвинение
повторялось на протяжении всей Европе—они
предполагают, Дон Себастьян экспедиции в
Марокко—смерть короля—иезуиты возложить
корону на голову Филиппа II. Испании,

171

иезуиты, наконец, признался во Франции—под
какие ограничения—основные учения Gallican
Церкви—Лиги—Генрих III. Франции—его
леность—его терпимость—стремление герцог
Гиз—он заявил главный Лиги—делает договор
с королем Испании—День баррикад—король
вызывает вывеской быть убит, иезуиты
проповедуют против царя—Клемент,
Доминиканский монах, колет его, 1589—Совет
захватить заказа проповедники хвалить
Климента дело—Генрих Бурбон, король
Наварры, принимает титул короля Франции—
противостоит кардинал де Бурбон—
Гражданская война—Генриха IV. отрекается от
кальвинизма—Осада Парижа—Поведение
иезуитов—Генрих признан королем—Участие
иезуитов в Лиге—Барьерист пытается убить
короля—Иезуиты являются его
сообщниками—Джон Шастель—Наносит удар
королю—Подстрекаемый иезуитами—Иезуиты
изгнаны из Франции—Казнь Шастеля и
иезуита Гинара—Дом Шастеля снесен—
Пирамида воздвигнута, чтобы увековечить
память о его Преступлении—Надпись на
пирамиде, касающаяся участия в нем
иезуитов—Ужасный Доктрины иезуитов —
Размышления о них,

175

Огромное влияние, оказываемое иезуитами в
Германии—Какие необходимые условия они
имели для успеха—Их школы и коллежи—Их
Метод преподавания—Даже протестанты
отправляют своих детей в свои школы—

194

Монархи Германии поддерживают иезуитов—
Альберт V Баварский обязывает своих
подданных подписаться на *Professio Fidei*—
Рудольф II. Император Германии — Под
руководством отца Маджио— Преследует
протестантов и восстанавливает римско-
католическое богослужение,

Иезуиты в Польше —Сигизмунд, король 202
иезуитов —Первостепенное влияние иезуитов,
использованное для восстановления папства,

Попытка иезуитов обратить в католицизм 203
Иоанна III. король Швеции—Переодетый
иезуит Поссевин в Стокгольме—Иоанн
обещает стать католиком—Высокомерное
поведение Григория XIII.—Иоанн остается
протестантом и изгоняет иезуитов—Сигизмунд
становится преемником Иоанна—Война между
Швецией и Польшей—Иезуиты являются ее
авторами,

Иезуиты в Швейцарии и Пьемонте—Канисиус 205
основывает Фрибургский колледж—
Вальденсы — Их простота и невинность—
Преследования и жестокость,
осуществляемые против них Поссевином—Он
охотится на них как на диких зверей — Делает
вид, что многие отрекаются от
протестантизма—Размышления о влиянии и
поведении иезуитов по всей Европе,

ГЛАВА X.

1581-1608.

ВОЛНЕНИЯ СРЕДИ ИЕЗУИТОВ.

Избранный генерал Аквавива—Его характер— 209
Испанские иезуиты отказываются ему
повиноваться—Филипп II. принимает в них
участие—Сикст V. поддерживает Аквавиву—
Благоразумие последнего—Его Письмо—*Ratio*
Studiorum—Замечательный план
образования—Влияние, которое он им дал—
Происхождение Конгрегаций, 1569 г.—Его
быстрый рост—Под руководством иезуитов—
Которые черпают в нем огромную силу—
Различные конфессии—Внутренняя жизнь
иезуитских колледжей—Их Учеба—
Наставления скорее показные, чем
основательные—Отличительный характер

иезуитских писателей—Онизатронуты —
Исключения—Бартоли—Сегнери—Бурдалу—
Большие перемены в политике общества—Они
становятся приверженными интересам
Франции—Генрих IV восстанавливает их во
Франции, 1603 г.-Причины, которые он
приводит своему министру Сюлли—Он пишет
Генеральной конгрегации в пользу Аквавивы—
Венецианское дело—Иезуиты покидают
Территорию Республики—Генрих IV. подает в
суд на их возвращение —Испания выступает
против этого—Иезуитам не разрешалось
возвращаться в Венецию до 1657 года-Успех
Аквавивы в овладении восставшей
провинцией Испании — В конечном итоге
доказывает гибель Ордена,

ГЛАВА XI.

1600-1700.

ДОКТРИНЫ И МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС ИЕЗУИТОВ.

Мнение Аквавивы о теологии Святого Фомы— 230

Доктрина Молины о свободе воли—

Доминиканцы выступают против молинизма—

Две партии проводят тридцать семь диспутов в
присутствии папы Римского Климента VIII.

враждебный доктрине иезуитов —Почему он
не осудил ее —Он заставляет замолчать две
стороны—Происхождение янсенизма—

Янсениус—Дю Верже де Оранн, аббат Сен—

Сирана—Янсениус сочиняет “Августина” и

умирает—Глава школы Святого Сирана-

Монахини Порт—Рояля и семья Д'Арно—Узник

Сен—Сирана в Венсенне—Иезуиты

воплощают основные доктрины *Августина* в

пяти положениях , и обязать папу осудить их -

янсенисты отрицают, что подобные

Положения содержатся в книге "Александр

VII". заявляет Буллой, что они содержатся в

ней—Непогрешимость папы Римского в

фактических вопросах—Почему янсенисты

прилагали столько усилий, чтобы убедить

людей в том, что они хорошие католики—Как

иезуиты стали таким могущественным

Братством—Они больше не нужны как

богословы—У многих королей и знати есть

каждый свой Духовник—Ухищрения иезуитов

для избрания на этот пост—Их очень
покладистые доктрины—Эскобар и его
Моральные доктрины иезуитов о грехе—
Непобедимый Невежество—Провинциал
Паскаль—Вероятное мнение—Ментальная
оговорка—Нечестие—Легкий способ попасть в
рай—Книга отца Барри—Выдержки из нее—
Месяц Марии—Нелепые церемонии в честь
Богородицы в мае месяце—*Тайна Мониты*—
Как возникли—Почему мы считаем их
апокрифическими,

ГЛАВА XII.

1608-1700.

РАСТУЩЕЕ ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВА.

Новый этап истории ордена—иезуиты борются 253
за превосходство, где бы они ни
обосновались—Их влияние при различных
дворах—Они становятся исповедниками
королей Франции—Убийство Генриха IV.—
Иезуиты, обвиненные парламентом в
пособничестве Равайяку—Апологетические
письма отца Коттона, духовника покойного
короля—*Анти-Коттон*, Памфлет против
иезуитов—Коттон, духовник Людовика XIII.—
Смерть Аквавивы, 1615 г.—Его деяния—С ним
заканчивается *престиж*, которым
пользовался Равайяк. генералы—Избрание
Вителлески—Его характер—Канонизация
Лойолы и Ксаверия—Правила, которые
необходимо соблюдать при причислении к
Лику Святых—Количество Святых, найденных
на кладбище Святого Лоренцо фуор делле
мура—Наконец-то обнаружилось, что они
были выкопаны из языческого захоронения—
Праздники по случаю канонизации Лойолы и
Ксаверия—Нечестивые панегирики в их
честь—Празднование Светского года
основания Общества—*Imago Primi Sæculi*—
Некоторые выдержки из этого —Как Кретино
оправдывает Экстравагантность *Imago*—Книга
выражает истинные чувства иезуитов—В
величайших Домах один из членов иезуит—
Иезуиты при Ришелье—При Маццарини—
Людовик XIV. принимает на себя Управление—
Начало необычайного влияния Ордена—

Людовик XIV. и Филипп II. оба фанатичные паписты—Обаведут войну против папы римского—Раболепие иезуитов по отношению к Людовику XIV.—Им позволено преследовать протестантов—Формула де ла Марки, под которой подписались янсенисты—Они отказываются это делать—Против них поднято преследование—Нантский эдикт—Отец Лашез—Его характер—Он становится духовником короля—Его власть над королем—Отмена Нантского эдикта—Резня гугенотов—Их тела эксгумированы из могилы Гробницы—Бесчисленные семьи, вынужденные покинуть Францию—Лашез становится важной Персоной—Его Резиденция —Он распоряжается *Секретными письмами*—Какими бы они ни были — Он соединяет Тайным браком короля и мадам де Ментенон. Право распоряжаться всеми Доходами и епископствами, относящимися к должности королевского духовника — Огромная власть, которую это дает Ордену—Летелье сменяет Лашеза на посту королевского духовника—Его Характер—Его Дух Преследования — По его приказу Порт-Ройял был разрушен до основания, могилы Осквернены, а Тела умерших отданы на растерзание собакам, Иезуиты в Испании — Их влияние при Филиппе 274 III. и IV.—Оливarez оставляет им мало долю власти—они решили отомстить—их заговор в Португалии—отец Кория и герцога Браганса—Crétineau признается роль, которую они приняли в Революции—дома Браганса взойти на трон Португалии—первостепенное влияние иезуитов—Лиссабон центром их торговли—указы Генеральной Конгрегации иезуитов, запрещающий смешивать в политических или коммерческих вопросов—будет ли наблюдаться или нет—почему приняты, иезуитов в Германии—они являются самыми 278 умелыми помощниками Фердинанда в уничтожении протестантов—Тилли, Валленштейн, и Пикколомини, своих воспитанников—ведение иезуитов в Тридцатилетней войне—преимущества,

которые они извлекают из него,
влияния иезуитов в Польше—они 280
использовали его против протестантов—буква
в Краковском университете, чтобы что Лувена
о иезуитской жестокости—Cassimir, королю
польскому, бывший иезуит—он на грани
потери своего царства—фиксирует его на
попечение Пресвятой Богородицы,
иезуиты и Швеции Кристина—отец Маседо 282
преобразует ее в католичество—она
отрекается от престола корону и отправился в
Рим,
иезуитов в Англии в правление Якова И.— 283
Пороховой заговор—что участие иезуитов в
ней—трудности установления истины—
иезуитов от первого до последнего Contrivers
всех заговоров против Элизабет и Джеймс—
священник распоряжается корона Англии—он
получает от папы Буллу, которая запрещает
католикам принять присягу на верность Перси
открывает отец Джеральд Пороховой
заговор—граната делает вид, что не знал
заговор, но под печатью исповеди—Этот
призыв не может оправдать иезуиты могут быть
соучастниками заговора—причины—лишение
свободы гранат—правительство нарушает все
законы справедливости и гуманизма—
наказание гранат—моральные пытки, которым
он изготовлен, чтобы выдержать на эшафоте—
выполнение отец Oldcorne—иезуиты не
рекомендуется заговоре—борьба Карла I с его
парламентом—иезуиты обвинили боев в обоих
лагерях—абсурдность концерт Журье, чтобы
доказать обвинение—авторский взгляд на
то,—иезуитов Уныние при Кромвеле—они
вновь появляются при Карле II.—Crétineau по
Договору о восстановлении римской
религии—попишу участок—Оутс и Бедло—их
позорный характер —их нелепые
изобретения—получить кредит у них—гонения
на католиков—отец Ирландия выполнен—
царствование Якова II.—Влияние иезуитов—
отца Петра, член Тайного совета—революции
1688 года,
глава XIII.

1600-1753.

АМЕРИКАНСКИЕ МИССИИ.

Наше мнение миссий—хвалит награждаются
отцы—разница между индийской и
американской миссий—государство двух
стран—жестокостях, осуществляют испанцев
против индейцев—гуманно и по-христиански
проводить иезуитов—они отличаются от
других монахов—индейцы получают иезуиты как
своих защитников—бродячий иезуитов, делая
прозелитов—Аквавива следы их план
производства—они утвердятся в Парагвае—
сокращение—проведение иезуиты—индусы
боготворят их,—Форма правления
сокращений—коммунизм—образ жизни в
сокращениях—индейцам запрещалось
покидать сокращений, и чужие введите их—
индейцы бурят к оружию—иезуиты
сопровождать и направлять их в их
экспедициях—критика иезуитов система
скидок—заключение Кине—наше мнение
отличается от того, что этот знаменитый
профессор—вполне обоснованные упреки в
адрес иезуитов на счет суеверий и обрядов,
ввел их в религии—они же обнаруживаемое
даже католики—Палафокс, Епископ
Ангелополис—он пытается осуществлять свою
власть над отцов—привилегии иезуитов—
буква Палафокс к папе, прошу реформа
общества—преследование поднятой против
него иезуитами продолжалась и после его
смерти—они выступают против его
канонизация—каковы причины разлада в
отношениях между иезуитами и другие
заказы—мнению Джоберти—иезуиты хотите
возвышающиеся над епископы и легаты—их
поведение по отношению к ним—дайверов
быков-производителей разных пап на
неповиновение и восстание против Святого
престола,

глава XIV.

1617-1700.

ВНУТРЕННИЕ ПРИЧИНЫ УПАДКА.

Дух независимости пронизывает заказа—
аристократического класса исповедовали

295

315

откажутся от подчинения генералов—
недееспособности последних—под Vitelleschi,
духу Конституции совершенно изменилась—
буквы Vitelleschi и кувшин, чтобы прекратить
разорение заказа—Пикколомини и Gottifredi,
генералы—никель, избранные общими,
попытки реформ общего собрания о лишении
его всех полномочий—Олива генеральный
викарий—он становится генерал после смерти
никель—его характер—его эпикурейских
привычек—оздоровительные дисциплины—
политическое влияние которого общество
приобрело в такие эпохи—его причины—
иезуиты, ослепленный процветания,
становятся менее осторожными—Noyelle,
Гонсалес, и Tambourini, Генералы—компании
идти по пути, который ведет к разрухе, они
возбуждают зависть всех остальных
монашеских орденов—они продают паспорта
со злым духом,—Mastrilli отправляет
сообщение каждый день от ангела к Ксавье, и
получает ответы,

глава XV.

1700-1772.

ПАДЕНИЕ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ.

Постепенное марта заказа—оно достигает
пика своего могущества—причины спада—
инструкция не больше дармовой—князя
Германии ограничить их неограниченными
полномочиями—Рим начинает хмуриться на
них—Бенедикт XIV. с оскорбительным
описанием их—ненависть, которую они несут,
во Франции—его причины—после смерти
Людовика XIV., они атаковали со всех сторон—
иезуиты идентифицировали себя со всеми
абсурдной и обрядов Римской Церкви—они
напали на Encyclopædists—предложение не
эффективное сопротивление—Филиппа
Орлеанского, регента Франции—он
отказывается их защищать—они пытаются
напрасно, чтобы восстановить свое влияние
при Людовике XV.—Министры государей
Европы провести реформы—Шуазель—
Таписси—Сквиллаче—Карвальо—падение
иезуитов не должны быть отнесены к частным

причины—воплощение истории иезуитов в Португалии—Карвалью, Маркиз Помбал—его характер—его ненависть к иезуитам и аристократии—Португалия и Испания обмен своих владений в Америке—индейцы сокращения отказываются подчиняться—они берут в руки оружие—победил—иезуиты обвиняли Помбал наличия возбужденного бунт—отрицание отцов—землетрясение в Лиссабоне—отважными и героическими подвигами Помбал—он будет всемогущ—Он удаляет от двора по три иезуитских Духовников—манифест против них—Бенедикт XIV. подчиняет их посещения—торговой компании в Европе—как в Индии—посетитель, кардинал Салдана, нареканий в коммерческих целях, приказа—Смерть Бенедикта XIV.—Климент XIII.—Его характер—его пристрастие к отцам—кардинал Флоренции, папа первый министр, подкупленных иезуитами—Иосиф Иванович Португалии—попытка покушения, при возвращении от его Ночной визит к женщине—меры, принимаемые Помбал—герцога д'Авергю, Маркиза Тавора семьи, а некоторые из их отношений, сажают в тюрьму—они обвиняют в том, что соучастниками попытки незаконного и инквизиционного разбирательства, заключенные осуждены и расстреляны—ужасный способ казни—она бросает тень Помбал Славы—иезуиты в тюрьму как пособники—новый Манифест Помбал против них—Декрет об изгнании всех иезуитов из Португалии доминионы, 1559—Франция ударов второй удар против Ордена—дело Lavallette—заказ находится в трибуналов, а отдуваться за все его долги—необъяснимой слепоты иезуитов, в обращении к парламенту против этого решения—кардинал де Люин и сонмом епископов—они заявляют, послушание, иезуитами в их общей несовместимыми с обязанностями субъекта—Людовика XV.—Его персонаж—нажата Шуазель и мадам де Помпадур, требует реформы заказа—характер Шуазель—не было никакой договоренности между ним, и философы, и Помбал, чтобы уничтожить орден

иезуитов—ответил Риччи, в целом, спрос на реформы парламента отменить общество, 1762—его участники были высланы из Франции, 1764,

иезуиты встретиться с более серьезной катастрофой в Испании—Карла III., его характер—неуверенность в мотивах, которые побудили его отменить Заказ—*Emeute de вводные*—королевский указ об упразднении ордена иезуитов, 1767—мотивы, приведенные Чарльз эта мера—мотивы, приписываемые ему иезуитами и ранке—наши собственные домыслы по этому вопросу—способ, которым этот указ был выполнен—Климент XIII. бесполезно защиту иезуитов—ему дифирамбы заказа—Риччи отчаянные усилия, чтобы спасти общество—его характер—по его приказу, иезуиты, изгнанные из Испании, отказал в допуске в папских владениях—они отбили у Ливорно и Генуи—после шести месяцев скитаний по морю, они получили в Корсика—Неаполь и Парма изгнать иезуитов из своих государств—папа отлучает герцог Парма—возмущение Карла III. о дерзости папы римского—Людовика XV. объединяется с ним в протесте против Этого Акта—Папа отказывается принять Протест—Французские войска овладевают Авиньоном—Неаполитанцы Беневенто—У папы не осталось друзей, к которым он мог бы обратиться за помощью—Суды Франции, Испании и Неаполя требуют упразднения Ордена—Смерть Климента XIII.—Его памятник работы Кановы,

ГЛАВА XVI.

1773.

ОТМЕНА ПРИКАЗА.

Римский двор разделен на Зеланти и Регалистов — Интриги двух Партий с целью передать Тиару одному из их собственных Сторонников — кардиналу де Бернису —Его Характер—Его Инсинуации Конклаву —Ответ Противоположной Фракции — Карлу III. Отказывается поддержать Кандидата, который пообещал бы упразднить Орден—Иосиф II, император Германии, и Леопольд, великий

349

362

герцог Тосканский, в Риме—Почитание римлянами имен Республики и Императора—Иосифа обхаживают обе Партии—Его визит в Джезу—Его Слова, обращенные ко всеобщему изумлению, которое они вызывают—Он изображает безразличие к избранию Папы—Он посещает Конклав—Его высокомерное поведение там—Испанские кардиналы входят в Конклав—Им удастся довести его до конца — Лоренцо Ганганелли—Его рождение—Первое образование—Характер—Привычки до и после избрания папой—Ранке и другие преувеличивают достоинства Ганганелли—Его Честолюбие—Его двусмысленное поведение с целью его удовлетворения—Как он был избран на трон—Письменное мнение об упразднении ордена иезуитов, данное им испанским кардиналам—Является ли это грехом симонии—Показная роль, сыгранная Де Бернисом в предвыборных интригах—Радость Ганганелли по поводу избрания папой—Его Либеральная и терпимая политика—Дело Ганганелли Иезуиты отравляют всю его Радость — Его Недоумения по поводу Меры их Отмены — Он льстит Де Бернису, чтобы получить некоторую отсрочку в принятии Решения—Он получает некоторую Передышку — Он отправляется в Кастель—Гандольфо, чтобы насладиться этим коротким Триумфом - Карл III. и Шуазель настаивает на том, чтобы де Бернис привел папу к скорейшему решению—Срочность Берниса с папой —Письмо Ганганелли королю Испании с просьбой о некоторой отсрочке—Иезуиты утверждают, что монархи вынудили Ганганелли упразднить Орден—Насколько это утверждение верно—Очень правдоподобные причины, по которым он так долго колебался с упразднением Ордена—Некоторые из них менее благородные—Папа боится быть отравленным иезуитами—Угрожающее отношение монархов Дома Бурбонов к Римскому двору — Флорида Бланка, посол Испании—Климент сопротивляется всем приставаниям, пока его не убеждают, что Отмена является актом Высшей Справедливости—Его предчувствие

при подписании Буллы о подавлении—
Краткий анализ Буллы—Мнение Джоберти об этом—Булла *Dominus et Redemptor*,

Судебное разбирательство против иезуитов сразу после публикации Буллы— 407

Ретроспективный взгляд на прогресс Ордена—
Его скромное происхождение—Его рост—Его значительная власть—Количество домов, колледжей и Отцов в эпоху Подавления—
Приблизительная оценка их состояния —
Разные источники —Отрицание Риччи наличия у Ордена каких—либо денег—
Причины полагать иначе—Риччи и некоторые другие иезуиты отправили заключенных в замок Святого Ангела-Клевета иезуитов на поведение Ганганелли,

ГЛАВА XVII.

1774.

СМЕРТЬ КЛИМЕНТА XIV.

После издания Буллы Климент вновь обретает свой веселый юмор—Его здоровье в полном 412

порядке—Единодушие авторов по этому вопросу—Иезуиты предсказали его смерть—
Прорицательница Валентано—Внезапная болезнь папы—Симптомы—Его бред—
Принудительная смерть—К нему возвращается некоторое самообладание—Его смерть в 1774 году—Римляне ожидали его смерти—Непристойная радость иезуитов—
Какова была природа болезни Климента—
Иезуиты утверждают, что он умер от раскаяния—Неправда Утверждение—Причина этого—Разложение тела Ганганелли после его смерти—Саличетти, апостольский врач, объявляет ложным слух о том, что папа умер от яда—Римляне не сомневались, что он погиб от *Аква Тофана*—Власти Джоберти считают, что папа был отравлен—Неопровержимое свидетельство Де Берниса—Его письмо ко двору Франции—Характер Ганганелли,

ГЛАВА XVIII.

1773-1814.

ИЕЗУИТЫ ВО ВРЕМЯ ПОДАВЛЕНИЯ.

Поведение иезуитов после Подавления Восстания —Мало кто подчиняется Булле— 422

Они ищут убежища у протестантских князей—
Странное поведение о Фридрихе Прусском—
Он защищает иезуитов—Высмеивается его
другом Д'Аламбером—Иезуиты в Силезии—
Браски (Пий VI.) сменяет Ганганелли на
папском престоле—Монархи Дома Бурбонов
настаивают на том, чтобы казнить Буллу его
Предшественника—Характер Браски—Он
скорее боится, чем любит иезуитов—Он пишет
Фридриху—Ответ короля—Святого
священника объясняет поведение Фридриха—
Автор расходится с ним во мнении,

Екатерина Российская защищает иезуитов— 430
Ее Мотивы—Иезуиты обосновываются в
России вопреки приказу Папы Римского—
Смерть Риччи—Иезуиты в России назначают
генерального викария-Сестренцевич, епископ
Могилевский—Он разрешает иезуитам
принимать послушников—Протесты Римского
двора—иезуиты назначают генерала и
действуют так, как будто Буллы о подавлении
не было издано—Как Кретино оправдывает
их—Кьярамонти (Пий VII.) становится
преемником Браски—Он восстанавливает
Общество в Белой России — Его Прогресс там—
Грубер избран генералом—Его таланты и
благоразумие—Иезуиты восстановились на
Сицилии—Грубер погибает во время пожара—
Неосторожное поведение иезуитов после его
смерти-Александр изгоняет их из Санкт—
Петербурга—Иезуиты, упорствующие в своей
преступной практике, изгнаны из России,
1820,

ГЛАВА XIX.

1814.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ.

Падение Наполеона—Реставрация разных 436
князей—Иезуиты делают вид, что все зло
последней революции было следствием их
Подавления—Князья верят или притворяются,
что верят в это—Иезуиты являются
естественными врагами либералов—
Реставрация Пия VII.—Его характер—Он
восстанавливает Порядок-Почему—Булла о
восстановлении лишь незначительно

ослабляет силу Подавления—Краткий анализ
первой-Буллы о восстановлении, 1814 г.—
Иезуиты стекаются в Рим со всех концов —
Стремление многих стать членами Общества-
Король Сардинии, известный как Иезуит—
Италия, покрытая иезуитами — Их полное
взаимопонимание с Папой римским—
Ненависть итальянцев к Ордену—Они
вторгаются в основные страны Европы—Им
оказывает поддержку Фердинанд VII. в
Испании—они встают на сторону Дона
Карлоса—отменены Кортес, 1835—они
вводить повторно, а вскоре после того, как
выгнали из Португалии—Меттерних
отказывается признать иезуитов в Австрии—
им позволено утвердиться в Галиции—влияние
нет, и его последствия—иезуиты основе из
любой другой части Германии—иезуиты в
Голландии—неблагодарный король Уильям—
их непочтительная поведения есть—они
готовят революцию 1830—их расцвет
государства, в Бельгии—превратности
иезуитов во Франции после 1764—они никогда
не покинули страну—разные имена, под
которыми они скрывались—сестер Святого
Сердца—Конгрегации Священной семье
Девы—их объект—отцы Веры, подавленные
Наполеона—Также Конгрегации Девы—
интриги и поведения иезуитов после
реставрации—им суда в пользу духовенства—
их миссия—они монополизировать
образования—указ против них в 1828—они
исчезают из Франции после революции 1830—
они снова нашли многочисленные в 1836
году—дел Affnaër—Тьер вызывает против них
законы страны—Росси миссии в Риме—его
результаты—иезуиты вынуждены отказаться от
своих заведений—их колледжи Brugellette и
Фрибурга—Мало что известно о них на
несколько лет—их повторного появления в
1849—их влияние на сегодняшний день—дел
Люцерн—иезуиты виновным в разжигании
гражданской войны—Crétineau счет иезуитов
вести, в Англии—Мистер сварки представлена
иезуиты со своей собственностью в
Stoneyhurst—их быстрый прогресс есть—

огромный прирост папистами после их создания есть—часть колонии передать Ирландия—отец Кенни, Вице-президент Мейнута—иезуиты игнорировать оговорку закона, освобождение от религиозных корпораций—в-пятых, Секретный класс иезуитов самыми опасными из всех искусств коварных иезуитов в принятии преобразует—то Puseyites—паписты полагаться на них—их Eulogium по Crétineau—Рим желает разорения Англии—поручил иезуитам миссия ее—иезуиты более опасны для протестантизма, чем все остальные монахи—каждый католическим священником—это его призвание обязан труда для истребления протестантов—Англия должны будите чувством опасности,

глава XX.

1848-1852.

ИЕЗУИТЫ И ПОСЛЕ 1848 ГОДА.

Италия резиденцией иезуитов власти после восстановления ордена—государства полуострова до понтификата Пия IX.—Благоприятное начало его правления—иезуиты выступают против его действий доброжелательность—римляне решение о лишении священнослужителей всех гражданских властей—сопротивление папы—смерть Грациоли, папский духовник—Пия возвращается к ошибкам бывший пап—ненависть римлян к иезуитов—*Иль Gesuita moderno* в—Джоберти в Риме—папы угрозами против врагов ордена—иезуиты вынуждены покинуть Рим—смертельная ненависть поклялся папой против либералов—бегство папы в Гаэта—умеренность римлян—участки иезуитов и кардинал Антонелли—крестовый поход, чтобы заменить папу на трон Луи Наполеона, кто сражался в 1831 г. против Папы, посылает армию против Римской Республики—зачем—генерал Удино—его иезуитской этики—гуманизм римляне в защите своей страны они обязаны уступать—упреки против Англии за то, что отказался от борьбы за гражданские и религиозные свободы—серьезные последствия, которые

469

следуют ли Англия могла с правосудием
вмешались в дела Италии—французский
Рим—Удино уходит в Газта—получает папы
благословение—акты мести со стороны
клерикальной партии после их
восстановления—жалкое состояние Римского
государства,—Расстрелы в Sinigallia и
Анкона—политические убийства в этих
городах—иезуиты, подозреваемых
зачинщиков—как государственные испытания
проводятся в папских владениях—это
внимание на Симончелли—папа гранты на
£40,000 в родной городок для возведения
иезуитский колледж—прием иезуитов на их
повторный въезд в Неаполь—нелепые
адреса—иезуиты всесильного в обеих
Сицилий—мерзкого поведения
Неаполитанского правительства—иезуитство
вторгается в Тоскане—его последствия
религиозных гонений—иезуиты ввели в
Ломбардии—Иезуиты основе из Пьемонта—
священнослужители отказываются
подчиняться равенство прав—священник
считает себя высшим существом—почему—
интриги и ненависть пьемонтского
духовенства против власти—разлагающее
влияние владели иезуиты во Франции на
данный момент—законы Провидения—
католицизм не религия итальянцы—жалкой
лести иезуитов Луи-Наполеон—его герой—
священников помочь ему понять
императорской короной—его брак—Почему
мы не говорим о фактическом государство
иезуитов в Англии,

выводу,

493

индекс

497

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

1. Портрет Лойолы (*Фронтиспис*).

Страница

2. ” Ксавье

98

3. "Лайнез	133
4. "Борджиа"	145
5. "Acquaviva	210
6. "Лашез"	270
7. "Риччи	357
8. "Ganganelli	413

Введение.

Когда я впервые сообщил некоторым своим друзьям о своем намерении написать Историю иезуитов, большинство из них отговорили меня от этого предприятия, как от слишком сложной задачи. Я полностью осознаю все трудности, с которыми мне приходится сталкиваться в моем начинании. Я отдаю себе отчет в том, что для написания полной и подробной истории иезуитов потребовалось бы больше времени и знаний, чем я могу посвятить: такую историю невозможно охватить объемом в шестьсот или семьсот страниц. Однако я постараюсь дать как можно более точный отчет об Обществе, представить точное изложение фактов и в общих чертах описать основных членов ордена. По крайней мере, этого с помощью времени, терпения и учебы может достичь любой человек.

Признаюсь также, что меня ободряет ощущение внутреннего интереса к самому предмету, который вполне может многое сделать для того, чтобы приоткрыть завесу над моим собственным несовершенным подходом к нему: ибо среди общего крушения и разложения всего человеческого, среди взлета и падения династий, более того, самих империй и целых человеческих наций, исследование действительно может заставить нас задуматься — *Где заложены семена той жизненной силы в первоначальном устройстве иезуитов, которая на протяжении трех столетий служила сохранению рядов Общества, несмотря на многие потрясения, все еще сохраняющиеся. несломленный?* Я надеюсь, что достаточный ответ на этот вопрос будет дан в ходе моего повествования.

Основная трудность моего предмета, как легко понять, заключается в обнаружении и описании истинного характера иезуитов: ибо, принимая иезуита таким, каким он должен быть или кажется, вы совершаете величайшую из ошибок. Нарисуйте персонажа таким, каким кажется иезуит в Лондоне, и вы не узнаете свой портрет в "Иезуите Рима". Иезуит - человек обстоятельств. Деспотичный в Испании, конституционалист в Англии, республиканец в Парагвае, фанатик в Риме, идолопоклонник в Индии, он должен принимать на себя все те различные черты, по которым людей обычно отличают друг от друга, и действовать от своего имени, с замечательной гибкостью. Он будет сопровождать самую веселую женщину мира в театр и разделит излишества развратницы. С торжественным видом он займет свое место рядом с религиозным человеком в церкви и будет пировать в таверне с обжорой и пьяницей. Он одевается во все одежды, говорит на всех языках, знает все обычаи, присутствует везде, хотя нигде его не узнают, — и все это, казалось бы (о чудовищное богохульство!), для вящей славы Божьей — *ad maiorem Dei gloriam*.

По моему мнению, для того, чтобы составить правильную оценку иезуитов, мы должны, во—первых, изучить их кодекс и, пренебрегая его буквой, попытаться обнаружить дух, в котором он был продиктован; во-вторых, мы должны всегда быть настороже, чтобы не обманываться, судя о них просто по их поступкам, без постоянной ссылки на результаты, проистекающие из них - ибо мы можем быть уверены, что в их случае слишком часто обнаруживается, что плоды, которые внешне могут быть прекрасными и заманчивыми для глаза, в своей основе не несут ничего, кроме мерзости и разврата .

Руководствуясь такими принципами критики, как эти, я буду писать свою историю.

Мои читатели, однако, не должны ожидать, что моя книга будет густо усеяна ничем иным, как яростными и огульными оскорблениями ордена. Это не тот инструмент, с помощью которого, по мнению беспристрастных, от меня можно ожидать выражения своего неодобрения всякий раз, когда представится повод для такого неодобрения. Я буду стараться не поддаваться влиянию каких бы то ни было чувств, но воздавать каждому должное. Что бы я ни выдвинул против иезуитов, я докажу на основании их собственного авторитета или печально известных, неоспоримых фактов. Увы! они окажутся слишком многочисленными и слишком темного характера, чтобы требовать добавления чего-либо неправдивого; а среди членов Общества слишком много мошенников, чтобы помешать его историку (если, конечно, можно найти такого несправедливого) достойно упомянуть, ради бедного человечества, о немногих честных, хотя и введенных в заблуждение, людях, которых он может случайно встретить на своем пути.

Я надеюсь, что мои читатели будут снисходительны ко мне, если я пообещаю, что не пожалею ни труда, ни усилий, чтобы преодолеть все трудности, которые встанут на моем пути, и представить в максимально правдивом свете коварных учеников братства Лойолы.

ИСТОРИЯ ИЕЗУИТОВ.

ГЛАВА I.

1500-40.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОРДЕНА.

Шестнадцатый век представляется чреватый серьезными и чрезвычайно важными событиями. Старый мир исчезает — начинается новый порядок вещей. Королевская власть, украшенная сеньориальными прерогативами, отнятыми у поработанных баронов, утверждается среди их разрушенных замков, под которыми погребена феодальная система. Наемные армии, которые теперь постоянно содержатся сувереном, делают его независимым от военной службы его подданных и грозным как для иностранных врагов, так и для мятежной знати. Монархи быстро

продвигаются к деспотизму — народ впадает в апатичное подчинение, Европа стала уделом нескольких господ. Генрих VIII. король Англии Франциск I, король Франции, и король Испании Карл V. разделяют его между собой; но, не довольствуясь своими соответствующими владениями, они сражаются между собой за империю в целом или, по крайней мере, за верховенство власти. Генрих выбыл из борьбы после Франкфуртского избирательного конгресса, двое других продолжают борьбу с переменным успехом. Золото недавно открытого западного мира и его огромные владения придают Карлу огромную власть. Храбрость воинственной нации делает грозным рыцарский дух неукротимого Франциска. Их войны заливают Европу кровью, но не приводят к определенному результату.

Между тем, в качестве компенсации за это зло человеческий разум, отбрасывая предрассудки и невежество средневековья, движется к возрождению. Италия во второй раз становится центром, откуда свет гения и учености озаряет Европу. Леонардо да Винчи, Тициано, Микеланджело - возвышенные, почти божественные интерпретаторы искусства. Пульчи, Ариосто, Полициано придают литературе новый творческий импульс и являются достойными потомками Данте. Схоластика с ее тонкими аргументами, туманными рассуждениями и нелогичными выводами вытесняется практической философией Лоренцо и Макиавелли, а также неотразимой и красноречивой логикой добродетельного, но несчастного Савонаролы. Люди, которые в течение последних трех столетий были удовлетворены тем, чему учили и говорили Аристотель и его последователи — которые в качестве последнего и неопровержимого аргумента привыкли восклицать: *ipse dixit* — теперь начинают думать самостоятельно и осмеливаются сомневаться и обсуждать то, что до сих пор считалось священными и неопровержимыми истинами. Вновь пробудившийся человеческий интеллект с готовностью вступает на новый путь и становится склонным к спорам и исследованию, к великому разочарованию тех, кто осуждал разнообразие вероисповеданий; и Римский двор, зависящий от слепого повиновения легковверных, предающий анафеме каждого, кто оспаривает непогрешимость папы, с особой озабоченностью взирает на этот растущий дух исследования и вынужден трепетать за его узурпированную власть.

К счастью, три последних папы почти не уделяли внимания духовным делам мира и не предпринимали никаких усилий для борьбы с новыми идеями. Борджиа, среди своих кровосмесительных распутств, был единственно намерен с помощью кинжала и яда подавить непокорный дух римских баронов и приобрести новые территории для своего обожаемого цезаря — сына, достойного такого отца. Юлий в своем благородном предприятии по освобождению Италии от иностранного господства гораздо больше любил шлем и кирасу, чем "Сомму" Святого Фомы или любую другую теологическую книгу. Лео, сын того Лоренцо, которого по праву называли "Магнифико", унаследовал любовь своего отца к искусству и литературе, а также ко всем благородным занятиям. Великолепный, щедрый, приветливый, но в то же время полный достоинства в своих манерах, живущий среди всяческой роскоши, в центре самого великолепного двора в мире, он демонстрировал черты светского правителя, а не верховного понтифика. Он проявлял больший интерес к строфе Ариосто или статуе Микеланджело, чем ко всем трудам схоластов, о которых, на самом деле, знал очень мало. Беспристрастный и точный Сарпи говорит о нем: "Он был бы совершенным понтификом, если бы со столь многими достоинствами он объединил *некоторые знания в вопросах религии и немного больше склонности к благочестию*, две вещи, о которых он, казалось, мало заботился". [1] Он от души рассмеялся, когда некоторые из его наиболее фанатичных прелатов указали ему на неминуемую опасность для религии и Церкви из-за быстрого распространения новых и опасных доктрин. Он

рассматривал ссоры между монахами-доминиканцами и августинцами почти в том же свете, в каком Гомер, как предполагается, рассматривал битву лягушек и мышей, и, наконец, очнулся от своего безразличия только тогда, когда Лютер атаковал — не какой-либо символ веры, а его мнимое право продавать индульгенции, чтобы пополнить свою казну и обеспечить приданое своей сестры. Но даже тогда он предпочел бы компромисс религиозной войне. Если бы его фанатичные придворные разделяли его благоразумные соображения, Римская церковь, возможно, надолго удержала бы Германию и многие другие европейские страны под своим игом. Но Бог в своей мудрости распорядился иначе.

На очень смиренное письмо, с которым Реформатор обратился к папе, обращаясь к нему как к судье, Римский суд ответил буллой об отлучении от церкви. После этого Лютер возобновил свое тревожное исследование Священного Писания с еще большим рвением; и, все более и более убеждаясь в том, что он не предлагал ничего, кроме Слова Божьего, бесстрашно отбросил всякую идею примирения и твердо стоял на защите своих доктрин. Раньше он, возможно, был склонен воздерживаться от некоторых своих личных мнений, но теперь он стал считать смертным грехом не проповедовать истину, выраженную Богом в его Святом Слове.

Германские князья, отчасти убежденные в истинности доктрин Лютера, отчасти желавшие избежать суровой тирании Рима, опустошавшей карманы их подданных, поддержали Реформатора. Они протестовали у Шпилей, а в Смалькадене готовились поддержать свой протест оружием. За несколько лет, без вооруженного насилия, а просто благодаря убедительной силе истины, большая часть Германии была обращена в реформатскую веру. Искреннее возмущение Зинглиуса в Швейцарии и, в сговоре с распространением правды, необузданные страсти Генриха VIII. в Англии alike спас значительную часть своих стран от римского ига. Во Франции и в Наварре новые доктрины нашли много горячих приверженцев; в то время как в самой Италии, в Брешии, Пизе, Флоренции, более того, даже в Риме и Фаэнце, было много тех, кто более или менее открыто принимал принципы Реформации. Таким образом, за короткое время римская религия, основанная на древних и глубоко укоренившихся предрассудках, поддерживаемая двумя величайшими державами мира, Папой и императором, защищаемая всеми епископами и священниками, которые жили благодаря ей в роскоши, была ниспровергнута на большей части Европы.

И давайте здесь восхитимся рукой Божественного Провидения! Как будто специально для того, чтобы способствовать быстрому распространению реформированной религии, миру всего за несколько лет до этого, и в той же Германии, где она зародилась, был дан самый замечательный и эффективный инструмент для достижения этой цели — искусство книгопечатания. Без прессы доктрины Лютера никогда бы не распространились так широко за столь короткое время. Как в то время это благотворное изобретение было мощным средством продвижения религиозной реформации, так и с тех пор оно стало эффективным средством как политического, так и религиозного расширения избирательных прав. Отсюда ненависть пап и их братьев-деспотов к этому убежденному стороннику свободы.

Но в то время, как Слово Божье таким образом спасало такое множество людей от идолопоклонства, Дух Зла, разъяренный избавлением стольких жертв, которых он уже считал своими, предпринял отчаянную попытку вернуть свое прошлое и предотвратить будущие потери. Он с ужасом увидел Божественную истину, подобную обширному и постоянно распространяющемуся наводнению, быстро подрывающему и рушащему одну за другой его

многочисленные твердыни суеверия и невежества; и с отчаянной энергией сбивой с толку злобы он принялся воздвигать бастион, который должен был остановить прилив, прежде чем его разрушительная работа будет завершена. Для этого оплота он создал знаменитый с тех пор орден иезуитов, который возник почти одновременно с установлением Реформации. Такмы можем сказать. Римско-католические авторы, однако, приписывают происхождение иезуитов совершенно иному влиянию. Они заявляют, “что, поскольку время от времени новые ереси поражали Церковь Божью, Он воздвиг святых людей для борьбы с ними; и как Он воздвиг святого Доминика против альбигойцев и водуа, так Он послал Лойолу и его учеников против лютеран и кальвинистов”. [2]

Именно об этом знаменитом и внушающем страх Обществе я намереваюсь написать историю. Разумеется, первые несколько страниц будут содержать биографический очерк его смелого и проницательного основателя, которому были освящены алтари и который до сих пор считается прообразом и душой ордена.

Иньиго, или, как его обычно называют, Игнатий Лойола, младший из одиннадцати детей в знатной и древней семье, родился в 1491 году в замке своего отца Лойолы в Гипускоа в Испании. Он был среднего роста, довольно смуглый, с глубоко посаженными проницательными глазами и красивым и благородным выражением лица. Еще в молодости он облысел, что придавало ему выражение достоинства, которому не мешала хромота, вызванная тяжелым ранением. Его отец, мирской человек, как говорит его биограф, вместо того чтобы отправить его в какую-нибудь святую общину для обучения религии и благочестию, поместил его пажом при дворе Фердинанда V. Но Игнатий, от природы смелый и честолюбивый человек, вскоре обнаружил, что в приемных короля-католика нельзя пожинать плоды славы; и, наслаждаясь военными упражнениями, он стал солдатом — и проявил себя храбрецом. Его историки, чтобы придать его последующему обращению более удивительный вид, изобразили его совершенным чудовищем беззакония; но, по правде говоря, он был просто веселым солдатом, без сомнения, любящим удовольствия, но не более развращенным, чем большинство его собратьев-офицеров. Его распутство, каким бы оно ни было, не мешало ему быть человеком строгой чести, никогда не отступавшим во время опасности.

При обороне Пампелуны от французов в 1521 году Игнатий, храбро выполняя свой долг на стенах, был сбит с ног пулей, которая вывела у него из строя обе ноги. Вместе с ним пало мужество осажденных. Они сдались, и победители, войдя в город, нашли раненого офицера и любезно отправили его в замок его отца, который находился неподалеку. Здесь он перенес все муки, которые обычно сопровождают огнестрельные ранения, и последовавшая за этим воспалительная лихорадка привела его на грань могилы, когда, “О, чудо!” — восклицает егобиограф, - “это было накануне праздника славных святых Петра и Павла, князь апостолов явился ему в видении и прикоснулся к нему, в результате чего он был если не немедленно восстановлен, то, по крайней мере, на верном пути к выздоровлению”. Теперь факт остается фактом: пациентв *то время*не произнес ни слова о своем видении; тем не менее мы со всей серьезностью уверены, что чудо тем не менее было фактом. Как бы то ни было, Игнациус, несомненно, выздоравливал, хотя и медленно. Во время своего долгого выздоровления он старался скрасить утомительные часы безделья, проводимые в комнате больного, чтением всех книг о странствующем рыцарстве, которые только можно было достать. Рыцарские подвиги Роланов и Амадисов произвели глубокое впечатление на его воображение, которое, ставшее болезненно восприимчивым из-за продолжительной болезни, можно предположить, что такой

курс обучения никоим образом не улучшил его. Когда эти книги были исчерпаны, какой-то благочестивый друг принес ему *Жития святых*. Однако эта работа пришлась ему не по вкусу, и Игнациус сначала с отвращением отшвырнул ее в сторону, но потом, просто из-за отсутствия лучшего развлечения, начал читать. Она открыла ему новую фазу романтического и чудесного, которым он так восхищался. Вскоре он глубоко заинтересовался и перечитывал ее снова и снова. Станные приключения этих святых — восхваление, обожание, славная слава, которую они приобрели, — так захватили его разум, что он почти забыл о своих любимых паладинах. Его пылкое честолюбие видело, что здесь перед ним открывается новая карьера. Он страстно желал стать святым.

И все же военная жизнь не утратила для него своей привлекательности. Она не требовала болезненной подготовки, необходимой для того, чтобы заслужить репутацию святого, и, более того, больше соответствовала его образованию и вкусам. Он долго колебался, какой курс избрать — снискать ли ему лавры героя или заслужить корону святого. Если бы он полностью оправился от последствий своего ранения, нет никаких сомнений в том, что он выбрал бы лавры. Но этому не суждено было сбыться. Хотя ему восстановили здоровье, его нога осталась безнадежно деформированной — он остался калекой на всю жизнь. Оказалось, что его реставратор, святой Петр, хотя в целом и был довольно хорошим врачом, ни в коем случае не был опытным хирургом. Сломанная кость его ноги не была вправлена должным образом; часть ее выступала сквозь кожу ниже колена, и конечность была короткой. Отчаянно, но тщетно Игнатий стремился устранить эти препятствия на пути к военной карьере, которым его неумелый, хотя и святой хирург позволил остаться. Он приказал отпилить выступающий кусок кости, а свою укороченную ногу болезненно удлинить с помощью механических приспособлений в надежде восстановить ее первоначальные прекрасные пропорции. Попытка провалилась; таким образом, в возрасте тридцати двух лет он оказался с усохшей конечностью, практически без известности и из-за своей неизлечимой хромоты лишь немного способным снискать военную славу. Тогда ему ничего не оставалось, как стать святым.

Поскольку ему, таким образом, как бы навязали святость, он сразу же взялся за ее достижение со всем тем рвением, которое он вкладывал в каждое дело. Он ежедневно погружался в самые глубокие размышления и делал полное признание во всех своих прошлых грехах, которое так часто прерывалось его страстными вспышками покаянного плача, что продолжалось три дня. [3] Чтобы стимулировать свою набожность, он изрезал свою плоть бичом и, отрекшись от своей прошлой жизни, повесил свой меч рядом с алтарем в церкви монастыря Монсеррат. Встретив на дороге нищего, он обменялся с ним одеждой и, облачившись в отвратительные лохмотья нищенствующего, удалился в пещеру близ Манрезе, где чуть не уморил себя голодом. Когда он в следующий раз вновь появился на публике, то обнаружил, что его надежды почти оправдались. Слава о нем распространилась повсюду; люди стекались со всех сторон, чтобы увидеть его, посещали его пещеру с чувством благоговейного любопытства, и, короче говоря, не говорилось ни о чем, кроме святого человека и его суровых покаяний. Но теперь Злой Дух начал нападать на него. Чувствительная совесть Игнатия начала мучить его страхом, что все это публичное признание заставило его возгордиться; что, хотя он почти начал считать себя святым, на самом деле, в силу самой этой веры, он был самым гнусным из грешников. Из-за этих мыслей его жизнь стала настолько ожесточенной, что он почти отвлекся. “Но Бог поддержал его; и Искушитель, потерпев неудачу в своих попытках, бежал. Игнатий постился семь дней, не ел и не пил; снова пошел на исповедь; и, получив отпущение грехов, не только избавился от угрызений собственной совести, но и обрел дар исцелять беспокойную совесть других.” [4]

Считается, что этот чудесный дар Игнатий передал своим преемникам, и именно этой вере в значительной степени следует приписать огромное влияние Общества Иисуса, как мы увидим ниже.

Теперь, когда Игнатий мог выносить свое святость, не испытывая чувства греховности, он продолжал свой путь с удвоенной готовностью. И все же сама по себе она ни в коем случае не была привлекательной. Чтобы быть совершенным католическим святым, человек должен стать своего рода мизантропом — отбросить здоровую и чистую одежду, ходить в грязных лохмотьях, носить повязку на голове — и, отрекшись от мира и его обитателей, удалиться в какое—нибудь зловонное логово, жить там в уединенных размышлениях, питаясь дикими кореньями и водой, ежедневно применяя бич для искупления своих грехов, из которых, согласно одной из обескураживающих доктрин католической церкви, даже праведники совершают по меньшей мере *семь в день. день*. Святой должен вступить в открытый бунт против законов и инстинктов человеческой природы, а следовательно, и против воли Творца. И хотя нельзя отрицать, что некоторые из основателей монашеских орденов добросовестно верили, что их правила ведут к святости и вечному блаженству, тем не менее, мы можем справедливо обвинить их в том, что они упускают из виду тот факт, что нарушение законов природы неизменно влечет за собой свое собственное наказание — определенное свидетельство Божественного недовольства, — истинная святость не может заключаться в игнорировании их и противодействии им.

Однако Игнатий продолжал свою покаянную жизнь, дал Деве Марии торжественный обет вечного целомудрия, просил хлеба, часто бичевал себя и проводил много часов в день в молитвах и размышлениях. О чем он размышлял, одному Богу известно. После нескольких месяцев этой аскетической жизни он опубликовал небольшую книгу, которая значительно увеличила его славу святости. Это небольшой томик октаво, озаглавленный "*Духовные упражнения*". [5] Поскольку эта работа, единственная, которая у него осталась, является признанным стандартом религиозной практики иезуитов, и они превозносят ее до небес, мы должны сказать о ней несколько слов.

Прежде всего, мы расскажем о сверхъестественном происхождении, приписываемом ему учениками и восхвалителями его автора.

“Он” (Игнатий) “уже многое сделал ради Бога, и теперь Бог вернул ему это ростовщичеством. Придворный, любитель удовольствий и солдат, он не имел ни времени, ни желания черпать знания из книг. Но знание о человеке, самое трудное из всех, было открыто ему Свыше. Мастер, который должен был сформировать так много мастеров, сам был сформирован Божественным озарением. Он сочинил "*Духовные упражнения*", произведение, которое занимало самое важное место в его жизни и ярко отразилось в истории его учеников".

Эта цитата взята из Кретино Жоли (том i, стр. 18), автора, который *заявляет*, что не принадлежит к Обществу, но чья книга была опубликована под патронажем иезуитов, которые, по его словам, открыли ему все хранилища неопубликованных писем и рукописей в их главном монастыре Джезу в Риме; он также написал яростный памфлет против великого понтифика Климента XIV, подавателя иезуитов. Следовательно, мы считаем себя вправе отнести те несколько цитат, которые мы приведем из него, к числу тех, которые исходят от писателей, принадлежащих к ордену; и мы уверены, что ни одному иезуиту никогда не пришло бы в голову отречься от Кретино Жоли. Этот автор продолжает утверждать, что в рукописи, в которой отец Жувенси изящным латинским языком повествует об этих странных событиях, сказано: "Этот

свет, пролитый Божественной волей на Игнатия, показал ему открыто и без завесы тайну обожаемой Троицы и другие тайны религии. Восемь дней он оставался как будто лишенный жизни. Никто не знает, что он видел во время этого экстатического транса, а также во многих других видениях, которые у него были при жизни. Он действительно перенес эти небесные видения на бумагу, но незадолго до своей смерти сжег книгу, содержащую их, чтобы она не попала в недостойные руки. Однако несколько страниц ускользнули от его предосторожностей, и из них легко можно догадаться, что день ото дня он, должно быть, получал все больше милостей. Главным образом, он испытывал сладостное наслаждение, размышляя о достоинстве Христа Господа и его непостижимом милосердии к человечеству. Поскольку ум Игнатия был полон военных идей, он представлял себе Христа полководцем, сражающимся за Божественную славу и призывающим всех людей собраться под его знамена. Отсюда возникло его желание сформировать армию, главнокомандующим которой должен был стать Иисус, со знаменем с надписью "*Ad maiorem Dei gloriam*".

При всем уважении к мсье Жоли, мы думаем, что "Упражнения" могут иметь более приземленное происхождение в лихорадочных мечтах разгоряченного воображения. Как бы то ни было, однако, мы представим нашим читателям краткий анализ этого текста, взятый из предисловия кардинала Уайзмана к последнему изданию. Он говорит— "Это практическая, а не теоретическая работа. Это не трактат о грехе или добродетели; это не метод христианского совершенствования, но он содержит всю практику совершенствования, заставляя нас сразу победить грех и приобрести высшую добродетель. Человека, который выполняет Упражнения, не инструктируют, а заставляют действовать; и эта книга не будет понятна без этой точки зрения".

Читатель заметит, что он разделен на четыре недели; и каждая из них преследует определенную цель - продвинуть занимающегося на дополнительный шаг к совершенной добродетели. Если тщательно выполнять работу каждой недели, *это действительно достигается*. [6]

Целью первой недели является очищение совести от прошлых грехов и привязанностей от их будущих опасностей. Для этой цели душу заставляют глубоко убедить себя в истинной цели своего существования — служить Богу и быть спасенной, а также в реальной ценности всего остального. Это соображение было справедливо названо святым Игнатием *принципом* или *основой* всей системы". Кардинал заверяет нас, что определенным результатом упражнений этой первой недели является то, что "грех оставлен, возненавиден, отверщен..."

Во втором случае жизнь Христа становится нашим образцом; благодаря серии размышлений о ней мы знакомимся с его добродетелями, восхищаемся его совершенствами; подражая ему, мы учимся быть послушными Богу и людям, кроткими, смиренными, любящими; ревностными, милосердными и прощающими; людьми только одного желания и одной мысли — всегда исполнять только святую волю Бога; благоразумными, набожными, соблюдающими каждый закон, скрупулезными исполнителями каждого долга. Каждая медитация на эти темы показывает нам, как все это делать; фактически, *заставляет нас действительно это делать*. [7] ... Третья неделя подводит нас к этому. Пожелав и попытавшись быть подобными Христу в действии, мы приходим к желанию и стремлению быть подобными Ему в страданиях. С этой целью его священная страсть становится всепоглощающей темой Упражнений.... Но она (душа) должна быть убеждена и чувствовать, что если она страдает, то и она будет прославлена вместе

с ним; и поэтому четвертая и заключительная неделя поднимает душу к размышлению о той славе, которая увенчала унижения и страдания нашего Господа”. Затем, после весьма образного восхваления эффективности Упражнений, “выполненных должным образом”, преподобный прелат продолжает показывать, что единственным “существенным элементом духовного уединения” (ибо так в народе называются Упражнения, сводимые к действию) “является *руководство*. В католической церкви никому никогда не разрешается доверять самому себе в духовных вопросах. Суверенный понтифик обязан подчиняться указаниям другого человека во всем, что касается его собственной души. Жизнь в хорошем ретрите - это хороший руководитель. ” Этот руководитель изменяет (в соответствии с определенными письменными правилами) порядок упражнений, приспосабливая их к особенностям характера занимающегося; регулирует время, затрачиваемое на них, следит за их эффектом и, подобно врачу, назначающему пациенту, варьирует лечение в соответствии с проявляющимися симптомами, поощряя те, которые кажутся благоприятными, и подавляя те, которые являются вредными, для достижения желаемого результата. “Пусть никто, - говорит кардинал, - не думает о выполнении этих священных Упражнений без руководства благоразумного и опытного руководителя”.

“Будет видно, что недели Упражнений не обязательно означают период в семь дней. Первоначальный период их выступления, конечно, составлял месяц; но даже в этом случае на каждую неделю работы отводилось больше или меньше времени по усмотрению режиссера. Теперь, за исключением очень особых обстоятельств, весь срок сокращается до десяти дней; иногда он еще больше сокращается”.

Из приведенных выше выдержек следует, что кардинал, игнорируя тот факт, что обращение грешника должно быть полностью осуществлено действием Святого Духа, по-видимому, рассматривает невозрожденную человеческую душу просто как кусок сырого материала, который “директор” может, так сказать, *изготовить* из святого, просто подвергнув его процессу, предписанному в Упражнениях.

Что касается достоинств книги, я не могу согласиться ни с Уайзманом, ни с очень блестящим протестантским писателем, [8] который, говоря об одобрении, оказанном ему папой Павлом III, говорит: “Тем не менее, по этому вопросу кафедра Нокса, если бы сейчас ее занимал он сам, не сильно расходилась бы с тронем Святого Петра. ” Книга, безусловно, не заслуживает столь высокого восхваления. Однако нельзя отрицать, что среди множества рекомендаций по множеству абсурдных и суеверных практик, присущих папистской религии, в этом небольшом томе действительно содержатся некоторые очень хорошие максимы и наставления. Например, вот два отрывка, против которых, я уверен, не смог бы разумно возразить даже самый антикатолический протестант. На странице 16 сказано —

“Человек был создан для этой цели, чтобы он мог восхвалять и почитать Господа, Бога своего, и, служа ему, в конце концов спастись. [9] Но другие вещи, размещенные на земле, были созданы ради человека, чтобы они могли помочь ему в достижении цели творения; отсюда следует, что их следует использовать или воздерживаться от них в той мере, в какой они приносят пользу или мешают ему в достижении этой цели. Поэтому мы должны быть безразличны ко всему сотворенному (в той мере, в какой это зависит от свободы нашей воли, а не запрещено), чтобы (в меру наших сил) мы не стремились к здоровью больше, чем к болезни, и не предпочитали богатство бедности, честь презрению, долгую жизнь короткой. Но из всего этого уместно

выбирать и желать только те вещи, которые ведут к цели”. И снова, на странице 33 — “Третье” (статья для размышления) - это рассмотреть себя; кто я или какого рода, добавляя сравнения, которые могут привести меня к еще большему презрению к самому себе; например, если я размышляю о том, насколько я ничтожен по сравнению со всеми людьми; тогда, что такое все множество смертных по сравнению с ангелами и всеми благословенными: после всего этого я должен рассмотреть, чем, на самом деле, является все творение по сравнению с самим Богом-Творцом; кем теперь могу быть я, простое человеческое существо? Наконец, позвольте мне взглянуть на испорченность всего моего “я”, на порочность моей души и осквернение моего тела и считать себя чем-то вроде язвы или нарыва, из которого вытекло такое великое и мерзкое наводнение грехов, такая великая эпидемия пороков.

“Четвертое - рассмотреть, что такое Бог, которого я таким образом оскорбил, собирая совершенства, которые являются особыми атрибутами Бога, и сравнивая их с моими противоположными пороками и изъянами; сравнивая, то есть, его высшую силу, мудрость, благость и справедливость с моей крайней слабостью, невежеством, порочностью и беззаконием”.

Но затем за вышеупомянутыми “Упражнениями” следуют определенные “Дополнения”, которые рекомендуются как способствующие их “лучшему выполнению”. Некоторые из них очень странные; например— “Четвертый способ заключается в том, чтобы приступить к самому созерцанию, то становясь на колени на земле, то лежа на ничком или на спину; то сидя или стоя, и бороться с силами таким образом, чтобы, как я могу надеяться, легче достичь желаемого. В данном случае необходимо обратить внимание на эти две вещи: первая, что если, стоя на коленях или в любой другой позе, я получу то, что желаю, я больше ничего не ищу. Во-вторых, на том этапе, на котором я достигну преданности, к которой стремлюсь, я должен успокоиться, не беспокоясь о том, чтобы продвигаться дальше, пока я не буду удовлетворен”. “Шестое: я должен избегать тех мыслей, которые приносят радость, например, о славном воскресении Христа; поскольку любая такая мысль препятствует слезам и скорби о моих грехах, которых тогда следует искать, вспоминая скорее смерть или суд”. “Седьмое: по той же причине я лишаю себя всего яркого света, закрывая двери и окна до тех пор, пока остаюсь там” (в своей комнате), “за исключением тех случаев, когда мне нужно читать или принимать пищу”. На странице 55, на Второй неделе, мы находим: “*Пятое Созерцание* — это применение чувств к тем” (созерцаниям) “, которые были упомянуты выше. После подготовительной молитвы с тремя уже упомянутыми прелюдиями в высшей степени полезно упражнять пять воображаемых чувств в отношении первого и второго созерцаний следующим образом, в зависимости от предмета.

Первый пункт будет заключаться в том, чтобы представить в воображении всех людей и, отметив обстоятельства, которые произойдут в отношении них, нарисовать то, что может оказаться полезным для нас самих.

Второй - как бы прислушиваясь к тому, что они говорят, или к тому, что для них может быть естественным говорить, обратить все в нашу пользу.

Третье - ощущать посредством определенного внутреннего вкуса и обоняния, насколько велика сладость и восхитительность души, наполненной Божественными дарами и добродетелями, в соответствии с природой рассматриваемого нами человека, приспособляя к себе те вещи, которые могут принести нам некоторый плод.

Четвертый - внутренним прикосновением трогать и целовать одежду, места, следы и другие вещи, связанные с такими людьми; откуда мы можем извлечь большее увеличение преданности или любое духовное благо.

Это размышление завершится, как и предыдущие, добавлением подобным образом: *Pater noster*.

На странице 52 среди вещей, “заслуживающих внимания”, есть —

“Второе, что первое упражнение, касающееся Воплощения Христа, выполняется в полночь; следующее - на рассвете; третье - около часа мессы; четвертое - во время вечерни; пятое - незадолго до ужина; и на каждое из них будет потрачено по одному часу; отныне везде должно соблюдаться одно и то же”.

Следующим шагом Лойолы к святости было паломничество в Палестину для обращения неверных. Что он делал в Святой Земле, мы не знаем; его биограф сообщает нам только, что он был отправлен обратно монахом-францисканцем, который осуществлял там папскую власть.

[10]

Возвращаясь домой, Игнатий решил, что немного знаний, возможно, поможет ему в деле обращения еретиков и, таким образом, даст ему дополнительный шанс прославиться; поэтому после возвращения он два года посещал школу в Барселоне, где, будучи взрослым мужчиной тридцати четырех лет, выучил азы латинского языка, сидя на одной скамейке с маленькими мальчиками.

Не сумев привлечь ни одного сторонника своих экстравагантных поступков в Барселоне, он отправился в Алькалу и учился в университете, недавно построенном там кардиналом Хименесом. Здесь он привлек большое внимание общественности эксцентричностью своего фанатичного благочестия. Он носил необычную одежду из грубой материи и своими пылкими речами сумел привлечь к своему образу жизни четверых или пятерых молодых людей, которых называл своими учениками. Но власти отнеслись к нему с подозрением, и дважды его сажали в тюрьму. Ему и его новообращенным было приказано вернуться к обычной одежде и прекратить разъяснять людям тайны религии. [11] Возмущенный этим, Игнатий немедленно отправился в Париж, куда в начале 1528 года прибыл один, его спутники покинули его.

Преследования в Алькале научили его благоразумию; так что, хотя его попытки добиться известности в Париже в плане одежды, манер и языка привели его к трибуналу инквизиции, [12] он, тем не менее, вел дела настолько осторожно, что избежал всякого наказания. Здесь, борясь с трудностями латинской грамматики, [13] он постоянно прокручивал в своем обширном и емком уме какую-нибудь новую схему исполнения своих желаний и удовлетворения своей страсти к известности. Но пока что он не знал, чего ему суждено достичь. Кажется, нет никаких оснований предполагать, что он уже мог сформировать гигантский и всеобъемлющий проект создания на той основе, на которой он сейчас стоит, своего замечательного и могущественного Общества. Нет; он всего лишь ухитрился, как и в Испании, заручиться поддержкой нескольких последователей, над которыми он мог осуществлять абсолютный контроль, для продвижения любого будущего проекта. В этом его успех намного превзошел все его ожидания. Великодушный и героический Ксавье, умный и интересный Ле Февр, образованный Лайнез,

благородный и отважный Родригес и еще трое или четверо других признали его своим вождем и наставником.

На первый взгляд может показаться странным, что такие привилегированные представители интеллигенции подчинились сравнительно невежественному бывшему офицеру. Но если принять во внимание, что у Игнатия была определенная цель, к которой он продвигался твердыми и решительными шагами, в то время как у его товарищей не было определенного плана, что он был наделен железной волей, которую не могли преодолеть ни бедность, ни тюремное заключение, ни даже презрение мира, что, прежде всего, он обладал искусством льстить их страстям и завоевывать их расположение, используя все свое влияние для продвижения их интересов, — менее удивительно, что он приобрел огромное влияние на тех неопытных и простодушных молодых людей, на которых щедрый на натур идея посвятить свою жизнь благу человечества уже произвела глубокое впечатление. Мужество и честолюбие Лойолы были сильно стимулированы приобретением учеников, столь готовых и преданных, столь эффективных для его цели, столь привязанных к его личности; и он начал обдумывать, как наилучшим образом использовать их преданность.

Посовещавшись со своими товарищами, он собрал их всех в день Успения, 16 августа 1534 года, в церкви Монмартрского аббатства, где после того, как Питер Ле Февр отслужил мессу, каждый из них дал торжественную клятву отправиться в Святую Землю и проповедовать Евангелие неверующим. Игнатий, удовлетворенный пока этими обещаниями, покинул Париж, чтобы, как он утверждал, поправить здоровье, подышав родным воздухом в Лойоле, прежде чем отправиться на выполнение своей трудной миссии, а также, несомненно, найти уединение и досуг для размышлений и изыскания средств для осуществления своих честолюбивых надежд. Его ученики остались в Париже, чтобы завершить свои богословские исследования, и он приказал им снова встретиться с ним в Венеции в начале 1537 года, наказав им тем временем, если кто—нибудь спросит их, какую религию они исповедуют, отвечать, что они принадлежат к Обществу Иисуса, поскольку они были воинами Христа. [14]

Наш святой предшествовал им в Венеции, где снова столкнулся с некоторыми трудностями и небольшим преследованием; но он перенес все с непоколебимым терпением. Здесь он познакомился с Пьером Карафой (впоследствии папой Павлом IV.). Этот суровый и замечательный человек отказался от епископства Теата, чтобы стать спутником кроткого и кроткого святого Гаджетана Тьенского, и с его помощью основал религиозный орден театинцев. Члены этого братства стремились образцовой жизнью, преданностью своим клерикальным обязанностям проповеди и отправления таинств, а также служения больным исправить зло, порожденное по всему христианскому миру скандальным и аморальным поведением обычного и светского духовенства. К Караффе, который уже приобрел большое влияние, Игнатий привязался, стал насельником основанного им монастыря, терпеливо и преданно служил в больнице, которой он руководил, и вскоре стал близким другом Караффы. Это сразу же определило доселе бесцельные амбиции Лойолы. Он задумал достичь власти и славы, если не как основатель нового порядка, то по крайней мере как реконструктор уже существующего. Руководствуясь этим замыслом, он представил Караффе план реформы своего ордена и настоятельно призвал к его принятию. Но Караффа, который, возможно, подозревал о его мотивах, отклонил его предложение и предложил признать его братом ордена в его нынешнем виде. Это, однако, не устраивало Игнатия, чья гордая натура никогда бы не согласилась играть даже вторую роль, не говоря уже о роли незначительного члена общества, над которым другой

обладал всей властью. Поэтому он отказался от этой чести и сразу же решил основать собственную новую религиозную общину. Созная, однако, какие трудности ему, возможно, придется преодолеть, он решил действовать с максимальной осторожностью.

Дав обет обратиться к неверным в Святой Земле, он заявил, что только этой работе должны быть посвящены жизни его самого и его товарищей. Соответственно, как только они прибыли в Венецию, он отправил их в Рим, как он сказал, просить папского благословения на их предприятие, а также, без сомнения, представить их римскому двору как зародыш нового религиозного ордена. Причина, по которой его историки не поехали в Рим вместе с ними, заключается в том, что он опасался, что его присутствие там может нанести им ущерб. [15] Столь же вероятно, что он боялся, как бы под маской показного смирения проницательный глаз папы Павла не обнаружил его безграничных амбиций.

В Риме его учеников приняли благосклонно; понтифик даровал желаемое благословение, и они вернулись в Венецию, откуда должны были отплыть в Палестину.

Здесь Игнатий убедил их принять обеты вечного целомудрия и бедности, а затем, под предлогом войны, которая в то время бушевала между императором и турками, они вообще отказались от своей миссии. Так закончилось их благочестивое паломничество.

Взяв с собой Лайнца и Ле Февра, Лойола затем отправился в Рим и попросил аудиенции у папы.

Кафедру Святого Петра в это время занимал Пол Фарнезе — тот самый папа, который открыл и частично руководил Тридентским собором; который подстрекал императора к войне против протестантов; который послал под командованием своего внука 12 000 своих собственных солдат в Германию для оказания помощи в той войне; и который поднял свою святотатственную руку, чтобы благословить любого, кто прольет протестантскую кровь. Он был скандально несдержан; и если он, подобно Александру VI, не пожертвовал полностью интересами Церкви и человечества ради возвышения собственной семьи, тем не менее, его сын получил герцогство Плацентия, а его внуки были возведены в кардиналы *возрасте четырнадцати лет*, и один из них должен был стать герцогом Миланским. Однако в натуре Пола было некоторое величие. Он был щедр и, следовательно, популярен, а его деятельность была неутомимой. Но Сарпи говорит о нем, что из всех его собственных качеств ни одно он *не ценил так высоко, как свое притворство*. [16]

Этот любезный понтифик был любезно принят Игнатием и его спутниками. Он похвалил их образцовую религиозную жизнь, расспросил их об их проектах, но не обратил внимания на план, на который они намекали, о создании нового религиозного ордена.

Но Лойолу нельзя было так обескуражить. Он созвал в Рим всех своих последователей (которые остались в Ломбардии, проповедуя с фанатизмом фанатика и призывая граждан к покаянию) и дал им более четкое, чем до сих пор, представление об обществе, которое он предлагал создать. Это они полностью одобрили и дали еще один обет (наиболее важный для целей Лойолы) *безоговорочного повиновения своему начальнику*. Полюбуйтесь здесь осторожным и совершенным искусством, с помощью которого Игнатий шаг за шагом подводил своих единомышленников к желаемой цели.

Несмотря на неоднократные отказы Римского двора удовлетворить его желания, ни мужество, ни настойчивость Игнатия не изменили ему. После долгих размышлений он, наконец, решил,

что нашел способ преодолеть нежелание папы римского. Посоветовавшись со своими спутниками, он убедил их дать четвертый обет, а именно обет послушания Святому Престолу и Папе *pro tempore*, с четким обязательством отправиться без вознаграждения в любую часть мира, куда папе будет угодно их отправить. Затем он составил петицию, в которой были изложены некоторые принципы и правила ордена, который он хотел учредить, и отправил ее папе римскому через кардинала Контарини.

Этот четвертый обет произвел большое впечатление на коварного понтифика; однако его отвращение к религиозным общинам, некоторые из которых как раз в то время были объектами народной ненависти и язвой римского двора, было настолько велико, что он отказался одобрить этот новый обет, пока не посоветовался с тремя кардиналами, которым он передал этот вопрос. Гвидиччони, самый талантливый из троих, яростно противился этому; но Павел, который, возможно, к этому времени проникся замыслами Лойолы и понял, что предлагаемое Общество не сможет процветать, если не будет бороться за верховенство Святого Престола и поддерживать его, решил, что лучшей политикой для него будет принять услуги этих добровольцев, тем более что это было время, когда он в них очень нуждался. Следовательно, 27 сентября 1540 года он издал знаменитую буллу *regimini militantis Ecclesiae*, одобряющую новый орден под названием “Общество Иисуса”. Мы считаем необходимым привести некоторые выдержки из этой буллы.

“Павел, епископ, слуга слуг Божьих, на вечные времена. Председательствующий по воле Божьей над управлением Церковью и т.д.... Принимая во внимание, что недавно мы узнали, что наш возлюбленный сын Игнатий де Лойола, и Питер Ле Февр, и Джеймс Лайнез; а также Клавдий Ле Жей, и Пасхасий Бруэ, и Фрэнсис Ксавье; а также Альфонсо Сальмерон, и Симон Родригес, и Джон Кодури, и Николас де Бобадилья; священники Городов и т. Д., Вдохновленные, как свято верят, Святым Духом; прибывающие из разных регионов земного шара; встречаются вместе и становятся единомышленниками; и, отказываясь от соблазнов этого мир, посвятили свои жизни постоянному служению Господу нашему Иисусу Христу, и нам, и другим нашим преемникам, римским понтификам; и специально для обучения мальчиков и других невежественных людей христианству; и, прежде всего, для духовного утешения верующих во Христе посредством СЛУШАНИЯ ИСПОВЕДЕЙ; ... Мы принимаем партнеров под нашу защиту и защиту Апостольского престола, более того, признавая, что некоторые из них могут свободно и законно составлять такие *Конституции* которым они сочтут соответствующими, и т.д.... Более того, мы хотим, чтобы в это Общество было допущено только шестьдесят человек, желающих придерживаться этого правила жизни, и не более, и чтобы они были включены в вышеупомянутое Общество”.

Вышеназванные десять человек были первыми спутниками Лойолы, а вместе с ним и основателями Общества. Но заслуга в разработке Конституции, которая должна была управлять им, принадлежит исключительно самому Игнатию. Он один из них всех был способен к такой концепции. Он один мог бы разработать схему, с помощью которой одно свободное разумное существо превращается в простой автомат — действующее, говорящее, даже думающее в соответствии с выраженной волей другого. В истории нет записей о том, чтобы какой-либо человек, будь то король, император или папа римский, осуществлял такую абсолютную и безответственную власть над своими собратьями, какую имеет генерал иезуитов над своими учениками. В *Духовных упражнениях* Лойола предстает просто энтузиастом-аскетом; в *Конституции* он проявляет себя высоким гением, обладающим совершенным и глубоким

знанием человеческой природы и естественной последовательности событий. Никогда еще не был составлен план, столь восхитительно гармоничный во всех своих частях, так чудесно соответствующий своим целям и не увенчавшийся таким ошеломляющим успехом.

Быстрое, безоговорочное подчинение командам генерала и (на благо Общества *iad maiorem Dei gloriam*) большая гибкость во всех других правилах, в соответствии с доброй волей генерала, являются главными чертами этой знаменитой Конституции, которую, поскольку она составляет моральный кодекс иезуитов, мы сейчас приступим к рассмотрению, делая все возможное, чтобы показать дух, в котором она была продиктована.

ГЛАВА II. 1540-52. КОНСТИТУЦИИ ОБЩЕСТВА. [17]

Времена, в которые Игнатий писал Конституции, были для Римского двора и католической религии временами беспокойства и опасности. Реформация быстро продвигалась вперед, и весь христианский мир, католический [18], а также протестантский, разразился “Сотней жалоб” (*Centum gravamina*), выдвинутых на Нюрнбергском сейме против римского суда — жалоб и обвинений, которые удивительно откровенный Адриан VI признал слишком обоснованными. Этот понтифик через своего нунция откровенно заявил сейму, “что вся эта путаница была вызвана грехами людей и, прежде всего, священнослужителей и прелатов, что на протяжении многих прошедших лет Святой Престол совершил много мерзостей, что многочисленные злоупотребления проникли в управление духовными делами и много излишеств в законах, что все было извращено, и что коррупция, переходящая от головы к телу, от Суверенного понтифика к прелатам, была настолько велика, что вряд ли можно было найти того, кто творил добро”. [19] Когда папа римский так много исповедался протестантским ушам, вполне можно представить, до какой степени прогнила моральная проказа.

Но, помимо этой коррупции, во всем римско-католическом мире царила великая неразбериха. Различные монашеские ордена находились в состоянии войны друг с другом. Епископы обвинили папу в тирании; папа осудил епископов как непослушных. Масса людей была прискорбно невежественна, и царил всеобщий беспорядок.

Теперь обратите внимание, с каким замечательным искусством, с какой глубокой пронизательностью Игнатий смоделировал общество, которое, демонстрируя добродетели, прямо противоположные господствовавшим тогда порокам, должно пленять чувства и заручаться поддержкой добрых и благочестивых, в то время как тайными методами и, прежде всего, проявляя необычную снисходительность на исповеди, оно должно оказывать влияние на умы более мирских верующих.

Чтобы разнообразие мнений и свободное волеизъявление личности не приводили к расколу и неразберихе внутри этого нового христианского сообщества, Лойола постановил, что во всем Обществе не должно быть ни воли, ни мнения, кроме общего. Но для того, чтобы генерал мог с пользой использовать каждого отдельного члена, а также коллективную энергию и интеллект

всего Общества, было необходимо, чтобы он был досконально знаком со своим характером, даже с его мельчайшими особенностями. Чтобы обеспечить это, Игнатий установил специальные правила. Таким образом, относительно приема послушников он говорит:

“Поскольку хороший отбор в значительной степени касается служения Богу, необходимо проявлять усердие, чтобы выяснить особенности их личности и призвания; и если настоятель, который должен принять его на испытательный срок, не может провести расследование, пусть он наймет из числа тех, кто постоянно находится рядом с ним, кого—нибудь, чьей помощью он может воспользоваться, чтобы познакомиться с испытуемым — жить с ним и проверять его; - кого-нибудь, кто наделен *благоразумием и не лишен навыков* в манере, которая должна соблюдаться при стольких различных видах и условиях людей”. [20] Другими словами, приставьте к нему умелого и предусмотрительного шпиона, чтобы застать его врасплох и заставить выдать его самые сокровенные мысли. Тем не менее, даже когда этот шпион дает относительно благоприятный отчет, кандидат еще не принят — его отправляют жить в другой дом, “чтобы его можно было более тщательно *изучить*, чтобы узнать, подходит ли он для *испытательного срока*”. [21] Когда он сочтен подходящим для Общества, его принимают в “дом первого испытания”; и через день или два “он должен открыть свою совесть вышестоящему, а затем сделать общую исповедь *духовнику, который будет назначен вышестоящим*”. [22] Но это еще не все, ибо “в каждом доме испытательного срока будет *опытный человек*, которому кандидат должен с доверием рассказать обо всех своих проблемах; и пусть его увещевают *не скрывать искушения*, но раскрыть это ему, или его духовнику, или настоятелю; более того, получить удовольствие от тщательной проверки”. являя им всю свою душу, раскрывая не только свои недостатки, но даже свои епитимьи, умерщвления плоти *идобродетели*.” [23] Когда кандидат принимается в любой из своих колледжей, он должен снова “открыть свою совесть ректору колледжа, которого он должен очень почитать и почитать, как того, кто *занимает место Христа, Господа нашего*”; ничего не скрывая от него, даже свою совесть, которую он должен раскрыть ему (как указано на экзамене) в назначенное время”. время от времени и чаще, если этого требует какая-либо причина; не возражая, не противореча и не высказывая мнения, во всяком случае, противоположного его мнению”. [24]

Собранная таким образом информация о вкусах, привычках и наклонностях каждого члена Общества сообщается генералу, который заносит ее в книгу, расположенную в алфавитном порядке и хранящуюся специально для этой цели, в которую также, поскольку он дважды в год получает подробный отчет о каждом члене Общества, он время от времени добавляет все, что кажется необходимым для завершения каждой черты характера или для обозначения малейших изменений. Таким образом, генералу, знающему прошлую и настоящую жизнь, мысли, желания каждого члена Общества, легко понять, как он может всегда выбирать наиболее подходящего человека для каждой специальной службы.

Но это совершенное знание сокровенных натур своих подчиненных принесло бы генералу мало пользы, не будь у него также абсолютной и бесконтрольной власти над ними. В Конституции есть положение, обеспечивающее это аналогичным образом. В нем говорится, что кандидат “*должен рассматривать вышестоящего как Христа Господа* и должен стремиться к совершенному смирению и отрицанию своей собственной воли и суждения, во всем сообразуя свою волю и суждение с тем, что желает и судит вышестоящий”. [25] С той же целью приводится следующее: “Что касается святого послушания, то эта добродетель должна быть совершенна во всех отношениях — в исполнении, в воле, в интеллекте; выполнять то, что предписано, со всей

быстротой, духовной радостью и настойчивостью; убеждать себя, что все справедливо; подавлять каждую отвратительную мысль и собственное суждение в определенном послушании; ... и пусть каждый убедит себя, что тот, кто живет в послушании, должен быть движим и направляем под Божественным Провидением своим начальником, точно так же, как если бы он был ТРУПОМ (*perinde ac si cadaver esset*), который позволяет двигать себя и вести в любом направлении”. [26] И это правило безропотного повиновения соблюдается настолько неукоснительно, что иезуит, чтобы повиноваться своему Генералу, не должен стесняться послушаться Бога. Предупреждения совести должны быть подавлены как преступные слабости; страхи перед вечным наказанием изгнаны из мыслей как суеверные фантазии; и самые отвратительные преступления, совершенные по приказу генерала, должны рассматриваться как способствующие славе и восхвалению Бога.

Прочитайте и обдумайте следующее богохульство: “Никакая конституция, декларация или какой—либо образ жизни не могут влечь за собой обязательства совершить грех, смертный или незначительный, *если только вышестоящий не прикажет это* во имя Господа нашего Иисуса Христа, *или в силу святого послушания*; что должно быть сделано в тех случаях или лицами, когда будет сочтено, что это в значительной степени приведет к особому благу каждого или к общей выгоде; и, *вместо страха оскорбления, пусть преуспеют любовь и желание всякого совершенства, чтобы к большей славе и да последует хвала Христу, нашему Создателю и Господу,!*” [27]

Я содрогаюсь при мысли обо всех зверствах, которые были совершены по приказу этого другого “старца с горы”, который представляет своим агентам перспективы вечного блаженства в награду за их послушание.

Но этого недостаточно. Не довольствуясь тем, что таким образом перевел преданность иезуита с его Бога на его Генерала, Конституция продолжает защищать эту преданность от любого конфликта с естественными привязанностями или мирскими интересами. Иезуит должен сосредоточить все свои желания и привязанности на Обществе. Он должен отречься от всего, что дорого ему в этой жизни. Семейные узы, узы дружбы должны быть разорваны. Его имущество должно быть продано в течение года после его вступления в Общество по распоряжению Генерала; “и он выполнит работу большего совершенства, если распорядится ею в *интересах Общества*. И чтобы его лучший пример сиял перед людьми, он *должен отбросить всякую сильную привязанность к своим родителям* и воздерживаться от неподобающего желания *щедрого раздаяния, возникающего из такой невыгодной привязанности.*” [28]

Кроме того, он должен отказаться от любых контактов со своими собратьями устно или письменно, [29] за исключением случаев, когда это разрешит его начальник. “Он не должен покидать дом, кроме как в такое время и с такими спутниками, какие разрешит начальник. В пределах дома он также не должен беседовать без ограничений ни с кем по своему усмотрению, но только с теми, кто будет назначен вышестоящим”. [30] Строгость, с которой соблюдались эти правила, была такова, что Франциску Борджиа, герцогу Кандии, впоследствии одному из святых Общества, сначала было отказано в приеме в него, потому что он откладывал урегулирование дел своего герцогства и отказался прекратить все отношения со своей семьей; и хотя специальным рескриптом папы римского он был освобожден от должности. когда Игнатий был принят в члены общины, в течение трех лет Игнатий строго запрещал ему посещать

дом общины, куда его не допускали до тех пор, пока он не отрекся от всякого общения с внешним миром.

Но иезуиту не только запрещено всякое дружеское общение, но и за ним ведется постоянный шпионаж. Ему никогда не разрешается разгуливать одному, но будь то в доме или на улице, его всегда сопровождают двое его братьев. [31] Каждый из этой тройки действует, по сути, как шпион за двумя своими товарищами. На самом деле, у него нет особых инструкций от своего начальника на этот счет, но, зная, что их, так же как и его самого, учили, что их обязанность сообщать генералу о каждом подозрительном или необычном выражении, произнесенном в их присутствии, он находится под постоянным страхом наказания, если кто-либо из них сообщит что-либо относительно другого, о чем он умолчит сообщить аналогичным образом. Поэтому иезуит очень редко воздерживается от доноса на своего товарища. Если он не сделает этого сразу, его *греховное пренебрежение* откроется на исповеди *специальному* духовнику, назначенному настоятелем.

Затем, чтобы эти члены церкви, столь покорные в действиях своему Генералу, не расходились во мнениях между собой и не вызывали скандала в католическом мире, и чтобы противопоставить единообразие доктрины свободному экзамену протестантов, Конституция постановляет следующее: “Пусть все думают, пусть все говорят, насколько это возможно, одно и то же, согласно апостолу. Поэтому пусть не допускаются никакие противоречивые доктрины ни из уст в уста, ни в публичных проповедях, ни в письменных книгах, которые не должны быть опубликованы без одобрения и согласия генерала; и, действительно, следует избегать любого расхождения во мнениях относительно практических вопросов”. [32] Таким образом, никто, кроме генерала, не может воспользоваться правом высказать ни одной оригинальной мысли или мнения. Почти невозможно представить себе силу, особенно в прежние времена, генерала, имеющего в своем абсолютном распоряжении такое количество интеллекта, воли и энергии.

Итак, не следует воображать, что все, желающие беспрекословно подчиняться указаниям вышестоящего, без разбора допускаются в Общество. Так, действительно, обстоит дело со всеми другими монашескими орденами (я говорю более конкретно об Италии и Испании). Бродяги, воры и хулиганы часто становились членами тех общин, в монастырях которых они находили убежище от полиции и палача. Игнатий мудро оберегал свое Общество от подобного насилия. Его члены должны быть выбраны, по возможности, из числа лучших. Богатые и знатные люди наиболее подходят для поступления, хотя эти качества не являются существенными, и их недостаток может быть восполнен каким-то экстраординарным природным даром или приобретенным талантом. [33] Помимо этого, кандидат должен обладать *приятной внешностью*, молодостью, здоровьем, силой, речью и целеустремленностью. Быть когда-либо еретиком или раскольников, быть виновным в убийстве или любом другом ужасном преступлении, принадлежать к другому ордену, состоять в узах брака или не обладать сильным и здравомыслящим умом - это непреодолимые препятствия для поступления. Неуправляемые страсти, привычка грешить, неустойчивость и непостоянство ума, вялая набожность, *недостаток знаний* и способности приобретать их, притупленная память, телесные дефекты, слабость и болезни, а также преклонный возраст — любое из этих несовершенств делает кандидата менее приемлемым; [34] и, чтобы получить допуск, он должен продемонстрировать некоторые очень полезные компенсирующие качества. Очевидно, что столь тщательно

отобранные лица никогда не опозорят Общество каким-либо грубым проступком и будут благоразумно и успешно выполнять любую временную или мирскую службу, к которой их может приставить Генерал. Я говорю о *мирском* служении, потому что полагаю, что для служения Богу это не должно иметь большого значения, если слуга *хромает* или имеет “неприглядный вид”.

Но ни в одной части Конституции гений и проницательность Лойолы не проявляются так ярко, как в правилах, касающихся обета бедности и безвозмездного исполнения обязанностей священного служения. Дискредитация и ненависть, навалившиеся на духовенство и монашеские ордена, были в значительной степени вызваны показной демонстрацией накопленного ими богатства и продажностью их священного служения. Чтобы защититься от этого зла, Игнатий постановил, что “*бедность* следует любить и поддерживать как *самый прочный оплот религии*”. Иезуиту запрещалось владеть какой-либо собственностью, как по наследству, так и иным образом. От него требовали жить в недорогом доме, одеваться просто и всячески избегать того, чтобы казаться богатым. Церкви и религиозные дома ордена должны были оставаться без пожертвований. Только колледжам было разрешено принимать наследство или пожертвования на содержание студентов и профессоров. Этим подаркам не было установлено никаких ограничений, управление которыми было полностью возложено на генерала, имеющего право назначать ректоров и администраторов под его началом. Эти чиновники, обычно избираемые из числа коадьюторов и очень редко из так называемого Общества, хотя и лишены своим обетом вечной бедности права владения наименьшим количеством собственности, все же, благодаря этому хитроумному трюку, имеют возможность владеть всем богатством Общества и управлять им. Впоследствии мы увидим, и особенно на знаменитом процессе Лаваллетта, в каком широком смысле они понимают слово *администрировать*. Вот и все для демонстрации богатства. Что касается продажности священного служения, они заявили, что “ни один иезуит не должен требовать или получать плату, или милостыню, или вознаграждение за мессу, исповедь, проповеди, уроки, посещения или любые другие обязанности, которые Общество обязано выполнять; и, чтобы избежать даже видимости алчности, особенно в делах благочестия, которые Общество выполняет для спасения душ, пусть в церкви не будет *ящика*, в который обычно кладут милостыню те, кто ходит туда на мессу, проповедь, исповедь” и т. Д. . [35] Так, иезуит отказывается принимать несколько жалких шестипенсовиков за исполнение мессы или плату в несколько шиллингов в квартал за обучение мальчиков. Он презирает казаться корыстолюбивым. Он предпочел бы быть *бедным*. Он не ищет награды. Тем не менее, те маленькие мальчики, которых он наставляет безвозмездно и с такой нежностью, что он не может заставить себя наказать их, но должен выполнить болезненный, но необходимый долг кем—то, не принадлежащим к Обществу; [36]- я говорю, что эти мальчики станут мужчинами, многие из них религиозные фанатики, сильно привязанные к своим добрым наставникам, которым они затем будут уделять должное внимание. долг благодарности, возникший у них в юности.

Увы, такая благодарность! У скольких семей были причины сожалеть об этом! Сколько детей были доведены этим до нищеты! Сколько древних и благородных домов было низвергнуто ею с высоты изобилия и великолепия в пучину бедности и убожества! Кто может сосчитать преступления, совершенные в безумии отчаяния, вызванном потерей семейного наследства? Чтобы родитель мог на несколько лет меньше страдать в чистилище, ребенка слишком часто обрекали на страдания в этой жизни и, возможно, на вечное наказание в следующей. Но все

это не имеет значения. Человек, которого таким образом заставили пренебречь одним из своих самых священных родительских обязанностей ради основания колледжа иезуитов или присвоения профессорской должности, будет спасен, потому что они обещают ему: “В каждом колледже нашего Общества пусть раз в неделю *вечно* будут служить мессы в память о его основателе и благодетеле, живом или мертвом. В начале каждого месяца все священники, находящиеся в колледже, должны приносить одну и ту же жертву за них; и в годовщину пожертвования должна быть отслужена торжественная месса с памятным праздником и предложена восковая свеча жертвователю или его потомкам”. Кроме того, “жертвователю должен отслужить три мессы при жизни и три мессы после своей смерти всеми священниками Общества по молитвам всех его членов; так что он становится участником всех добрых дел, которые совершаются по милости Божьей не только в колледже, который он пожертвовал, но и во всем Обществе”. [37]

С помощью таких обольщений эти коварные священники с дьявольской хитростью отнимают огромные состояния у легковверных и суевверных верующих. И настолько усердными и успешными они были даже в самом начале, что всего через тринадцать лет после основания ордена, при жизни Лойолы, они уже владели более чем сотней колледжей, очень обширных и богато обеспеченных.

Теперь пусть мои читатели-протестанты не удивляются, как разумные люди могут быть склонны из-за таких эфемерных и необоснованных надежд лишать наследства свои семьи, чтобы обогатить этих лицемерных монахов. Они должны помнить, что верующий римлянин рассматривает эти вопросы в совершенно ином свете, чем они. Мессы и молитвы, по его убеждению, не только полезны, но и необходимы. Из-за отсутствия их он веками корчился бы среди мучительных огней чистилища, очистительные муки которого его священник описывает с ужасающим красноречием как гораздо более мучительные, чем муки ада. Согласно доктрине его Церкви, каждая душа (за исключением одной на миллион), которая не проклята навеки, должна, прежде чем попасть на небеса, провести определенное время в этой обители пыток во искупление своих грехов. И пусть он не утешается тем, что его совесть не упрекает его в совершении какого-либо чудовищного преступления. Перечень грехов, из-за которых он может быть лишен вечного блаженства, составлен искусно длинным и детализирован с большой точностью. Самый честный и благочестивый из людей должен осудить себя как самонадеянного грешника, если он хоть на мгновение лелеет надежду избежать очистительного огня. Таким образом, он вполне смиряется со своей судьбой, и вся его забота в этой жизни заключается в том, как умиловить Божественный гнев и сократить период своего изгнания с небес. Его учат делать это — не доверяя праведности Иисуса Христа, с истинным покаянием, которое проявляется через святую жизнь, но накапливая на свою голову сотни месс и миллионы дней снисхождения. Отсюда бесчисленные мессы и молитвы, которые он возносит перед собой в течение своей жизни, как бы для того, чтобы предотвратить свое будущее наказание и подкупить Божественное правосудие. И когда наступает ужасный момент — тот момент, когда он вот-вот предстанет перед грозным Судьей, под чьим пронизательным взглядом обнажаются его самые тайные мысли, — когда, трепеща перед строгим отчетом, которого от него вот-вот потребуют, его страхи представляют его возбужденному воображению самые незначительные недостатки как смертные грехи, — когда с упадком телесных сил его ослабевшему разуму становится легче работать, — тогда его духовник-иезуит, его щедрый учитель, его добрый, бескорыстный друг приходит, чтобы дать ему последнее доказательство его постоянно растущей привязанности. Он садится у его постели и, подобно змее, под

предлогом побуждения его к покаянию в своих грехах рисует ему страшную и впечатляющую картину мук, которые ожидают проклятых. Он с елейной святостью нисходит к нему о чудовищности оскорбления Божественного Спасителя, который пролил свою драгоценную кровь, чтобы искупить нас. Он пугает его неумолимой местью Всемогущего; и когда его жертва, задыхающаяся от душераздирающей агонии, растерянная, отчаявшаяся в своем конечном спасении, готова проклинать Бога и бросить вызов его силе и гневу — тогда, и только тогда, иезуит смягчается. Теперь он пробуждает в сердце страдальца самую слабую надежду на то, что Божественное правосудие, возможно, будет обезоружено и милосердие будет получено с помощью месс и индульгенций. Измученный человек, чувствуя себя так, словно он уже погружен в кипящую серу и всепожирающее пламя, с неистовым рвением хватается за этот якорь спасения; и если бы у него было в десять раз больше богатства, чем у него есть, он охотно отдал бы все это, чтобы спасти свою душу. Возможно, его сердце, переполненное отеческой любовью, сжимается при мысли о том, что он обрекает своих беспомощных на нищету; но, тем не менее, как будто благополучие его семьи было обязательно связано с его собственной гибелью, а благополучие иезуитов - с вечным блаженством, семья неизменно приносится в жертву иезуитам.

Общеизвестно, что к самым дьявольским уловкам прибегали в случае умирания людей, чей здравый смысл и естественное чувство долга устояли перед такими вероломными уловками.

Увы! наказание за такое преступное упорство всегда было рядом; комната больного внезапно наполнилась пламенем и сернистыми испарениями в назидание нераскаявшемуся грешнику. И если он все еще сопротивлялся, то сам Злой Дух в своем самом страшном обличье являлся умирающему, как бы ожидая его души. Ах! — волосы встают дыбом, когда слушаешь такие кощунственные маневры. Огромное богатство иезуитов было завещано им по завещанию, составленному в последний час!

Чтобы все классы иезуитов могли лучше заниматься своими особыми занятиями, Игнатий освободил их от обязанности, возложенной на все другие религиозные общины, совершать церковную службу в канонические часы.

Иезуиты любого класса могут быть исключены из ордена либо генеральной конгрегацией, либо всемогущим генералом. В таких случаях, однако, предписывается проявлять особую осторожность для сохранения в тайне деяний или преступлений, которые требуют увольнения, в порядке, чтобы бывший иезуит мог подвергнуться наименьшему возможному позору; также, чтобы ему помогали молитвы общины вместе с чем-то более существенным, чтобы он не мог затаить обиду на орден. [38]

Ни одному иезуиту без согласия генерала не разрешается принимать какое-либо церковное достоинство или пособие; и генерал обязан отказаться от такого согласия, если только папа не прикажет ему во имя святого послушания предоставить его. Этим правилом Игнатий стремился избежать возбуждения вражды и ревности со стороны других монашеских орденов и духовенства в целом. Кроме того, Игнатий хорошо знал, что любое церковное достоинство придаст блеск и власть личности, но нанесет ущерб ордену. Епископ или кардинал были бы менее склонны, чем бедный священник, подчиняться Генералу и работать на благо Общества. Он сам самым строгим образом следил за этим и не позволил ни Лайнцу, ни Борджиа получить кардинальскую шапку, которую им предложил папа. С тех пор иезуиты очень редко нарушали

это правило, и чаще всего только для того, чтобы занять какое-нибудь епископство в далеких странах, куда никто другой не пожелал бы отправиться.

Одежда иезуитов состоит из длинного черного жилета и плаща, а также широкополой шляпы с низкой тульей - все это предельно просто и из хорошего, но обычного материала. В их домах и колледжах царит самый совершенный порядок, самые образцовые приличия. Банкеты, разгул и распушенность, которые так позорят учреждения других монашеских орденов, строго запрещены. [39] Они очень бережливы в своих привычках и благоразумно избегают любой демонстрации богатства. Говорят, что генерал иногда смягчает правила в пользу некоторых из самых надежных *исповедующих* и *помощников*, чтобы, переодевшись мирянами, они могли провести несколько праздников так, как им заблагорассудится, в каком-нибудь отдаленном месте, где их никто не знает.

Теперь мы перейдем к рассмотрению той части Конституции, которая касается иерархии. Наши читатели должны всегда иметь в виду то, что мы уже говорили, а именно, что работа над Конституциями была завершена только в 1552 году, и, возможно, некоторые правила были добавлены даже позже. Общество поначалу состояло только из так называемых членов и схоластов или ученых, своего рода иезуитских претендентов, которые проходили подготовку для Общества, в которое их принимали или нет, в зависимости от представленных ими доказательств своей пригодности. В 1546 году Павел III одобрил введение класса коадьюторов, и в 1552 году в Лиссабоне был возведен первый дом для послушников. Далее мы можем заметить, что при первых трех генералах эти Конституции неукоснительно соблюдались. И это были героические времена Общества. Но с этого момента сначала внутренний разлад, а затем более мирской и политический характер, принятый Обществом, стали причиной его гибели и как подавления, так и восстановления. Но давайте не будем предвосхищать события.

ГЛАВА III. 1540-53. ИЕРАРХИЯ.

Правление Общества Иисуса является чисто монархическим, и генерал является его абсолютным и неконтролируемым королем.

Члены Общества делятся на четыре класса: Исповедующие, Кoadьюторы, Ученые и Новички. Существует также секретный пятый класс, известный только генералу и нескольким верным иезуитам, который, возможно, больше, чем любой другой, способствует страшной и таинственной силе ордена. В его состав входят миряне всех рангов, от священника до скромного разносчика обуви. Среди индивидуумов, составляющих этот класс, можно найти много дам, которые, будучи неизвестными и ничего не подозревающими, более опасны сами по себе и более аккуратные шпионы для Компании. Они связаны с Обществом, но не связаны никакими клятвами. Общество, в качестве благородной и общепризнанной награды, обещает им прощение за все их грехи и вечное блаженство, и, в качестве более осязаемого знака

благодарности, защищает их, покровительствует им, а в странах, где могущественны иезуиты, обеспечивает им удобные и прибыльные места при правительстве или где-либо еще. Если этого недостаточно, им платят за их услуги звонкой монетой, согласно статье Конституции, которая уполномочивает генерала тратить деньги *налиц, которые принесут пользу*. В обмен на эти услуги они действуют как шпионы ордена, репортеры того, что происходит в тех классах общества, с которыми иезуит не может смешиваться, и служат, часто невольно, орудиями и соучастниками темных и загадочных преступлений. Отец Фрэнсис Пеллико, брат знаменитого Сильвио, в своей недавней ссоре со знаменитым Джоберти, чтобы доказать, что орден не так уж испытывает недостаток сторонников, как утверждает его оппонент, откровенно признает, что “многие прославленные друзья Общества, прелаты, ораторы, ученые и выдающиеся люди всех мастей, сторонники Общества, остаются *оккультными и обязаны хранить молчание*”. [40] Это признание, исходящее из уст иезуита, должно быть особо отмечено. Теперь, изменив порядок следования классов, мы начнем с описания

I. НОВИЧКИ.

Мы уже видели процесс, через который должен пройти кандидат, прежде чем его примут в Палату первого испытательного срока. Пройдя там еще более тщательную проверку, он переходит в Дом послушника. Послушничество длится два года и может быть сокращено или продлено по желанию генерала. Существует шесть основных упражнений, с помощью которых испытывается Новичок; они следующие: —

1. Послушники должны посвятить месяц духовным упражнениям, самоанализу, исповеданию грехов и медитации, а также размышлениям о жизни, смерти, воскресении и вознесении Христа.

2. Они должны служить еще месяц в одной или нескольких больницах, оказывая помощь больным, в доказательство растущего смирения и полного отказа от мирской помпы и суеты.

“3. В течение третьего месяца они должны скитаться без денег, прося милостыню от двери к двери, чтобы привыкнуть к неудобствам в еде и сне, или же они могут служить в больнице еще месяц, на усмотрение Вышестоящего начальника.

“4. Они должны согласиться работать на самых низменных должностях в доме, в который они вошли, ради того, чтобы показывать хороший пример во всем.

“5. Они должны давать наставления в христианском учении мальчикам или их необразованным старшим, публично, частным образом или по мере возможности.

“6. Когда будет предоставлено достаточное доказательство улучшения испытательного срока, новичок может приступить к проповеди, слушанию исповеди или к любым упражнениям, к которым его могут подтолкнуть обстоятельства”. [41]

“Пока иезуит таким образом проходит несколько испытаний на свою пригодность, он не может осмеливаться утверждать, что он является членом Общества. [42] Он должен описать себя только как желающего быть допущенным к нему; *безразличный* к должности, которая может быть ему назначена, и терпеливо ожидающий, пока не будет определено, как наиболее выгодно использовать его услуги ”.

По истечении *двухгодичного периода*, если он удовлетворительно прошел через все свои испытания, он принимает обеты, формула которых заключается в следующем:—

“Всемогущий, вечный Боже, я, Н., хотя и самым недостойным образом в Твоих святых очах, но полагающийся на Твою бесконечную жалость и сострадание и движимый желанием служить Тебе, в присутствии пресвятой Девы Марии и перед всем Твоим небесным воинством, даю обет Твоему божественному Величеству вечной бедности, целомудрия и послушания в Обществе Иисуса, и обещаю, что я войду в то же Общество, чтобы жить в нем вечно, *понимая все в соответствии с Конституциями Общества*. По Твоей безграничной доброте и милосердию, через кровь Иисуса Христа, я смиренно молюсь, чтобы Ты соизволил принять эту жертву в благоухании сладости, и, поскольку Ты даровал Свою обильную благодать желать и предлагать, Ты даруешь мне возможность исполнить то же самое. В Риме или где-либо еще, в таком-то месте, в такой-то день, месяц и год.

“Затем они должны взять, как и другие, пресвятое тело Христово, а остальная часть церемонии должна продолжаться, как и прежде”. [43]

После того, как Послушник принял обеты, он должен оставаться в неопределенном состоянии до тех пор, пока Генерал не решит, в каком качестве он может наилучшим образом служить Обществу. К этому он должен быть совершенно равнодушен и ни в коем случае не пытаться получить, прямо или косвенно, какую-либо конкретную работу, но должен молча ожидать решения генерала.

Таковы письменные предписания; но хитрые и отвратительные действия, к которым прибегают иезуиты, чтобы подогнать человека под стандарты Общества, многочисленны и различаются в зависимости от обстоятельств и характера послушника. Но, во всех случаях, до истечения *двухлетнего* срока, человека либо увольняют, либо он утрачивает все идеи, все надежды, все желания личного характера; это человек без воли, слепо подчиняющийся любому приказу и посвящающий душу и тело возвышению Общества.

II. УЧЕНЫЕ.

Продвигая цели своего Общества, иезуиты в значительной степени полагаются на талант и образованность его членов. Отсюда их решительное предпочтение кандидатам с превосходными умственными способностями и их усердное внимание к процветанию и хорошему управлению своими колледжами и университетами, которые в свое время были наиболее регулируемы и эффективными в Европе. Их разумная организация занятий, их замечательное руководство, их образцовая дисциплина, их многочисленные стимулы к прилежанию сделали иезуитские колледжи прибежищем для всех тех, кто стремился к возвышению в литературном или ученом мире. Величайшие люди во всех католических странах Европы семнадцатого и восемнадцатого веков получили образование у иезуитов.

Вся собственность, завещанная или переданная Обществу, передается колледжам и университетам, которые, однако, не имеют права управлять ею. В этих колледжах обучаются *ученые*, которые бывают двух видов — *принятые* и *Одобренные*. Первые - это кандидаты в члены церкви, которых проверяют на их умение учиться до вступления в послушничество; вторые - это те, кто завершил свое послушничество и принял обеты. Каждый

Новичок и Ученый стремится войти в класс Кoadъюторов, или в класс Исповедующих, в этих двух классах сосредоточена вся сила и авторитетность ордена. Обеты Ученых те же, что и у Новичков.

III. ПОМОЩНИКИ.

Третий класс иезуитов состоит из временных и духовных помощников. Временные помощники, какими бы образованными они ни были, никогда не допускаются в священный сан. Это носильщики, повара, стюарды и агенты Общества. Духовные помощники - это священники, и они должны быть людьми значительной образованности, чтобы иметь право выслушивать исповеди, учить, проповедовать и т. Д. Ректоры колледжей и настоятели религиозных домов назначаются из этого класса. Иногда им разрешается участвовать в обсуждениях генеральной конгрегации, но они не имеют права голоса при выборах Генерального.

Помимо прохождения первого испытательного срока и прохождения новичками, коадъюторы должны пройти третий год испытаний, чтобы предоставить более веские доказательства своих способностей. Здесь стоит отметить, что в случае с носильщиком или поваром требуется на год испытания больше, чем считается необходимым для квалификации ученого, который должен проповедовать и преподавать Катехизис. Носильщики и повара должны кое-что знать о мирских делах, и, следовательно, существует большая потребность в том, чтобы они были верными и заслуживающими доверия. Вот формула обета, данного Помощниками: “Я, Н., обещаю Всемогущему Богу, перед Его Девственной Матерью и перед всем небесным воинством, и вам, преподобный отец, генеральный директор Общества Иисуса, *занимающий место Бога*, и вашим преемникам; или вам, преподобный отец, вице—генеральный директор Общества Иисуса, и его преемникам, *занимающим место Бога*, вечную бедность, целомудрие и послушание, и, следовательно, *особую заботу о воспитании мальчиков*, согласно способом, выраженным в Апостольских посланиях и в Конституциях указанного Общества. В Риме или где-либо еще, в таком-то месте, в такой-то день, месяц и год.

“Тогда пусть он примет пресвятое тело Христово; и пусть оставшая часть церемонии будет такой же, как в случае с Исповедуемым”. [44] Пункт “*особая забота об образовании мальчиков*” опущен в клятве, приносимой Временными Наставниками.

IV. ИСПОВЕДУЕМЫЙ.

Можно сказать, что только этот четвертый класс, первый по степени власти и достоинства, составляет Общество. Испытательный срок, необходимый для этого, более длительный и строгий, чем для любого другого класса. Два дополнительных года испытаний необходимо выдержать, чтобы получить допуск к нему. Отчасти это делается для того, чтобы класс не стал слишком многочисленным. Исповедуемые должны, с точки зрения Конституции, быть священниками старше двадцати пяти лет, выдающимися ученостью и добродетелями. В дополнение к своим познаниям в литературе и философии, они должны посвятить четыре года специально изучению теологии. Их допуск является непосредственным актом генерала, который редко делегирует свои полномочия для этой цели, как он обычно делает для допуска других классов. Торжественные обеты принимают только представители этого класса; обеты других классов обозначаются просто как *простые* обеты. Помимо трех обычных обетов бедности, целомудрия и послушания, исповедующие принимают четвертый — повиноваться Святому Престолу и отправляться в качестве миссионеров в любую часть мира, в которую

временно решит их послать папа. Мои читатели, вероятно, помнят, что именно этот четвертый обет преодолел возражения коварного папы Павла против утверждения ордена. Но этот понтифик, при всей его хитрости, не мог сравниться с Лойолой, который полностью аннулировал этот обет формулой, в которой он его воплотил. Согласно этой формуле, обет дается только в соответствии с духом Конституции. Теперь Конституция устанавливает, “что генерал должен обладать всей полнотой власти над каждым членом Общества, отправлять любого человека на миссию, отзывать миссионеров и действовать во всем так, как, по его мнению, будет лучше для вящей славы Божьей”. [45] Таким образом, повиновение папе полностью зависит от воли и удовольствия генерала. Отсюда преобладающее влияние генерала при Римском дворе.

Церемония принятия обетов Исповедуемым является более торжественной, чем у других. Она должна проходить в церкви, что для других не является обязательным. “Прежде всего, Генерал или кто—либо, уполномоченный им признаваться в Исповедании, после того, как он совершит публичную мессу в церкви перед заключенными и другими присутствующими, должен обратиться к человеку, который собирается исповедаться в пресвятом таинстве Евхаристии; и он, после общей исповеди и слов, которые используются перед причастием, должен громким голосом произнести свой письменный обет (над которым ему следовало размышлять в течение нескольких дней), форма которого такова:

“Я, Н., исповедую и обещаю Всемогущего Бога перед Его Матерью-Девой, и перед всем небесным воинством, и перед всеми присутствующими, и вами, преподобный отец, Генеральный директор Общества Иисуса, *занимающий место Бога*, и вашими преемниками; или вами, преподобный отец, вице-генеральный директор Общества Иисуса и его преемников, *занимающий место Бога*, вечную бедность, целомудрие и послушание, и, следовательно, особую заботу о воспитании мальчиков, в соответствии с образом жизни”. содержится в Апостольских посланиях Общества Иисуса и в его Уставах. Более того, я обещаю особое послушание Папе в миссиях, как это содержится в тех же Апостольских Посланиях и Конституциях. В Риме или где-либо еще, в такой-то день, месяц и год и в такой-то церкви.

“После этого пусть он примет пресвятое таинство Евхаристии. После этого имя того, кто исповедуется, должно быть занесено в книгу, которую Общество должно вести для этой цели; также должно быть указано имя человека, которому он это сделал, — день, месяц и год; и его письменные клятвы должны быть сохранены, чтобы отчет обо всех подробностях мог появиться навсегда, во славу Божью ”. [46]

Именно этот класс и коадьюторы привыкли жить подаянием и для вида иногда ходят просить милостыню от двери к двери (по крайней мере, так обстоит дело в Италии). Но то ли из гордости, то ли из жульничества они никогда ничего не просят в наши дни от своего имени, но всегда от имени бедных, больных и заключенных, и таким образом они завоевывают для своего ордена почитание легковых и невежественных.

Только Посвященным доверяются миссии и управление наиболее важными делами ордена, в тайны которых они посвящены дальше, чем любой другой класс. Следовательно, они никогда, за исключением экстренных случаев, не назначались ректорами колледжей или начальниками Палаты пробации. Именно строгое соблюдение этого правила, возможно, больше, чем что-либо другое, способствовало разрушению ордена.

Генерал, как мы уже говорили, стоит во главе иерархии, абсолютный хозяин людей и вещей. Он избирается пожизненно Общим Собранием Общества, решение требует большинства голосов и соблюдения определенных правил. Но иногда, когда “избираются пообщему вдохновению, от этих правил можно отказаться”, поскольку Святой Дух, который вдохновляет на такое избрание, восполняет недостаток в любой форме избрания. [47] В эту Конгрегацию созваны два иезуита Исповедующего класса, проживающие в Риме, все провинциалы, а также два исповедующих члена, выбранные в каждой провинции Провинциальной конгрегацией. Формальности, связанные с выборами, во многом те же, что соблюдаются при избрании Папы Римского. [48] После посещения мессы выборщиков запирают в квартире, где они не могут общаться ни с кем извне; и, чтобы заставить их принять решение в разумные сроки, им не разрешается ничего, кроме хлеба и воды, пока не будет выбран генерал. Когда произойдет это счастливое событие и будет провозглашен новый генерал, каждый присутствующий должен выйти вперед, чтобы выразить ему почтение и, *преклонив оба колена*, поцеловать ему руку. [49] Та же Конгрегация, которая избирает Генерала, назначает также четырех помощников, которые должны проживать рядом с ним в Риме. В период, когда Конституция была окончательно определена, к 1552 году, иезуиты разделили мир на четыре провинции, а именно. Индия, Испания и Португалия, Германия и Франция, Италия и Сицилия. Каждый из четырех помощников занимается отдельно делами одной из этих четырех провинций, и все они вместе, когда требуется, помогают Генералу в общих делах Общества. В той же Общине также назначен благочестивый человек в качестве *наставника* генерала, чья обязанность - быть рядом с Генералом, наблюдать за ним и, “если он заметит, что он отклоняется от правильного пути, со всем возможным смирением посоветовать ему, после серьезной и благочестивой молитвы Богу, какой курс он считает наилучшим”.

В случае смерти или длительного отсутствия кого-либо из этих должностных лиц генерал может назначить кого-либо на вакантную должность при условии, что его выбор будет одобрен большинством жителей провинции. Все эти должностные лица предоставлены генералу Конституцией отчасти для того, чтобы помогать ему в выполнении его обязанностей, а отчасти для того, чтобы постоянно и внимательно следить за его поведением. “И если общий грех *вплотской* связке, причиняющий кому-либо вред, применяющий его в своих целях или раздающий какие-либо доходы колледжей, или придерживающийся порочных доктрин, как только обвинение будет подтверждено достаточными доказательствами, четыре помощника немедленно созывают Общее Собрание”. [50] Однако, за исключением отчуждения любого недвижимого имущества колледжей, генерал обладает полной и неограниченной властью, вплоть до предоставления разрешения на выполнение любого из правил Конституции. Он назначает и освобождает от должности всех младших должностных лиц Общества, принимает в него или увольняет из него любого человека, которого ему заблагорассудится, и которого он может выбрать в любое время. Он покупает или обменивает собственность ордена своими собственными полномочиями и руководит всей его администрацией.

Провинциалы присылают ему раз в год подробный отчет о каждом члене ордена, правильность которого проверяется частным расследованием из разных и противоположных источников, потому что (как считается) он не питает безоговорочного доверия даже к ним. В Конституциях говорится: “Генерал тщательно изучает, насколько это возможно, характер тех, кто находится под его контролем, и особенно жителей провинций, а также других лиц, которым он доверяет важные дела”. [51]

Против ПРОВИНЦИАЛОВ.

Провинциалы избираются генералом из сословия исповедующих. Они назначаются на три года, но могут быть утверждены или уволены по желанию генерала. Важность провинции, над которой он поставлен, зависит от количества домов или колледжей, основанных в ее пределах. Ректоры, Администраторы или местные Начальники ежемесячно направляют жителям Провинций полный и достоверный отчет о склонностях, мнениях, недостатках, пристрастиях и характерах каждого человека, находящегося в их ведении. Доверенные лица, и особенно Исповедники, оказывают им большую помощь в составлении их отчетов, из которых провинциалы извлекают свои, которые ежегодно направляются генералу.

VI. РЕКТОРЫ, НАЧАЛЬНИКИ И АДМИНИСТРАТОРЫ.

Ректорам поручено руководство колледжами. Генерал выбирает их из класса Духовных помощников, но назначает их без определенного срока, что оставляет ему свободу увольнять их, когда ему заблагорассудится.

Старшие, избираемые из того же класса и с той же властью, осуществляют надзор за Палатами Первого и Второго Испытательного срока. Каждое из этих должностных лиц, Вышестоящее, ректорское и Провинциальное, имеет в своей соответствующей сфере такую же абсолютную власть над своими подчиненными, какую генерал имеет над любым членом Общества.

Администраторы выбираются Генералом из Временных Помощников, находящихся под его контролем. Они полностью управляют мирскими делами как в учебных заведениях, так и в колледжах.

Ректорам и настоятелям запрещено иметь какое-либо отношение к каким бы то ни было мирским делам; потому что это составляет заметную часть замечательной иезуитской системы, предписывающей каждому классу иезуитов их особые обязанности, от которых их не должно отвлекать никакое занятие. Это в значительной степени способствовало возвышению и успеху Общества, пока соблюдались правила.

У всех этих функционеров есть младшие офицеры, которые помогают им в выполнении их обязанностей. Провинциалы, ректоры, настоятели и некоторые представители Духовенства составляют Провинциальные конгрегации, где обсуждаются дела округа и откуда избираются делегаты, которые должны быть отправлены в Генеральную Конгрегацию.

Таким образом, обрисовав в общих чертах происхождение и устройство Общества, а также ограничения этой работы, запрещающие мне сколь-либо широко распространяться об этой части моего предмета, я теперь перейду к рассмотрению ее прогресса.

ГЛАВА IV.

1541-48гг.

ПРОГРЕСС ОРДЕНА И ЕГО ПЕРВЫЙ ГЕНЕРАЛ.

Не успел Игнатий получить от папы буллу, одобряющую Деятельность Общества, как счел целесообразным назначить ему главу, или, выражаясь более корректно, сам быть формально избранным таковым, уже будучи *фактическим* его хозяином. Поэтому, чтобы приступить к выборам Полководца, он созвал в Рим своих товарищей, которые были разбросаны по разным частям Европы. Прибыло шестеро. Бобадилья, Ксавье и Родригес прислали свои голоса письменно. И отсутствующие, и присутствующие были единодушны в своем выборе, который (как легко себе представить) пал на Игнатиуса. Однако у него хватило скромности (так нам сказали) отказаться от этой чести и настоять на том, чтобы они провели новые выборы. Второй судебный процесс привел к тому же результату, но Игнациус по-прежнему отказывался от должности. Наконец, однако, когда его настойчиво просили сделать это, он воскликнул— “Поскольку вы упорствуете в выборе меня, хорошо зная мои немощи, я по совести не могу согласиться с вашим суждением. Тогда остается только передать спорный вопрос моему духовнику, которого, как вы знаете, я считаю выразителем Божественной воли”. [52] Добрые отцы согласились на это соглашение тем охотнее, что у них не было никаких сомнений (я думаю, что нет), что отец Теодоз одобрит их выбор. И они не были обмануты. [53]

Поэтому в 1541 году, в день Пасхи, он принял руководство Обществом, а в следующую пятницу он и его ученики в великолепной базилике Святого Павла в Риме с необычайной помпой и церемонией обновили четыре обета, которыми они себя обязали.

Однако мы откровенно признаем, что Игнатий, достигнув вершины своего честолюбия, нисколько не ослабил строгости своего поведения и не позволил остыть тому рвению, которое он проявлял, чтобы достичь ее. Напротив, он, казалось, удвоил свою энергию и обрел дополнительную силу в своем новом достоинстве. Дни, в которые он жил, были днями сражений, и Игнатий, не забывая о своем первом призвании, сгорал от нетерпения вступить в *ближний бой*. Протестантизм, гигант в зачаточном состоянии, стоящий в угрожающей позе с Библией в одной руке и мечом в другой, бросает вызов тем, кто оспаривает Священное Писание. Католицизм, погрязший в разврате власти, дискредитированный пороками своих министров, мог противопоставить своему грозному противнику только разрозненную и недисциплинированную армию монахов и священников, истощенных жизнью, полной изнеженности и разврата. В этот критический момент Игнатий бросился на помощь сармией, действительно небольшой по численности, но состоящей из храбрых и решительных душ, образованных, красноречивых, страстных, обученных сражаться, полностью убежденных, как почти каждый солдат, в том, что их дело правое и что победа должна принадлежать им. Ученики Игнатия вышли на поле боя в приподнятом настроении и были готовы, если понадобится, пожертвовать своей свободой, своей кровью, своими жизнями, всем своим существом ради дела, которое они приняли и которое в их глазах было делом Божьим. Они рассеялись по всей Европе. Лефевр с Вормсского конгресса отправился в Испанию; Лайнез и Лежай сменили его в Германии. Бобадилья отправился в Неаполь, Брузэ и Сальмерон - в Ирландию, Родригес и Ксавье - в Португалию. Повсюду эти суровые и фанатичные монахи были, с одной стороны, вовлечены в богословские дискуссии, в то время как, с другой стороны, они проповедовали народу покаяние и реформы духовенству, не обращая внимания на ненависть, проявляемую к

ним как протестантами, так и католиками. Создается впечатление, что они навлекали на себя гонения и хотели надеть мученический венец. Когда разъяренное население Вены пригрозило сбросить Лежая в Дунай, он презрительно улыбнулся и спокойно ответил: “Какая мне разница, попаду ли я на небеса по воде или по суше!”

Из Рима Игнатий, как способный полководец, руководил действиями всех этих воинов Христа, как они себя называли. Он хвалил одних, увещевал других, вдохновлял всех своим рвением и фанатизмом. Но и этого было недостаточно для его пылкого и неутомимого духа. Он обратил свое внимание на менее бесспорные акты религии и благотворительности. Многие больницы, возведенные в центре Рима, были плодами его усердных усилий. Монастырь Санта-Марта был открыт для брошенных женщин, которые хотели покаяться и вести праведную и легкую жизнь. В монастыре Святой Екатерины бедные и честные молодые девушки нашли убежище от соблазнов; сироты обоего пола были приняты и получили тщательное образование в двух больницах, которые все еще существуют в Риме; и обитатели которых 31 июля каждого года идут процессией в церковь Джезу, чтобы помолиться святыне святой и возблагодарить своего благодетеля.

Однако благодарность, которой мы обязаны Лойоле за эти благотворительные учреждения, не может сдержать нашего негодования и отвращения к человеку, который внес столь большой вклад в возрождение печально известного трибунала инквизиции. Иезуиты причисляют к славе своего ордена то, что Лойола поддержал специальным памятным письмом папе римскому петицию о реорганизации этого жестокого и вызывающего отвращение трибунала.

В 13 веке инквизиция была дьявольски активна. 25 000 альбигойцев погибли за то, что свидетельствовали о Слове Божьем. Доминик, этот массовый убийца этих несчастных христиан, своей варварской бесчеловечностью наводил ужас на всю Европу и заслужил себе место среди римских святых. Но, как это всегда бывает, сам его избыток вызвал реакцию. Трибунал, словно пресытившись человеческими страданиями, постепенно смягчился и в эпоху, о которой мы говорим, почти пришел в упадок. Кроме того, инквизиторы, избранные из числа монашеских орденов, были мало склонны применять строгие законы против практики или мнений, в которых они сами во многих случаях были повинны. [54] Прежде всего, Римский престол при Александрах, Юлиях, Львах, погруженный в политические дела и крайне небрежный в вопросах религии и морали, практически не имел склонности приводить в исполнение почти забытые эдикты инквизиции. Но новые доктрины распространились в Германии с поразительной быстротой; и возмущение, поднятое против морали католического духовенства, произвело два немедленных эффекта — частичную реформу наиболее вопиющих злоупотреблений, в которых было виновно духовенство, и возрождение трибунала, который должен был уничтожать огнем и мечом всякого, кто осмеливался оспаривать доктрины пап и канонические законы. Караффа, о котором мы уже упоминали, был главным инициатором этого ужасного трибунала. Благодаря его усилиям и усилиям Лойолы 21 июля 1542 года появился эдикт, назначающий шестерых кардиналов комиссарами Святого Престола и генеральными инквизиторами, имеющими право делегировать свои полномочия любому лицу, которому они заблагорассудятся. Этим инквизиторам подчинялись все без исключения слои населения. Подозреваемые были немедленно заключены в тюрьму, виновные наказаны смертью, а их имущество конфисковано. Ни одна книга не могла быть напечатана или продана (и так до сих пор происходит почти по всей Италии) без разрешения инквизитора. Отсюда и каталог запрещенных книг, первый выпуск которого, содержащий семьдесят произведений, вышел в Венеции.

Для повышения эффективности работы трибунала Караффа лично разработал следующие строгие правила:—

Во-первых, когда под вопросом вера, не должно быть промедления; но при *малейшем подозрении* необходимо как можно скорее прибегнуть к строгим мерам.

“Во-, не следует проявлять никакого уважения ни к принцу, ни к прелату, каким бы высоким ни было их положение.,,

“В-, чрезвычайная суровость должна применяться ко всем тем, кто пытается укрыться под покровительством какого-либо властителя; и обращаться с мягкостью и отеческим состраданием следует только с теми, кто полностью и откровенно признает выдвинутые против них обвинения.,,,,,,,,,,,,,,

“В-четвертых, никто не должен *унизить себя, проявив терпимость* к еретикам любого рода, и прежде всего кальвинистами.” [55]

Этот ужасный трибунал в руках безжалостного и неумолимого Караффы с самого начала сеял опустошение и смятение по всей Италии. Тысячи предстали перед судом, единственное преступление которых состояло в том, что они стали несчастными жертвами тех, кто был движим жестокой яростью мести или жаждой власти или богатства - одним словом, любой или всеми теми грязными страстями, которые унижают и ожесточают человечество. Когда жреческая свирепость призвала себе на помощь мощь светской власти и, таким образом, стала всемогущей, смерть приобрела новый и более ужасный вид. И тот, кто изобрел бы новые орудия пыток, чтобы вывихивать конечности жертв с помощью самых изысканных и мучительных болей, какие только возможны, был бы вознагражден!!! По всей Италии и в различных частях Европы вы могли видеть, пока поднималось адское пламя костра, зловещую и дьявольскую улыбку иезуитов, которые стремились к увеличению своего ордена под сенью этой всемогущей силы!

Но мы должны вернуться к нашей истории. Первый колледж ордена был основан в Коимбре в 1542 году Иоанном III. королем Португалии. В том же году двадцать пять его подданных были приняты в нее под руководством Родригеса.

Лайнез с помощью семьи Липомана в то же время возвел еще один в Венеции. Третий был построен в Падуе. После этого Италия буквально кишела ими. Те юноши, которых Лойола в начале 1540 года отправил в Париж учиться и получить степень в тамошнем университете, будучи изгнанными из Франции, отправились в Лувен и там под руководством Лефевра стали воспитанниками впоследствии знаменитого колледжа. Иезуиты уже основали множество колледжей в Германии, один из которых лелеял в своих недрах Петра Канисиуса, получившего наибольшую известность своими жестокостями. В Испании "новый порядок" также имел ошеломляющий успех. Помимо того, что он был родиной Игнатия и шести основателей ордена, с самого начала ему удалось завоевать не кого иного, как Франциска Борджиа, герцога Кандийского и вице-короля Барселоны. Авторитет его имени, его усилия и красноречие отца Араоса вскоре покрыли Испанию множеством учебных заведений. С 1543 года, когда в ордене уже насчитывалось девять домов и более восьмидесяти действовавших членов, Павел III, который сначала ограничил число иезуитов шестьюдесятью, будучи весьма доволен этими новыми защитниками Римского престола, издал еще одну буллу 15 марта 1543 года, которой он уполномочивал орден принимать неограниченное количество членов.

Говоря о различных странах, в которые проникли иезуиты, мы намеренно обошли стороной Англию; и это по двум причинам: —*Первая*, потому что, пища в Англии и для английских читателей, мы считаем справедливым особенно распространяться о том, что касается их собственной страны. *Во—вторых*, потому что двум первым иезуитам, прибывшим в Англию, была доверена особая политическая миссия — первая в своем роде, о которой мы собираемся рассказать:-

Суровые и несколько капризные эдикты Генриха VIII, даже после того, как Мур и Фишер погибли от рук палача, хотя и выполнялись лишь частично в Англии, были полностью проигнорированы в Ирландии. Верно, что значительная часть аристократии, опасаясь проскрипций и конфискаций, подчинилась приказам Генриха и даже поддержала его в его деспотической политике; но основная масса нации, возможно, больше из ненависти к своим угнетателям, чем из реальной привязанности к своей религии, отказалась подписаться под вероучением, насильственно насаждаемым ненавистной и деспотической властью. Не довольствуясь противодействием Генриху в его религиозных постановлениях, они, под предлогом религии, вызвали частичные восстания с целью сбросить иго своих хозяев. Но власть Генриха сокрушила всякое сопротивление, и, как говорит доктор Лингард, “английское господство над Ирландией никогда, казалось, не было установлено более прочно”. При таком положении вещей архиепископ Арма, шотландец по происхождению, бросив вверенную его попечению паству, бежал в Рим, чтобы умолять о помощи своего господина папу Римского. Павел уже выказал сильный гнев против Генриха за его отступничество. Его гнев усилился из-за того, что он не только не смог убедить Франциска I или Карла V. вторгнуться в Англию, но и из-за того, что эти монархи, вопреки его недвусмысленным приказам, последовательно заключили договор с отлученным от церкви королем. Соответственно, его негодованию не было предела. Однако средства, которыми располагал Павел для борьбы с Генрихом, были недостаточны для удовлетворения ненависти, которая терзала его душу по отношению к нему. Преисполненный, тем не менее, решимости не бездействовать, он подумал о том, чтобы направить несколько эмиссаров в Ирландию, чтобы, воздействуя на невежественные и фанатичные умы ее фанатичных жителей, он мог бы спровоцировать их на гражданскую войну. Имея в виду эту благочестивую цель, он обратил свой взор на это недавно созданное общество и попросил у двух его членов направить его туда. С того дня и вплоть до недавней миссии кардинала Уайзмана Римский двор стремился, более или менее открыто, с большим или менее рвением, настроить ирландских католиков против английских протестантов и превратил Ирландию в больную занозу для острова-побратима. Много раз Пий V восклицал, что он охотно пролил бы свою кровь в войне против Англии; и Григорий XIII. всерьез подумывал лично выступить в поход и возглавить восстание, вспыхнувшее в Ирландии во время правления Елизаветы!

Двумя иезуитами, которых Игнатий поручил папе для этой миссии, были Сальмерон и Брузе, которые получили *секретные инструкции* от папы римского и были удостоены звания папских нунциев. “Они с радостью приняли опасности посольства, но ни в коей мере не претендовали на блеск и почести, которые давал этот титул”. [56] Настолько скромными они были, по словам г-на Кретино.

Дело в том, что они не могли и не осмелились бы публично присвоить себе титул папских легатов, или нунциев, и были вынуждены довольствоваться ролью простых и тайных эмиссаров. Игнатий также дал им частные инструкции, и мы можем поблагодарить Орландини за отправку этого документа, который, при тщательном изучении, ясно показывает, что хитрая и

таинственная политика, за которую Общество заслужило такую дурную славу и презрение, так же стара, как и орден. Вот драгоценный документ, который, однако, свидетельствует о замечательном знании человеческой природы:

“Я рекомендую вам в общении со всем миром в целом, но особенно с равными вам и подчиненными, быть скромными и осмотрительными в своих словах, всегда расположенными и терпеливыми слушать, внимательно прислушиваясь до тех пор, пока люди, которые говорят с вами, не раскроют глубину своих чувств. Затем вы дадите им ясный и краткий ответ, который может предвосхитить все обсуждение.

“Чтобы расположить к себе доброжелательность людей в желании распространить царство Божье, вы сделаете себя всем для всех людей, по примеру апостола, чтобы приобрести это для Иисуса Христа. В сущности, ничто так не приспособлено, как сходство вкусов и привычек, для того, чтобы примирять привязанность, завоевывать сердца.

Таким образом, изучив характер и манеры каждого человека, вы постараетесь соответствовать им настолько, насколько позволит долг, — так что, если вам придется иметь дело с легковозбудимым и пылким характером, вы должны отбросить всякую утомительную многословность.

“Напротив, вы должны стать несколько медлительными и взвешенными в речи, если человек, с которым вы разговариваете, более осмотрителен и обдуман в своей речи.

В остальном, если тот, кто имеет дело с человеком вспыльчивого темперамента, сам имеет этот недостаток, и если они не полностью согласны в своем мнении, следует очень опасаться, как бы они не позволили увлечь себя страстью. Следовательно, тот, кто признает в себе эту склонность, должен следить за собой с самой неусыпной заботой и укреплять свое сердце запасом силы, чтобы гнев не застал его врасплох; но, скорее, чтобы он мог невозмутимо переносить все, что он будет терпеть от другого, даже если последний окажется ниже его. Дискуссий и ссор гораздо меньше следует опасаться от тихих и уравновешенных людей, чем от легковозбудимых и пылких.

“Чтобы привлекать людей к добродетели и бороться с врагом спасения, вы должны использовать оружие, которое он использует для их уничтожения” — таков совет святого Василия.

“Когда дьявол нападает на праведного человека, он не позволяет ему увидеть свои сети; напротив, он скрывает их и нападает на него лишь косвенно, не сопротивляясь его благочестивым наклонностям, притворяясь даже, что соображается с ними; но постепенно он соблазняет его и застает врасплох в своих сетях. Таким образом, подобает следовать подобным путем, чтобы избавить людей от греха.

“Начните с восхваления того, что в них есть хорошего, не нападая сначала на их пороки; когда вы завоюете их доверие, примените подходящее средство для их излечения.

“Что касается меланхоличных или выбитых из колеи людей, проявляйте, обращаясь к ним, насколько это возможно, веселое и безмятежное выражение лица — придавайте своим словам максимальную мягкость, чтобы вернуть их в состояние душевного спокойствия, борясь с одной крайностью другой крайностью.

“Не только в своих проповедях, но и в личной беседе, особенно когда вы примиряете враждующих людей, не упускайте из виду тот факт, что все ваши слова могут быть опубликованы — то, что вы говорите в темноте, может проявиться при свете дня.

“В делах рассчитывайте время, а не откладывайте их; если вы обещаете что-то на завтра, сделайте это сегодня. Что касается денег, не трогайте даже тех, которые будут предназначены для покрытия расходов, которые вы оплатите. Пусть они будут розданы бедным другими руками или употреблены на добрые дела, чтобы вы могли в случае необходимости подтвердить под присягой, что за время вашей миссии вы не получили ни пенни. Когда вам придется говорить с великими, поручите это Паскье Брюэ. Обсудите с самими собой все моменты, по которым ваши чувства могут расходиться. Делайте то, что одобрили бы два человека из трех, если бы им пришлось принимать решение.

“Часто пиши в Рим во время своего путешествия - как только доберешься до Шотландии, а также когда переберешься в Ирландию. Затем ежемесячно отчитывайтесь о своей миссии”. [57]

Теперь внимательно изучите эти инструкции, и вы обнаружите, что истинный иезуит должен быть хитрым, вкрадчивым, лживым, даже притворяясь самым искренним христианином и как будто воспитанным Богом для защиты своей святой религии. Их кощунственная максима “никакие средства не могут быть плохими, если цель хороша” освящает в их глазах самые чудовищные преступления.

На первый взгляд, эти наставления, которые Игнатий дал двум посланникам Павла, хотя и не очень честны, сами по себе кажутся разумными указаниями для продолжения того, что они считали самым святым делом — поддержания католической религии. Но примените их к политическим целям — а Игнациус знал, что это так, — и вы сразу поймете масштабы иезуитской безнравственности и тот искусный способ, с помощью которого во имя самой священной из всех вещей — религии - они совершают самые отвратительные преступления.

Но послушайте изобретательного мистера Кретино: “В этих инструкциях, - говорит он, - Лойола старается умолчать о тех, которые дал им папа; он держится в стороне от политики. Сальмерон и Брюэ являются папскими легатами и пользуются его доверием. Игнатий старается сделать их достойными этого, но дальше этого не идет”. [58] Хорошо! Итак, вы признаете, что Павел — наместник Христа — замышляет месть под личиной религии и что он послал иезуитов с политической миссией. Игнатий, уверенный в способностях Павла, ограничился предписанием правил, рассчитанных на обеспечение успеха в их начинании; вы цените его за это и хвалитесь, что он держится в стороне от политики? Хорошо!

Салмерон и Брюэ отправились выполнять свою миссию и, как им было приказано, посетили Холируд по пути в Ирландию. В то время на троне Шотландии находился Яков V. “Есть основания полагать, — говорит автор *“Рассказов об одном дедушке”*, - что он был несколько склонен к реформатским доктринам - по крайней мере, он поощрял поэта Линдси сочинять горькие сатиры на развращенность римско-католического духовенства”. Его дядя, Генрих VIII, поощрял его в этом намерении, настоятельно советовал ему завладеть огромными богатствами религиозных орденов и желал встречи с ним в Йорке в начале 1542 года. Генри отправился туда и шесть дней ждал своего племянника, но тот так и не появился. Не может быть никаких сомнений в том, что иезуиты, прибывшие в Шотландию некоторое время назад с письмом папы для короля, с которым их познакомил Битон, человек жестокой и трагической памяти, знавший

Лойолу в Риме, использовали все свое влияние, чтобы предотвратить эту встречу. Я также не считаю самонадеянным утверждать, что два иезуита и письмо, которое они привезли от Павла, призывавшего короля оставаться верным религии его отцов, были главной причиной, задержавшей его дома. Последовавшей вскоре после этого войны с катастрофическими последствиями для обеих наций, и особенно для Шотландии, а также потоков крови, пролитых в ходе длительной религиозной борьбы, можно было бы, по всей вероятности, избежать, если бы Джеймс сопротивлялся влиянию иезуитов.

Тем временем два посланника Павла прибыли в Ирландию примерно в феврале 1542 года. Там, по словам историков-иезуитов, они творили чудеса, реформируя и будоража людей и утверждая их в догматах истинной религии; служили мессы, выслушивали исповеди и особенно предоставляли множество индульгенций; [59] взимая с людей очень умеренный налог, который, согласно указаниям Игнатия, собирали не они сами, а незнакомец. [60] Люди столпились вокруг них и осыпали их головы благословениями. С другой стороны, их противники утверждают, что они замыслили натравить один класс граждан на другой и с такой силой опустошали карманы доверчивых ирландцев, что в конце концов стали настолько ненавистны в глазах народа, что пригрозили передать их в руки офицеров Генриха. [61] Мы сами считаем, что обе эти версии частично соответствуют действительности. Несомненно, они, чтобы соблюсти приличия, отслужили мессы, выслушали множество исповедей, даровали миллионы индульгенций, но столь же мало сомнений в том, что они возбудили народ против своего отлученного от церкви монарха, которого, чтобы быть верными своей религии, они должны проклинать и использовать все свои усилия для свержения с престола. В том, что они собирали деньги с народа, признают обе стороны; но были ли эти деньги использованы для ремонта церквей и поддержки вдов и сирот, как утверждает одна, или как пособие для разжигания гражданской войны, как утверждает другая, установлено недостаточно. Мы оставляем наших читателей судить самим. Несомненно, однако, что они пробыли в Ирландии всего тридцать четыре дня, и все это время они переодевались с места на место, никогда не спали две ночи подряд под одной крышей, каждую минуту опасаясь быть схваченными. Уезжая, они составили *благородный план* (говорит мистер Кретино, приводя в пример Орландини) отправиться в Лондон и найти способ предстать перед Генрихом, когда своим красноречием и нежностью они обезоружат гнев короля, защищая интересы католической религии перед судом его совести. [62] К счастью для Генриха, да и для Англии тоже, их план был признан *“невыполнимым”*. Мы не должны забывать, что они были посланцами того Павла, который считал меч и кол для обращения еретиков наиболее действенными и убедительными аргументами. Мы также не должны забывать, что несколько лет спустя Джеймс Клемент и Равайак избрали более быстрый способ обращения Генриха III, чем красноречие. и IV. Сальмерон и Бруэ сочли целесообразным в сложившихся обстоятельствах удалиться во Францию, и, получив приказ Павла снова возвращаться в Шотландию, отказались повиноваться и направились прямо в Рим.

Так закончилась первая миссия в Англию. Хотел бы Бог, чтобы она была последней!

ГЛАВА V.

1547-1631.

ЖЕНЩИНЫ-ИЕЗУИТКИ.

Прежде чем продолжить, мы считаем уместным сделать несколько замечаний о Женском иезуитском институте, который был основан в этот период, тем более что орден все еще существует, хотя и под другим названием.

Когда Игнатиус жил в Барселоне, он получил много доброты и одолжений от дамы по имени Розелло. Но после того, как он покинул это место, его разум был настолько поглощен разработкой стольких грандиозных проектов, что он совершенно забыл о ней. Она, однако, не забыла Игнатиуса. Услышав о его возрастающей святости, о том, что он стал основателем и генералом нового ордена, и “будучи тогда вдовой, она решила покинуть мир и жить в соответствии с его евангельскими советами и под властью Общества. Приняв это благочестивое решение и присоединившись к своему святому предприятию двумя добродетельными и благородными римскими дамами, она попросила и получила от Павла разрешение вести такой образ жизни”. [63] Игнатий понимал, что эти дамы будут обузой для него и его ордена, “однако благодарность, которой он был обязан своей доброй благодетельнице, так сильно давила на его сердце, что он согласился принять их под свою защиту”. Но вскоре у него появилась причина раскаяться в этом акте снисхождения; раздражение было настолько велико, что он сам признался, что они доставляли ему больше хлопот, чем вся община, потому что он никогда не мог покончить с ними. Каждую минуту он был вынужден разрешать их странные вопросы, успокаивать их угрызания совести, выслушивать их жалобы или улаживать их разногласия; [64] и поскольку, несмотря на всю свою проницательность, Игнатий не предвидел, какое преимущество женщины однажды могут принести ордену, он обратился к папе с просьбой освободить его от этого обвинения, написав в то же время Розелло следующее письмо: —

“Достопочтенная дама Изабелла Розелло — моя Мать и моя Сестра в Иисусе Христе, — По правде говоря, я хотела бы, для вящей славы Божьей, удовлетворить ваши добрые желания и обеспечить ваш духовный прогресс, держа вас в моем послушании, каким вы были в течение некоторого времени в прошлом; но постоянные недуги, которым я подвержен, и все мои занятия, которые касаются служения нашему Господу или его наместнику на земле, больше не позволяют мне этого делать. Более того, будучи убежденным, согласно свету моей совести, что это маленькое Общество не должно брать на себя, в частности, руководство какой-либо женщиной, которая может быть помолвлена с нами по обету послушания, как я полностью заявил нашему Святому Отцу Папе Римскому, мне показалось, что для вящей славы Божьей я больше не должен смотреть на вас как на свою духовную дочь, а только как на свою крестную мать, какой вы были в течение многих лет, для вящей славы Божьей. Следовательно, для большего служения и большей чести вечной Благости Я отдаю вас, насколько могу, в руки суверенного Понтифика, чтобы, как правило, подчиняясь его суждению и воле, вы могли обрести покой и утешение во имя вящей славы Божественного Величия.— В Риме, первого октября 1549 года”.

Папа удовлетворил просьбу и освободил орден от надзора за женщинами; а Игнатий закрепил в Конституциях, “что ни один член Общества не должен брать на себя заботу о душах, ни о религиозных, ни о каких-либо других женщинах” [ученики Лойолы сочли уместным не

согласиться с ним], “чтобы часто выслушивать их исповеди или давать им указания, хотя нет никаких возражений против того, чтобы они один раз исповедовались в монастыре и по особой причине”. [65]

Дама Розелло и две ее спутницы, лишившись своего духовного отца, не желая менять его на другого — настолько верными они были, — сразу отказались от своего благочестивого предприятия, и некоторое время о женщинах-иезуитках больше ничего не было слышно; но примерно в 1622 году несколько женщин, скорее назойливых, чем преданных, взяли на себя задачу возродить это учреждение, хотя они и не были уполномочены делать это. Тем не менее, они объединились в разные общины, основали дома для послушников и колледжи, выбрали генерала по имени Пропоста и дали ей обеты вечного целомудрия, бедности и послушания. Не сдерживаемые никакими законами уединения, они переходили с места на место, оживленно сплетничая и вызывая смятение и скандал во всем католическом лагере. Община вскоре распространилась на большую часть нижней Германии, Франции, Испании и была особенно многочисленна в Италии, где она зародилась.

Урбан VIII, после тщетных попыток навязать им некоторые правила дисциплины, своим приказом от 21 мая 1631 года подавил их. [66]

Так закончилось Общество женщин-иезуиток под этим названием и формой. Но впоследствии на его месте возникла другая, под названием *Религиозная организация Святого Креста*, имеющая особые правила, очень похожие на правила иезуитов, под абсолютным руководством которых они сейчас находятся.

В католических странах — прежде всего, во Франции, и, к сожалению, также в Пьемонте — очень многие представители высшего общества отправляют своих дочерей получать образование в эти монастыри. Если бы Игнатий знал, какими могущественными помощниками его ордену, вероятно, окажутся эти *достойные* монахини, он, по всей вероятности, смирился бы с теми мелкими неприятностями, которые причиняла ему добрая дама Розелло. Дамы, воспитанные этими монахинями, приносят в свои дома все те раздоры и становятся причиной всего того зла, которое так умело описано французским профессором Мишле, который на днях лишился своей кафедры за то, что осмелился напасть на этих всемогущих помощников Наполеона - иезуитов.

ГЛАВА VI.

1548-56гг.

ПЕРВОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ОРДЕНУ И СМЕРТЬ ЛОЙОЛЫ.

Орден иезуитов, который до сих пор так успешно продвигался вперед, теперь был окружен трудностями и врагами. Хотя быстрый рост Общества, приобретенное им влияние и богатство, которое оно уже накопило, в совокупности сделали иезуитов менее осторожными и более авторитетными, они также вызывали сильную зависть, особенно среднетех классов, которым

компания угрожала некоторыми из их привилегий. При первой же возможности была предпринята попытка задавить орден в зародыше.

Эта возможность была предоставлена императором Карлом V. Который никогда не был особенно благосклонен к этому учреждению и который, каким бы фанатичным католиком он ни стал в последние дни своей жизни, был католиком ровно настолько, насколько это было необходимо для расширения его владений и укрепления его деспотической власти.

В 1548 году Карл, возмущенный хитрой политикой Павла III, который развязал императору войну с реформаторами и который покинул его, когда тот испугался, что, будучи главой протестантской лиги, он также станет его диктатором — Карл, как мы говорим, когда папа отозвал свои войска, не желая доводить протестантских князей до крайности, опубликовал знаменитый *Промежуточный документ*, своего рода компромисс между двумя вероучениями и молчаливое согласие с более общепринятыми доктринами реформаторов, оставив, кроме того, в их руках, конфискованное церковное имущество. Павел пришел в ярость от дерзости мирянина, вмешивающегося в дела веры, и громко возмутился против принца. Кардинал Фарнезе, папский легат и племянник, сказал императору, что его книга содержит по меньшей мере десять положений, которые являются еретическими и за которые он может быть привлечен к ответственности. Помимо своего легата, папа имел в Германии стойкого и верного сторонника в лице Бобадильи. Бобадилья был смелым и основательным иезуитом. Он отправился на войну и присоединился в качестве своего рода комиссара к войскам, которые внук папы римского повел в Германию. В битве при Мюльберге он получил ранение, но это его мало беспокоило. Несколько дней спустя его можно было увидеть в Пассау, протестантском городке, где он проповедовал католические догматы и объявил день благодарения за победу, одержанную католиками над протестантами.

Вы вполне можете поверить, что такой человек без колебаний напал бы на *Временное правительство*. Фактически, написав, проповедуя публично и частным образом, Бобадилья смело осудил эту книгу, причем даже в присутствии самого императора, как кощунственное сочинение. Император, расстроив желание иезуита прославиться с помощью преследований, просто изгнал его из всех его поместий.

Бобадилья поспешил в Рим, чтобы, как он надеялся, встретить заслуженные овации. Но, увы! как горько он был обманут! Игнациус, “опасаясь, что Бобадилья, оспаривая *Временное* возможно, перешел все границы, сначала счел за лучшее не принимать его в доме”. [67] Итак, Орландини. Наш мистер Кретино, который обычно переводит здесь дословно, с большим рвением, чем осмотрительно, так сообщает отрывок иезуитского писателя: “Лойола ухватился за это обстоятельство, чтобы отомстить за величие королей, которого даже в разгар спора никогда не следовало достигать”. [68] Мы вас хорошо понимаем, мистер Кретино! вы потеряли большую часть своего влияния на людей, слишком хорошо образованных, чтобы сохранять большую веру ни в вашу святость, ни в ваши чудеса, и вы намерены сохранить часть своего властного влияния, цепляясь за тех же королей, против которых, когда они были враждебны вам, вы направили кинжал убийцы!

Изгнание Бобадильи, по-видимому, послужило сигналом к началу ожесточенной войны против ордена, особенно в Испании. Битва началась в Саламанке. Три иезуита, Санчи, Капелла и Турриан, прибыли туда в 1548 году с целью основания своего Общества. Они прибыли в город в самом плачевном состоянии и были настолько бедны, что, “не имея изображения, которым

можно было бы украсить алтарь их частной часовни, они вместо него положили лист бумаги, на котором был начертан, я не знаю, что за фигура — "Impressam nescio", — говорит Орландини, - "quam in papyro figuram, pro scite picta tabula rata collocarent". [69] И Кретино переводит это так: "Вследствие" (отсутствия рисунка), "один из них просто набросал на листе бумаги изображение Богородицы, и эта бумага, приклеенная к стене, была единственным украшением главного алтаря". [70]

Должен сказать, я удивлен их откровенностью! Итак, вы признаетесь, что поклоняетесь грязному клочку бумаги, на котором вы не знаете, что за фигура была изображена, или вы нацарапываете четыре линии и делаете его объектом вашего культа — незаменимым украшением вашего алтаря, на котором вы собираетесь возродить Крестную жертву! Ах! мы уже знали, что ваша религия состоит только из внешних проявлений — слепых и абсурдных суеверий. И все же мы приводим этот другой пример, чтобы доказать ваше собственное идолопоклонство и вашу постоянную практику представлять Христа Господа на заднем плане, поклоняясь изображениям и статуям, которые вы сделали по желанию вашего сердца, как говорит наш великий поэт, из золота и серебра —

"Fatto v'avete Dio d'oro e, d'argento."—*Dante, Inferno, cant. xix.*

Однако в то время в Саламанке жил монах—доминиканец, известный своим красноречием, ученостью и особенно целеустремленностью, - Мельхиор Кано. Он знал Лойолу и составил о нем плохое мнение, потому что тот никогда не переставал рассказывать о своих откровениях, своих видениях, своих добродетелях, о своих незаслуженных преследованиях.

После того, как его ученики прибыли в Саламанку, вооруженные только своим фанатичным фанатизмом и сомнительной моралью, он решил выступить против них и излил на них со своего кресла и кафедры потоки красноречивых оскорблений. Он представлял их хитрыми, вкрадчивыми; живущими во дворцах, обманывающими королей и великих; объявлявшими их запятнанными всевозможными преступлениями; способными на всевозможные эксцессы; и опасными как для религии, так и для общества.

Мы, возможно, можем сказать, что картина, которую он в своем страстном красноречии нарисовал членам ордена, которых он также назвал пионерами Антихриста, была тогда несколько преувеличенной. Иезуиты в то время не были такими порочными, какими он их представлял, поскольку они существовали всего несколько лет. Но, по-видимому, Кано говорил в духе пророчества о характере, который оно приобрело в последующих поколениях, зародыши которого, возможно, он видел, начали развиваться сами собой.

Если письмо, которое мы собираемся расшифровать, написанное им в 1560 году, за два дня до его смерти, не следует причислять к пророчествам, тем не менее, это экстраординарное предсказание, которое сбылось во всех отношениях. Вот это замечательное письмо: "Дай Бог, чтобы со мной не случилось того, что рассказывают о Кассандре, предсказаниям которой не верили до тех пор, пока Троя не была захвачена и сожжена. Если члены Общества продолжат то, что начали, дай Бог, чтобы не наступило время, когда короли захотят противостоять им, но у них не будет средств для этого". [71]

Но мы предвидели. Отвратительные краски, которыми он облил учеников Лойолы, произвели такое впечатление на Саламанку, что иезуитам не позволили утвердиться в ней. Напрасно папа, вступившись за иезуитов, буллой порицал поведение Кано. Тщетно генерал доминиканцев рассылал циркуляр всем своим подчиненным, в котором после длинного восхваления Общества он говорит, что “его следует восхвалять и подражать ему, а не нападать на него с клеветой”. [72] Кано, пренебрегая как папским указом, так и циркуляром своего генерала, и пользуясь поддержкой, по крайней мере тайной, гражданских властей, смело выступил против приказа. Что могли сделать его противники? Преследование и месть были невозможны против подданного императора, который в то время находился в состоянии войны с папой, и все же от Кано нужно было избавиться. Итак, в одно прекрасное утро он был странно и приятно удивлен известием о том, что тот же самый папа, который угрожал и порицал его, теперь даровал ему епископство на Канарах. Ослепленный и польщенный, монах поначалу поддался искушению и уехал из Саламанки в свое епископство. Но скоро, очень скоро он понял, почему его отослали так далеко. Решив поэтому разгадать коварство своих врагов, он сложил с себя епископский сан и вернулся в Саламанку, несомненный и неутомимый противник ордена. Он умер провинциалом своего ордена, и его очень уважали.

Примерно в ту же эпоху, в 1548 году, Университет Алкалы также выступил против ордена. Состязание длилось довольно долго; и даже после того, как многие врачи были с помощью обычных таинственных уловок привлечены на сторону общества, доктор Скала упорствовал в своем сопротивлении и не прекращал нападать на них, пока его не вызвали к инквизиции и не пригрозили *аутодафе*. [73]

Противодействие, с которым иезуиты столкнулись в Толедо, где они уже утвердились, было более серьезным делом. Они обнаружили, что здесь население послушное, и на него легко воздействовать. Они ввели различные злоупотребления и множество суеверных обычаев. Более того, их приверженцы — страшно сказать! — дважды в день ходили к причастию! В 1550 году эти вопиющие чудовищности привлекли внимание властей. Дон Силичео, кардинал-архиепископ Толедо, некогда наставник Филиппа Испанского, желая подавить их, опубликовал указ, порицающий их, в котором, после резкого упрека иезуитов за их многочисленные узурпации, он запрещает людям под страхом отлучения исповедоваться любому иезуиту и уполномочивает всех священников отстранять их от отправления всех таинств; более того, накладывает интердикт на иезуитский колледж Алькалы.

Это постановление вызвало большое волнение среди иезуитов и их приверженцев, и не осталось ничего неиспытанного, что могло бы заставить архиепископа смягчиться. Но ни влияние, которым уже обладало Общество, ни заступничество папского нунция и архиепископа Бургосского, ни даже авторитет самого папы не могли победить враждебность архиепископа. Затем смелый Лойола имел наглость возбудить процесс против архиепископа в Королевском совете Испании. Павел III. был мертв, и ему наследовал Юлий III, который, как хорошо знал Игнатий, был в наилучших отношениях с Карлом. Королевский совет осудил прелата, который вслед за этим отозвал интердикт [74] — не то чтобы его мнение изменилось, но, возможно, чтобы избежать участи, которая постигла его преемника, ученого, но несчастного Каррансу — двенадцати лет пыток в стенах инквизиции.

Еще более свирепая буря собиралась над головами иезуитов в Сарагосе. Поучительна причина ссоры. Город Сарагоса был так полон женских монастырей, что, соблюдая правило,

запрещавшее строить какие-либо религиозные дома на определенном расстоянии от других, иезуитам было невозможно найти место, где не было свободных мест. Однако, тщательно осмотрев город, они вообразили, что нашли место на нужном расстоянии. Они там возводят дом и часовню, которые должны быть освящены в пасхальный вторник 1555 года. Проводятся большие приготовления, чтобы сделать зрелище помпезным и привлекательным, когда, увы! Лопес Маркос, генеральный викарий Сарагосы, в ответ на жалобу монахов-августинцев, которые утверждают, что часовня была построена на их территории, дал понять отцу Бrame, настоятелю дома, что церемония может быть отложена. Брама отказался повиноваться. Лопес в тот самый момент, когда иезуиты проводили торжественную церемонию, издал прокламацию, запрещающую входить в часовню под страхом отлучения от церкви. На отцов церкви посыпались анафемы, и духовенство в сопровождении огромной толпы народа прошествовало по городу, распевая 109-й псалом, а люди повторяли— “Как он облек себя бранью, как одеждой своей, так пусть она войдет в его внутренности, как вода, и как масло в кости его”; и, чтобы соединить смешное с ужасным, они несут изображения с отвратительными лицами, представляющие иезуитов, утащенных в ад легионом демонов, еще более отвратительных. Похоронная процессия с изображением Христа, покрытым черной вуалью, распевая траурные песни, направляется к дому иезуитов. Время от времени из толпы вырывался крик: “Пощады! Пощады!”, поскольку они хотели отвести Божье проклятие от заблокированного города. Бедные иезуиты, запершись в своем собственном доме, терпеливо ждали две недели, пока буря утихнет. Но это низменное представление гоблинов, достойное только иезуитов и их противников, еще не закончилось, и ученики Лойолы, как обычно, уступили, уверенные, что, если реальная сила не поможет доказать их притязания, интриги и хитрость в конце концов одержат верх. И они не были обмануты. [75]

В Португалии Обществу угрожали опасности другого рода. Казалось, что Португалия должна была стать театром, где иезуиты должны были разыграть главный акт своей позорной драмы.

Покровительство Иоанна III в сочетании с рвением Родригеса сделали эту страну одной из самых процветающих провинций Общества. Но само ее процветание едва не привело к ее гибели. Обладая огромным богатством, иезуиты, подчиняясь общему праву, смягчали строгость своего поведения, вели жизнь, полную удовольствий и разврата; прежде всего, их главный колледж (Коимбра) больше напоминал академический сад, чем монастырь. [76] Скандал стал настолько велик, что суд начал относиться к ним неодобрительно, а люди теряли то уважение, с которым они относились к ним раньше. Игнатий, конечно, вскоре был проинформирован о положении вещей и сразу же принял самые энергичные меры для подавления зла (в 1552 году). Родригес был отозван и отправлен в Испанию, а новый провинциал и ректор были отправлены в Коимбру.

Провинциал Мирон попытался провести реформу, но иезуиты — избалованные дети — отказались подчиниться ей. Некоторых он уволил из колледжа — большее число покинуло его. Неподчинение и беспорядки были в самом разгаре. К счастью, у Игнатия в лице ректора Година был человек по сердцу. Годин оказался достойным учеником автора *Духовных упражнений*. Сорвав с плеч их одежды, вооружившись бичом, он, подобно демону, выбежал на улицы Коимбры и бичевал себя, взывая о пощаде. Запыхавшийся, покрытый пылью и кровью, бегущий и кричащий, он вернулся в церковь колледжа, где собрались братья, и здесь снова ударил себя плетью. Станные и необычные примеры разжигают воображение и предрассудки подражателей. Иезуиты сначала были удивлены; затем, совершенно неожиданно, они умоляют

разрешить им подвергнуться такой же публичной епитимье. Годен делает вид, что отказывается; он говорит о разразившемся скандале — он яркими красками расписывает чудовищность их грехов и подробно останавливается на страданиях и страстях Христа. Когда он довел их чувства до высшей степени, он дал им испрошенное разрешение, и, подобно толпе вакханок, когда в них бушует божество, все они выбегают из церкви и с жалобными криками бегут по улицам, бичевая себя самым безжалостным образом. Добравшись до церкви Мизерикордия, они преклонили колени, в то время как настоятель просил прощения у толпы за скандал, который они им устроили. Некоторые люди тронуты, другие громко смеются, но намерение ректора достигнуто. Ученики становятся более сговорчивыми; колледж подвергается необходимой реформе, и иезуиты восстанавливают свое влияние. [77]

Общество столкнулось с более серьезной и длительной оппозицией во Франции. После своего первого изгнания они вернулись в Париж, но там у них не было собственного дома, и они не могли его найти. Поэтому они поселились в Ломбардском колледже, пока Дю Пра, епископ Клермонда, не предложил им свою собственную гостиницу, в которую они немедленно переехали. Однако пока что это заведение не было ни домом для новообращенных, поскольку их там не было, ни домом для послушников, поскольку правила для послушниц были установлены только шесть или семь лет спустя. Члены общества, прибывшие в отель "Клермон", были всего лишь студентами или священниками, стремившимися стать членами Общества; но нам говорят, что они были настолько заметны своей ученостью и благочестием, что трое из них были выбраны Игнатием для основания нового колледжа на Сицилии, в то время как Виоле, глава этих претендентов, был назначен университетом прокурором Ломбардского колледжа. Это назначение, однако, показалось Игнатию довольно сомнительным, поскольку исходило от университета, который с самого начала был настроен враждебно по отношению к ордену. Похоже, он опасался, что эти студенты, соблазненные соблазнами чести и вознаграждения, откажутся от своего благочестивого намерения стать иезуитами; поэтому он приказал Виоле отказаться от назначения и принять обеты ордена перед Дю Пра, предписав в то же время, чтобы все студенты, которые могут получать какую-либо пенсию от Ломбардского колледжа, немедленно отказались от нее. Хотя эти приказы были абсолютными, они были незамедлительно выполнены. Великий секрет влияния и могущества Лойолы заключался в непреклонности его характера и в его военном образовании, которое делало его абсолютным и императивным и исключало возможность того, что другие будут оспаривать его приказы.

Между тем Общество во Франции — мы должны сказать, в Париже — единственном месте, где оно пыталось утвердиться, находилось в крайне шатком состоянии до 1550 года, когда Генрих II, подстрекаемый слишком известным кардиналом де Гизом, задумал основать иезуитов в своем королевстве и выдал патенты, разрешающие им это сделать.

Указы французского короля в то время не считались обязательными к исполнению до тех пор, пока они не были зарегистрированы парламентом. [78] Когда перед ними предстали дела, касающиеся иезуитов, парламент, выслушав заключения их генерального адвоката, отказался их зарегистрировать на том основании, "что новый институт нанесет ущерб монархии, государству и церковной иерархии".

Конкурс длился два года, когда король в 1552 году направил в парламент распоряжение зарегистрировать патентные письма 1550 года, разрешающие учреждение ордена иезуитов. Приказ был формальным и императивным, однако парламент отказался его выполнить, хотя из

уважения к суверенной воле они посоветовали провести дальнейшие расследования в отношении Общества.

Еще через два года серьезного рассмотрения и строгого расследования парламент в 1554 году постановил, что “булла, учреждающая Общество, и патенты короля должны быть доведены как до сведения архиепископа Парижского, так и до тамошнего богословского факультета, чтобы, выслушав их мнение, суд мог вынести приговор”. Таким образом, архиепископ и профессорско-преподавательский состав были призваны решить вопрос об их исключительной компетенции, поскольку один был церковным начальником, а другой естественным судьей в вопросах веры. Оба взяли дело в свои руки и после должного рассмотрения соответственно приняли решение против создания Общества. Архиепископ Эташ де Белле, принадлежащий к одной из самых прославленных парламентских семей Франции, после зрелого размышления изложил все причины, по которым он считал своим долгом воспротивиться учреждению ордена, и заключил следующим замечательным и логичным образом: “Поскольку орден претендует на то, чтобы быть учрежденным с целью проповеди туркам и неверным, чтобы привести их к познанию Бога; они должны основывать свои дома и общества в местах рядом с упомянутыми неверными, как в древние времена поступали рыцари Родоса, которые были размещены на границах христианского мира, а не в его гуще”. Но суровое и ожесточенное порицание докторов Сорбонны было более явным осуждением ордена. Вот документ с их знаменитым “заключением”:—

“Поскольку все верующие, и в первую очередь богословы, должны быть готовы дать отчет тем, кто требует того же, в вопросах веры, морали и назидания Церкви, факультет счел, что это должно удовлетворить желание, требование и намерение суда.

“Итак, внимательно изучив и много раз перечитав и хорошо поняв все статьи двух булл, и после обсуждения и углубления в них в течение нескольких месяцев, в разное время и в часы, согласно обычаю, с должным учетом предмета, *Факультет* с единодушного согласия вынес это решение, которое он представил со всем уважением к решению Святого Престола.

“Это новое общество, которое присваивает себе, в частности, необычное название от имени Иисуса—который получает много свободы, и без выбора, всевозможные лиц, однако преступный, незаконный, и печально это ни было,—которое отличается в коем случае не из светских священников во внешних платье, в постриге, в манере говорить канонических часов в Привате, или в *chaunting* в общественных, в работе оставаться в монастыре и соблюдать тишину, в выборе пищи и дней, в посте, и различные правила, законы и обряды, которые служат для различения разных институтов монахов;—это общество, в котором были предоставлены и дано так много привилегий и лицензий, в основном в том, что касается таинств покаяния и Евхаристии, и это без какой-либо связи или различие было мест или лица; а также в функции проповеди, чтения и обучения, в ущерб ординариев и иерархический порядок, а также других религиозных орденов, и даже к предрассудкам князей и господ временных, против привилегий университетов,—в порядке, к великому стоимости народа;—это общество, кажется, порока честь монашеского государства; он ослабляет совсем болезненные, благочестивый, и очень необходимые упражнения в добродетели *abstinences*, обрядов и аскезы. Это даже дает повод весьма свободно покидать религиозные ордена; это выводит из повиновения, приличествующего ординариям; это несправедливо лишает лордов, как светских, так и

церковных, их прав, создает проблемы в управлении обоими, вызывает множество жалоб среди людей, множество судебных процессов, раздоров, раздоров, зависти и различных расколов.

“Посему, после изучения всех этих и некоторых других вопросов с большим вниманием и заботой, это Общество представляется опасным в вопросах веры, способным нарушить покой Церкви, ниспровергнуть монашеский орден и более приспособленным к разрушению, чем к созиданию”. [79]

Здесь, как и в доносах Кано, преподаватели, похоже, получили представление о будущей истории иезуитов, поскольку, по крайней мере, в ту эпоху обвинение в приеме в Общество без разбора не было достаточно обоснованным.

Апологеты иезуитов говорили — и мы отчасти склонны признать справедливость их утверждения, — что, поскольку иезуиты в то время занимались образованием молодежи во многих частях Европы, университет, ревниво относившийся к своим привилегиям, осудил орден иезуитов не как позорное и кощунственное сообщество, а как опасного соперника. Они также подтвердили, что исключение знаменитого Postel [80] вызвала раздражение в Сорбонне, доктором которой он был. Но мы считаем это необоснованным предположением.

Однако решения парламента, архиепископа и университета были встречены по всей Франции торжествующими возгласами. Иезуиты были вынуждены покинуть Париж, и поскольку все парламенты Франции поддерживали резолюцию столичного парламента, их нигде не приняли, и в качестве последнего и кратковременного убежища они ушли и спрятались в аббатстве Сен-Жермен-де-Пре.

Наиболее воинственные и бесцеремонные члены ордена отреагировали бы на ужасный приговор Сорбонны, но Игнатий был слишком опытным политиком, чтобы уступить их неосмотрительным желаниям. К открытым войнам иезуиты не имели склонности. Когда их противники были слишком сильны для них, их практикой было и остается уступать, как бы подчиняясь; но затем они начинают скрытую и таинственную войну интриг и махинаций, в результате которой они всегда остаются победителями. Так действовал Игнатий в этом деле во Франции. Иезуиты довольствовались тем, что некоторое время жили в неизвестности и полном уединении от всего общества и готовили почву для будущего триумфа. Да и долго ждать им не пришлось. Вскоре они были призваны во Францию, чтобы помочь и поддержать эту чудовищную и жестокую гекатомбу, этот кровавый разгул священников и королей — Святого Варфоломея.

Но что достойно более серьезного размышления, так это тот факт, что в Риме — центре их власти и славы — иезуиты также были публично обвинены как группа еретиков, опасных и безнравственных личностей; и знаменитая книга *"Духовные упражнения"* была передана инквизиции. Это действительно правда, что это маленькое руководство получило сертификат ортодоксальности, и что священник, который очернил их перед трибуналом, вынужденный в одиночку бороться с Обществом, был осужден (мы этому не удивляемся) как клеветник; но как вы, хитрые сыны Игнатия, можете объяснить это совпадение; это накопление обвинений и враждебности? Как получается, что нации, отделенные друг от друга различием интересов, обычаев, мнений, что граждане разных классов, характеров, принципов, интересов, что все люди и нации, сильно разделенные во всем остальном, объединенные только общей связью — католической религией, — должны точно соглашаться в одном - в ненависти и отвращении к

общепризнанному поборнику католицизма? И помните, мы не говорим о протестантских странах или противниках протестантов. Все ваши противники были фанатичными католиками. Есть только один способ объяснить это странное совпадение. Мы опасаемся, что с самого начала иезуиты, несмотря на всю свою осмотрительность, не смогли скрыть от глаз наблюдателя те тонкие искусства, ту двуличность характера, то умение совершать темные и таинственные подвиги, за которые в более поздние времена им противостояли и, в конце концов, отменили.

Что еще более примечательно, так это тот факт, что большая часть тех людей, которые были первыми в противостоянии иезуитам, знали Лойолу, и, если не так близко, как Караффа и Кано, по крайней мере, достаточно хорошо, чтобы иметь возможность оценить его по достоинству. Мы приведем в качестве последнего, хотя и не по значимости факта, воюющего против ордена, тот факт, что Караффа, человек самого жесткого католицизма, более того, фанатизма, которому ничто так не было близко к сердцу— как продвижение римской религии, бывший друг Лойолы, как кардинала, так и папы, был постоянно и решительно настроен против ордена. Я хотел бы, чтобы кто-нибудь из преподобных отцов объяснил этот почти необъяснимый факт.

Однако все эти разногласия рано или поздно были устранены иезуитским искусством; и Общество в 1556 году, всего через шестнадцать лет после своего основания, насчитывало целых двенадцать провинций, сотню домов и свыше тысячи членов, рассеянных по всему известному миру. Их двумя наиболее заметными и важными учреждениями были Романо-коллегиумный и Немецкий колледжи. Они уже владели многими кафедрами и вскоре монополизировали право преподавания, что дало им подавляющее влияние. Мы будем говорить о колледжах и об их методе обучения после того, как он получил от Аквавивы, пятого генерала, дальнейшее развитие и почти в той же форме, в какой он находится в наши дни. Иезуиты также придавали большое значение своим миссиям, рассмотрению которых мы посвятим следующую главу. Причиной огромного успеха иезуитов является тот факт, что их орден был основан в прямой оппозиции к растущему протестантизму, и что как римский двор, так и те князья, в чьих интересах было поддерживать католическую религию и выступать против реформатской, были очень заинтересованы в введении и поддержке Общества иезуитов в своих государствах. Тем не менее, даже при таком преобладающем благоприятном стечении обстоятельств Общество либо пало бы под натиском множества препятствий, с которыми столкнулось в начале своего существования, либо, по крайней мере, не развивалось бы так быстро, если бы не Игнатий Лойола. Этот необыкновенный человек, кажется, объединил в себе все качества, необходимые для успеха в любом начинании: безграничное честолюбие, непреклонность характера, неутомимую деятельность и глубокое знание человеческого сердца. Обладая такими качествами, он вряд ли мог не преуспеть в выполнении любого проекта. Почти каждый автор, писавший о жизни Лойолы (я не говорю ни о чудотворцах, ни о памфлетистах), изображал его как самого искреннего, горячо набожного человека. Однако по этому поводу мы должны заметить, что все историки, не исключая даже протестантов, списывали это с двух его первых биографов, Маффеи и Рыбаданейры.

Мы также просим разрешения высказать то скромное мнение, которое у нас сложилось о нем после тщательного изучения того, что было сказано о нем, и многое другое после беспристрастного изучения фактов, связанных с его жизнью. Без сомнения, Игнатий во время своей болезни почувствовал желание изменить свой рассеянный образ жизни, и, как это бывает при любой внезапной реакции, он из расточительного свободомыслящего офицера впал

в другую крайность и превратился в жесткого и фанатичного отшельника. Никакие епитимьи не были слишком суровыми, чтобы искупить его многочисленные грехи, и никакая преданность не была слишком пылкой, чтобы искупить его прошлое безбожие. Так он думал в данный момент, и, как мы думаем, добросовестно. Но после первого порыва его набожности - после того, как глубокое созерцание, в которое он был погружен, уступило место ощущаемой необходимости действовать тем или иным способом, мы вынуждены поверить, и мы уже выражали эту веру, что его природное честолюбие возросло, и что все его мысли были обращены к самому надежному способу совершения какого-нибудь великого и необычного подвига, которым он мог бы прославиться. Поскольку преданность была главным условием успеха на избранном им пути, Игнатий был ревностным приверженцем, сначала по расчету, а затем по привычке, но от этого не менее ревностным. Если бы все его мысли были поглощены этой единственной целью — спасением своей души, — его преданность была бы менее показной, и, не колеблясь между одним проектом и другим, он был бы доволен скромной и уединенной жизнью или провел бы ее в неоспоримых делах милосердия — в служении больным, как он начал в госпитале Театинцев. Однако нельзя отрицать, что Игнатий после своего обращения был очень гуманным, сострадательным и милосердствующим, и что его личное поведение в более поздний период его жизни было нравственным и безупречным. Он относился к своим ученикам с большой добротой и никогда не отказывал им в том, что мог дать без неудобств. С другой стороны, он был властен до последней степени и не мог вынести ни малейшего противоречия. Старый священник-иезуит, который когда-то был виновен в непослушании, был подвергнут бичеванию в собственном присутствии. Один пример, возможно, поможет изобразить Лойолу эффективнее, чем это могут сделать слова. Он отправил Лайнца провинциалом в Падую. Лайнез, имевший огромный успех в Тридентском соборе и фактически превосходивший любого члена Общества того времени, сначала отказался от этого второстепенного поста, но в конце концов подчинился. Однако едва он приступил к своим обязанностям, как Игнатий лишил свою провинцию всех лучших профессоров, которых вызвал в Рим. Провинциал возмутился. Это был Лайнец, закадычный друг Игнатия, его правая рука, слава компании, человек, избранный кардиналом. Но Игнатий проигнорировал все эти соображения и, даже не вступая ни в какую дискуссию, просто написал ему следующее: “Поразмыслите над своими действиями; скажите мне, убеждены ли вы в своей ошибке, и если да, укажите мне, какому наказанию вы готовы подвергнуться во искупление своей вины”. [81] Это письмо поднимает настроение мужчине!

Нас также уверяют, что генерал был настолько скромн, что вы могли видеть, как он нес дрова на плечах — разжигал общий костер - или шел к колодцу с кувшином в руке. Мы были бы склонны назвать такое смирение показухой или, если вам больше нравится, хорошей политикой. Игнатий, прежде всего, стремился обуздать дух своих учеников. В его глазах они не могли быть достаточно смиренными и покорными. Иезуит должен ценить себя лично как ничто, а Общество — как все. Итак, кто из его учеников осмелился бы отказаться от любого предприятия, каким бы скромным оно ни было, после того, как он увидел, что его генерал занимается самыми низменными делами?

Но в то время как Игнатий изображал смирение, он серьезно уделял свое внимание государственным делам разных стран. Он вел переписку с Иоанном III, португальский кардинал, его сын Альберт Баварский, Фердинанд Австрийский, Филипп Испанский, Эрколе Эст и многие другие принцы. Он был духовным наставником Маргариты Австрийской. Он отправился в Тиволи, намеренно желая унять раздоры двух соседних городов, и в Неаполь, чтобы помирить разгневанного мужа и его жену довольно сомнительных нравов. Все это, как правило,

подтверждает то, что мы сказали о его преданности, а именно. что она носила довольно назойливый и амбициозный характер.

Но теперь его карьера подходила к концу. Эти различные занятия — руководство как духовными, так и мирскими делами ордена, которые уже были широко распространены — тревога, вызванная многочисленными конфликтами, в которые было вовлечено Общество — страх поражения — радость, возникающая от успеха — его неумолимая активность — его беспокойство при виде папского кресла, занимаемого Карафой, всегда враждебного ордену, — все это способствовало сокращению его дней. Его конституция, которая была нарушена в юности и в пещере Манрезе, теперь постепенно сдавала; и хотя никаких симптомов его приближающегося конца еще не было видно, “ни бледности на лице, ни каких-либо признаков во всем его теле”, [82] тем не менее он чувствовал, что жизненное начало угасает в нем и что его последний час быстро приближается. Он попробовал деревенский воздух и с этой целью отправился на виллу, недавно предоставленную некоторыми друзьями в пользование Римскому колледжу, [83] но облегчения не почувствовал. Силы быстро покидали его; непреодолимая усталость охватила все его тело, и только его интеллект оставался ясным и неизменным. Он никому не говорил о своей болезни, более того, о приближающемся конце. Он вернулся в Рим и бросился на кровать. Встревоженные отцы послали за врачом, но он пожелал им приободриться, “потому что с генералом все в порядке”. Игнатий улыбнулся; и когда врач ушел, он приказал своему секретарю Поланку немедленно отправиться к святому отцу, чтобы рекомендовать Общество под его опеку и получить благословение для себя (Игнатия) и индульгенцию за свои грехи. [84] Возможно, он предпринял эту последнюю попытку обезоружить своим смирением непреклонного Павла IV. (Караффа), и таким образом сделать его благоприятным для Общества. Он ошибся. Павел послал запрошенное благословение, но не изменил своего мнения по отношению к Обществу. Однако Поланк, успокоенный доктором и сам не видя никакой опасности, пренебрег приказом, отложив выполнение своей миссии до следующего дня. Тем временем, после того как Игнатий допоздна занимался некоторыми делами, касающимися римской коллегии, его оставили одного отдыхать. Но каково же было удивление и ужас отцов, войдя в его комнату на следующее утро и обнаружив, что он испускает дух! Шум и смятение, вызванные таким неожиданным событием, были велики. Немедленно послали за лекарями, врачом, исповедником; но прежде чем кто-либо из них прибыл — прежде чем вернулся Поланк, который только сейчас побежал к папе, - Лойола скончался. Его кончина произошла в пять часов утра 31 июля 1556 года, на шестьдесят пятом году жизни. Так погиб человек, которого одна сторона превозносит как святого, а другая проклинает как чудовище. Он не был ни тем, ни другим. Совершенно несомненно, что с протестантской точки зрения и со стороны всех тех, кто выступает за свободу совести и возвращение к чистоте первоначальной религии Христа, Игнатия следует ненавидеть больше, чем любого другого человека. Ему и его ордену принадлежит печальная слава сдерживания прогресса Реформации и удержания значительной части Европы под гнетом суеверий и тирании.

И здесь мы вынуждены упомянуть факт, который, как нам кажется, до сих пор оставался незамеченным, — снисходительность, мы бы сказали, пристрастие, проявляемое протестантскими писателями в течение последних десяти лет по отношению к иезуитам, и особенно к основателям ордена. Этот факт нуждается в объяснении. Иезуиты с 1830 по конец 48-го, казалось, потеряли всякую общественную благосклонность, всякое влияние и авторитет. Преследуемые и освистываемые во Франции, Швейцарии, России, ненавидимые в своих собственных владениях, Италии, они считались побежденными врагами, заслуживающими

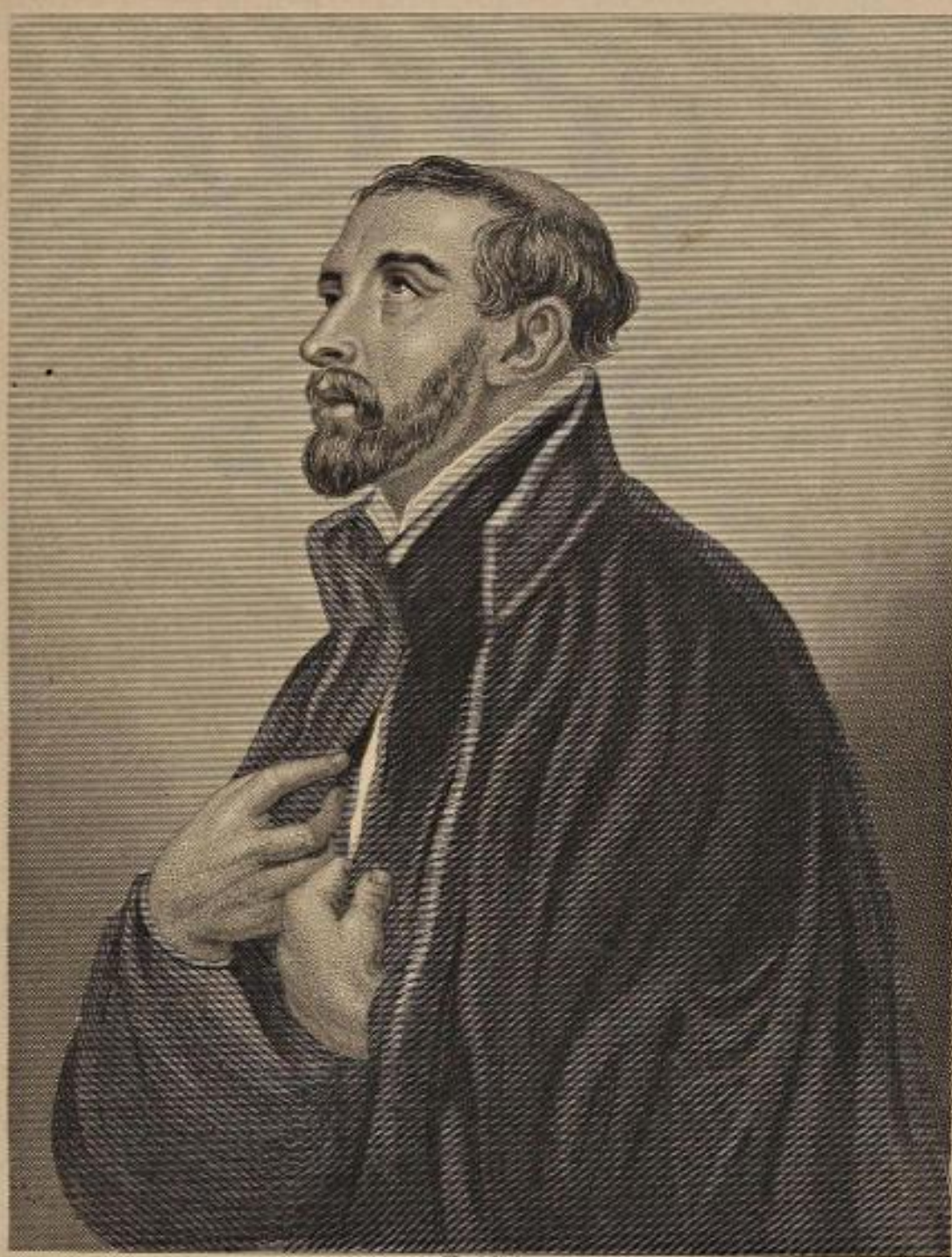
скорее сочувствия, чем ненависти. Последовала реакция в их пользу среди их самых решительных противников. Великодушные души поднялись на защиту этих преследуемых людей и протянули им дружескую руку, на которую все так попирали. Увлеченные такими рыцарскими чувствами, они приукрасили красками своего пылкого воображения и изяществом своего обильногостиля все, что иезуитские писатели рассказывали об их вождях, и представили Лойолу и его спутников скорее героями романов, чем реальными историческими персонажами. Мы оставляем этих авторов размышлять о том, являются ли иезуиты поверженным врагом или они все еще не являются грозными врагами. Но, с уважением относясь к таким выдающимся писателям, как Маколей, Тейлор, Стивен и другие, мы осмеливаемся утверждать, что, когда они писали об иезуитах, их ввели в заблуждение вышеупомянутые романтические чувства; и мы должны более того предупредить их, что их слова цитируются иезуитскими авторами, Кретино, Пеллико и др., как неопровержимое свидетельство святости их членов.

ГЛАВА VII. 1541-1774 гг. МИССИИ.

Прежде чем мы продолжим, мы считаем своим долгом сказать несколько слов о миссиях, которые были предприняты иезуитами вскоре после основания их ордена. Писать полную историю было бы почти бесконечно. Анализ Орландини, Саккини, Бартоли, Жуванси, *Ежегодной литературы* и *Наставительной литературы*, не говоря уже о сотне других, занял бы огромное количество томов. [85] Мы думаем, что можем наполнить наши страницы более поучительными материалами.

Теперь мы ограничимся короткой главой о миссиях в Индии. Затем мы поговорим о миссиях в Америке и, наконец, о том, в каком состоянии миссии находятся в настоящее время. Говоря о миссиях в Индии, мы опасаемся, что навлечем на себя упрек, который адресовали другим, потому что мы откровенно признаемся, что равнодушны к Франциску Ксавьеру; но наши протестантские читатели, чтобы быть беспристрастными, не должны судить об этих миссиях по слишком жестким стандартам или по слишком постоянным ссылкам на доктринальные ошибки тех, кто их предпринял, более того, принимая во внимание то, во что эти миссии впоследствии превратились. Все человеческие институты, происходящие из несовершенного начала, неизбежно несовершенны, и чем дальше они удаляются от своего происхождения, тем больше они теряют свой примитивный характер и тем меньше рассчитаны на то, чтобы соответствовать цели, ради которой они были созданы. Праздный и безнравственный монах — эта гангрена католических стран — был когда-то самым трудолюбивым из людей; и Европа многим обязана монашеским орденам не только сохранением большей части гениальных произведений наших предков, но и возделыванием своих бесплодных земель. Если сейчас монахи и священники приносят беспорядок, неразбериху и часто гражданскую войну в страны, куда их посылают под видом миссий, то при открытии Западного мира и при завоевании Индии португальцами такого не было. Первые ревностные и преданные миссионеры пытались цивилизовать и обратить в христианство дикое и варварское население. И если вы возражаете, что в своих миссиях они проповедовали папистское вероучение и разрушали одно идолопоклонство, вводя другое, по

крайней мере, вы должны отдать им должное за их благие намерения. Вы также не должны предполагать, что они взяли на себя задачу цивилизовать эти нации, чтобы приобрести над ними господство. Нет. Так, действительно, было в более поздние времена, но вначале ими двигали более достойные и бескорыстные мотивы. Отправляясь туда, они имели перед глазами скорее мученичество, чем мирские установления. Они не взяли с собой богословских книг. Не имея противника, с которым можно было бы поспорить, они оставили позади язвительность и ненависть, присущие почти всем теологическим спорам. Они принесли с собой суть христианской религии — самую утешительную и возвышенную ее часть — благодарность Творцу, милосердие и любовь к своим ближним. Несомненно, когда мы говорим об их миссиях, мы не должны слепо верить всему, что рассказывают нам историки-иезуиты, которые часто являются единственными хроникерами этих событий. Мы не будем ставить им в заслугу чудеса, которые, как говорят, совершали их миссионеры, даже если этим миссионером был сам Ксавье. Мы не поверим, что он воскресил из могилы другого Лазаря или что по его приказу соленые волны океана были превращены в сладкую и приятную на вкус воду. И все же есть неопровержимые доказательства добра, принесенного их усилиями, и их успеха в распространении христианства или, по крайней мере, цивилизации в Индии и Америке. Человеком, который первым взялся за это славное дело, был Франциск Ксаверий — Ксаверий, которого, если бы Рим не опозорил это имя, присвоив его убийцам и лицемерам, мы бы с радостью назвали святым.

Hirschfeld

Francis Xavier

Он был отпрыском древней и прославленной испанской семьи и родился в 1506 году в замке своего отца в Пиренеях. Он был примерно среднего роста, с высоким лбом, большими, голубыми, мягкими глазами, с изысканно красивым цветом лица и манерами принца. Он был весел, сатиричен, пылок духом и, прежде всего, стремился к литературной славе. Все его способности, все его мысли были направлены на это благородное дело, причем настолько эффективно, что в возрасте двадцати двух лет он был избран профессором философии в столице Франции. Там он жил в близких отношениях с Питером Лефевром, молодым савояром очень скромного происхождения, со скромным и незатейливым характером, но незаурядным умом и трудолюбием. Именно у Лефевра Ксавье впервые встретился с Игнатием. Франциск был потрясен его внешностью, его напускным смирением, его отвратительной одеждой; и когда он заговорил о духовных упражнениях, Ксаверий посмотрел на свои собственные прекрасные, белые руки, содрогнулся при мысли о том, чтобы истерзать их бичом — этим основным ингредиентом духовных упражнений — и откровенно рассмеялся ему в лицо. Но Игнатий, обративший свой взор на такое благородное существо, не должен был быть обескуражен первым или вторым отказом в своих попытках сблизиться с ним. Он не жалел усилий, чтобы снискать расположение Ксаверия; и в конце концов, как говорит Бартоли, “он решил расположить его к себе, разжигая его честолюбие, точно так же, как Юдифь сделала с притворной любовью к Олоферну, чтобы в конце концов восторжествовать над ним”. [86] Как мы уже говорили, Ксаверий был честолюбив, и жаждущий литературной славы. Игнатиус сделал себя восхвалителем своего соотечественника. Он собрал вокруг своей кафедры доброжелательную и внимательную аудиторию и удовлетворил самые горячие пожелания молодого профессора. Великодушное сердце Ксаверия было тронутό этим проявлением доброты, и он начал смотреть на этого отвратительного человека другими глазами. Игнатиус удвоил свои усилия. Расточительный Ксаверий часто сталкивался с финансовыми трудностями. Игнатиус ходил просить милостыню, чтобы пополнить свой кошелек. Неудивительно, что Ксавье, попав под влияние такого настойчивого противника, который был одновременно наставником и другом, который льстил и увещевал, порицал и помогал с таким несравненным тактом, постепенно поддался этому очарованию. Он прошел через *Духовные Упражнения* с этого момента стал простым инструментом в руках Лойолы. Это был первый миссионер, посланный в Индию.

Орден еще не был утвержден папой римским, когда Иоанн III. из Португалии через своего посла Д. Педру де Маскареньяса обратился к нему с просьбой отправить шесть миссионеров в Ост-Индию. Папа, который был в нерешительности, соглашаться ли ему на установление этого нового ордена или нет, счел это благовидным предложением для того, чтобы совсем избавиться от них, и попросил у Лойолы шестерых своих товарищей. Но Игнатий был не тем человеком, который согласился бы на самоубийство предполагаемого Общества, и предложил Папе только двух членов для этого предприятия. Выбор пал на Родригеса и Бобадилью. Первый немедленно отправился в путь, но Бобадилла заболел, Игнатий позвал Ксаверия и сказал ему: “Ксавьер, я назначил Бобадиллу для Индии, но в этот день Небеса назначают тебя, и я объявляю это тебе от имени заместителя Иисуса Христа. Примите назначение, которое его Святейшество возлагает на вас из моих уст, так же, как если бы *Иисус Христос* преподнес его сам. Иди, брат, туда, куда зовет тебя глас Божий, и воспламени все божественным огнем внутри себя — *То, что нужно, и*

то, что нужно для божественного огня”. Игнациус часто употреблял эти слова, и в его устах они были талисманом, раздувавшим пламя энтузиазма. Невозможно описать ликование Ксавье при мысли о бескрайних просторах, которые откроются перед ним там, где он сможет проявить свое безграничное милосердие и любовь к человечеству. Ксавьер пошел получить благословение папы и уже на следующее утро покинул Рим — один, без гроша в кармане, одетый в рваный плащ, но с легким сердцем и радостным выражением лица. Он пересек Пиренеи, даже не посетив замок своего отца, и поспешил в Лиссабон, где присоединился к своему спутнику Родригесу. Португалия в ту эпоху испытывала влияние богатств, привезенных из недавно завоеванных провинций Индии. Стремление к удовольствиям, изнеженность манер, освобождение от всех обязанностей полностью изменили облик нации. Эти два иезуита своими увещаниями и проповедями пытались остановить поступательное движение этой быстро распространяющейся коррупции. Их панегиристы уверяют нас, что они преуспели в своих усилиях, но последующая история Португалии изобличает их во лжи. Ни одному человеку не дана власть пресекать склонности или пороки нации, когда они находятся в стадии господства. Возможно, Ксавье заставил португальскую знать на мгновение устыдиться своей роскошной и расточительной жизни; но если так, то на смену мимолетному стыду пришел более полный отказ от праздности и удовольствий.

Однако король Португалии, передумав, пожелал оставить в столице двух иезуитов, которых он намеревался отправить в Индию, но ему удалось уговорить Родригеса остаться. Ксавье с нетерпением ждал, когда его отправят на задание. Наконец, 7 апреля 1541 года флот, имевший на борту тысячу человек для усиления гарнизона Гоа, покинул Тахо и распустил паруса по ветру. Им командовал дон Альфонсо Суза, вице-король Индии. Пока флот плыл дальше, глаза солдат были затуманены слезами; даже самые храбрые из воинства не могли без волнения и смятения видеть, как берега их родной земли удаляются от их взора. Один Ксавье был безмятежен, и его лицо сияло от восторга. Флот отправился в плавание, и после пяти долгих и томительных месяцев они достигли побережья Мозамбика. Под палящим африканским солнцем они не находили облегчения от утомительного путешествия, а эпидемическая лихорадка сеяла ужас и смерть среди этих европейских искателей приключений. Ксавье был неутомим среди них, ухаживая за больными, утешая умирающих и подбадривая всех своим радостным и безмятежным выражением лица.

После шестимесячного пребывания они покинули эту негостеприимную страну и прибыли в Гоа, столицу португальских владений в Индии, через тринадцать месяцев после своего отъезда из Лиссабона.

Там Ксавье был поражен неопишуемой деградацией, в которой он обнаружил не индийских идолопоклонников, а португальских католиков, их собственных священников, ставших первыми на путь порока. Презрение, которое эти гордые завоеватели питали к слабой и презираемой расе, очарование Востока, богатство, которое они нашли, климат, вдохновляющий на сладострастие, — все вместе изгнало из их груди всякое чувство справедливости, стыда и честности. История их разврата и аморальности действительно отвратительна. Жажда золота и сладострастие были их двумя преобладающими страстями; и золото, нажитое позорными и жестокими средствами, было растрчено на отвратительные и унижительные поступки. Бартоли рисует нам ужасающую картину деморализованного состояния португальцев в Индии. [87] Но, не доверяя безоговорочно всему, что этот историк представляет относительно их развращенности и распущенности, мы знаем из других источников, что развращенность была

крайней, и что именно их распутная жизнь побудила индейцев, которые были обращены в нашу религию, стыдясь имени христиан, вернуться к своим идолам. Ксаверий считал, что бесполезно пытаться обратить идолопоклонника в свою веру до того, как он реформирует мораль христианина; но он не считал ни благоразумным, ни полезным прямо и открыто нападать на столь великое зло. Он справедливо рассудил, что легче всего воздействовать на детей, и решил достичь этого, пробудив в них любовь к новинкам и непривычным зрелищам. Он вооружается ручным колокольчиком, которым размахивает мощной рукой, отбрасывает шляпу и громким и внушительным тоном призывает отцов отправить своих детей на катехизацию. Новизна этого факта, благородное и исполненное достоинства выражение лица человека, одетого в лохмотья, не могло не возбудить, по крайней мере, любопытства. Мужчины, женщины и дети выбегают посмотреть на этого странного человека, который увлекает за собой толпу в церковь и там со страстным и впечатляющим красноречием пытается внушить им стыд за их поведение и читает им лекции о самых важных правилах морали. Затем он начинает обучать детей основам христианской религии, и этим невинным созданиям нравится слушать человека, который показывает себя самым добрым и нежным собеседником, радостно участвующим во всех их играх. Вскоре несколько детей стали его постоянными аудиторами, и сказать, что он не принес им никакой пользы, было бы неправдой. Он также не ограничивал свое апостольское служение обучением детей. Напротив, он был неутомим в своих усилиях быть полезным каждому. Он поселился в больнице, навещал заключенных, помогал умирающим. Обладая гибкостью, характерной для этой системы, и часто применяясь в наихудших целях, он общался со всеми классами общества, говорил и действовал наиболее подходящим образом, чтобы угодить им всем. Часто вы могли видеть его за одним столом с игроком — часто он своим веселым юмором услаждал праздничный стол — часто его можно было видеть в притонах развратников; и во всех этих местах изысканный вкус в сочетании с шуткой или горьким сарказмом, *соответственно* времени и месту, делали порок либо смешным, либо отвратительным. Многие, чтобы насладиться дружбой Ксавье, отказались от своих распутных привычек и вернулись на пути добродетели. Но это необоснованное утверждение, опровергаемое самим Ксавьером, что облик города был изменен его предсказаниями и катехизисами. Мы повторяем это снова — ни один человек не способен творить такие чудеса. После того, как Ксавьер провел двенадцать месяцев в Гоа, он услышал, что ловцы жемчуга на побережье Малабара были бедны и угнетены. Туда Ксавье отправился без промедления. Он взял с собой в качестве переводчиков двух малабарезцев, которых обратил в свою веру. Но, обнаружив, что такой способ общения медленный и безрезультатный, он выучил наизусть символ веры, десятисловие и Молитву Господню на малабарском языке и повторял их туземцам со страстным и красноречивым рвением. Постепенно он научился общаться с ними; и здесь, как и везде, Ксавье не только выступал в роли неутомимого апостола, но и показал себя лучшим другом, добрейшим утешителем этих бедных людей и разделял их тяготы и лишения. Много милостей он добился для них от вице-короля, и эти благодарные рыбаки охотно приняли религию, проповедуемую их благодетелем. Он прожил среди них тринадцать месяцев, и нас уверяют, что к моменту своего отъезда он основал на побережье не менее сорока пяти церквей. С мыса Коморин он отправился в Траванкор, оттуда в Мелиапор, на Молуккские острова, в Малакку; короче говоря, он посетил большую часть Индии, всегда бдительный, ревностный и неутомимый в своих усилиях заставить этих идолопоклонников приобщиться к благам христианской религии.

В 1547 году он вернулся в Гоа. Игнатий прислал ему в 1545 году трех иезуитов. Ксавье отправил двоих из них на мыс Коморин, а третьего назвал Ланчиллотти, профессором колледжа Сен-Фуа.

Вскоре после этого на помощь ему были отправлены еще девять иезуитов. Ксавье определил каждому из них место и занятие, а сам вернулся в Малакку. Здесь он кое-что узнал о Японии. Ему сообщили, что японцы нравственны, трудолюбивы и очень стремятся приобретать знания любого рода. Ксавье сразу решил, что ни расстояние, ни трудности пути не должны удерживать его от посещения Японии. Не слушая никаких возражений, которые могли бы отговорить его от этого предприятия, он назначил иезуита Павла из Камарино своим начальником и с двумя спутниками отправился в Японию.

Перед отъездом из Малакки он написал Игнатию следующее: “Я хочу выразить вам словами, с какой радостью я предпринимаю это долгое путешествие, полное величайших опасностей. Хотя эти опасности больше, чем все, с чем я до сих пор сталкивался, я далек от того, чтобы отказаться от своего начинания, наш Господь говорит мне внутренне, что крест, однажды установленный здесь, принесет обильный урожай”.

Мы не будем рассказывать о различных экстраординарных происшествиях или чудесах, которые, как нам рассказывают, он совершил в пути, а сразу же отведем его к той группе островов с горами, лишенными фруктов и зерна, но богатыми всевозможными рудниками, которую мы называем Японией, куда он прибыл летом 1549 года. Японцы тех дней были отчасти атеистами, отчасти идолопоклонниками. Ксавье пытался втереться в доверие к бонзам, этим хитрым японским священникам. Ему удалось обратить некоторых из них, а под их влиянием - еще очень многих идолопоклонников, и он подготовил почву, которая впоследствии дала бы обильный урожай, если бы преемники этого отца обладали чуть большей его прямоотой и милосердием.

Но живое воображение и неутомимая деятельность Ксавье вскоре заставили его покинуть Японию ради более обширного и великолепного театра. Он разработал проект проникновения в Поднебесную империю. Оставив двух своих товарищей в Японии, он вернулся в Гоа, чтобы уладить дела Общества, которое увеличилось численностью, влиянием и авторитетом; и, выполнив этот долг, он вернулся на Малакку, чтобы оттуда отправиться в Китай.

Чтобы лучше преуспеть в своем начинании, он добился для португальского купца Перейры звания посла при императоре. Перейра, согласно обычаю, купил много подарков, чтобы обеспечить более радушный прием себе и своему другу Ксавье. Судно, на котором двое друзей должны были отправиться в путь, было уже готово к отплытию, когда дон Альварес, капитан-генерал Малакки, воспротивился их отплытию и, чтобы эффективно предотвратить это, наложил эмбарго на "Сент-Круа", единственное судно, направленное туда. Ксавьер протестовал напрасно. Капитан упорно выступал против посольства Перейры. Ксавьер показал ему поручение Иоанна III, которое наделяло его огромной и почти неограниченной властью, а также его полномочия папского легата. Альварес по-прежнему отказывался дать согласие на их отъезд, и Ксавье обрушил на него анафемы, но без какого-либо эффекта.

Таким образом, Перейра был вынужден остаться, и Ксавье, потеряв много времени, сел на то же самое судно, которое теперь направлялось на остров Санчиан. Там они, наконец, приземлились, к невыразимой радости Ксавье, который увидел себя в нескольких лигах от своей собственной земли обетованной. Но, увы! его надеждам не суждено было сбыться. Было предопределено, что его похвальное честолюбие не должно быть удовлетворено, и что он не должен видеть обширную империю, которую он стремился завоевать для христианства, только на расстоянии. Другие могли бы попытаться выполнить эту трудную миссию; Ксавьер, ставший

жертвой усталости и лихорадки, бессильно лежал на негостеприимном берегу Сансиана. Всего за несколько дней его болезнь значительно прогрессировала, и 2 декабря 1552 года Ксавье на сорок шестом году жизни испустил дух. Так закончилась полная приключений жизнь этого благородного и незаурядного человека, которую мы лишь в общих чертах обрисовали.

Мы опускаем абсурдные и чудесные факты, которые хвалители святого связывают с его именем. Мы думаем, что они неблагоразумно затушили в нелепых и сверхъестественных легендах многие благородные подвиги и великие качества Ксавьера. Поэтому из уважения к его памяти мы не будем упоминать о его чудесах. Кроме того, чудеса Ксаверия настолько близки, насколько это возможно, к тем, которые совершали другие святые. Мы действительно верим, что биографы любого святого могли бы поступить подобно тому джентльмену, который, написав длинное письмо без запятой, двоеточия, точки или точки вопроса, поместил большое их количество в конце послания и приказал своему корреспонденту вставить их на положенные места. Нашим биографам следовало бы аналогичным образом поместить в конце своих панегириков несколько сотен чудес, совершенных над больными, слепыми или одержимыми бесами, и позволить рассудительному читателю вставить их в те части повествования, которые он сочтет уместными. [88]

Однако никто не откажет Ксавьеру в честности цели, искренности убеждений, мягкости и бесстрашии характера, самоотречении и горячем рвении к распространению христианской религии. Но хотя мы с радостью воздаем ему хвалу за его превосходные качества, мы не можем не замечать некоторых его недостатков. Так, например, мы не можем одобрить его постоянные странствия и думаем, что, предпринимая свои путешествия, он руководствовался, возможно, не только желанием распространять христианство, но и любовью к новизне. Его способ обращения в христианство также был в высшей степени невнимательным и поспешным; ибо, несомненно, в 10 000 идолопоклонниках, которых он окрестил за один месяц, было не больше христианского, чем в самом крещении.

Но мы должны приписать ему еще больший недостаток, который, по-видимому, присущ характеру римских священников — абсолютную власть, на которую они претендуют над всеми людьми, и их беспринципные действия против любого, кто достаточно смел, чтобы сопротивляться их приказам — более того, самим их желаниям. Обратите внимание. Дон Альфонсо де Сонса, вице-король Индии, хотя и примерный католик, но из-за того, что он не уступает всем желаниям Ксавье, иезуит пишет королю и добивается его отзыва! Альварес выступает против посольства Перейры, которое замыслил Ксавье, и за это священник-иезуит отлучает его от церкви! Эти два поступка характерны для римских священников, и мы цитируем их, чтобы показать, что даже самый мягкий человек ни в чем не колеблется, чтобы отстаивать свою точку зрения.

Однако во времена Ксаверия и в течение примерно пятидесяти лет после него миссии, хотя и были далеки от того, какими они должны были быть в качестве инструмента распространения Евангелия, тем не менее проводились не совсем похвально. Миссионеры были трудолюбивы, энергичны, неутомимы. Они переносили любые лишения, преследования, даже саму смерть с мужественным, а иногда радостным и готовым сердцем. Если бы они просто проповедовали Евангелие и не примешивали к нему распространение суеверных обычаев Римской церкви, никакая похвала не была бы адекватна их заслугам. Но, увы! благородные качества, которые они приносили в работу, вскоре были извращены и направлены на корыстные и нечистые мотивы,

так что мы опасаемся, что добро, которое они творили поначалу, вряд ли может компенсировать зло, которое они в конце концов произвели.

Человеком, который после Ксавьера добился наибольшего успеха в Индии, но который также извратил характер миссии и внедрил самое отвратительное идолопоклонство, был отец Фрэнсис Нобили. Он прибыл в Мадур в 1606 году и был удивлен, что христианство так мало продвинулось за столь долгое время, что он объяснил сильным отвращением, которое индиец испытывал к европейцу, и тем фактом, что иезуиты, уделявшие больше внимания париям, сделали так, что Христа стали считать Богом париев. [89] Поэтому он решил играть роль индуса и брамина. После того, как он с удивительной легкостью изучил их обряды, манеры и язык, [90] он выдал себя за саньяси, брамина четвертого и наиболее совершенного класса; и с невозмутимой наглостью он заявил, что пришел, чтобы восстановить для них четвертый путь к истине, который, как предполагалось, был утерян много тысяч лет назад. Он подчинился их покаяниям и обрядам, которые были очень болезненными; воздерживался от всего, что имело жизнь, такого как рыба, мясо, яйца; [91] уважал их предрассудки и, прежде всего, сохранение различия классов. Отверженному оглашенному было запрещено входить в одну церковь с новообращенными шудрами или браминами. Все это было началом тех языческих церемоний и суеверий, которыми была заражена христианская религия.

Эти римские *саниасси* проявляли большую осторожность, чтобы их не приняли за *ферингеев*, [92] и еще большую осторожность проявляли, чтобы не задеть предрассудки индусов. Мы могли бы умножать цитаты *до бесконечности*, чтобы доказать наши утверждения, но мы удовлетворимся двумя. “Все наше внимание, - пишет отец де Бурж, - направлено на то, чтобы скрыть от людей, что мы те, кого они называют *ферингами*; малейшее подозрение в этом стало бы непреодолимым препятствием для нашего успеха”. [93] И отец Модуит пишет: “Катехизатор из низшей касты никогда не может быть нанят для обучения индусов из более возвышенной касты. *Брахманы* и *шудры*, составляющие основные и наиболее многочисленные касты, испытывают гораздо большее презрение к париям, которые стоят ниже их, чем европейские принцы могут испытывать к отбросам народа. Они были бы обесчещены в своей собственной стране и лишены привилегий своей касты, если бы когда-либо прислушивались к наставлениям того, кого они считают позорным. Поэтому у нас должны быть катехизаторы-парии для парий и катехизаторы-брахманы для брахманов, что создает нам большие трудности”. “Некоторое время назад катехизатор из миссии Мадур умолял меня поехать в Поулур, чтобы там окрестить нескольких отверженных катехуменов и исповедать некоторых неофитов этой касты. Страх, что брахманы и шудры узнают о моем шаге и поэтому сочтут меня позорным и недостойным когда-либо поддерживать с ними какие-либо отношения, *удержал меня от поездки!* Слова святого апостола Павла, которые я прочитал в то утро за мессой, побудили меня принять такое решение— ‘Никого не обижай, чтобы твое служение не было порицаемо’ (2 Кор. vi. 3). Поэтому я отправил этих бедных людей в уединенное место, примерно в трех лье отсюда, где я сам присоединился к ним *много, причем с самыми тщательными предосторожностями*, и там я крестил девятих!” [94]

Мы обращаемся к каждому беспристрастному человеку, если бы они были апостолами и учителями Евангелия. Но, судя по всему, они считали, что обращение этих идолопоклонников заключается в самом факте их крещения. Совершить крещение человека *добровольно* было

величайшим честолюбием иезуитов, и это честолюбие они удовлетворили *per fas et nefas*. Пусть они сами изложат факты:—

“Когда этим детям, ” говорит отец де Бурж, “ угрожает смертельная опасность, мы обычно крестим их, не спрашивая разрешения их родителей, в чем им, безусловно, будет отказано. Катехизаторы и частные христиане хорошо знакомы с формулой крещения, и они посвящают в нее этих умирающих детей,*под предлогом того, что дают им лекарства*”. [95]

Женщины также были признаны очень полезными в случае с новорожденными младенцами, когда никто другой не мог получить доступа. Отец Буше, в частности, упоминает одну женщину, “чье знание пульса и симптомов приближающейся смерти было настолько безошибочным, что из более чем десяти тысяч детей, которых она крестила сама, не более двух избежали смерти”. [96] Подобным образом, во время голода в Карнатике, примерно в 1737 году н.э., отец Тремблуса пишет, что, согласно отчету катехизаторов и миссионеров, число брошенных и умирающих детей, крещенных в течение двух лет после смерти, составило более двенадцати тысяч. Он добавляет, что, поскольку каждый новообращенный знал формулу крещения, в любом месте, где были неопиты, было редкостью, *чтобы хоть один языческий ребенок умер некрещеным*. [97]

Логическим следствием такого способа превращения в христиан было то, что при первой же возможности эти новообращенные отвергали имя христианина с такой же легкостью, с какой они его принимали. Это было замечено во многих случаях, и более конкретно, возможно, в 1784 году: —

“Когда Типпу приказал схватить всех коренных христиан Майсура и собрать их вместе в Серингапатаме, чтобы обратить их в магометанство среди этого огромного множества, насчитывающего более 60 000 душ, — говорит аббат Дюбуа, — ни *у одного*- ни у одного человека из стольких тысяч - не хватило смелости исповедать свою веру в этих тяжелых обстоятельствах и стать мучеником за свою религию. Все отступники *в массовом порядке*, без сопротивления или протестов”. [98]

Но даже когда эти обращенные сохранили имя христиан, мы затрудняемся отличить их от язычников ни по их способу богослужения, ни по их моральному поведению. И что еще более обескураживает, так это видеть, что иезуиты, которые воспитывали их в этих идолопоклоннических и дьявольских суевериях, относятся к ним легкомысленно — более того, кажется, даже одобряют их.

Послушайте месье Кретино:—

“Малабарские обряды состоят в пропуске некоторых церемоний при отправлении крещения, соблюдая, однако, суть таинства; в сокрытии названия Креста и предметов католической религии под более распространенными и народными названиями;*давать им языческие имена*; вступать в брак с детьми до достижения ими половой зрелости, *семи лет*; разрешать женщинам носить талию (бижу), [99] который они получают в день своей свадьбы и на котором выгравирован идол, *греческий бог Приап*; чтобы не помогать париям в их болезни и отказывать им в определенной духовной помощи —*таинствах исповеди и причастия*.” [100] Он мог бы добавить, что эти обряды заключались также в использовании сожженного коровьего навоза,

наносимого на тело, [101] в веселом застолье по случаю которые приличия запрещают нам называть в танцах и игре на различных инструментах, в процессиях идолов, в омовениях в соответствии с брахманическими обрядами и во множестве других языческих суеверий. Теперь послушайте, что думают Кретино и иезуиты об этих отвратительных актах идолопоклонства:

“Иезуиты Мадур, Майсура и Карнатика оказались окружены таким количеством суеверий, что сочли за лучшее терпеть тех, *кто, по их мнению, не наносил никакого ущерба христианской религии*”. [102] Итак, эти практики, которые, по их мнению, “не наносили никакого ущерба христианской религии”, были именно теми, которые мы называли; которые иезуиты упорно поддерживали даже после того, как они были осуждены тремя папами подряд, и которые они все еще считали “невинными”. На самом деле, мы не знаем, должны ли мы больше всего проклинать их порочность или оплакивать их слепоту. Мы могли бы почти пожалеть, что они не *отрицают* эти факты. Ложь в большей или меньшей степени не имела бы большого значения в общей сумме и, по крайней мере, показала бы, что в них все еще живо некоторое чувство стыда. Микион, видя, что Эшин покраснел от его возражений, самодовольно отводит взгляд в сторону и говорит: “*Erubuit, salva res est!*” Теренций был прав. Эшин был способен испытывать стыд и исправился; но иезуиты не краснеют. Либо они потеряли всякий стыд, и вы бы его не нашли —

“Chi di mal far si vergogni” —

“любой краснеет, поступая неправильно”, или они считают невинным самое отвратительное осквернение нашей святой религии. Боюсь, в обоих случаях мы должны отказаться от всякой мысли увидеть, как они меняются, пока их нераскаявшиеся головы не посетит гнев Божий. Пусть их обращение предотвратит это!

Жалобы на эти скандальные профанации были направлены в Рим еще при жизни Нобили. Павел V. поручил архиепископу Гоа разобраться в природе этой практики, которую прелат категорически осудил. Иезуиты встрепнулись в свою защиту и заявили Григорию XIII, преемнику Павла, что эти обряды были просто гражданскими церемониями, а вовсе не религиозными. Григорий, либо недостаточно щепетильный, либо убежденный их искажениями, в краткой записке, датированной 1623 годом, условно одобрил некоторые из этих практик, такие как отпущение грехов, роспись сандаловым деревом и некоторые другие, которые, как мы уже говорили, были представлены иезуитами как просто гражданские церемонии. Этот успех укрепил иезуитов в проведении той же линии политики; и поскольку в то время они также находились в состоянии войны с другими монахами за приобретение, каждый для своего ордена, первостепенного влияния на индейцев, они думали, что ничто не может быть более эффективным для достижения их целей, чем льстить предрассудкам своих неофитов, быть либеральными в своих уступках и, фактически, терпимо относиться почти ко всем языческим обычаям. Они действовали в Индии во всех отношениях так же, как и в Европе, где, чтобы быть исповедниками королей и сильных мира сего, они изобрели доктрины вероятности, ментальной сдержанности и другие доктрины столь же аморального характера, которые мы вскоре рассмотрим. Таким образом, в течение восьмидесяти лет они переходили от одной мерзости к другой, пока скандал не стал настолько великим и повсеместным, что Римский престол снова был вынужден вмешаться. Соответственно, Климент XI. делегировал Шарлю

Майяру де Турнону, патриарху Антиохии, неограниченные полномочия для расследования и урегулирования вопроса. Патриарх описан Климентом XI. как “человека, чья хорошо известная честность, благоразумие, милосердие, образованность, благочестие и рвение к католической религии сделали его достойным высочайшего доверия”; и, по словам Кретино, “человека, обладавшего высочайшими добродетелями и наилучшими намерениями, которыми, однако, должно было руководить менее невозддержанное рвение”. [103]

Он высадился в Пондишери 6 ноября 1703 года и немедленно приступил к тщательному расследованию всего этого дела. Через восемь месяцев, 23 июня 1704 года, он опубликовал знаменитый указ, осуждающий и запрещающий все эти идолопоклоннические практики; хотя благородный прелат, каким бы добрым католиком он ни был, не совсем свободен от суеверий, как видно из самого указа. Вот несколько выдержек из него:—

“ Шарль Томас Майяр де Турнон, милостью Божьей ... Легат *позднее* и проч.... зрело рассмотрев все обстоятельства, ... выслушав вышеупомянутых отцов (иезуитов), в публичных молитвах воззвав к божественной помощи; мы, ... в нашем качестве легата *позднее*, ввели в действие настоящий указ:—

И начнем с совершения таинства. Мы категорически запрещаем, чтобы при совершении крещения какие-либо христианские обряды были опущены.... Более того, мы повелеваем, чтобы оглашенному было присвоено название римского мученика, а не идолопоклоннического.... Мы приказываем, чтобы никто, ни под каким предлогом, не менял значения имен креста, святых или любой другой святыни....

Далее, поскольку в этой стране существует обычай, согласно которому дети шести-семи лет, а иногда и моложе, с согласия своих родителей вступают в нерасторгимый брак, вешая *Талию*, или золотую брачную эмблему, на шею невесты, мы приказываем миссионерам никогда не допускать таких недействительных браков между христианами.

И поскольку, согласно наиболее информированным приверженцам этого нечестивого суеверия, на *Талиях* изображен, хотя и бесформенный, Пуллар, или Пиллеар, идол, который, как предполагается, руководит свадебными церемониями; и поскольку для христианок позорно носить такое изображение на шее в знак того, что они замужем, мы впредь строго запрещаем им осмеливаться носить *Талию* с этим изображением, подвешенную к их шеям. *Но, чтобы не казалось, что жены не состоят в браке, они могут использовать другой Талисман с изображением святого креста, или Господа нашего Иисуса Христа, или пресвятой Девы!*

“Брачных церемоний также, согласно обычаям страны, так много, и они осквернены таким количеством суеверий, что нельзя придумать более безопасного средства, чем полностью запретить их; ибо они переполнены нечистотами язычества, и было бы чрезвычайно трудно очистить их от того, что является суеверным....

Подобным же образом мы не можем допустить, чтобы эти услуги милосердия, которые врачи-язычники, даже из благородной расы или касты, не считают недостойными (для здоровья тела), оказывались этим бедным людям, париям, хотя и находящимся в самом жалком и наихудшем состоянии, были отвергнуты духовными врачами ради спасения душ. Поэтому мы строго предписываем миссионерам, насколько они могут, следить за тем, чтобы ни одному больному христианину не предоставлялось никакой возможности исповедаться, хотя бы он был Парией или даже принадлежал к еще более презираемой расе, если бы таковая имелась. И чтобы они

не были вынуждены заботиться о своем вечном благополучии, когда болезнь усиливается, а их бренная жизнь находится в очевидной опасности, мы поручаем миссионерам не ждать, пока те, кто находится в таком слабом состоянии, будут доставлены в церковь, но, насколько они в состоянии, искать их дома, навещать их и утешать благочестивыми беседами, молитвами и хлебом для причастия; и, короче говоря, совершать над ними соборования, если они при смерти, без какого-либо различия в лицах или полах, недвусмысленно осуждая любую практику, противоречащую закону. долг христианского благочестия....

“Мы также с величайшим прискорбием узнали, что христиан, умеющих бить в барабан, играть на флейте или других музыкальных инструментах, приглашают выступать во время праздников и жертвоприношений в честь идолов, а иногда даже заставляют присутствовать на них из-за некоторых обязательств, которые, как предполагается, налагаются на общество в результате занятия такой профессией, и что миссионерам отнюдь не легко отвратить их от этого отвратительного злоупотребления; поэтому, учитывая, какой тяжелый отчет нам пришлось бы нести перед Богом, разве мы не стремились изо всех сил, чтобы отзовите таких христиан, как эти, от почитания дьяволов и поклонения им, мы запрещаем им” и т.д.

“Миссионеры также должны быть обязаны не только ознакомить их с вышеупомянутым запретом, но и настаивать на его полном исполнении и изгонять из Церкви всех, кто не подчиняется, до тех пор, пока они не раскаются от всего сердца и публичными знаками покаяния не искупят скандал, который они вызвали”.

Подобным образом, легат категорически запрещает языческие омовения и суеверные обряды омовения в установленное время и с определенными церемониями всем, и особенно проповедникам Евангелия, какие бы претензии они ни выдвигали, даже если бы они выдавали себя за *саниасси*, которые отличались своими многочисленными омовениями — “ut existementur Sanias seu Brachmanes, præ ceteris dediti hujusmodi ablutionibus”.

Мы подобным же образом запрещаем благословлять пепел коровьего навоза, ложную и нечестивую языческую епитимью, установленную Рудреном, и наносить его на лбы тех, кто получил священное помазание Миром; мы также запрещаем использовать все знаки красного и белого цветов, к которым индийцы очень суеверны, для раскрашивания лица, груди и других частей тела. Мы повелеваем, чтобы священная практика Церкви и благочестивый обычай благословлять пепел и возлагать его на голову верующих крестным знамением, чтобы напомнить им о собственном недостойнстве, неукоснительно соблюдались в то время и таким образом, как предписано Церковью, в Пепельную среду, и ни в какое другое время.

“И, чтобы из тех вещей, которые были прямо запрещены в этом указе, кто-либо не мог сделать вывод или поверить, что мы молчаливо одобряем или разрешаем другие обычаи, которые обычно практиковались в этих миссиях, мы абсолютно отвергаем это ложное толкование и прямо заявляем, что нашими намерениями является обратное. Мы также, *по известным нам справедливым причинам*, пожелаем, чтобы настоящий указ вступил в полную силу и считался опубликованным после того, как он будет вручен нашим канцлером отцу Ги Тахару, вице-провинциалу французских Отцов Общества Иисуса в Индии; и мы приказываем ему, в силу святого послушания, передать четыре аналогичные копии Отцу-провинциалу провинции Малабар, начальникам Миссий в Мадуре и Майсуре, а также Карнатикской, которая через два месяца, а также всем другим миссионерам через три месяца, отправит их в отставку. с того дня,

как этот указ будет доведен до сведения отца Тахара, мы обязаны считать его обнародованным и доведенным до сведения всех.

“Дано в Пондишери сегодня, 23 июня 1704 года”.

Ничто не может более убедительно доказать виновность иезуитов и их святотатственное преступление в поощрении такого отвратительного идолопоклонства, чем этот указ, исходящий от столь высокого римско-католического авторитета и от человека, который упрекает себя в излишней снисходительности к отцам церкви. Этот документ является ужасным и неопровержимым доказательством ортодоксальности ордена, и сам месье Кретино не может найти в нем никаких недостатков. Его единственная жалоба заключается в том, что различные историки, цитировавшие указ прелата, не упомянули о преамбуле, в которой патриарх заявляет, что ему помогали в расследовании двое иезуитов, из чего он (м. Кретино), похоже, озабочен тем, чтобы мы сделали вывод, что сами иезуиты осудили эту практику. Это, помимо того, что противоречит тому, что только что сказал г-н Кретино, никоим образом не верно в том смысле, в каком он желает, чтобы мы это поняли. Согласно версии отца Норберта, [104] похоже, что патриарх докопался до истины во всем этом вопросе, применив небольшую иезуитскую хитрость. Он вызвал двух отцов на частную беседу, принял их с большой добротой и учтивостью, похвалил их усердие, пожалел их в их трудном положении и так победил их, что они откровенно признались ему во всем. Так вот, их признание было записано двумя секретаршами, которые для этой цели были спрятаны в шкафу. Настоятель, которому иезуиты рассказали о случившемся, был возмущен и встревожен их удивительной прямоотой и отправил их обратно к прелату, чтобы они взяли свои слова обратно. [105] Но было слишком поздно. Легат, чтобы придать больше веса указу, начинает несколько ехидно со слов, что в его расследовании ему помогали отцы Венан Буше и Шарль Бартольд, “ученые и ревностные люди, которые долгое время жили в этой стране, были прекрасно знакомы с ее нравами, языком и религией, и что из их уст он получил правильное представление о реальном положении вещей, которое сделало виноградную лозу и ветви слабыми и бесплодными из-за того, что они придерживались скорее языческого тщеславия, чем настоящей виноградной лозы, Христа Иисуса.

Что заставляет нас верить в правдивость отца Норберта в данном случае, так это то, что иезуиты так и не подчинились указу, что они все еще продолжали упорствовать в своих старых обычаях, и что ни отец Буше, ни Бартольд не были наказаны или уволены, что, несомненно, имело бы место, если бы они сознательно и открыто осудили эти дьявольские действия. Напротив, отец Буше был одним из двух иезуитов, которых послали в Рим, чтобы добиться отмены указа.

Иезуиты, однако, сделали все возможное, чтобы парировать этот удар. Верные важному правилу иезуитской хитрости, они сначала притворились покорными, лишь умоляя патриарха приостановить на время нарекания, связанные с неисполнением указа, которые добрый прелат даровал на три года, надеясь, что они подчинятся и постепенно отменят эти мерзости. Но они были далеки от намерения сделать что-либо подобное. Напротив, они, как мы уже говорили, немедленно отправили двух иезуитов в Рим с целью добиться отмены указа патриарха Святым Престолом. Отец Тахар, вице-провинциал индийских миссий, подумал, что, возможно, это произвело бы большое впечатление на Рим, если бы, по мнению легата Де Турнона, они могли противопоставить мнение не только всех иезуитов, проживающих в Индии, но и других священников на Малабарском побережье. С этой целью он разослал по округе множество эмиссаров со своего рода циркуляром, содержащим ряд вопросов, на которые он требовал

ответов, и все они, как можно было себе представить, соответствовали его пожеланиям. Этот странный циркуляр находится на восьмой и десятой страницах третьего тома *Исторических воспоминаний*. Если бы последующие факты и все поведение иезуитов не сделали этот документ достоверным, мы бы не решились включить его в качестве исторической правды, настолько странным нам кажется этот документ. Вот оно:—

“I. Необходимо ли частое использование золы (сожженного коровьего навоза) для христиан этих миссий? *Они ответили утвердительно.*

“II. Поскольку в цивилизованном мире на париев смотрят как на нечто настолько презренное, что почти невозможно описать, насколько широко распространено предубеждение против них, должны ли они собираться в том же месте или в той же церкви с другими христианами более высокой касты? *Они ответили отрицательно.*

“III. Обязаны ли миссионеры входить в дома париев, чтобы оказать им духовную помощь, в то время как существуют другие способы достичь той же цели, как отмечается в другом месте? *Они ответили отрицательно.*

“IV. Должны ли мы в упомянутых миссиях использовать слюну при совершении таинства крещения? *Они ответили отрицательно.*

“V. Должны ли мы запретить христианам отмечать те блестящие и радостные праздники, которые устраивают родители, когда их юные дочери ‘приходят на премьеру моей молодости’? *Они ответили отрицательно.*

VI. Должны ли мы запретить обычай, соблюдаемый при заключении брака, - разламывать кокосовый орех? *Они ответили отрицательно.*

“VII. Должны ли жены христиан быть обязаны менять свои *Талию* или брачные пуповины? *Они ответили отрицательно.*”

И он, отец Тахар, не удовлетворился простой подписью; он хотел также торжественной клятвы —

“Я, Джон Венан Буше, священник Общества Иисуса и настоятель Карнатикской миссии, свидетельствую и клянусь своей верой как священника, что соблюдение обрядов, изложенных в предыдущих ответах, является величайшей необходимостью для этих миссий, как для их сохранения, так и для обращения язычников. Кроме того, мне кажется, что введение *любого другого* обычая, противоречащего этому, **БЫЛО БЫ СОПРЯЖЕНО С ОЧЕВИДНОЙ ОПАСНОСТЬЮ ДЛЯ СПАСЕНИЯ ДУШ НЕОФИТОВ.** Так я отвечаю преподобному отцу-настоятелю, который приказывает мне высказать ему свое мнение относительно этих обрядов и подтвердить его клятвой, для подтверждения которой я здесь подписываюсь своим именем. Подписано 3 ноября 1704 года в Карнатикской миссии. Jean Venant Bouchet.”

Отцы Питер Модуит, Филипп де Лафонтен, Питер де ла Лейн и Жильбер ле Пети принесли ту же клятву и засвидетельствовали ее своими подписями, и аналогичным образом присягнули все португальские иезуиты в Мадуре и Майсуре.

В то время как два иезуита были отправлены в Рим с этим документом, Ф. Тахард привел в действие еще одну батарею. Епископы Гоа и Сент-Томаса были креатурами иезуитов и всецело преданы их интересам. По наущению отцов церкви они, соответственно, опубликовали

постановление, которым своим собственным авторитетом отменили постановление легата под благовидным предлогом того, что они не были удовлетворены тем, что власти этого прелата было достаточно для его приведения в исполнение. Епископ Гоа, к которому папа направил Де Турнона в качестве своего представителя, которому он предоставил полную и неограниченную власть, пошел еще дальше и имел наглость написать папе, сообщив ему, что он, епископ, отменил указ патриарха, не зная, что у него есть право опубликовать его.

Папа был сильно разгневан как против епископов, так и против иезуитов, и 4 января 1707 года он выступил с резкой критикой заявления епископа относительно указа Де Турнона, дав свою полную санкцию решению легата во всех его частях. В то же время он написал ужасное письмо с предостережением епископу Гоа, упрекая его в дерзости и угрожая низложить.

Теперь, возможно, можно было бы предположить, что иезуиты согласятся с этими постановлениями, которые, на самом деле, просто направлены на то, чтобы искоренить языческие суеверия, слишком отвратительные даже в глазах папского прелата. Несомненно, эти защитники Рима, эти набожные слуги Святого Престола, с которым они связаны особым обетом, собираются безоговорочно повиноваться верховному главе своей Церкви. Отнюдь нет. Напротив, иезуиты добавили к неповиновению лжесвидетельство и произносили ложь столь смелую и неприкрытую, на какую способны только иезуиты. Отцы Буше и Лайнез потерпели неудачу в своей миссии в Риме. Еще до того, как они добрались до столицы, указ легата был подтвержден указом Генеральной инквизиции от 6 января 1706 года. Папа принял их очень холодно; и пока они были в Риме, он опубликовал свое выступление против епископов Гоа и Сент-Томаса и подтвердил постановления патриарха. Что ж! можно ли поверить — можно ли этому поверить, - что даже среди этих иезуитов нашлись бы два человека, настолько утратившие всякое чувство порядочности и чести, чтобы по возвращении заявить, что папа принял их с величайшей добротой и что указ легата Де Турнона отменен! Велико было изумление миссионеров других орденов и некоторых немногих христиан, которые с отвращением относились к такому большому количеству идолопоклонства, которое было привнесено в религию Христа. Но после того, как прошел первый момент удивления, они начали сомневаться в правдивости сообщения иезуитов и послали в Рим меморандум, чтобы выяснить всю правду. Иезуиты попытались перехватить его, но гонец с большим трудом избежал засады, устроенной для него близ Милана, и, наконец, прибыл в Рим. Мы ничего не скажем о возмущении папы Климента XI. услышав это. Мы приведем лишь часть его записки, которая устраняет все сомнения относительно вины иезуитов:

“Епископу Святого Фомы Мелиапарского, папе Клименту XI. желает здоровья и т.д.

“Мы с величайшим прискорбием узнали, что в вашей стране (Индии) было разглашено, что мы аннулировали постановления, содержащиеся в указе нашего достопочтенного брата кардинала де Турнона от 23 июня 1704 года в Пондишери, куда он отправился по пути в Китай; и что мы, более того, разрешили и одобрили те обряды и церемонии, которые в вышеупомянутом указе объявлены зараженными суевериями. Горячо желая, чтобы в деле такой важности не только вы, но и благодаря вашей заботе все другие епископы и миссионеры узнали правду, мы сочли уместным направить вам совместные документы, [106] заверенные апостольским нотариусом и печатью Генеральной инквизиции; и мы просим князей апостолов и т.д.

“Рим, 17 сентября 1712 года.”

Прежде чем продолжить наше повествование, мы должны вернуться на несколько лет назад и возобновить историю патриарха де Турнона, который, опубликовав свой указ в Пондишери, отправился в Китай, куда прибыл в 1705 году. Иезуиты уже были там. Прежде чем попытаться проникнуть в эту обширную империю, они тщательно изучили привычки этого (сравнительно) научного и образованного народа; и, чтобы преуспеть в своем предприятии, они решили польстить национальным предрассудкам, а также обучить туземцев наукам и искусствам. Ближе к концу шестнадцатого века отец Риччи совершил свой первый въезд в Китай и был встречен очень дружелюбно, потому что он был способным математиком и мог повторить по памяти наиболее важные отрывки Конфуция. Император очень уважал его за часы, которые отбивали положенный срок и которые были сделаны иезуитом специально для него; и еще больше за карту, намного превосходившую все, что китайцы пытались сделать в этой области знаний. [107] Но из-за слишком большого желания угодить китайцам иезуиты поступили здесь так же, как они уже поступили в Мадуре — они позволили осквернить христианскую религию идолопоклонническими практиками и приспособились ко всем манерам китайцев. Ранке говорит, что Риччи умер в 1610 году не просто от переутомления, но, в особенности, от многочисленных визитов, длительного голодания и всех других обязанностей китайского общества и этикета. [108]

Первым шагом патриарха де Турнона по прибытии в Китайскую империю было созвать в Кантон всех миссионеров и священников, на которых он был способен, и объявить им, что он полон решимости не терпеть никаких идолопоклоннических суеверий, какими бы они ни были. В результате он приказал им убрать все идолопоклоннические эмблемы со своих церквей. Китайские иезуиты, похоже, проявили больше лицемерия, чем жители Мадур. Они не проявили никакого сопротивления приказам патриарха и оказали ему очень любезный прием у императора Тхан Хи. Но императорским благоволением он пользовался действительно очень короткое время. Иезуиты тайно настраивали императора против него, представляя ему, что легат презирает китайцев, их государя и их религию, и что он был подстрекателем и советником епископа Конона, который был апостольским викарием в провинции Фукин и который запретил некоторые языческие суеверия в соответствии с желанием патриарха. Император, возмущенный этим, своим указом в августе 1706 года изгнал легата из своих владений, а последующим - епископа Конона. [109] Иезуиты, эти дьявольские сыны лицемерия, в глубине души ликующие по поводу поражения своих врагов, имели наглость — мы бы сказали, жестокость — оскорбить их горе письмом, полным фальшивых соболезнований и слез, которое они послали Де Турнону, еще находясь в Нанкине. Однако, не похоже, что прелат был одурачен их искусством, как можно понять из следующего благородного и патетического ответа отцам Общества, проживающим в Пекине: —

“Мы получили, преподобные отцы, в письме ваших преподобий, полном скорби, указ от 16 декабря 1706 года против самого прославленного епископа Конона и других.... Вы говорите, что это событие причиняет вам горе и огорчение. Молю Бога, чтобы ваше огорчение привело вас к покаянию! Я должен радоваться этому, потому что это было бы угодно Богу и могло бы стать средством вашего спасения.

День и ночь я проливаю слезы перед Богом не столько из-за тяжелого состояния миссии, сколько из-за *тех, кто является причинами ее несчастий*; ибо, если бы я не знал причину зла и его исполнителей, я мог бы переносить все с большей радостью. Святой Престол осудил ваши действия; но гораздо больше следует ненавидеть *ту безудержную распущенность, с*

помощью которой вы пытаетесь похоронить свой позор под руинами миссии. Вы не прислушались к спасительному совету; и теперь вы прибегаете к средствам, которые вызывают ужас (*modo ad horrenda confugitis*).

“Что мне сказать? Горе мне! Причина установлена, но ошибка продолжается; миссия будет уничтожена раньше, чем ее удастся исправить.

Однако ваши преподобия не всерьез, а просто шутят (*ludunt non dolent reverentiae vestrae*), когда вы представляете императора разгневанным на вас — императора, который действует только согласно вашим желаниям. Он, несомненно, рассердился бы, если бы узнал (не дай Бог!), какой ущерб вы нанесли его славе.... Какую веру я могу возложить на тех, кто за все время своего общения со мной не использовал ничего, кроме коварных уловок?... Я молюсь о Том, кто приберег месть для Себя, не воздавать вам того, чего вы заслуживаете, и не отмерять вам той же мерой, какой вы отмерили своему ближнему.... Если вы знали императора настолько хорошо, что пришли к выводу, что он заслуживает имени Ирод, почему вы обратились к нему?... Почему вы злонамеренно возбудили его ненависть к апостольскому легату?... Молили бы Бога, чтобы вы покаялись от всего сердца!—Ваш и т.д.

“Нанкин, 17 января 1708 года.”

Но если прелат был хорошо знаком со всеми хитростями иезуитов, он не знал степени их порочности. Вскоре после того, как де Турнон отправил это письмо, он был арестован по приказу императора (мы вполне можем предположить, по чьему наущению), отправлен в Макао и передан португальцам. Епископ Макао, который был еще одним креатуром иезуитов, заковал его в цепи и бросил в тюрьму. В высшей степени поучительно прочитать буллу об отлучении, которую подписал папа Климент XI. обрушился с гневом на епископа Макао за этот поступок. Он жаловался, что папский легат был арестован “не язычниками, а христианскими магистратами и должностными лицами, которые, забыв о его священном характере, о его достоинстве и т. Д., Осмелились наложить на него руки и заставить его терпеть такие унижения и пытки, что сами язычники были поражены ужасом - *ipsis exhorrescentibus ethnicis*”.

В той же булле папа сообщает нам, что де Турнон по определенным причинам подвергся церковному осуждению со стороны Церкви, Колледжа и Семинарии иезуитов, что не оставляет сомнений в причастности к поимке и жестокому обращению с прелатом, которого использовали как худшего из преступников, и все это для удовлетворения мести иезуитов. Чтобы утешить де Турнона во всех этих невзгодах, Клеменс пожаловал ему кардинальскую шапку; но, увы! узник недолго радовался этой высокой чести. Его жизнь была близка к концу. Жестокое обращение и, как многие говорят, голодания, которым он подвергался, положили конец его бедам. Он умер в 1710 году в возрасте сорока двух лет. О, возникает почти искушение умолять Бога отомстить таким святотатцам, которые, называя себя христианами — нет, самыми совершенными христианами, — приговорили к изощренным пыткам и к самой мучительной и долгой смерти этого благородного человека за попытку очистить религию Христа от языческих суеверий. Так погиб Де Турнон, человек, несомненно, один из лучших прелатов Римской церкви. Климент XI. воздал ему хвалу в публичной консистории и, как мы уже говорили, отлучил епископа Макао от церкви. Мы не будем добавлять ни слова наблюдений; факты говорят сами за себя.

Теперь мы продолжим наш рассказ о малабарских обрядах и постараемся поскорее завершить его; фактов, которые мы уже сообщили, более чем достаточно, чтобы дать очень ясное представление о религиозном учении иезуитов в Индии и об их поведении там. Климент XI в 1719 году; Бенедикт XIII в 1727 году; Климент XII в 1734 и 1739 годах публиковали сводки за сводками, чтобы обязать иезуитов подчиниться указу кардинала де Турнона, но тщетно. Иезуиты либо отказывались, либо уклонялись от повиновения им. И когда Климент XII в 1739 году заставил их принести очень строгую клятву [110] подчиняться указу, каждый иезуит принял его, но никто его не соблюдал; находя благовидное оправдание для невыполнения этого в их доктрине, затем в полной силе, которая провозглашает, что “человек, который дает клятву устами, без согласия своего разума”. , не обязан соблюдать клятву, потому что он не клялся, а только пошутил”.

Наконец-то Бенедикт XIV. решил положить конец соперничеству, опубликовав в 1741 году ужасную буллу, в которой он называет иезуитов непослушными, непокорными, коварными и нечестивыми людьми (*inobedientes, contumaces, captiosi, et perdit homines*), и в которой он изложил такие строгие и несомненные положения, что было трудно уклониться от их выполнения; и особенно после того, как папа в другом кратком изложении в следующем году повелел, чтобы краткое изложение 1741 года читалось каждую субботу во всех домах, церкви и колледжи Общества.

Влияние иезуитов в Индии теперь начало быстро падать. Было обнаружено, что их саниасси были самозванцами. Война, начавшаяся вскоре после этого между Францией и Англией, нанесла еще больший ущерб; и когда их орден был упразднен в 1773 году, иезуиты практически не имели влияния в Индии.— Таковы основные черты миссий в Индии, правильно так называемых. В Японии, этой беспокойной и воинственной стране, иезуиты применили другой и более подходящий метод для приобретения влияния среди людей. Отбросив часть своей хитрости и притворной святости, они поддерживали дело той или иной из различных партий, которые боролись за власть, их лелеяли, уважали, и им разрешалось проповедовать свою религию, если партия, на стороне которой они были, одерживала победу; их преследовали, ссылали и казнили, если она терпела поражение. Сотни иезуитов, которые представлены нам как принявшие мученическую смерть за свою веру, чаще всего были казнены как неудачливые заговорщики. Японцы не были такой фанатичной расой, как индийцы, а бонзы, их священники, не были всемогущими, как брахманы. Преследования, которые они осуществляли против своих опасных соперников, иезуитов, не могли быть успешными без того, чтобы народ и государь не были оскорблены против них, но не как против миссионеров, а как против побежденных недовольных и заговорщиков. Иезуиты удерживали свои позиции в Японии с различными превратностями, пока не были подавлены. В Китае они также удерживали свои позиции теми же средствами, которые открыли их для приема — они, насколько могли, приспосабливались к манерам и обычаям народа, и, по-видимому, им отчасти удалось победить некоторые из своих национальных предрассудков; по крайней мере, их поддерживали высшие классы, которые высоко ценили их за ученость и настолько уважали, что некоторых сделали мандаринами; и даже когда христиан преследовали как опасных заговорщиков, иезуитов не трогали. Однако у нас есть мало документов, за исключением документов историков-иезуитов, рассказывающих об их собственных деяниях, позволяющих установить истинную правду об их положении в этой стране.

Иезуиты уверяют нас, что миллионы идолопоклонников были обращены ими во всех этих странах, но их баснословным рассказам противоречат факты. Ибо, когда в 1760 году был составлен статистический отчет обо всех христианах, проживающих в Индии и Японии, оказалось, что их число составляет менее половины от того, что, как говорят, обратил один Ксаверий, и более чем в сто раз меньше, чем было достигнуто объединенными усилиями всех миссионеров-иезуитов. Это напоминает нам о подсчете, сделанном одним остроумным человеком, всех арабов, убитых французскими бюллетенями с 1831 по 1841 год, которые в три или четыре раза превышали численность всего арабского населения.

Во всех этих странах иезуиты получали от своих новообращенных большие пожертвования, но об их торговле - позже.

Таким образом, мы в общих чертах описали эти знаменитые миссии и сожалеем, что не можем продолжить их описание дальше. Характерным фактом, установленным в результате тщательного изучения их миссий, является то, что миссионеры-иезуиты с целью господства над этими странами, совершенно независимо от интересов христианской религии, клеветали и преследовали всех других миссионеров, даже несмотря на то, что они были католиками. И так они делают до сих пор.

Далее мы должны заметить, что иезуиты, эти так называемые ревностные и безупречные римские католики, более пятидесяти лет жили в открытом восстании против главы своей Церкви-Бога на земле — непогрешимого наместника Христа — и совершили за тот же период столько святотатств, сколько выполняли священнические функции, которые они выполняли; поскольку из—за несоблюдения указа кардинала де Турнона они были временно отстранены от исполнения своего служения *divinis*, что означает отстранение от исполнения своего служения - какого бы священнического деяния они ни совершили. исполненные, они совершили святотатство.

Но мне кажется, я слышу, как кто-то говорит: "Вы верите, что римский двор настаивал на таком состязании, потому что она питала отвращение к подобным идолопоклонническим обычаям?" Ни в коем случае. Папы боролись за свой авторитет, за непогрешимость своих оракулов, а не за поддержание чистоты христианской религии. Суеверие — идолопоклонство - им нравится, они поощряют, они живут этим. На их глазах ежедневно совершаются такие идолопоклоннические мерзости, что деяния Индии становятся незначительными по сравнению с ними. Я прошу разрешения рассказать только об одном, которому, боюсь, не поверили бы, если бы этот факт не мог быть подтвержден кем-либо каждый год во многих итальянских городах, настолько он кощунственен. В маленьком городке Сан-Лоренцо-ин-Кампо, [111] в сорока милях от Анконы в Страстную пятницу каждого года проходит следующая процессия. Вереница процессий тянется от города по почти открытой местности примерно на полторы мили, причем весь путь был заранее подготовлен для этой цели. На платформах, установленных на определенном расстоянии, изображены различные стадии страстей нашего Спасителя. На одной из них вы видите судилище и Пилата, приговаривающего Христа к смерти; на другой - Христа, увенчанного терниями; на третьей - Христа, падающего под тяжестью креста на своем пути на Голгофу, и так далее. Далее следует распятие, представленное в четырех различных актах. На первом изображен Христос с одной рукой, пригвожденной ко кресту; на втором - с обеими руками, пригвожденными ко кресту; на третьем - с обеими руками и ногами; а на четвертом наш

святой Искупитель изображен умирающим с пронзенной копьем грудью. У подножия креста можно увидеть трех Марий. Все эти персонажи, выбранные для представления страстей нашего Господа, выбираются из самых отбросов общества, и им платят больше или меньше, в зависимости от неловкости позы, которую они вынуждены принимать. Тот, кто олицетворяет нашего Спасителя, получает самую большую плату - корону; в то время как соответствующие представители Пилата и Марии получают самую маленькую - восемнадцать пенсов. Все эти кошунственные пантомимеры находятся на своем посту за полчаса до начала процессии и одеты соответственно персонажу, которого изображает каждый. У негодяя, который висит на кресте (мы содрогаемся, когда рассказываем о таких мерзостях), есть только пояс вокруг талии, причем крест сконструирован таким образом, чтобы уменьшить сложность его позы. Примерно через полтора часа после захода солнца священники в своих папских одеждах выходят из церкви в сопровождении всех гражданских властей и большого скопления горожан, одетых в траур и несущих в руках зажженные факелы. По пути они преклоняют колени перед каждой платформой, возносят молитву и поют отрывок из какого-нибудь священного гимна! Эта нечестивая церемония совершается с подобающей серьезностью, как только священники и основная часть процессии приближаются к соответствующим помостам; но до их прибытия и после их ухода сцена представляет собой самое отвратительное зрелище. Многие лаццарони ходят вокруг, смеясь и крича, и обращаются к тем, кто выдает себя за нашего Спасителя и Пресвятую Деву, на самом оскорбительном и нецензурном языке. Вы можете услышать, как многие говорят: “Ха-ха! ты здесь, Тереза! Ты Девственница, не так ли? Ах, ах! ты” (скромность запрещает нам повторить оставшуюся часть предложения). “Ах! Фрэнсис, ты Магдалина! Клянусь честью, прошло совсем немного времени с тех пор, как ты раскаялся” — или: “О, Пол! Пол! здесь какая-то ошибка. Ты должен изображать нераскаявшегося разбойника, а не Христа, ты, отъявленный вор!” Но мы должны приоткрыть завесу над остальной частью этой адской сцены.

Как отвратительно идолопоклонство при Римском дворе!

H. B. 1817

Jacques Laines

ГЛАВА VIII.

1556-1581гг.

ВТОРОЙ, ТРЕТИЙ И ЧЕТВЕРТЫЙ ГЕНЕРАЛЫ ОРДЕНА.

Со многими испытаниями пришлось столкнуться иезуитам после смерти Лойолы. В тот момент, когда он скончался, члены церкви, находившиеся в Риме, назначили Лайнца генеральным викарием, хотя в то время он был опасно болен, назначив в то же время ноябрь месяц для выборов нового генерального. Против выдвижения кандидатуры Лайнеза не могло быть выдвинуто никаких возражений, поскольку он, без сомнения, был самым выдающимся из ныне живущих членов Общества. Трудности начались только тогда, когда генеральный викарий прервал Общее собрание *неопределенный срок*. Лайнес был вынужден пойти на этот шаг, потому что Филипп II Испанский запретил кому-либо из своих подданных покидать его владения, поскольку он тогда находился в состоянии войны с папой римским.

С той роковой эпохи, когда Климент VII ради блага своей семьи (Медичи) передал славу и судьбы Италии в руки австрийского дома, несчастный полуостров (если не считать Венеции) стал имперским феодалом, а последующие папы - главными вассалами императора. Павел IV, хотя и потрепанный годами, вынашивал смелую идею освобождения Италии от австрийского ига. «Он мог сидеть, — говорит Ранке, цитируя Навагера, — долгими часами за черным, густым, жгучим неаполитанским вином, своим обычным напитком, и изливать потоки бурного красноречия против этих раскольников и еретиков, проклятых Богом, этого злого поколения евреев и мавров, этого отброса мира, и других столь же лестных титулов, которыми он с беспощадной щедростью награждал все испанское». [112] И настолько сильной была его ненависть к австрийскому дому, что он заключил строгий союз с лидером протестантов Альбертом Бранденбургским и сформировал свои полки почти полностью из протестантов, чтобы сражаться против короля-католика. И, как будто этого было недостаточно, папа римский, так называемый глава христианства, сделал предложения Солиману I., великому врагу христианского имени, вступить с ним в союз, чтобы уничтожить ультраримского католика и фанатика Филиппа II.

Таким образом, испанским иезуитам помешали отправиться в Рим, Генеральная конгрегация, как мы уже говорили, была отложена. Так начались раздоры. Частные амбиции вырвались наружу и повергли общество в большое замешательство. Восстание возглавил неистовый Бобадилья. Он убедил Родригеса, Бруэ и двух или трех других присоединиться к нему в осуждении тирании и деспотизма Лайнеса. Они делали вид, что он не имел права единолично обладать верховной властью, которая должна принадлежать всем оставшимся в живых основателям ордена до тех пор, пока не будет избран Генерал. Папе были адресованы брошюры, обвинявшие генерального викария в том, что он вынашивал план отправиться в Испанию с целью проведения Конгрегации и основания резиденции ордена в этой стране. Папа, услышав это заявление, пришел в ярость; он разразился проклятиями в адрес Общества;

и когда Лайнез явился на аудиенцию, он отказался его видеть и приказал ему в течение трех дней отказаться от всех конституций и постановлений Общества с указанием имен всех его членов, проживающих в Риме, и запретил кому-либо из последних покидать столицу. Штурм, очевидно, набирал силу, но Лайнез был опытным пилотом. Уступая Лойоле в природных способностях, в твердости характера, в смелости и энергии, он превосходил его в хитрости, в размышлении, в терпении. Игнатиус, властный бывший офицер, при тех же обстоятельствах выпорол бы Бобадилью, исключил некоторых бунтовщиков из Общества и заставил остальных упасть к его ногам и просить прощения. Политик Лайнез избегал боя в открытом поле, надеясь выиграть битву хитростью. Он тихо и незаметно завладел всеми трудами Бобадильи по этому вопросу, [113] узнал от них, каковы были планы его врагов, соответствующим образом подготовил свои средства защиты, ласками и обещаниями оторвал Родригеса и Бруэ от интересов Бобадильи, отправил последнего реформировать монастырь францисканцев в Фолиньо и осудил Горгодануза, самого опасного из них. упорство мятежников - произносить "отче наш" и "аве Мария"! Когда кардинал рассказал об этом факте папе римскому, Павел перекрестился, как при виде чего-то странного и поразительного. [114] Саккини делает вид, что папа осенил себя крестным знаменем, преисполнившись удивления слепоте мятежников; но, несомненно, Павел был поражен в высшей степени хитрой политикой генерального викария. [115]

Однако восстание было подавлено, папа умиротворен, и вскоре после этого война также была прекращена. Герцог Альва, этот кровожадный и свирепый палач бельгийцев, победитель папских войск и союзных армий, вошел в побежденный Рим, попросил аудиенции у понтифика, бросился к его ногам и умолял простить его за то, что осмелился сражаться против него. Какое странное противоречие представляет собой человек!

Мир, установленный между королем Филиппом и папой римским, обеспечил свободный проезд между Италией и Испанией. Отцы прибыли в Рим, и Общая Конгрегация собралась 19 июня 1558 года.

2 июля, когда отцы были готовы приступить к выборам генерального, кардинал Пачеко представился конклаву от имени папы Римского и после нескольких незначительных комплиментов сказал, что готов выступить в качестве секретаря и подсчитывающего голоса. Мы не можем представить себе причину, по которой Павел предпринял такую предосторожность, если только он не боялся, что генералом будет избран Борджиа — Борджиа, соратник, друг Карла V и его сына. Кардинал, однако, занял свое место среди отцов церкви и приготовился исполнять обязанности секретаря. Списки, которые были опущены в урну каждым избирателем, были изъяты и изучены, и кардинал объявил, что Лайнез был избран большинством 13 против 7. Вследствие этого он был провозглашен генералом, и иезуиты один за другим входили, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение и поцеловать его руки на своих коленях.

Затем Собрание приступило к другим делам. Прежде всего, состоялось обсуждение того, следует ли вносить изменения в Конституцию. На это был дан отрицательный ответ. Следует, однако, отметить, что Лайнез на полях 16-й главы четвертой части Конституций, где предписывается, что в Школе богословия должно разъясняться схоластическое учение Святого Фомы, вставил заявление, "что если можно найти какую-либо книгу по богословию, более соответствующую времени, она должна преподаваться". Историк очень рассудительно замечает, что Лайнез, по-видимому, уже разработал проект установления новой доктрины,

который вскоре после этого был предложен Молиной. Оригинальные рукописи, написанные Игнатием на испанском языке, затем были сопоставлены с латинской версией, написанной Поланкусом. Последнее было одобрено и предписано к печати типографией Римской коллегии, что и было немедленно исполнено — первое издание Конституций датировано 1558 годом.

Но в разгар своих законодательных трудов они были поражены прибытием кардинала Трани, который объявил им, что папа желает, чтобы они исполняли хоровую службу, как и все другие монашеские ордена, и что должность генерального должна длиться всего три года. Иезуиты протестовали и говорили о своих Конституциях и о папской булле, которая была издана в их пользу. Кардинал ответил, что приказы его святейшества должны быть выполнены. Иезуиты установили памятник, и Лайнез с Сальмероном отправились преподносить его папе римскому. Поль принял их холодно и при первом же замечании Лайнца воскликнул: “Вы упрямые люди. В этом вопросе вы ведете себя как еретики, и я боюсь, что из вашей компании выйдет какой-нибудь сектант. Но мы твердо решили больше не терпеть подобных беспорядков”. [116] Это был второй раз, когда Пол резко и высокомерно обращался к Лайнезу с апострофией. Когда он посетил его после того, как тот был избран генеральным викарием, он выслушал залпы оскорблений, которые папа обрушил на него с величайшей покорностью. Но, похоже, в этот момент его терпение лопнуло, и он смело ответил, что он не стремился по собственной воле стать генералом, что он был готов отказаться от должности в этот самый момент, но что его святейшеству хорошо известно, что отцы церкви, приступая к выборам, намеревались назначить генерала пожизненно, согласно правилам их Конституций; в остальном: “Мы учим, - добавил он, - мы проповедуем против еретиков; за это они ненавидят нас и называют папистами. Поэтому ваше святейшество должно оказать нам свою защиту и проявлять по отношению к нам отеческие стремления, а не находить в нас недостатки”. [117] Таково было содержание ответа Лайнца, приданного историками-иезуитами более скромной и уважительной форме. Но вспыльчивый и упрямый Пол остался непоколебим его призывом. Он сказал Лайнесу, что не примет его отставку, что его приказы должны быть выполнены, а затем отправил в отставку его и его брата посланника. Павел был жестоким и мстительным человеком, с которым нельзя было шутить. Он обвинил своих собственных племянников в полном составе консистории и изгнал их и их семьи из Рима. Его самым большим желанием было увидеть инквизицию в действии. Ранке говорит, что он редко вмешивался в другие дела, но ни разу не отсутствовал на заседании Конгрегации инквизиции по четвергам. Имея дело с таким человеком, иезуиты были вынуждены согласиться исполнять хоровую службу, утешая себя надеждой, что следующий папа будет к ним более снисходителен; и они не были разочарованы. Медичи, преемник Павла, принявший имя Пий IV, проявил себя более благосклонным к Обществу Иисуса; не из любви к ним, а из ненависти к своему предшественнику, который был его врагом. [118] Хотя он отличался мягким и жизнерадостным нравом, он подавал устрашающий пример племянникам покойного понтифика. Их преступления, несомненно, заслуживали наказания; но поскольку не в характере Пия было проявлять жестокость или мстительность, его, несомненно, побудили действовать в данном случае с непривычной строгостью. Но кто были его подстрекатели и откуда он черпал злобное и карательное вдохновение, руководствуясь которым действовал, было бы трудно определить. Мы знаем только, что иезуиты преследовались Караффами с самого начала, и что “Пий IV”, как утверждает Кретино, “от начала до конца проявил себя более благосклонным к иезуитам, чем даже Павел III. был”. [119] Несомненно, иезуиты имели тогда большое влияние при Римском дворе. Кардинал Караффа и герцог Паллиано, племянники покойного папы, вместе с двумя их

родственниками были приговорены к смертной казни. Им было отказано в собственных исповедниках, и иезуиты были призваны в качестве их духовных утешителей. Кретино говорит, что герцог Пальяно попросил Лайнца прислать ему духовника-иезуита, в то время как недоброжелатели ордена думают, что они вторглись сами, чтобы стать свидетелями агонии и смерти своих врагов. Мы позволяем нашим читателям судить самим. Несчастные преступники были казнены в ночь с 6 на 7 августа 1561 года. Кардинал ни на минуту не подозревал, что приговор приведут в исполнение в отношении него. Он пытался отсрочить казнь, задерживаясь со своим духовником. “Прекратите, милорд, у нас есть другие дела”, - воскликнул офицер полиции. Еще несколько минут, и кардинал превратился в труп.

Теперь Общество, казалось, в целом находилось в процветающем состоянии и быстро росло. Лайнез не пользовался своей властью железной рукой, как Лойола, но он обладал большим тактом и знал, как управлять обществом с помощью хитрой политики. Однако Общество постигли некоторые неудачи. В Гренаде исповедник-иезуит отказался отпустить грехи женщине, пока она не назовет имя своего сообщника в грехе, в котором она призналась. Это произвело большой шум. Но иезуиты, поддерживаемые архиепископом и инквизицией, до такой степени пренебрегали мнением общественности, что один из них, Иоанн Раминиус, провозгласил с кафедры в качестве устоявшейся доктрины, “что, хотя в целом грех самого святого исповедания не должен быть раскрыт, тем не менее, могут возникнуть обстоятельства, при которых исповедник может обязать кающегося найти соучастника греха или назвать имена лиц, зараженных ересью, что позволяет ему (исповеднику) донести на человека или людей компетентному суду”. [120]

Это само по себе достаточно ясно свидетельствует о *неприкосновенности тайны исповеди*, однако мы должны сказать, что эти джентльмены добились большого прогресса с тех пор, как теперь, не спрашивая разрешения кающегося, они сразу же сдают сотrudникам полиции. [121] Однако никогда не перестают раскрываться только грехи, совершенные против религии или политики; хулигану и убийце не нужно опасаться, что *их* преступления будут раскрыты.

Следующей катастрофой, с которой столкнулся орден, было недовольство Филиппа II. против Франсиска Борджиа, бывшего герцога Кандии, одного из исполнителей завещания его отца, который имел очень большое влияние на других сыновей Карла V. [122] Инквизиция, этот верный спутник испанской короны, в угоду королю осудила две аскетические книги. тем самым Борджиа, который несколько лет спустя был причислен к лику святых, которым поклонялись; сам он чудом избежал поимки как еретик. Борджиа перенес все это с истинно христианским смирением, равно как и некоторое противодействие, оказанное ему его собственными подчиненными, и был утешен папой, который вызвал его в Рим и принял с величайшей добротой.

Опять же, в Монтепульчано, городке, расположенном в пятнадцати милях от Сиены, иезуитов обвинили в безнравственности. Одному из них было предъявлено обвинение в том, что он заставил женщину пойти с ним домой; другому - в том, что он вышел из публичного дома; третьему - в применении насилия к женщине; а отцу Гомбару, самому настоятелю, - в незаконных сношениях с несколькими дамами, и особенно с одной, любовные письма которой были найдены у него. Все это были неопровержимые факты, подтвержденные свидетелями под присягой. Теперь послушайте о невозмутимой наглости историка Саккини по этому поводу. Причина, по которой он приписывает всю эту клевету, заключается в том, что “иезуиты

исповедали почти всех женщин в Монтепульчано; что они побудили многих молодых ледипосвятить себя Богу в монастырях и выдали замуж женщин, чтобы они были целомудренными и верными женами. Отсюда возникали горе и ярость (*dolor et furor*) тех, чьи страсти больше не могли найти себе пропитания. Поэтому они замыслили изгнание отцов". Какими чудовищами были эти граждане Монтепульчано!

Но давайте продолжим. "Мужчина, обвиняемый в том, что он уговаривал женщину пойти с ним, был простаком, который, встретив женщину на дороге, был спрошен, куда он направляется, и имел неосторожность ответить. Это был враг ордена, одетый иезуитом, которого видели выходящим из борделя. Гомбар, настоятель, действительно довольно долго развлекал себя в исповедальне, но затем он был вовлечен в духовную беседу с дамами. Среди других кающихся у него были две сестры, принадлежавшие к очень знатному роду; и отец, не имея возможности взять на себя заботу об обеих, был вынужден отказаться от одной из них. Та, которую уволили из-за злобы и ревности, обвинила другую перед своим братом, который запретил ей больше признаваться Гомбару. Письма были сфальсифицированы, а все остальные обвинения были простой клеветой". [123] После таких оправданий, как эти, мало кто усомнится в виновности иезуитов. Гомбар, во всяком случае, напуганный общественными слухами, бежал, и Лайнез исключил его из Общества, несмотря на все его мольбы. Городской совет перестал выплачивать преподавателю-иезуиту положенную зарплату. Колледж опустел — ни подаяния! — ни друзей! Бедные иезуиты! они умирали с голоду. И Лайнез, после тщетных попыток вернуть Колледжу его прежнее доброе имя, направив туда нескольких лучших и наиболее заметных иезуитов, полностью закрыл его в 1563 году. Пусть они после этого заявят о своей невинности!

Обвинения аналогичного характера были выдвинуты против иезуитов в Венеции и были подтверждены патриархом. Некоторые из сенаторов предлагали изгнать иезуитов из штатов республики или заставить их подчиниться власти патриарха; но авторитет и вмешательство папы снова привели дело к примирению.

Далее, все иезуиты Миланского колледжа были обвинены в противоестественных преступлениях. И здесь факты были довольно хорошо установлены. Сам Кретино вынужден признать наличие отдельных преступлений; но, хотя некий епископ вызвал многих молодых людей в качестве свидетелей против иезуитов, кардинал, избранный папой для расследования этого дела, отпустил им грехи.

Между тем, по прошествии трех лет Лайнез подумал, что с его стороны было бы политично сделать вид, что ему не терпится уйти в отставку. Посоветовавшись со своими собратьями по этому вопросу, они заявили, что должность должна быть бессрочной. Мы приведем здесь ответ Бобадильи из-за его оригинальности. Бывший яростный противник Лайнца пишет ему из Рагузы следующее: "Мое мнение таково, что должность генерала должна быть бессрочной, согласно букве наших Конституций. Пусть же тогда ваше преподобие крепко сохранит его в течение ста лет, и если после вашей смерти вы вернетесь к жизни, мой совет заключается в том, чтобы эта должность была снова возложена на вас, чтобы вы могли сохранить ее до судного дня. И я умоляю вас, ради любви к Христу, сохраните это и не унывайте" и т.д.

Теперь Лайнез был уверен в бессрочности своего поста, оставив Сальмерона управлять делами Италии, и отправился во Францию, чтобы принять участие в знаменитом коллоквиуме или

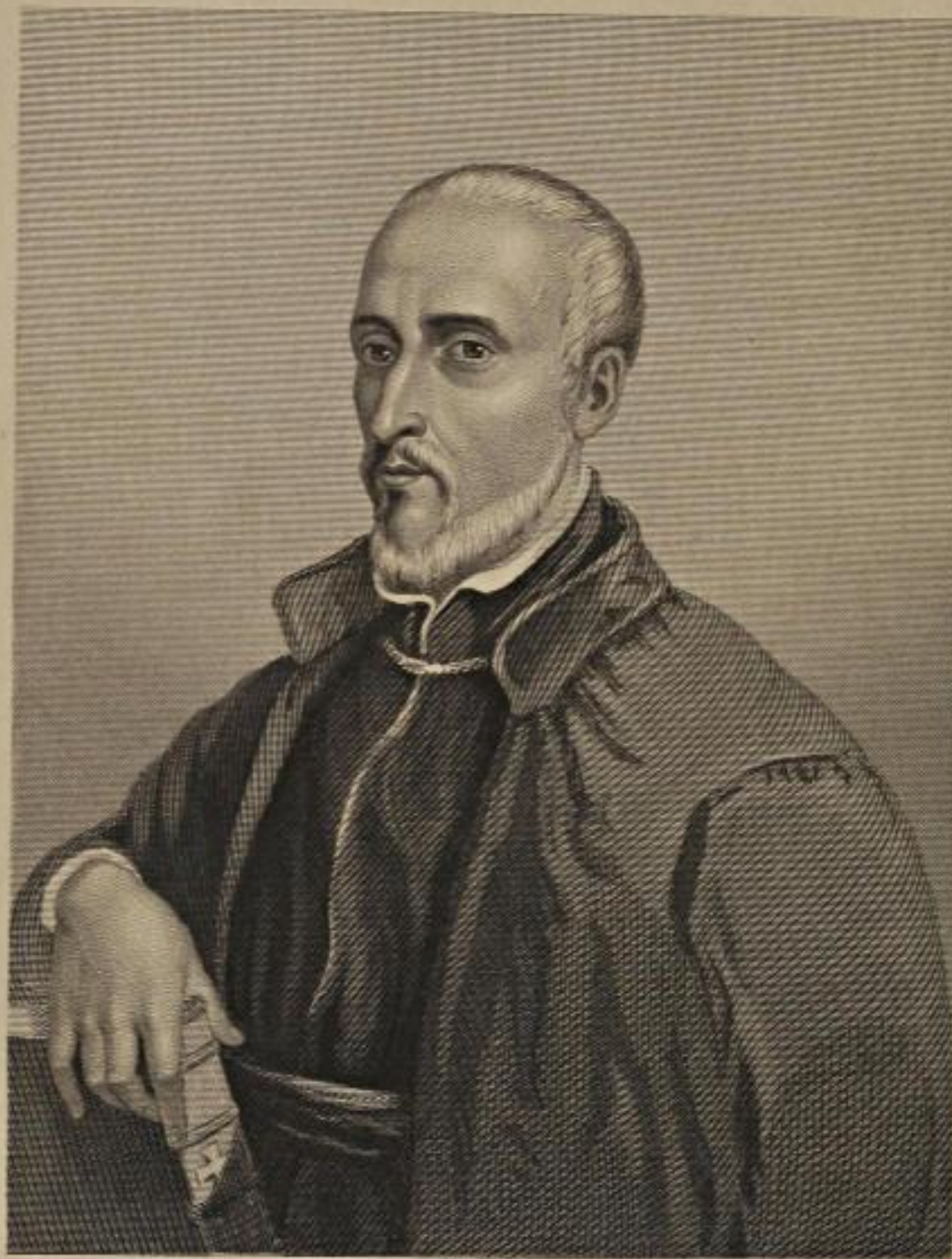
конференциях в Пуасси, о которых подробнее ниже. Из Франции он проехал в Бельгию, посетил Рейнские провинции, часть Германии, и пересек Тироль по пути в Трент.

Во всех этих местах Лайнез хорошо использовал свое имя и авторитет, стремился приобрести новых покровителей для своего ордена, увеличить его доходы, основать новые дома, никогда не забывая ни в своих проповедях, ни в полемиках распространять клевету и яростно нападать на протестантское дело. Наконец он прибыл в Трент на повторное открытие Собора. Это знаменитое собрание, которое так торжественно освятило некоторые из величайших заблуждений, когда-либо существовавших в мире, которое воздвигло непреодолимый барьер между христианами, но которое, тем не менее, Римский двор называет святейшим, вновь открылось 18 января 1562 года. Этот последний Собор был созван Лютером, протестантами и всеми теми князьями, которые желали обуздать деспотизм Римского двора и даровать мир Церкви путем взаимных уступок между противоборствующими сторонами. Разные сменявшие друг друга папы отказывались от этого как можно дольше, опасаясь полного падения своей власти. Однако это собрание, как справедливо замечает фра Паоло, его историк, привело к результату, совершенно противоположному тому, которого ожидали. Протестанты не принимали участия в работе Собора, власть пап еще больше расширилась и утвердилась более прочно, чем когда-либо, и надежда на исцеление раскола в Церкви была полностью разрушена.

Собор начал свои заседания в Тренте 13 декабря 1545 года, оттуда был перенесен в Болонью в марте 1547 года вопреки воле немецких и испанских прелатов, которые продолжили работу в Тренте, был прерван 2 июня того же года, вновь открыт в мае 1551 года, снова приостановлен в апреле 1552 года, вновь открыт в Тренте, как мы уже говорили, в январе 1562 года и, наконец, закрыт 3 декабря 1563 года. Иезуиты хвастаются тем, что внесли наибольший вклад в составление декретов и закрепление догматов в их нынешнем виде. Сальмерон, Бруэ и особенно Лайнез пользовались большим влиянием; и если и была какая-то слава в отстаивании ошибочных доктрин и тиранической власти папы, то она, несомненно, принадлежала им, и мы не склонны завидовать их отличию, которого они таким образом добились. [124]

Лайнез уехал из Трента в Рим, и все его путешествие по Италии было сплошным триумфом. Но, увы! бедному Лайнцу недолго пришлось вкушать сладость лести. Его здоровье, которое всегда было хрупким, становилось все хуже и хуже. Он серьезно заболел, два или три месяца пролежал в постели и испустил дух 19 января 1565 года в возрасте 53 лет.

Лайнез был ниже среднего роста, имел светлую кожу и жизнерадостное выражение лица, с большими яркими глазами, но внешность его была очень невзрачной. Он был одарен великолепной речью и потрясающей памятью. Он оставил после себя много рукописей; некоторые были незакончены, и почти все неразборчивы, так как его почерк был отвратительным.

H. Schellert

Francisco de Borgia

Francois de Borgia.

Хинчлифф.

На следующий день после того, как Лайнез скончался, римские иезуиты назначили Фрэнсиса Борджиа генеральным викарием до проведения новых выборов. Борджиа - один из святых и славы ордена, и его история действительно самая экстраординарная. Он был потомком того Александра VI, который объединил в своем лице все преступления прошлых и будущих пап и был пятном на самом человечестве. Однако наш Борджиа был человеком строжайшей честности и незапятнанной чести. Он был красив, храбр, товарищ по оружию и друг Карла V. Был герцогом Кандии и вице-королем Барселоны. В 1546 году, когда ему было всего 36 лет, умерла его герцогиня. Вид ее прекрасного лица, измененного и обезображенного смертью, произвел на него такое сильное впечатление, что с этого момента он решил оставить все мирские помыслы и посвятить себя (как говорится) Богу. Он выбрал Общество иезуитов как самое безопасное убежище и с этой целью написал Лойоле. Ответ Игнатия начинается так: “Принятое тобой решение, преосвященнейший господь, доставляет мне много радости. Пусть ангелы и святые на небесах возблагодарят Бога, ибо мы на этой земле не можем быть в достаточной степени благодарны Богу за великую честь, которую Он оказывает Своему маленькому Обществу, призывая вас присоединиться к нему”. [125]

У этого человека было девять детей, некоторые в младенчестве, и все несовершеннолетние, которых он оставил в большом мире без защиты, чтобы войти в Общество. И ангелы и святые должны восхвалять Бога за это! Увы нравственной слепоте извращенной человеческой природы! Лойола снова написал ему, говоря, что принимает его как своего брата, но что, прежде чем он сможет быть принят в послушничество, он должен уладить все свои мирские дела и больше не иметь ничего общего с миром; тем временем, пока он не будет готов вступить в Общество, *хранить свое намерение в секрете*. Борджиа был принят в дом испытательного срока в 1548 году, и с этого момента он стал фанатичным фанатиком, чье величайшее счастье состояло в том, чтобы терзать свое тело. Маколей говорит в статье в *Edinburgh Review*, “что для него раскаяние - слушать рассказ о своих бичеваниях и всевозможных наказаниях, которые он сам себе назначал”. Он настолько разрушил свое телосложение этим абсурдным способом угождения Богу, что у него не было ни единого дня хорошего самочувствия, и однажды ему даже угрожала гангрена по всему телу. Таков был человек, назначенный генеральным викарием, а впоследствии главой ордена. Он не желал такой чести, считал должность *бременем*, и мы верим, что он был искренен в своем смирении. Первая битва, в которой ему пришлось сражаться, была против самого Святого Престола. Почти одновременно с его назначением на папский престол взошел монах-доминиканец под именем Пий V. Более фанатичного, жестокого и кровожадного человека никогда не существовало. Воспитанный под крылом инквизиции, он заразился своего рода слепой страстью к этому кровавому трибуналу и никогда не испытывал такой радости, как когда слышал о каких-то варварских жестокостях, учиненных над еретиками, или когда гекатомбы этих проклятых врагов папства были принесены в жертву на алтаре его мести, или когда против них было изобретено какое-то новое орудие пытки. Достаточно сказать, что когда он послал своего генерала Сантафиоре сражаться против французских протестантов, он самым безапелляционным образом приказал ему не брать в плен гугенотов, но предать их всех мечу; и поскольку Сантафиоре не выполнил его приказа неукоснительно, он упрекнул его

самым жестоким образом. И когда это чудовище жестокости, герцог Альва, посеял смерть и опустошение по всем Нидерландам, 18 000 жителей которых он хвастался тем, что предал в руки палачей, Пий был так доволен его деяниями, что послал ему освященную шляпу и меч в знак своего одобрения. [126] Может ли это, в таком случае, быть религией Христа? Возможно ли хоть на мгновение, что это должна быть истинная религия, которая воздвигает на своих алтарях статуи таких чудовищ беззакония и нечестиво называет их святыми, которым следует поклоняться вместо Бога Господа? И среди величайших из этих современных святых выделяется имя Пия V.! Этот папа, самый строгий блюститель всех монашеских и суеверных церемоний, дал понять иезуитам, что они должны исполнять хоровые часы, как предписано Пием IV, и что ни один иезуит не должен быть рукоположен в священники до того, как он произнесет четыре обета. Мы не будем пересказывать разговор, состоявшийся между Святым Отцом и святым Борджиа, как его передают Саккини и другие историки; мы приведем лишь некоторые выдержки из смелых и красноречивых воспоминаний, которые иезуиты представили папе по этому случаю.

После мягкого, но назидательного напоминания его святейшеству о том, что их Конституции были одобрены тремя папами и что они не могут быть изменены без веских на то причин, они продолжают утверждать, “что их Общество было создано для отражения нечестивых попыток еретиков, для противодействия адским уловкам, к которым прибегали, чтобы погасить свет католической истины, и для сопротивления варварам-врагам Христа, которые осаждали святое здание Церкви, незаметно подрывая его; что для того, чтобы они могли противостоять”. возможно, их святой отец Игнатий смог бы эффективно противостоять этому вторжению, но он подумал, что для них было бы лучше предоставить пение другим.... И разве, спрашивали они, для осуществления их деятельности все еще не существуют те же причины, о чем безошибочно свидетельствуют знамения времени? Они утверждали, что огромный пожар пожирает Францию; что Германия в значительной степени уничтожена; что Англия превратилась в груды пепла; что Бельгия превращается в руины; что Польша дымится повсюду; что пламя уже полыхает на границах Италии.... И они должны терять свое время, проводя хоровые часы”. [127] В этом пункте папа уступил; но, с другой стороны, он был непреклонен, заявив, что необходимо, чтобы у священника было по крайней мере столько же образованности и добродетели, сколько и у иезуита, даже из класса Исповедуемых. Саккини это отрицает, утверждая, что сделать одного хорошего иезуита труднее, чем тысячу священников. Иезуиты, которые нуждались в священниках, но не хотели расширять аристократический класс так называемых прихожан, которые одни принимали четыре обета, добились, как обычно, своей цели, применив небольшую хитрость. Они представили себя для рукоположения не как иезуиты, а как светские священнослужители.

Мы пропускаем ряд интересных инцидентов, произошедших под командованием Борджиа вплоть до 1571 года, когда мы обнаруживаем, что генерал, хотя и был очень слаб здоровьем, покинул Рим и направился в Испанию и Францию с целью просить помощи у соответствующих монархов этих стран, чтобы помочь венецианцам в войне против турок, которые тогда угрожали излить свои дикие орды на Европу. Филипп II присоединился к лиге, и его корабли снискали часть лавров, завоеванных в той памятной битве при Лепанто 7 октября 1571 года, когда потомки Пророка потерпели поражение, от которого они так и не оправались. Перед тем как Борджиа въехал в Испанию, инквизиция, зная, что Филипп был в наилучших отношениях как с ним, так и с папой римским, опубликовала с высочайшим восхвалением те же самые произведения, которые она запретила девять лет назад, когда король неодобрительно

относился к отцу Борджиа, — самый яркий пример раболепия испанской инквизиции перед короной. Из Испании Борджиа отправился в Португалию, оттуда во Францию, в то самое время, когда Екатерина и Карл были погружены в непрерывные пиры и удовольствия, предвестники того, чем они ожидали насладиться в канун Святого Варфоломея. Но у нас нет оснований полагать, что он вообще был посвящен в заговор. Вовсе не вероятно, что хитрая и осмотнительная Екатерина Медичи была бы настолько глупа, чтобы доверить столь важную тайну такому слабоумному человеку. Борджиа стал свидетелем резни в южных провинциях Франции по возвращении в Рим, куда он прибыл 28 сентября 1572 года и где через три дня скончался. Так закончился этот необыкновенный человек, которого Римская церковь причислила к лику святых. Молю Бога, чтобы никто из них не был хуже его!

На открытии четвертой Генеральной конгрегации папа спросил депутатов-иезуитов, которые, согласно обычаю, поднялись, чтобы спросить его благословения: “Сколько голосов было у каждой нации?” Ответ гласил, что “у Испании было больше голосов, чем у всех остальных, вместе взятых”. “А от какой нации или наций до сих пор избирался генерал?” “От Испании”, — последовал ответ. “Что ж, ” заключил Григорий XIII, “ тогда было бы справедливо, если бы вы на этот раз избрали представителя какой-нибудь другой нации”. Депутаты возмутились: “Но, — сказал папа, — отец Меркуриан — очень хороший человек”, — и распустили их. Другой депутации, посланной намеренно, чтобы утвердить их независимость в выборе собственного генерала, папа ответил, что он не оспаривает их права, что он только просит их сообщить ему, если их выбор падет на испанца, прежде чем он будет официально провозглашен. Причиной всего этого была национальная зависть, объединенная с отвращением, проявляемым Испанией и Португалией ко всем обращенным в христианство евреям и маврам. Это отвращение разделял Римский двор, и теперь оно было вызвано страхом увидеть Поланка, обращенного в христианство еврея, на пороге избрания генералом ордена, “и считалось нежелательным, чтобы верховная власть в столь могущественном и монархически организованном органе была передана в такие руки”. [128]

Был выбран отец Меркуриан. Он был простым и слабым стариком, уроженцем Бельгии. Он передал управление Обществом сначала отцу Пальмио, затем отцу Манаре. Это привело к внутренним беспорядкам и образованию двух партий, что вызвало большой переполох во времена его преемника. Меркуриан оказывал очень мало влияния на судьбы ордена и был первым генералом, чей авторитет мало учитывался. Он умер 1 августа 1580 года, когда Общество насчитывало 5750 членов, 110 домов и 21 провинцию. Богатство, которое они приобрели, было огромным; не имело значения, как оно было получено, поскольку цель для них освящала средства. Например, когда войска свирепых Альвов разграбили Малинес, отец Тригос нагрузил судно провизией и отплыл в Малинес, чтобы купить большую часть добычи под предлогом возврата ее владельцам. Несомненно, чтобы обмануть глупцов, он вернул часть имущества законным владельцам, но тогда это была лишь незначительная сумма; остальная и наиболее ценная часть была использована для придания колледжу Антверпена царственного великолепия. Во Франции иезуиты остались наследниками огромного состояния епископа Клермонского. В Испании они привлекли в свое Общество представителей двух богатейших семей этой страны, за что предстали перед трибуналом и были осуждены. Более того, Григорий XIII. выделил им огромные суммы и основал не менее тринадцати их колледжей, каждый из

которых был богато одарен; в то время как в Португалии они были почти хозяевами всего королевства. Постепенно мы рассмотрим причины этого беспрецедентного процветания.

ГЛАВА IX.

1560-1600гг.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЕЗУИТОВ В РАЗНЫХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ.

Англия.

Многие заявляли, что невозможно написать адекватную историю иезуитов, потому что, будучи более или менее связанными с мировой историей, нелегко переходить от одного события и от одной страны к другой и в то же время следовать хронологическому порядку, чтобы у читателя могло получиться ясное и последовательное повествование. Чтобы по возможности устранить это затруднение, мы в предыдущей главе, охватывающей двадцатипятилетний период, изложили только факты, связанные с внутренней историей ордена; теперь мы перейдем к тем, которые в течение почти того же периода времени более или менее оказывали влияние на историю различных стран Европы.

Давайте начнем с Англии. После первой экспедиции Бруэ и Сальмерона в 1541 году, о которой мы уже упоминали, Великобританию больше не беспокоили иезуитские миссии, пока “добрая королева Мария не скончалась, к неопределимому ущербу для католической религии”. [129] Однако в 1550 году папа отправил в Ирландию ирландского иезуита Дэвиса Вулфа, а еще через три года епископа в сопровождении двух других иезуитов; “в то время, - как говорит Саккини, - отец Чимедж, англичанин, вернулся домой, чтобы восстановить свое здоровье собственным родным воздухом”. [130] Эти сателлиты папы проникли в страну под вымышленными именами и так же незаметно, как ночные разбойники, лживые в каждом произносимом ими слове и подстрекающие народ к восстанию против “нечестивой” королевы. Однако бдительность полиции Элизабет на какое-то время помешала им нанести какой-либо материальный ущерб. Вулф, виновный в тысяче безнравственных поступков, был уволен из Общества, а остальные были вынуждены вернуться в Рим.

Примерно в это же время (1562 г.) отец Гэндон был послан в Шотландию, чтобы увещевать королеву Марию быть верной своей религии. Возможно, это был общепризнанный мотив, но, несомненно, он получил инструкции, аналогичные тем, что были даны Павлом III. Бруэ и Сальмерону. Мария впустила его через заднюю дверь в свой дворец и имела с ним три тайных совещания; но его следы были прослежены, его преследовали, и за его голову была назначена награда. Иезуит, у которого, по-видимому, не было вкуса к мученичеству, покинул Шотландию, но не раньше, чем натворил кое-каких пакостей. Он отбыл вместе с несколькими молодыми дворянами, которых соблазнил и которые сопровождали его, чтобы получить образование во Фландрии. “Они были заложниками Церкви и впоследствии должны были вернуться домой, неся с собой веру”. [131] Примерно в тот же период Уильям Аллен, “чтобы увековечить”, как говорит Батлер, “католическое служение в Англии”, решил основать колледжи за границей, в которых английские священники должны получать образование, готовясь к осуществлению своего призвания дома. Его усилия увенчались успехом. Колледж, который он передал в руки

иезуитов, был основан в Дуэ в 1568 году папой Григорием XIII. Ежегодно выделял ему 1500 фунтов стерлингов. Когда иезуиты были изгнаны из Дуэ, а их колледж разграблен народом, кардинал Лотарингии призвал их в Реймс. Это произошло в 1576 году. Тот же папа Григорий основал еще один колледж в Риме для обучения английской молодежи и с целью привить им ненависть к своему суверену и стране. Иезуиты также руководили этим. Отсюда произошли те священники и иезуиты, которые с клеймами раздора в руках отправились поджигать свою страну. Многие иезуиты были посланы в Великобританию в период с 1562 по 1580 год, и все они получили одни и те же инструкции и действовали одним и тем же образом. Елизавета, которая в начале своего правления проявляла дух терпимости по отношению к своим подданным-католикам, теперь была сильно разгневана против них, доведенная до крайности непрерывным потоком оскорблений, которые изливали на ее голову римские сектанты. Святой Пий V. 5 февраля 1570 года издал буллу об отлучении от церкви против “Елизаветы, так называемой королевы Англии, которая, узурпировав трон, осмелилась присвоить себе титул верховного главы Церкви, и, более того” ... (здесь в булле перечисляются все преступления Елизаветы). “Поэтому мы, ” продолжает булла, - властью, которая нам дана, заявляем, что вышеупомянутая Елизавета и все ее приверженцы подверглись отлучению от церкви; что она утратила свое мнимое право на корону Англии; и мы лишаем ее этого, а также всех других прав, владений, привилегий и высокого положения. Мы освобождаем лордов и простолюдинов королевства, а также всех остальных ее подданных от клятвы верности, которую они, возможно, принесли ей, запрещая им подчиняться ее приказам, постановлениям и прокламациям под страхом отлучения аналогичным образом”. [132]

Оскорбления, которыми обрушивались на нее священники и иезуиты, были самыми отвратительными и оскорбительными. Не обращаясь к древним авторам, мы процитируем отрывок из Кретино, писателя нынешнего цивилизованного и толерантного века, чтобы наши читатели могли составить представление о том, какой, должно быть, была низость тех времен фанатизма и внутренних беспорядков. “Святой престол, ” говорит французский историк, - часто проклинал наследницу и дочь Генриха VIII. Католики, с другой стороны, проникнув вместе со всей Англией в ее распущенную и сладострастную частную жизнь, отказались приветствовать хозяйку Лестера именем королевы-девственницы, преклоняться перед ее капризами или аплодировать ее лицемерным страстям”. [133]

Римские католики также не довольствовались нападками на Елизавету на словах - их поступки были еще более преступными. Задолго до этого Аллен обратился к генералу ордена иезуитов с просьбой основать дом в Англии. Но, похоже, что генерал и папа ждали своего часа и что они не решались до 1579 года удостоить Великобританию постоянного иезуитского учреждения. Когда об этом решении стало известно, наиболее выдающиеся члены Общества на коленях умоляли (как сообщается) отправить их в Англию, чтобы противостоять преследованиям Елизаветы; Меркуриан, однако, сказал им, что для этой миссии следует предпочесть английских иезуитов. В результате этого заявления отцы Кэмпбелл и Парсон были избраны главой миссии, которая состояла из тринадцати членов. [134] Он прибыл на морское побережье Франции примерно в июне 1580 года. Кэмпбелл и Парсон оба были стипендиатами Оксфордского университета и не в последнюю очередь среди его профессоров и наставников. Похоже, что в душе они оба были католиками, хотя и притворялись протестантами. Иезуиты утверждают, что Парсон был уволен из университета из-за своих католических чувств, в то время как другая сторона называет причиной его аморальное поведение. Оба принесли присягу; оба, как мы уверены, раскаивались в этом всю свою жизнь. Оба покинули университет и после различных

превратностей и необходимого испытательного срока были приняты в число сыновей Лойолы. Как мы можем полагать, полиция Сесила знала почти обо всех передвижениях этих самозванных посетителей. Об их предполагаемой высадке в Англии было объявлено всем властям, их личности были тщательно описаны, и были отданы приказы арестовать их в тот момент, когда они ступят на берег. Но все было напрасно. Иезуиты ускользнули от всякой бдительности, и отец Пастор, прибыв в Дувр, сыграл с офицером, в обязанности которого входил досмотр пассажиров, трюк, который посрамил бы любого современного Роберта Макэра. Он представился капитаном, возвращающимся из Фландрии; и, будучи одет соответственно принятому на себя образу, он так хорошо исполнил свою роль, что инспектирующий офицер принял его со всей возможной вежливостью, пожал ему руку и пообещал, более того, оказать всяческое внимание одному из друзей капитана-торговцу, которого, как намекнул этот самозванец, каждый день ожидали с Континента и который оказался не кем иным, как отцом Кэмпием. Когда последний прибыл в Лондон, Парсон встретил его на берегу Темзы и приветствовал с таким видом, словно встретил давно отсутствовавшего друга, так что никто не мог заподозрить, что все это было подстроено. [135]

Иезуиты, оказавшись в Англии, не теряя времени, начали действовать. Было созвано собрание всех миссионеров и светских священников. Председательствовал пастор. Он был слишком хитер, чтобы публично объявить об окончании их миссии, так как не хотел пугать робких объявлением о каком-то опасном предприятии. Он отверг все политические цели и сказал, что его целью было только обращение Англии в христианство в сотрудничестве со светскими священниками; и поклялся, что это было его единственным намерением. [136] Но затем, сославшись на постановление Тридентского собора, он запретил католикам посещать богослужения в протестантских церквях и рекомендовал строго соблюдать их. В компании наиболее верующих он самым яростным образом оскорблял королеву и указывал, с какой легкостью она может быть свергнута с престола при содействии короля Испании и папы римского. Подобные увещевания вызвали большое брожение среди римских католиков.

“Толпы иезуитов и папистов (из семинарий Рима и Реймса), движимых религиозным энтузиазмом, усердно культивируемых именно для этой цели и желающих вернуться в свою страну, постоянно прибывали в королевство”. [137] Пастор, который был Провинциалом, руководил всеми их передвижениями и сам переходил с места на место, чтобы возбуждать худшие страсти человеческой природы в сердцах тех, кто искал его, как своего духовного отца, даровать мир и утешение. Вскоре среди римских католиков стало заметно большое волнение. Люди не говорили ни о чем другом, кроме заговора и восстания. Зловещие слухи распространялись и день ото дня приобретали новую силу, как это всегда бывает во времена волнений, когда какая-то странная идея постоянно овладевает умами толпы. Теперь по всей Англии воцарилось всеобщее убеждение, что каждый католик - предатель и по приказу священников готов стать убийцей. О всеобщей резне протестантов папистами, сопровождавшейся вторжением иностранной державы, говорили как о более чем вероятном событии. Прежде всего, Елизавета — любимая королева, кумир народа — каждую минуту подвергалась опасности быть убитой. Ежедневно печатались книги, более или менее конкретно разоблачающие их отвратительные махинации. Это придавало устойчивость распространенному мнению. Это убеждение распространилось от низших до высших слоев общества и привело нацию в неописуемое возбуждение. Правительство, удовлетворенное тем, что иезуиты были причиной всех этих бед, и с целью успокоения народных волнений, выпустило прокламацию, которая, возможно, была принята во внимание как раз в те дни, но которую мы, живущие в

более терпимый век, должны безоговорочно осудить. Среди других его постановлений были следующие: “Тот, у кого есть дети, подопечные, родственники или другие родственники за морями, должен через десять дней сообщить свои имена ординарцу и в течение четырех месяцев снова вызвать их домой, а когда они вернутся, немедленно уведомить об этом указанного ординарца. Что они не должны, прямо или косвенно, поставлять таких, которые отказались вернуться с какими-либо деньгами. Что никто не должен принимать в своем доме или укрывать священников, присланных из вышеупомянутых семинарий, или иезуитов, или лелеять их и заменять. И что всякий, кто поступит вопреки, должен считаться покровителем мятежников и подстрекателей к мятежу и подвергаться преследованию в соответствии с законами страны”. [138]

На это воззвание был дан смелый ответ в виде брошюр от каждого из иезуитов. Книга Парсона была полна ярости по отношению к протестантам, а книга Кэмпiona, хотя и написанная в более умеренном тоне, была не менее оскорбительной. Последнее было озаглавлено *"Десять причин"*. Это была защита Римской церкви и ее превосходства, и она наделала немало шума. [139] В обоих этих трудах был заявлен протест против того, что иезуиты находились в Англии исключительно с целью осуществления своего святого служения, а не с какой-либо политической целью; что, напротив, они пришли изменить Буллу Пия V. Кретино говорит, что “Парсон и Кэмпон не покинут Рим, пока не получат от Святого Престола эту уступку (право на свободу вероисповедания)”. изменение Буллы), что значительно облегчило бы их апостольскую миссию; даже сами протестанты упоминают об этом в своих летописях как о факте”. [140] И в примечании он цитирует “Камден”. Мы процитируем для него отрывок из английского летописца.

“Роберт Парсон и Эдмунд Кэмпон были уполномочены Григорием XIII. в этих словах: —От нашего верховного господя требуется разъяснение буллы, изданной Пием V. против Елизаветы и ее приверженцев, поскольку католики желают, чтобы это было понято таким образом, чтобы это всегда связывало ее и еретиков, но ни в коем случае не католиков, как обстоит дело сейчас, но только тогда, когда будет публично отдан приказ о приведении в исполнение той же буллы. Верховный Понтифик даровал вышеупомянутую милость отцу Роберту Парсону и Эдмунду Кэмпону, когда они собирались отправиться в Англию 13 апреля 1580 года в присутствии помощника отца Оливера Манары”. [141]

Мы могли бы, возможно, сказать, что эта мнимая уступка скорее раздражает быка, чем что-либо другое; но мы будем великодушны и дадим этому наилучшую возможную интерпретацию. Но тогда, если мы докажем, что все это было коварной уловкой, чтобы у иезуитов было больше шансов на успех в их вероломных проектах, их преступление будет еще более отвратительным. Давайте разберемся. Факты, это правда, далеки от нас, и действующие лица давным-давно взялись за свои рассказы: верно; но тогда логические выводы из хорошо подтвержденных фактов все еще остаются для нас и столь же убедительны. Иезуиты утверждают, что папа Римский из снисхождения и благожелательности к Англии и ее королеве приказал им не навязывать верующим римско-католической церкви пункт буллы его предшественника, который запрещал им под страхом отлучения от церкви считать Елизавету своей законной правительницей. Что ж, если поведение папы в остальном заставит нас поверить в искренность этого мандата, мы простим им все преступления и скажем, что иезуиты прибыли в Англию с наилучшими намерениями и были мучениками за свою веру. Но кто был этот миролюбивый и терпимый папа римский? Это был Григорий XIII; тот самый Григорий, который при известии об

адском пиршестве Святого Варфоломея отправился процессией во Французскую церковь в Риме, вознес благодарственные молитвы Всевышнему за кровь 50 000 варварски убитых Им созданий и отчеканил медали в память об этом славном событии! Это был тот самый Григори, который годом ранее снабдил негодяя Стакли деньгами, оружием и войсками для вторжения в Англию, в то время как католикам внутри страны было приказано восстать в его пользу. [142] Именно этот самый Григорий в то же время отправил в Ирландию знаменитого доктора Сандерса в качестве папского легата с буллой, объявляющей вторжение обычным крестовым походом со всеми его привилегиями! Это был тот самый Григори, который, по словам Рэнке, “возбуждал и поощрял все те восстания, с которыми Елизавете приходилось бороться в Ирландии”. [143] Все эти факты, доказывающие непримиримую ненависть Григория к протестантам и его решительное желание свергнуть Елизавету с престола, произошли незадолго до и после миссии иезуитов. И все же утверждается, что тот же самый человек запретил иезуитам вмешиваться в политические дела и что, напротив, он поручил им проповедовать повиновение королеве! Мы полагаем, что мало кто отдаст должное иезуитам на этот счет, скорее они будут удовлетворены тем, что их послали с целью разжечь восстание, по возможности найти убийцу, и что судебный запрет был не чем иным, как *уловкой*— актом двуличия, с помощью которого они могли бы лучше преуспеть в своих предательских замыслах.

Правительство, однако, было крайне возмущено их дерзостью и придавало первостепенное значение их поимке. Была издана еще одна прокламация, запрещающая кому бы то ни было укрывать, защищать или помогать иезуитам бежать, и что тот, кто сделает это, будет считаться виновным в государственной измене. Это произвело эффект, совершенно противоположный тому, на который рассчитывали. Сотни людей, которые до провозглашения не выказывали симпатии к иезуитам, теперь рисковали своим состоянием, своими жизнями, чтобы защитить их. Настолько интересным делает человека преследование — настолько щедры инстинкты людей. Вся деятельность, вся бдительность самого энергичного и бдительного из правительств в течение тринадцати месяцев были сбиты с толку ловкостью и ресурсами иезуитов. История их побегов и дерзкие методы, с помощью которых они их совершали, одновременно любопытны и забавны. Пространство не позволит нам позволить себе рассказывать более чем об одном из этих чудесных побегов. Однажды вечером дом, в котором Парсон искал убежища, был внезапно окружен бандой, которая преследовала его. Соппротивление или укрытие было невозможно. Парсон сразу же решил, что он будет делать. Он подошел к двери, открыл ее и спокойно спросил, что им нужно. “Иезуит”, - последовал ответ. “Войдите, - сказал он, - и потихоньку разыщите его”. и когда они вошли, он вышел и скрылся. [144] Побег Кэмпiona был не менее замечательным. Он сам писал: “Мои платья самые разнообразные, моя мода разнообразна, а что касается имен, то у меня их в избытке”. [145] Правительство, разгневанное тем, что его так часто ставят в тупик, прибегло, к сожалению, к преследованиям. Тысячи граждан были брошены в тюрьму за неконформизм или просто по подозрению. Посещения по месту жительства часто беспокоили даже безобидных и мирных папистов, в то время как иезуиты, виновные во всех этих беспорядках и несчастьях, смеялись над безуспешными попытками своих врагов схватить их. Наконец, в июле 1581 года Эллиот, папист, предал Кэмпiona. Он был арестован вместе с двумя другими священниками в потайном помещении в стене замка Йейтс. Они посадили его на самую большую лошадь, какую только смогли раздобыть, связали ему ноги под ней, связали руки за спиной и прикрепили к его шляпе плакат с надписью крупными буквами: “Кэмпion, мятежный иезуит”. Его привезли в Лондон, окруженного огромной толпой, осыпавшей его проклятиями. Крики о праздновании юбилея среди протестантов по всей Англии

были оглушительными, и многие искренние люди радовались этому, как будто этим захватом королевство было спасено от неминуемой опасности и неминуемого разрушения.

Противоречие, существующее между протестантскими и католическими авторами относительно обращения, суда и казни иезуитов, делает для нас почти невозможным установление точной истины. Одна сторона называет их невинными мучениками, другая - адскими предателями. Один жалуется, что с ними обошлись крайне безжалостно, другой - что к ним проявили слишком много снисхождения. Однако неоспоримым фактом является то, что они были подвергнуты пыткам, и Кретино прав, когда он осуждает протестантов, которые, заявляя о своем отвращении к папской инквизиции, теперь переняли все ее варварские методы. Возможно также, что присяжные, заседающие сейчас в Вестминстере, не нашли бы достаточных материалов для вынесения им приговора. Но мы должны напомнить католикам, что, чтобы беспристрастно судить об этих событиях, мы должны перенестись в те времена, когда Ирландия находилась в состоянии почти непрерывного восстания; когда Англии ежедневно угрожало вторжение; когда католики всей Европы говорили о другом святом Варфоломее; когда потоки проклятий изливались на Елизавету, ее министров и всех ее протестантских подданных. Мы должны вернуться к тем временам, когда иезуиты убеждали римских католиков, что для них признание права Елизаветы на трон является смертным грехом; к тем временам, когда уже была провозглашена иезуитская доктрина о том, что убийство отлученного от церкви короля законно, более того, достойно уважения; наконец, к тем временам, когда спор дошел до того, "Должна ли Англия быть протестантской под властью Елизаветы, или католической под властью Марии Шотландской, или Филиппа Испанского". В том, что иезуиты и папа вызвали всю эту агитацию, не может быть никаких сомнений. Хьюм, цитируя отрывок из Камдена и письмо Уолсингема в Бернет, как мне кажется, приводит наиболее правдоподобную причину этого в следующих словах: "И хотя отправление любой религии, кроме установленной, было запрещено статутом, нарушению этого закона, заключавшемуся в служении мессы и принятии причастия в частных домах, во многих случаях потворствовали; в то время как, с другой стороны, католики в начале ее правления не проявляли особого нежелания посещать церковь или часто выполнять обычные обязанности общественного богослужения". . Папа, понимая, что такая практика постепенно примирит всех его сторонников с реформатской религией, ускорил опубликование буллы, которая отлучала королеву от церкви и освобождала ее подданных от присяги на верность; и римские эмиссары приложили немало усилий, чтобы сделать разрыв между двумя религиями как можно более глубоким и выставить посещение протестантских церквей в глазах католиков в высшей степени преступным. Эти действия, а также последовавшее за ними восстание усилили бдительность и суровость правительства; но романисты, если сравнить их положение с положением нонконформистов в других странах и с их собственными принципами там, где они господствовали, не могли справедливо жаловаться на насилие или преследования ". [146]

Истинность этого утверждения становится еще более очевидной из петиции самих английских католических священников, адресованной Папе Римскому, в которой они говорят, "что эти отцы (иезуиты) были единственными виновниками всех бед, которые волновали английскую Церковь; что до прихода иезуитов в Англию ни один католик не был обвинен в государственной измене; что как только они появились в Великобритании, положение вещей начало меняться; что их политические амбиции были очевидны; и что они назначили цену за корону и выставили королевство на аукцион". [147] Таковы были времена и обстоятельства, при которых 20 ноября 1581 года Кэмпбелл и пятнадцать других священников предстали перед судом в Вестминстере.

Все они были осуждены, а трое иезуитов, Кэмпиион, Шервин и Бриан, были публично казнены. Кретино и другие историки-иезуиты называют их мучениками. Юм, напротив, следуя историкам той эпохи, говорит, что “Кэмпиион был уличен в государственной измене и, будучи предан казни, признал свою вину и был публично казнен”. [148] В *Британской юстиции* неоднократно подтверждается и частично доказывается, что они были осуждены за государственную измену и заговор против жизни королевы. Одним из веских доказательств против Кэмпииона было предъявление письма, которое он нашел способ переслать отцу Понду, другому иезуиту, заключенному в Тауэре, и в котором он пишет: “Я чувствую в себе достаточно мужества и надеюсь, что у меня хватит сил не произнести ни единого слова, которое могло бы нанести ущерб Церкви Божьей, какими бы ни были пытки”. [149] Но мы повторяем, даже при том, что доказательств было недостаточно для строго юридического осуждения, тем не менее, существует твердая моральная уверенность в том, что они были заговорщиками, намеренно отправленными в Англию, чтобы вызвать восстание и, по возможности, организовать убийство королевы. Таким образом, каковы бы ни были возражения против законности формы, никто не будет отрицать существенной справедливости, по которой они были наказаны.

После пленения Кэмпииона Парсон, как благоразумный генерал, не желая рисковать собственной персоной, от которой так много зависело, уехал из Англии во Францию, где, чувствуя себя в безопасности, дал волю своей ненависти, изливал проклятия на всю английскую нацию и затевал новые заговоры. Вместе с доктором Алленом, супругами Гиз и епископом Глазго (резидентом Марии при французском дворе) он отправил в Шотландию отца Крейтона с целью обратить Якова VI в католицизм и побудить его присоединиться к папе и королю Испании в войне против Англии, пообещав ему деньги и всевозможные милости от обоих этих монархов. Крейтон часто переправлялся из Франции в Шотландию, чтобы заключить этот союз; и однажды, когда по пути судно, на котором его перевозили, было захвачено, он разорвал несколько бумаг, намереваясь выбросить их в море, но ветер унес их обратно на палубу, обрывки сложились вместе и раскрыли некоторые опасные секреты. [150]

Примерно в то же время был обнаружен знаменитый Уильям Парри. Этот человек, получивший помилование королевы за преступление, заслуживающее смертной казни, отправился путешествовать. Он отправился в Венецию, где отец Пальмио, провинциал ордена иезуитов в этой местности, убедил его, что он не может совершить более достойного поступка, чем убить свою государыню и благодетельницу. Кампеджио, папский нунций, одобрил это; и Рагаццони, папский легат в Париже, чтобы утвердить его в этом преступном предприятии, пообещал ему от Святого Престола не только отпущение грехов, но и отеческое благословение папы и полную индульгенцию на все его грехи. Морган, джентльмен-католик, проживающий в Париже, оказал ему дополнительную поддержку. Парри вернулся в Англию, где после некоторой задержки раскрыл свой замысел Невилу, который решил разделить заслуги от его осуществления. Оба были полны решимости пожертвовать своими жизнями ради исполнения долга, который, как их учили, соответствовал воле Божьей и интересам истинной религии. Но пока они ждали подходящего случая привести в исполнение это отвратительное отцеубийство, граф Уэстморленд умер в изгнании; и поскольку Невил был следующим наследником семейных владений, он, в надежде получить фамильные поместья и почести, выдал весь заговор. Парри был арестован и признал свою вину как перед министерством, так и перед присяжными, которые судили его. Письмо кардинала Комо, в котором он объявлял Парри, что Святой Отец послал ему отпущение грехов, свое благословение и полную индульгенцию, было представлено суду и поставило заявление Парри вне всяких сомнений. [151] Он был осужден и понес

наказание за свою государственную измену. Пэрри, среди прочих откровений, сказал, что он сообщил отцу Крейтону о своей цели; и поскольку этот иезуит в то время находился в тюрьме, его допросили относительно Пэрри. Сначала он отрицал всякое знакомство с ним, но впоследствии написал Уолсингему, признавшись, что Пэрри действительно заявил ему о своем намерении лишить жизни королеву, а также поинтересовался его мнением по этому поводу; что он (Крейтон) ответил, что это незаконно, *omnino non liceret*; что, когда Пэрри спросил, незаконно ли отнимать одну жизнь, чтобы спасти тела и души многих, он, иезуит, ответил, что даже в этом случае не следует пытаться такой поступок, по крайней мере, без *ощущения вдохновения свыше*. [152] Этот ответ, по моему мнению, был более склонен разжечь фанатизм этого человека, чем остановить его в его отцеубийственных проектах. И все же это было все, что Крейтон мог сказать в свое оправдание. Теперь поражает, с какой наглостью Кретино пытается извратить правду об этом деле. Послушайте его рассказ. Он утверждает, что Уолсингем отправил Парри на Континент, чтобы испытать верность иезуитов; что он раскрыл многим из них свой замысел убить Елизавету и был всеми отговорен от совершения такого отвратительного преступления; что, будучи представлен английским джентльменом (несомненно, Морганом) папскому легату Рагаццони, он, Парри, подал ему прошение, прося благословения святого отца и отпущения своих грехов; что, вернувшись в Англию, он был представлен королеве, которой он был представлен. рассказал, что иезуиты и сторонники Марии Стюарт побудили его лишить ее жизни; что королева не поверила ему на слово; что впоследствии он впал в нищету; что нищета и отчаяние внушили ему мысль совершить на самом деле воображаемое преступление, которое он, по его словам, замыслил вместе с иезуитами. [153] И, чтобы объяснить письмо кардинала Комо, он добавляет: “Что касается папских индульгенций и отпущения грехов, какими бы великими ни казались эти милости в глазах благочестивых и верующих, *тех, кто занимается пиететом и делами других*, тем не менее, следует признать, что каждый может получить их, не будучи обязанным убивать человека”. принцесса—еретичка”. [154] Хотя абсурдность этих обоснований уже вполне очевидна, мы предложим одно или два наблюдения. Какой интерес мог быть у Уолсингема посылать Пэрри узнать мнение иезуитов о планируемом убийстве королевы? Эти иезуиты были в безопасности от гнева министра, поскольку они находились в чужих странах. Пэрри не устраивал заговоров, в которые должны были быть вовлечены многие люди, имена которых было бы полезно знать; он не просил посвятить его в какую-либо тайну или отправить обратно в Англию с поручением какому-нибудь папистскому стороннику обнаружить его и предать. Нет— его послали только ради удовольствия узнать, какой ответ дадут иезуиты на его вопрос— “Могу я убить королеву или нет?” Но Уолсингем был не только глупым, но и неблагодарным министром. Он нанял человека для самого серьезного и деликатного дела, он раскрыл этому же человеку опасные и довольно постыдные секреты, и этот человек сразу же после того, как выполнил свою миссию, был доведен до крайности из-за нехватки еды! Увы! Месье Кретино, ваша попытка оправдания доказывает виновность ваших иезуитов убедительнее, чем любое другое доказательство.

Теперь парламент принял суровый закон против иезуитов. Закон предписывал, что они должны покинуть королевство в течение сорока дней; что те, кто останется сверх этого срока или впоследствии вернется, должны быть виновны в государственной измене; что те, кто укрывал или освобождал их, должны быть виновны в уголовном преступлении; что те, кто получил образование в семинариях, если они не вернутся через шесть месяцев после получения уведомления и не подчинятся королеве, епископу или двум судьям, должны быть виновны в государственной измене; и что, если кто-либо из них, подчинившийся таким образом, в течение

десяти лет обратится в суд или приблизится к нему на расстояние десяти миль, их представление должно быть недействительным. . [155]

Из пятидесяти или шестидесяти иезуитов часть, испугавшись, покинула Англию по собственному желанию, в то время как остальные были обнаружены и высланы, но только для того, чтобы стать еще более опасными врагами. Мы позволяем себе процитировать отрывок из Юма о слишком знаменитом заговоре Бабингтона, который точно выражает наши идеи по этому вопросу:

“Английская семинария в Реймсе довела себя до высшей степени гнева и враждебности по отношению к королеве. Недавние преследования, от которых они спаслись; новые суровые меры, которые, как они знали, ожидали их в ходе выполнения их миссий; свобода, которой они в настоящее время пользовались, выступать против этой принцессы; и распространение той религиозной ярости, которая повсюду окружала их во Франции, — все эти причины уничтожили в них всякую максимум здравого смысла, всякий принцип морали или человечности. Опьяненные восхищением Божественной властью и непогрешимостью папы Римского, они благоговели перед его буллой, которой он отлучил от церкви и низложил королеву; и некоторые из них доходили до такой степени экстравагантности, что утверждали, что представление было непосредственно продиктовано Святым Духом. Убийство монархов-еретиков, и этой принцессы в частности, представлялось как самое достойное из всех предприятий; и они учили, что всякий, кто погибал в таких попытках, несомненно, наслаждался славным и никогда не увядающим венцом мученичества. Такими доктринами они подтолкнули человека отчаянной храбрости, который несколько лет служил в Нидерландах под началом принца Пармского, к покушению на жизнь Елизаветы; и этот убийца, поклявшийся не отступать от своего замысла, был отправлен в Англию и рекомендован наиболее ревностным католикам”. [156]

Было бы слишком утомительно следить за иезуитами во всех их махинациях как против королевы, так и против государства, и это не дало бы никаких дополнительных инструкций. Мы обойдем молчанием попытки отца Гарнета поднять восстание, когда приближалась Непобедимая армада. Мы даже не будем цитировать отрывок из Кретино, где он без малейших колебаний признается, что Филипп II. он послал множество иезуитов вместе с Армадой, в то время как отец Соларес по его приказу отправился в паломничество в Иерусалим, чтобы молить Бога о помощи в его успехе. Мы не будем далее демонстрировать, что если они и не были главными зачинщиками каждого заговора, то, по крайней мере, были в меньшей или большей степени замешаны во всех них. Мы также не будем задерживать наших читателей подробностями деяний, которые они совершили в Шотландии, где их влияние во многом зависело, как утверждают иезуиты, от состояния дружбы между Джеймсом и Елизаветой. Мы просто переведем один отрывок из их историка: “После смерти Марии Стюарт, — говорит Кретино, - Яков, казалось, был склонен разорвать все сношения с Англией; и, чтобы этот разрыв был лучше засвидетельствован общественностью, Яков не только предоставил иезуитам свободный доступ в свои владения, но и сам пригласил их приехать”. [157] Мы приводим эту цитату в том виде, в каком мы ее нашли, не отвечая за ее достоверность; но этого будет достаточно, чтобы доказать, что иезуиты, даже по признанию их собственной партии, были самыми вероломными и опасными врагами, с которыми Англии когда-либо приходилось бороться. И какими они были тогда, такими они остаются и сейчас. Если они ненавидели

Англию и королеву Елизавету в 16 веке, то не меньшую ненависть они питают к Англии и королеве Виктории в 19 веке. Предоставьте возможность, и вы снова увидите, как они возглавляют восстание и проповедуют убийство как самое достойное из всех действий. Они также не остаются бездеятельными в ожидании подходящей возможности. Их злой гений постоянно присутствует и активен. Многие родители, чьи последние дни омрачены мыслью о том, что их дети оставили зеленые пастбища и незапятнанные воды чистой евангельской истины ради мутных вод прелюбодейного Вавилона, — этих детей, некогда поклонявшихся Богу, а ныне идолопоклонников человека, которых какой-то переодетый сын Лойолы, искусно проникнув в их юные умы и ничего не подозревающие сердца, совратил с правильного пути. Эти беспорядки, эта кровь, пролитая в Стокпорте, Дублине, Белфасте и в других местах — попытка развязать гражданскую войну — поверьте мне, заслуга иезуитов, некоторые из которых, находясь на исповеди или в частных кругах, с притворной преданностью говорят о непогрешимости и превосходстве своей Церкви, в то же время всегда находят средства возбудить, может быть косвенно, невежество и фанатизм против протестантов; в то время как лицемерное занятие других на людных улицах будет заключаться в том, чтобы изливать потоки горькой ненависти. оскорбления против мерзостей Римского двора и разжигание худших страстей протестантов против своих сограждан-папистов! Естественно спросить, что могло подтолкнуть последнего к такому адскому злодейству? Осуществление, отвечаю я, их таинственных замыслов, хотя это должно быть ценой крови тысяч их ни в чем не повинных собратьев. Такому демоническому вероломству, к чести человечества, едва ли можно верить; но послушайте, что я собираюсь рассказать. Этот факт, к сожалению, слишком общеизвестен, чтобы его можно было опровергнуть, и я зайду слишком далеко, чтобы дать представление о характере иезуитов. В нашей последней битве, в той смертельной схватке, которую мы, бедные и неопытные, вели в одиночку против папы и всех его сторонников, за гражданскую и религиозную свободу, когда Рим был осажден и ежедневно звучали трубы, призывающие к битве, видели человека приятной наружности, с бородой и усами, который ходил с места на место, восхваляя солдат за их доблесть, призывая граждан не покидать своих стен, воспламеняя умы молодежи славой смерти за свою страну и проклиная французов, папу и особенно французских солдат. Иезуиты. Никто не знал, кто он такой, но многие восхищались им и считали его горячим патриотом. Однако однажды некоторые из национальных гвардейцев заметили нечто вроде телеграфа на доме за Квириналом, почти над городской стеной, который принадлежал иезуитам. Они взломали вход в помещение и обнаружили там трех человек, подававших сигналы врагу. Эти трое были иезуитами, и в одном из них было опознано то самое инкогнито, которое несколькими часами ранее призывало народ к борьбе. Они были арестованы, и когда по пути в государственную тюрьму несколько женщин узнали усатого иезуита, они вырвали его из рук конвоира, нанесли ему ножевые ранения и бросили его и его спутников в Тибр. Впоследствии были схвачены и казнены пять человек *по подозрению* в соучастии в этом преступном действии. Прошу извинить меня за то, что позволил себе подобные замечания. Они вырваны у человека, который был свидетелем многих их беззаконий и испытал на себе многое из их вероломства. Я могу, однако, заверить читателя, что эти воспоминания не окажут влияния на рассказчика.

Португалия.

Если поведение иезуитов в Португалии не носило такого преступного характера, как в Англии, оно, безусловно, было гораздо более смелым и привело к более катастрофическим

последствиям для португальской нации. Мы уже видели, что иезуиты с самого начала приобрели большое влияние в этой стране, влияние, которое после смерти Иоанна III стало первостепенным. Во время и после совершеннолетия дон Себастьяна иезуиты были исповедниками всей королевской семьи. Консуэл де Камор был сначала наставником, а затем духовником молодого короля и имел такое влияние на его разум, что ничто важное не делалось без его согласия или согласия его брата Мартина, графа Калеттского. Екатерина Австрийская, сестра Карла V и бабушка короля, мудрая и дальновидная принцесса, уволила своего духовника и пожаловалась генералу Борджиа на деспотичный дух иезуитов. За это она была лишена регентства, которое перешло к кардиналу Генриху, преданному ордену душой и телом. Тем временем дон Себастьян достиг зрелости, и нации не терпелось увидеть его женатым, чтобы линия королевского происхождения не прервалась. Французская принцесса и дочь императора Максимилиана считались подходящей парой, но обе были отвергнуты. Иезуитов обвинили в том, что они препятствовали женитьбе дон Себастьяна с целью сделать из него иезуита, а затем стать наследниками его трона. Каким бы странным ни показалось это обвинение, все же в своей основной части оно верно. Давайте сначала послушаем, что Паскье, современный историк и знаменитый адвокат парижского парламента, говорит по этому поводу: “Иезуиты, какими бы проницательными и хорошо информированными они ни были, увидели, что эта территория (Португалия) была подходящей почвой для того, чтобы сделать их виноградное дерево плодоносящим, и, чтобы они могли лучше преуспеть в своих проектах, при самом своем вступлении в королевство они заставили называть себя не иезуитами, а апостолами, сравнивая себя с теми, кто следовал за нашим Господом, и они до сих пор обозначаются там тем же именем. После того как верховная власть перешла в руки дон Себастьяна, эти добрые апостолы думали, что королевство Португалия вскоре станет собственностью их общины; и они часто просили его, чтобы никто в будущем не был королем Португалии, кроме иезуита, избранного их собственным орденом, точно так же, как папы в Риме избираются Коллегией кардиналов. И поскольку король, хотя и был суеверен, как само суеверие, не мог, или, правильнее сказать, не осмеливался, согласиться с их желаниями, они убедили его, что так распорядился Бог, как он сам слышал по голосу с небес у морского берега. Этот бедный принц был настолько введен в заблуждение, что ходил туда два или три раза, но они не смогли сыграть свою роль настолько хорошо, чтобы заставить его услышать голос. В их окружении еще не было самозванца, способного соперничать с Юстинианом, который в Риме умел выдавать себя за прокаженного. Эти джентльмены, понимая, что таким путем им не достичь своих целей, однако не отказались от преследования. Этот король, иезуит в душе, не захотел жениться. Чтобы придать себе еще большую значимость, они посоветовали ему выступить против королевства Фес, где он был убит в жестоком сражении. Таковы были плоды, которые пожал дон Себастьян за то, что поверил иезуитам. То, что я только что рассказал, я узнал от покойного маркиза Пизани, преданного католика и посла Франции при испанском дворе. [158] Со своей стороны, хотя мы убеждены в правдивости эгоистичного заговора, мы не совсем согласны с Паскье в отношении конца, который он им приписывает. Какими бы смелыми и отважными они ни были, они не бросили бы вызов общественному мнению с такой дерзостью. Они были слишком дальновидны, чтобы не понимать, что европейские дворы не позволят им занять трон. Однако Паскье не сам придумал этот романтический сюжет. Та же или почти та же история повторялась по всей Европе. И это настолько верно, что отец Маджио, провинциал Австрии, написал Борджиа из Праги в 1571 году следующим образом: “Здесь люди говорят только о португальских делах. Из Испании приходят депеши, в которых сообщается, что король часто действует так, чтобы встревожить всю нацию. Они добавляют, что наши братья (*les nôtres*) являются

зачинщиками такого поведения; что они хотят сделать из короля иезуита; и нет недостатка в тех, кто утверждает, что они (*les nôtres*) одни запретили ему жениться на сестре французского короля”. [159]

Это письмо, очевидно, показывает, что вся Европа верила, что иезуиты были хозяевами Португалии и что они распоряжались короной почти полностью по своей воле. Более того, как мы видели, иезуитов обвинили в том, что они подтолкнули пылкого короля к завоеванию Марокко, в результате чего он потерял и свою жизнь, и свое королевство.

Давайте, однако, чтобы быть беспристрастными, заслушаем их оправдания. Кретино утверждает, что эти обвинения были клеветой, и приводит нам следующее в качестве доказательства: — По вопросу о браке он приводит часть письма, написанного самим обвиняемым отцом Консальвесом, в котором, опровергнув большую часть клеветы, которая была на него обрушена, он добавляет: “Итак, если мне и есть в чем себя упрекнуть, так это в том, что я слишком настаиваю на том, чтобы брак состоялся. Те, кто сказал папе, что сердце короля в моих руках и что я могу направлять его чувства так, как мне заблагорассудится, думают о Себастьяне то, что они подумали бы о любом другом молодом человеке его возраста.... Но он упрям и в этом вопросе остается непоколебим ко всем моим советам”. [160] Однако нас вряд ли можно будет обвинить, если мы признаемся, что скептически относимся к истинности этих оправданий.

Чтобы оправдать отцов церкви за то, что они побудили короля предпринять экспедицию против Марокко, Кретино цитирует отрывок из Мендосы, человека, всецело преданного иезуитам, в котором он просто утверждает, “Что все иезуиты были против экспедиции в Африку”. Эти две строки, написанные спустя много времени после этого события и сторонником ордена, представляют собой единственное доказательство их невиновности, которое иезуиты могут привести.

После таких попыток оправдания не может остаться никаких сомнений в том, что иезуиты сорвали корону с головы дона Себастьяна, чтобы возложить ее на голову Филиппа II. Филипп был в то время другим и самым могущественным сторонником иезуитов. Он был главой римско-католической партии, надеждой папистов и ужасом протестантов. Я полагаю, что эти причины побудили иезуитов совершить это отвратительное предательство. После смерти дона Себастьяна кардинал Генрих принял имя короля и обратился к португальским сословиям с просьбой объявить Филиппа его преемником. Они отказались. Филипп вторгся в Португалию. Иезуиты использовали все свое влияние в его пользу, отлучили от церкви дона Антонио де Крато, законного наследника короны, и возвели Филиппа на трон своих благодетелей. Мы должны заметить, что, по нашему мнению, ни честный и добросовестный Борджиа, ни старый и ничтожный Меркуриан не были посвящены в эту предательскую сделку. Это были люди, которым ни в коем случае нельзя было доверять подобные секреты. Так случилось, что португальские монархи, которые сначала нянчили этих сыновей Лойолы у себя на груди, обнаружили, что они дали жизнь змее, которая теперь ужалила их в сердце. Но, к сожалению, пример был утерян; португальские монархи продолжали подчиняться иезуитам, и один из них, Иосиф I., едва избежал удара кинжалом наемного убийцы, нанятого отцами церкви.

ФРАНЦИЯ.

Мы видели, как иезуиты были казнены в Англии как предатели. Мы видели, как они в Португалии, как успешные заговорщики, распоряжались скипетром, вырванным из рук их благодетелей. Теперь мы увидим их во Франции в роли предателей, заговорщиков и цареубийц, а также главной причины неопикуемого зла. Мы уже упоминали знаменитый *arrêt* (решение) 1554 года, которым парижский парламент отказался впустить иезуитов в королевство. С этого времени, вплоть до 1562 года, ученики Лойолы неоднократно получали от французского суверена патенты, разрешающие их создание; но парламент неоднократно *решениями*, отказывающимися их регистрировать, признал эти письма недействительными, и конкурс продолжался без перспективы принятия решения. Король, гизы и часть знати встали на сторону иезуитов. Парламент, университет, епископ Парижский и его духовенство были против них. Основное возражение против приема иезуитов, выдвинутое их противниками, заключалось в том, что они получили от Римского суда привилегии [161], которые делали их независимыми от обычных и любых других церковных властей. Чтобы устранить это возражение, иезуиты в 1560 году, решив отстаивать свою точку зрения, представили королю петицию, в которой они отказывались от своих привилегий и торжественно обязывались уважать законы королевства и Галликанской церкви, а также подчиняться юрисдикции ординариев. [162] Суд теперь императивно приказал парламенту допустить иезуитов. Архиепископ де Белли, побежденный "настойчивостью суда, от которого он ожидал кардинальской шапки", [163] частично снял свою оппозицию и дал свое согласие, но при таком количестве ограничений, что, как говорит Кретино, это был скорее протест против них, чем что-либо еще. Парламент, который до сих пор отказывал в своем согласии, опираясь на оппозицию архиепископа, теперь зарегистрировал патент на королевские грамоты, но с теми же ограничениями; добавив, что иезуиты могут подать апелляцию в следующий национальный совет или ассамблею. В это самое время в Пуасси был созван национальный совет, чтобы положить конец, по возможности, религиозной розни и залечить раны Церкви. Екатерина Медичи, чьим любимым лозунгом было "*разделяй и властвуй*", проявила себя беспристрастной в этом состязании, думая сохранить повиновение одной стороны за счет страха, который она испытывала перед другой. Поэтому она сама, вместе с королем и всем двором, присутствовала на соборе в Пуасси. Мы не будем вдаваться в богословские дискуссии этого собрания. Скажем только, что, хотя на нем председательствовал и руководил им кардинал-католик и хотя католики имели значительное большинство, все же красноречие кальвинистских богословов, и особенно Безы, было настолько убедительным, что Лайнез, после того как нанес пару ударов грозному защитнику, объявил, что допускать протестантов к дискуссии - почти смертный грех; и по его совету Собор распался без какого-либо результата.

Ассамблея, прежде чем разойтись, после долгих дебатов решила, что иезуиты должны быть приняты при условии, что они подчинятся законам страны и Галликанской церкви, что обычные епископы должны иметь над ними всю власть и что они должны отказаться от всех своих привилегий и носить другое название, чем "Общество Иисуса", или "иезуиты". Этим решением иезуитский вопрос был наконец решен. Теперь, чтобы показать, с какой легкостью эти коварные монахи могут отказаться от своих наиболее одобренных доктрин и изобрести новый принцип на любой случай, чтобы преуспеть в любом из своих начинаний, мы изложим основные положения доктрины Галликанской церкви, которые уже были приняты во Франции и которые были более торжественно одобрены в 1662 году.

“Папа является главой римско-католической религии, но он не может ни отлучить короля, ни наложить интердикт на королевство; у него также нет никакой юрисдикции над мирскими делами; и он не может отстранить епископов от их должностей, которые имеют свою власть от Христа как его преемников, и которые, когда Он вознесся на небеса, повелели им идти и проповедовать Евангелие всей твари. Папский легат не может осуществлять какую-либо власть во Франции, если только он не уполномочен королем. Апелляцию на приговор папы разрешается подавать в генеральный совет, который обладает властью, превышающей власть папы; но даже постановления собора не принимаются во Франции, когда они посягают на права короля или Галликанской церкви; по этой причине сам Тридентский собор был принят во Франции в отношении символов веры, но не в отношении вопросов дисциплины”. [164]

Это были основные пункты, в соблюдении которых иезуиты поклялись. Каким презренным должен быть человек, который готов принести особую клятву по любому поводу и призвать Бога истины в свидетели своего лжесвидетельства и позора!

Едва нога иезуитов ступила во Францию, как они начали быстро распространяться по стране и вскоре после этого стремились поступить в университет и монополизировать все образование молодежи. На часть огромного состояния, завещанного им епископом Клермонским, которым они в конце концов завладели, несмотря на противодействие парламента, они построили колледж на улице Сен-Жак, недалеко от Сорбонны, и, делая вид, что подчиняются распоряжениям парламента, который предписывал им отказаться от названия Общества Иисуса, они надписали на фасаде: “Колледж Общества *имени* Иисуса”. Но университет не хотел принимать их в свое лоно, несмотря на все интриги отцов церкви и приказы двора. Об этой затянувшейся борьбе, завершившейся в пользу иезуитов в 1616 году, мы приведем лишь часть извинения, адресованного университетом папе Григорию XIII. — “Мы не причиняем беспокойства ни церквям, ни частным лицам; мы не нарушаем порядок наследования; мы не требуем завещаний в ущерб наследникам и не присваиваем прибыль в наших собственных интересах; мы не замысливаем ухищрений, направленных на то, чтобы завладеть имуществом монастырей или любого другого церковного учреждения, обогатиться за счет их собственности, не подвергаясь преследованиям со стороны государства”. условия, налагаемые основателями; мы не используем имя Иисуса для обмана совести принцев, утверждая, что никто не остается в чистилище дольше десяти лет“. [165]

Наша история становится слишком насыщенной серьезными событиями, чтобы позволять нам касаться вопросов второстепенной важности. Поэтому мы перенесем наших читателей в 1577 год, когда была образована знаменитая лига, давшая повод к кровавым и затяжным гражданским войнам во Франции, главными зачинщиками которых были иезуиты.

Угрызения совести за Варфоломеевскую резню лишили Карла IX рассудка. и рано свели его в могилу. Сменивший его брат Генрих III, либо благоговевая перед судьбой Карла, либо занятый только своими удовольствиями, позволил тем же протестантам, которых он, будучи герцогом Анжуйским, разбил при Монконтуре и в других местах, жить в мире. Лениность Генриха благоприятствовала честолубивым взглядам герцога де Гиза, который стремился ни к чему иному, как к трону Франции. Он и его сторонники, особенно иезуиты, разжигали фанатизм наиболее фанатичных граждан против короля, который, хотя и был скрупулезным наблюдателем всех тех внешних обычаев, в которых главным образом состоит папистская религия, считался церковной партией плохим католиком. Необходимо было найти средство, чтобы Франция не

превратилась в протестантскую страну. Соответственно, была создана ассоциация, получившая название Лиги, или “Священного союза”. Чернь видела в этом оплот веры — Филипп Испанский, косвенно владычество Франции, а Генрих де Гиз - трон. Члены этой ассоциации принесли следующую клятву: “Я клянусь Богом, Создателем, и под страхом анафемы и вечного проклятия, что я вступил в эту Католическую ассоциацию, согласно форме договора, который только что был мне зачитан, преданно и искренне либо повелевать, либо повиноваться и служить; и я обещаю своей жизнью и своей честью оставаться в ней до последней капли своей крови, не сопротивляясь этому и не выходя из него, по любому приказу, или под каким бы то ни было предлогом, оправданием или по любому поводу”. [166] В 1577 году Гиз был объявлен главой Лиги; а в 1584 году он, подданный, имел наглость публично вступить в союз с Филиппом II Испанским. Статьи союза подразумевали, “что между королем и католическими князьями был заключен союз наступательного и оборонительного характера от их имени и от имени их потомков, для поддержания римско-католической религии во Франции, а также в Нидерландах: и после смерти Генриха III принять меры к назначению кардинала де Бурбона его преемником; еретики и принцы-рецидивисты навсегда лишаются права наследования”. [167]

Положение Генриха III стало очень шатким. Гизы владели многими главными городами, а герцог Генрих был кумиром народа. Король, чтобы избежать надвигающейся опасности, притворился, что присоединился к Лиге, объявил себя ее главой, вел войну с протестантами и согласился отдать больше городов и безопасных мест в руки своих врагов. Тем не менее противники короля ничем не проявили своей враждебности и наполнили нацию ненавистью к его персоне, вымещая ее в проклятиях. В Париже, оплоте Лиги, публично обсуждался вопрос о том, следует ли низложить Генриха. Король двинулся к столице с небольшим количеством войск. Гиз поспешил туда вопреки прямому приказу короля. Народ взялся за оружие — были возведены баррикады — королевская армия потерпела поражение — и королю пришлось бежать. [168] Маффеи и Кретино упрекают герцога де Гиза в том, что тот позволил ему сбежать невредимым. Генрих, скрывая свою ненависть, снова притворился покорным, созвал парламент в Блуа и предоставил Гизу почти неограниченную власть над королевством. Но в тот самый момент, когда он увидел в своих руках награду, к которой так страстно стремился, он пал вместе со своим братом кардиналом в королевском дворце жертвой мести короля. Так Гиз погиб, но не от меча правосудия, как он того заслуживал, а от кинжала убийцы. Этот поступок не может быть оправдан. Лига обрушила на короля гром анафем; Парижский университет отлучил его от церкви; а парламент объявил, что “вышеупомянутый Генрих Валуа должен быть приговорен к исправлению положения с честью, одетый только в рубашку, с веревкой на шее, с помощью палача и с зажженным факелом в руке весом в тридцать фунтов; что с этого момента он должен быть низложен и объявлен недостойным короны Франции; и что, отказавшись от всех прав на нее, он должен быть впоследствии изгнан и помещен в монастырь иеромонахов”. там он будет поститься на хлебе и воде до конца своих дней”. [169]

Священники и иезуиты со всех кафедр изливали залпы проклятий в адрес этого тирана, который заслуживал того, чтобы быть сметенным с лица земли. И когда король, теперь уже в союзе с Генрихом Наваррским, направлялся к Парижу, Климент, монах-доминиканец, заколол его в Сен-Клу первого августа 1589 года.

Велик был ужас роялистов и еще больше ликование противной стороны по поводу этого трагического события. Совет Seize [170] собрался 6 сентября и направил всем проповедникам письмо, в котором, среди прочего, содержалось следующее увещание: “Вы должны оправдать поступок Жака Клемана, потому что он такой же, как поступок Юдифи, который так высоко оценивается в Священном Писании”. [171] Генрих Бурбонский, король Наварры, законный наследник, после смерти Генриха III принял титул короля Франции и был поддержан менее фанатичными римскими католиками и всеми кальвинистами. Кардинал де Бурбон, с другой стороны, также принял титул короля и пользовался поддержкой фанатичных папистов во главе со всеми священниками и монахами королевства. Филипп Испанский, жизнь и защитник Лиги, послал армию ей на помощь, а папа отправил кардинала Каэтана в сопровождении двух иезуитов с большими суммами денег разжигать и поддерживать восстание против отлученного от церкви Генриха IV.

Сикст V поначалу проявлял большое рвение в противодействии праву еретика Генриха Наваррского. [172] Он пообещал отправить 18 000 пехотинцев и 700 всадников во Францию. Он пригрозил венецианцам отлучением от церкви за то, что они признали Генриха IV. как король, и на этот раз ослабил бразды правления своей хорошо известной скупостью, послав своему легату определенную сумму денег для продолжения войны во Франции. Но когда он понял, каковы были планы Филиппа; когда он узнал, что этот монарх предложил выдать свою дочь Инфанту замуж за молодого герцога де Гиза, который должен был принять титул короля; и когда Лесси, подстрекаемый иезуитами, отказавшись от всех национальных чувств, зашел так далеко, что провозгласил Филиппа королем Франции, Сикст, испугавшись властного духа Филиппа и абсолютной власти, которую он получит в случае успеха своего замысла, смягчил свою вражду к Генриху — выразил сожаление по поводу того, что отлучил его от церкви — и дал другие знаки перемены. его мнение претерпело изменения. Легат, однако, пренебрегая намерениями папы, выполнял его первые инструкции с неослабевающим рвением. [173]

Гражданская война со всеми ее ужасами длилась пять лет. Чтобы сократить ее, Генрих снизошел до поступка, который запятнал его славу и славу его добродетели. Он отрекся от доктрин кальвинизма, чтобы вступить в общение с Римской церковью, которую он презирал, и извинился, сказав: “Paris vaut bien une messe” — Париж стоит мессы. [174]

Но его отступничество мало помогло ему. Парижане продолжали непреклонно относиться к нему. Монахи, и особенно иезуиты, поощряли их в сопротивлении. Священники и солдаты одновременно прошли от кафедры к осажденным стенам, сменив священнические одежды на кольчугу, распятие - на копье. Торжественные процессии пересекали город и призывали людей быть твердыми в защите своей веры, уповая на то, что Бог защитит их и благословит их нечестивое предприятие. Папский легат, облаченный в свои папские одежды, был первым в этих процессиях и поддерживал фанатизм толпы, которой он раздавал тысячи милостей. С другой стороны, Мендоса, испанский посол, тот самый, который после убийства Генриха написал своему повелителю: “Мы должны приписать это счастливое событие только Всевышнему”, — Мендоса, чтобы утолить голод обманутых парижан, раздал от имени его Католического величества Филиппа населению несколько испанских монет, которые, ободренные таким образом, подняли крик: “Долгих лет жизни нашему королю Филиппу!” Больно думать обо всех ужасах, которые претерпел этот введенный в заблуждение народ, пока прислушивался к уговорам священников упорствовать в своем восстании. Наконец голод,

всемогущий голод, оказался сильнее армии короля. Измученный голодом Париж сдался, и Генрих вззошел на трон своих предков.

Так закончилась Лига. Давайте теперь посмотрим, какую долю в ней имели иезуиты. Мезараи, говоря о Лиге, говорит: “Ревностные католики были главными инструментами в ней; новые монахи (иезуиты) - паранимфами и трубачами; а знать королевства - авторами и вождями”. [176] С самого начала иезуиты были самыми ярыми сторонниками Лиги. Они перебежали с места на место, из страны в страну, чтобы заручиться новыми сторонниками и укрепить узы священного союза. Клод Матье, провинциал, несколько раз ездил из Парижа в Рим, чтобы получить одобрение священного союза папой римским. [177] Его называли посланником Лиги; и Паскье, в своем старом, причудливом стиле, говоря о другом иезуите, говорит: “Поскольку Общество иезуитов состояло из самых разных людей, *les uns pourme, les autres poil*, среди них был один отец Генри Саммье, человек, склонный и приспособленный ко всем видам насилия”. дерзкий. [178] В 1581 году Лига послала его к различным католическим князьям *для зондирования земли*, чтобы прозондировать брод; и, по правде говоря, они не могли бы выбрать более подходящего человека, поскольку он менял себя в стольких разных формах, сколько разных дел ему приходилось выполнять — иногда переодеваясь солдатом, иногда священником, иногда простым нищим. Он был знаком с картами, игральными костями ... а также со своими каноническими часами; и, делая это, он сказал, что не может грешить, поскольку это должно привести к хорошему концу”. [179] Но, без ссылки на древних авторов, две строки из Кретино скажут больше, чем мы могли бы. “Именно в эту эпоху” (1584 г.), - говорит он, - “Лига приобрела всю свою последовательность, и именно в ту же эпоху вы можете увидеть иезуитов в Париже, Лионе, Тулузе, *присоединившихся к восстанию и организовавших его*.” [180] И об этом восстании, или гражданской войне, говорит очевидец Паскье: “Это была не столько гражданская война, сколько *междоусобица*— перерезание горла. Коллегии иезуитов были, как известно, местом общего собрания лиц, враждебных королю. Были сфабрикованы их Евангелия в зашифрованном виде — *se forgoient leurs Evangiles en chiffre*— которые они отправляли в зарубежные страны. Там их апостолы были распределены по разным провинциям: одни для того, чтобы своими проповедями поддерживать смуту, как это делал отец Коммоле в Париже и отец Руйе в Бурже; другие для того, чтобы проповедовать убийства, как это делали отец Вараде и тот же отец Коммоле”. [181] Но нам не нужно множить цитаты, чтобы доказать, что они сыграли большую роль в возникновении этих проблем. Они сами признаются в этом с гордостью. В своем *Ежегодном письме* от 1589 года они представляют убийство короля как чудо, которое произошло в тот самый день, когда их изгнали из Бордо. Когда мать Климента приехала в Париж, иезуиты призвали народ поклоняться ей; портрет убийцы, которого теперь называют мучеником, был выставлен на алтарях для всеобщего почитания, и они даже предложили установить ему статую в соборе Нотр-Дам.

Мы, однако, признаем, что все иезуиты не были фанатичными членами Лиги; не потому, что они не одобряли Лигу, а просто из хорошей политики или из корыстных побуждений. Оже, королевский духовник, желавший быть провинциалом, встал на сторону своего кающегося; а генерал Аквавива, самый способный и проницательный политик своего времени, не одобрял того, что Общество так глубоко поддерживало одну партию, что могло привести к гибели ордена в случае победы другой. Он запретил находившимся во Франции иезуитам принимать участие в состязании (этим советом, однако, они пренебрегли) и попросил разрешения папы приказать своему подчиненному отцу Матье покинуть Францию и отправиться в далекую страну — что ясно доказывает, что иезуиты во Франции действовали под руководством самого папы. “Но Сикст V, -

говорит Кретино, - не был таким кротким, как Григорий XIII; когда он встречал врага, он сражался с ним; соответственно, он ответил генералу, что члены Лиги действовали очень правильно и только выполняли свой долг”. [182] Аквавива, однако, так же ревниво относился к своей власти, как властный и ужасный Сикст. Когда отец Матье прибыл в Лоретто по возвращении во Францию, генерал приказал ему не покидать город без его согласия; и бедный посыльный умер несколько месяцев спустя от полного бездействия. Оже, по неизвестным нам причинам, был отозван. Другой провинциал, отец Пиджена, был отправлен во Францию - человек, который, говоря языком Де Ту, “был яростным игроком Лиги и фанатичным, как Корибант”, и который, по словам Арно, “был самым жестоким тигром, который рыскал по Парижу”. На самом деле, после его прибытия иезуиты стали еще более дерзкими и ввязались в новые уголовные процессы.

После Генриха IV. он отрекся от протестантской веры, и когда он был в Мелене, один человек был арестован по подозрению в том, что прибыл туда с целью покушения на его жизнь. Барьерэ — так звали убийцу — чтобы избежать пыток, признал свою вину. Он признался, что проконсультировался с Обри, парижским викарием, относительно своего проекта, получил высокую оценку и был отправлен к Вараде, настоятелю ордена иезуитов, который подтвердил его похвальное решение и дал ему свое благословение; на следующее утро он исповедовался другому иезуиту и причастился. Барьерр повторил на эшафотезаявление, которое он уже сделал; и Паскье, который в то время находился в Мелене, заявляет, что он допрашивал преступника, ознакомился с информацией и показаниями и даже держал в руках нож, которым должно было быть совершено преступление. [183] Мезараи подтверждает показания Паскье самым недвусмысленным образом. “Когда король, - говорит он, - привел Париж к покорности, он выдал охранную грамоту кардиналу из Плезанса, который так энергично действовал против него, и разрешил ему взять с собой Обри, викария из Сен-Андре-де-Арк, и иезуита Варада, хотя они и были виновны в участии в ужасном убийстве Барьера”. [184]

Барьерэ был казнен, но его судьба не помешала другим фанатикам предпринимать подобные попытки, а иезуитам - поощрять их. Через несколько месяцев после того, как Генрих вступил в Париж, девятнадцатилетний юноша по имени Джон Шастель поднял нечестивую руку на короля. Удар был направлен ему в горло, но в тот момент, когда он наклонил голову, чтобы отдать честь одному из своих придворных, он только поранил ему губы. Шастель изучал философию в колледже иезуитов под руководством отца Герета. Он признался, что “в доме иезуитов он часто бывал в комнате для размышлений, в которую иезуиты вводили величайших грешников, где им показывали изображения дьяволов и других ужасных фигур, чтобы побудить их вести лучшую жизнь и, воздействуя на их дух, побудить их этими увещаниями совершить какой-нибудь экстраординарный поступок”. Далее он признался, что слышал, как иезуиты говорили, “что законно убивать короля, поскольку он был вне Церкви; и что никто не должен повиноваться ему или признавать его королем, пока он не получит одобрения папы”. [185] Убийца при допросе смело отстаивал это последнее предположение, и “это признание, - говорит Мезараи, - присоединилось к оскорбительной клевете на Генриха III. и правящий король; присоединился к рвению, которое иезуиты проявляли в интересах Испании, и к доктринам, которые их проповедники выдвигали против безопасности короля и против древнего закона королевства; присоединился также к их мнению, что посредством своих коллегий и исповеди на ушах они направляли умы молодежи и робкую совесть на все, что им заблагорассудится, дали возможность парламенту привлечь Общество к его наказанию”. [186] Фактически, парламент тем же постановлением (29 декабря 1594 г.), которым Шастель был

приговорен к наказанию за отцеубийство, постановил, что “священники и ученые колледжа Клермон и все другие члены так называемого Общества Иисуса, как растлители молодежи, нарушители общественного спокойствия, враги короля и государства, через три дня после настоящего сообщения будут обязаны покинуть Париж и другие города и места, где у них есть колледжи, и, в течение двух недель после этого, королевство; в соответствии с законом”. наказание, если оно будет обнаружено во Франции по истечении этого срока, в виде наказания за государственную измену. Их имущество, движимое и недвижимое, должно использоваться в благотворительных целях, и всем подданным короля под тем же наказанием запрещается отправлять учеников в колледжи Общества, которые находятся за пределами территории королевства”. [187]

Все иезуиты, за исключением отцов Герэ и Гинара, которые были арестованы, были высланы из Франции. Гере, против которого не было представлено никаких существенных доказательств того, что он был сообщником Шастеля, вскоре после этого был освобожден из тюрьмы и сослан. Это яркое доказательство справедливости и прямолинейности парламента. Гинар, во владении которого были обнаружены самые отвратительные труды, подрывающие все принципы справедливости и морали, [188] был осужден и казнен; в соответствии с прокламацией, изданной несколько месяцев назад королем, в которой было приказано сжечь все книги и сочинения, относящиеся к прошлым бедам, под страхом смерти. Кретино признает этот факт, но оправдывает этого человека, говоря, что эти сочинения были написаны во времена Лиги в 1589 году. Но этому утверждению противоречит цитата, которую мы привели в примечании, которая показывает, что по крайней мере некоторые из них были написаны после отречения Генриха, которое произошло четыре года спустя, в 1593 году. И опять же, если они *были* написаны в указанное время, почему он не сжег их, повинувшись повелению короля?

Теперь по всей Франции испытывали великий ужас от этих повторяющихся актов цареубийства и отвращения к иезуитам, как хорошо известным подстрекателям к таким гнусным деяниям. Парламент, выразитель общественного мнения (Генрих привлек к себе многих своих бывших противников своим милосердием и великодушием), другим *решением* 10 января 1595 г. приказал разрушить дом Шастеля и воздвигнуть на его месте пирамиду, чтобы увековечить память о его позоре и позоре его сообщников. В результате на четырех гранях этой пирамиды были выгравированы четыре надписи, во всех из которых имя Шастеля сочеталось с именем иезуитов. В первой надписи убийца описывался как подтолкнутый к совершению преступления “пагубной ересью этой новой секты (иезуитов), которая, скрывая под маской благочестия самые ужасные преступления, в последнее время учила, что убивать короля законно”. Во втором *был аррет* парламента, осуждающий Шастеля и иезуитов, часть которого мы уже приводили. В третьем сенат и народ Парижа поздравляют короля с тем, что он уничтожил “эту пагубную секту” (иезуитов). И четвертая надпись гласила: “Когда-то здесь стоял дом, который был разрушен по вине одного из его обитателей, который обучался в школе нечестия у порочных учителей”. [189] В 1605 году иезуиты снова были достаточно могущественны во Франции, чтобы разрушить пирамиду; а в 1606 году на ее месте был возведен фонтан.

И нам кажется, что здесь самое подходящее место, чтобы изложить нашим читателям политическое кредо иезуитов. Обратите внимание, нижеследующие выдержки взяты только у их наиболее авторитетных авторов, которые высоко ценятся среди своих собратьев.

Emmanuel Sa. *Aphorismi Confessariorum*. (Venet. 1595. Coloniae, 1616. Изд. Колл. Сион).—

“Восстание священнослужителя против короля не является преступлением государственной измены, потому что он не подчиняется королю”.

“Тот, кто тиранически управляет империей, которую он получил по праву, не может быть лишен ее без публичного судебного разбирательства; но когда приговор вынесен, *каждый человек может стать его исполнителем; и он может быть низложен народом, даже если ему присягнули в вечном повиновении, если после данного предостережения он не исправится*”.

Джон Бриджуотер. *Concertatio Ecclesiae Catholicae in Anglia adversus Calvino-Papistas*. (Augustae Trevirorum, 1594.) — “Если короли первыми нарушат свой торжественный союз и клятву и нарушат веру, которую они присягнули Богу, народу не только разрешается, но от него требуют, и его долг требует, чтобы по указанию Наместника Христа, который является суверенным пастырем всех народов земли, не соблюдалась верность, которой они ранее были обязаны или обещали таким государям”.

Роберт Беллармайн. *Disputationes de Controversiis Christianae Fidei adversus hujus temporis Hæreticos*, tom. I. (Ingolstadii, 1596. Parisiis, 1608. Ed. Mus. Брит.) — “Духовная власть, как духовный князь, может менять королевства и передавать их от одного государя другому, если это будет необходимо для спасения душ”.

“Христиане не могут терпеть короля-неверного или еретика, если он пытается привлечь своих подданных к своей ереси или безбожии. Но это прерогатива суверенного понтифика, которому была доверена забота о религии, решать, привлекает ли король их к ереси или нет. Поэтому именно понтифик должен решить, будет ли король низложен или нет”.

Джон Мариана. *De Rege et Regis Institutione libri tres*. (Моргунтия, 1605.... 1640. Изд. Муз. Брит.) — “Необходимо внимательно обдумать, какого курса следует придерживаться при низложении принца, чтобы грех не добавился к греху и одно преступление не было наказано совершением другого. Это самый короткий и безопасный путь; —*обсудить на публичном собрании, если оно может быть проведено*, то, что должно быть определено общим согласием, и считать твердо установленным все, что может быть решено общим мнением. В этом случае необходимо следовать следующему курсу. Прежде всего, принца необходимо предостеречь и привести в чувство. Если он не исправится, начните с отказа повиноваться ему; ... и, при необходимости, уничтожьте мечом того принца, который был объявлен врагом общества. Но вы спросите, что делать, если публичное собрание не может быть проведено, что может происходить очень часто. По моему мнению, должно быть сформировано аналогичное суждение; ибо, когда государство угнетено тиранией какого-либо из князей, и народ лишен права собираться, нет недостатка в *желании* отменить тиранию или отомстить за явные и невыносимые преступления князя и ограничить его злонамеренные усилия: *я никогда не буду считать виновным того человека, который, потакая общественным желаниям, попытался бы убить его!*”

Габриэль Васкес. *Комментарий. et Disput. in primam Partem, et primam secundae Summæ, S. Th. Aquinatis*, tom. II. (Ингольштадт, 1615. Антверпия, 1621. Изд. Колл. Сион.): — “Если все члены королевской семьи еретики, новые выборы на трон ложатся на государство. Ибо все его (короля) преемники могли бы быть справедливо лишены королевства папой римским, потому что сохранение веры, которая имеет большее значение, требует, чтобы это было так. Но если бы королевство было осквернено таким образом, папа, как верховный судья в вопросах веры, мог

бы назначить католического короля для блага всего королевства и, если бы это было необходимо, поставить его над ним силой оружия. Ибо благо веры и вероисповедания требует, чтобы верховный глава Церкви назначил короля для государства”.

Бузембаум и Лакруа. *Theologia Moralis, nunc pluribus partibus aucta à R. P. Claudio Lacroix, Societatis Jesu.* (Coloniae, 1757. Coloniae Agrippinae, 1733. Изд. Муз. Брит.); — “Человек, отлученный папой от церкви, может быть убит где угодно, как учат Филлинсиус, Эскобар и До; потому что папа обладает по крайней мере косвенной юрисдикцией над всем миром, даже в мирских делах, насколько это может быть необходимо для управления духовными делами, как утверждают все католики, и как доказывает Суарес против короля Англии”.

Таковы были принципы и таковы действия так называемых воинов Христа, и таково справедливое наказание, понесенное за их преступления. Мы едва ли найдем в истории секту, носящую христианское имя, осужденную за такое количество и такие чудовищные преступления, так публично клеймимую позором и вызывающую справедливую ненависть потомков. Ибо если в моменты лихорадочной экзальтации политические или религиозные фанатики всех конфессий совершали незаконные и варварские преступления, то впоследствии, в более спокойные времена, ни одна другая сторона не взяла на себя ответственность за эти преступления и не восхваляла их как добродетельные или достойные уважения поступки. Но насколько я знаю ни одного иезуита, который когда-либо оспаривал или отрицал доктрины, на которые я только что указал. Моим английским читателям следовало бы серьезно поразмыслить над этим фактом и над теми доктринами, которых иезуиты все еще твердо придерживаются. Королева Виктория в их глазах такая же еретичка, как Генрих Наваррский, и я не сомневаюсь, что они желают ей той же участи. Я сторонник терпимости и испытываю отвращение к самой идее преследования; но, совершенно очевидно, что, не преследуя этих священников и иезуитов, самых закоренелых врагов протестантской религии, я бы не стал их поощрять или поддерживать государственными пожертвованиями. Их религия не отличается терпимостью. Они не смотрят на других христиан как на братьев, придерживающихся других форм веры, или, в худшем случае, как на людей, введенных в заблуждение невежеством. Нет! по их мнению, каждый, кто не является римским католиком, является проклятым еретиком, уже осужденным и, если он умрет в таком состоянии, обреченным на вечное проклятие. Они не довольствуются предоставлением прав гражданства на условиях равенства — они стремятся к господству. На какие права и привилегии они могут обоснованно претендовать от лиц, к которым они питают подобные чувства? Несомненно, те паписты, которые хотят сохранить свою религию с помощью преследований и тирании, должны быть благодарны, если им позволят жить в мире и без всяких притеснений в протестантской стране.

ГЕРМАНИЯ.

В то время как иезуиты во Франции и Англии, где монарх был настроен враждебно по отношению к ним, не только выдвигали доктрину суверенитета народа, но и учили, что каждый человек имеет право убить короля, если он не нравится нации или проклят папой римским, в Польше, Швеции и Германии, где население настроено враждебно, а суверен настроен к ним дружелюбно, они насаждали противоположную доктрину и не гнушались проводить ее в жизнь самыми жестокими методами. Во Франции и в Англии Генрих и Елизавета лишились своих тронов, придерживаясь доктрин Реформации. В Швеции иезуиты вынудили римско-

католического Сигизмунда поклясться поддерживать исповедание Аугсбурга, чтобы он не был изгнан из своего королевства. [190] Но в этих странах иезуиты, находясь в тесном союзе с гражданской властью, были причиной еще большего зла и сильно повредили делу истины и религии. Появление иезуитов на севере Европы было сигналом к мощной реакции против протестантизма; и они не только остановили его развитие, но, что еще более странно, им удалось возродить устаревшую доктрину — светское превосходство Римской Церкви, которая, после того как веками управляла почти всей Европой, пришла в упадок и не должна, согласно обычному ходу человеческих институтов, оказывать какого-либо дальнейшего влияния, поскольку она не претерпела никаких материальных изменений и не приобрела нового престижа. И все же так оно и было. Иезуиты обладали многими необходимыми условиями успеха. Восхитительное единство цели — разносторонность характера — беспринципная податливость совести — исповедальня — кафедра — убежденность, что от их первого успеха зависит продолжительность их ордена, и, следует добавить, их безупречное внешнее поведение - все это сделало их в высшей степени пригодными для выполнения своей задачи. Но, прежде всего, именно благодаря образованию молодежи они привели к таким изменениям в Германии. Фактически, именно с этой целью они были впервые введены в страну. В одном из писем с автографом, которые Фердинанд I. написал Лойоле, он заявляет, что, по его мнению, единственным средством восстановления приходящих в упадок догматов католицизма в Германии было бы обеспечение молодежи образованными и благочестивыми католическими учителями. [191] Иезуиты попали в поле зрения короля с удивительной активностью и энергией. Они обосновались в Вене в 1551 году и вскоре после этого возглавили университет. Их второе важное учреждение находилось в Кельне; третье - в Ингольштадте; и из этих трех основных пунктов они распространились по всей Германии. Мы думаем, что не можем придумать ничего лучше, чем переписать отрывок из Ранке для проекта:—

“Усилия иезуитов были прежде всего направлены на университеты. Их честолюбивым намерением было соперничать со славой протестантов. Образование того времени было просто ученым и основывалось исключительно на изучении древних языков. Этому иезуиты следовали с искренним рвением, и в некоторых из своих школ у них очень скоро появились профессора, которые могли претендовать на место среди реставраторов классического образования. Не пренебрегали они и развитием точных наук. В Кельне Франц Костер читал лекции по астрономии в приятной и поучительной манере. Но их главной целью по-прежнему была теологическая дисциплина, как легко понять. Иезуиты читали лекции с величайшим усердием даже во время каникул, возрождая практику диспутов, без которых они объявляли всякое обучение мертвым. Эти диспуты, которые они вели публично, велись с достоинством и пристойностью, были богаты содержанием и в целом самыми блестящими из всех, которые когда-либо были засвидетельствованы. В Ингольштадте они вскоре убедили себя, что их прогресс в теологии таков, что позволит университету успешно конкурировать с любым другим университетом Германии. Ингольштадт теперь приобрел среди католиков влияние, подобное тому, которым обладали среди протестантов Виттемберг и Женева. Затем они основали школы для бедных — организовали адаптированные к детям формы обучения - и ввели практику катехизации. Канисий подготовил свой катехизис, который удовлетворил потребности учащихся благодаря хорошо сформулированным вопросам и уместным ответам.

Это наставление было дано полностью в духе той причудливой набожности, которая характеризовала иезуитов с самого начала их основания. Первым настоятелем в Вене был испанец по имени Хуан Виктория, человек, который ознаменовал свое вступление в Общество

тем, что во время карнавала шел по Римскому Корсо, одетый во вретисце, и бичевал себя на ходу, пока кровь не потекла из него во все стороны. Дети, получившие образование в венских иезуитских школах, вскоре отличились своим упорным отказом от такой пищи, которая была запрещена в дни поста, в то время как их родители ели без стеснения. В Кельне носить четки снова стало честью. Реликвии снова стали предметом общественного почитания в Трире, где в течение многих лет никто не осмеливался их выставлять. В 1560 году ингольштадтская молодежь, принадлежащая к иезуитской школе, отправилась по двое в паломничество в Гихштадт, чтобы подкрепиться перед конфирмацией "росой, упавшей с могилы святой Вальпургии". Образ мыслей и чувств, таким образом привитый в школах, распространялся посредством проповеди и исповеди среди всего населения". [192]

Мы добавим ко всему этому, что их наставления были безвозмездными и что ученики делали такие быстрые успехи, что за шесть месяцев в иезуитской школе они узнали больше, чем за два года где-либо еще. Многие были протестантами, которые посылали своих детей в иезуитские колледжи: и эти дети были любезно приняты учителями, к ним относились с большой снисходительностью, и им щедро предоставлялись премии, даже в ущерб детям римско-католиков. Таким образом, иезуиты приобрели огромное влияние, особенно на женскую часть населения, которая гордилась ученостью своих детей; в то время как они незаметно переняли доктрины и образ мышления своих учителей, хотя в странах, где большинство составляли протестанты, им было категорически запрещено открыто их пропагандировать. И все же, несмотря на все эти преимущества, иезуиты не могли бы надеяться на такой потрясающий успех, если бы не поддержка, которую они получили от различных государей страны. Возможно, правильнее было бы сказать, что эти монархи призвали иезуитов для восстановления древней религии.

В начале Реформации даже те немецкие князья, которые не приняли безоговорочно новые доктрины, были чрезвычайно рады сбросить иго Римского престола; и, не отделяя себя от его сообщества, они пошли на многие уступки своим подданным, которые во многих местах приравнивались к терпимости. Впоследствии, однако, папы дали им понять, что из-за этих уступок их суверенная власть значительно уменьшилась и что светские князья и глава Церкви были связаны общими интересами поддерживать друг друга. Князей было легко склонить к политике, которая льстила их склонности к деспотизму, и с этого момента они не только сопротивлялись каждому новому требованию реформ, но и, используя все свои силы, отказывались от ранее сделанных уступок. Первым, кто вступил на этот реакционный путь, был Альберт V Баварский. Поскольку он постоянно испытывал нехватку денег для уплаты своих огромных долгов, поместья не предоставляли ему никаких поставок, не получая взамен некоторых уступок, в основном религиозного характера. При таком положении вещей Пий IV через посредство иезуитов, и особенно Канизия, убедил его, что любые новые уступки уменьшат послушание его подданных; и, чтобы сделать его менее зависимым от поместий, папа оставил ему десятую часть имущества своего духовенства. [193] Герцог, понимая, какую выгоду он мог бы извлечь из более тесного союза с Римским двором, сразу же решил воспротивиться любым дальнейшим требованиям и твердо заявил о своих намерениях на сейме 1563 года. Он обнаружил, что прелаты благосклонно поддержали его; "и то ли потому, что доктрины возрождающегося католицизма и деятельность иезуитов, которые проникли повсюду, приобрели влияние в городах, то ли потому, что возобладали другие соображения, города не настаивали, как раньше, на религиозных уступках". [194] Дворяне лишь продолжали оказывать сопротивление; но герцог, воспользовавшись возможностью своего рода заговора, который он

раскрыл, лишил их права на места в сейме и таким образом стал почти абсолютным и бесконтрольным хозяином привилегий своего народа. Затем началась реакция. Ободренный иезуитами, которые теперь приобрели на него неограниченное влияние, Альберт решил не оставлять и следа от тех новых доктрин, которые в течение последних сорока лет так быстро распространялись в его королевстве. Все профессора, вся его семья, все гражданские чиновники — одним словом, все общественные деятели — были вынуждены подписаться под "*Professio Fidei*" Тридентского собора и, получив отказ, были немедленно уволены. Чтобы добиться от простого народа отречения, он разослал по всем своим провинциям толпы иезуитов в сопровождении отрядов солдат, чьи штыки приходили на помощь проповедникам, когда их красноречие не помогало обратить еретиков. Самое мягкое обращение, на которое могли рассчитывать упрямые протестанты, - это немедленное изгнание из поместий герцога. Запрещенные книги разыскивались в библиотеках и сжигались в большом количестве; книги строго католического характера, напротив, пользовались большим спросом. Реликвии снова пользовались большим почитанием; и, короче говоря, по всей стране были возрождены все древние обычаи, все абсурдные суеверия папистской религии. "Прежде всего, - говорит Ранке, - поощрялись иезуитские институты; ибо с их помощью молодежь Баварии должна была получать образование в духе строгой ортодоксии". [195]

О герцоге Альберте теперь говорили как о самом фанатичном католике в Германии, и он стал защитником всех тех мелких монархов, которые хотели пойти по его стопам.

В Австрии, хотя реакция началась давно, к принудительным мерам против протестантов прибегли несколько позже. Как мы уже говорили, Фердинанд пригласил иезуитов в Вену и передал им университет еще в 1551 году. Вскоре после этого он основал еще один иезуитский колледж в Праге, в который посылал своих собственных пажей и к которому обращалась вся знать, принадлежащая к римской общине. Колледжи и менее значимые школы были созданы во всех австрийских владениях, и были приложены огромные усилия, чтобы вернуть протестантов к римской вере. Тем не менее, при благоразумном и миролюбивом Фердинанде I и во время правления мудрого Максимилиана иезуиты не смогли добиться каких-либо серьезных мер преследования последователей реформированной религии, но добились большего успеха при Рудольфе II. Отец Маджио, провинциал ордена иезуитов, пользовался большим уважением императора и консультировался с ним по каждому важному вопросу. Он постоянно настаивал на том, чтобы монарх принял решение полностью искоренить ересь в своих владениях. Папский легат и испанский посол поддерживали его в этом нетерпимом требовании. Этот фанатичный князь, наконец, под предлогом народных волнений, имевших место по случаю процессии *Corpus Domini* в 1578 году, изгнал из своих владений протестантского проповедника Опица и всех его помощников; и эта мера послужила сигналом к всеобщему преследованию лютеран. Величайшее зверство и предельная суровость были проявлены при уничтожении всех следов протестантизма.

Во-первых, было решено искоренить протестантизм из имперских городов. Города к востоку от Энса, отделившиеся от поместий рыцарей и знати двадцать лет назад, не могли оказать сопротивления; реформатское духовенство было изгнано, а их места заняли католические священники; частные лица подверглись тщательному досмотру. В наше распоряжение попала формула, в соответствии с которой подозреваемые были допрошены. 'Веришь ли ты, - вопрошает одна из его статей, - что истинно все, что Римская церковь установила в качестве правила жизни и доктрины?' 'Веришь ли ты, - добавляет другой, - что Папа является главой

единой Апостольской Церкви?’ Сомнений быть не могло. Протестанты должны были быть изгнаны со всех государственных должностей; никто не был допущен к классу бюргеров, которые не объявляли себя католиками. В университетах, не исключая Венский, все, кто подавал заявление на получение степени доктора, сначала должны были подписаться на *Professio Fidei*. Были обнародованы новые правила для школ, которые предписывали католические формулы, посты, богослужения в соответствии с католическим ритуалом и исключительное использование Катехизиса Канисия. В Вене все протестантские книги были изъяты из лавок книготорговцев и грудami отнесены ко двору епископата. На таможах вдоль реки был произведен обыск; все посылки были осмотрены, а книги или картины, которые не считались чисто католическими, конфискованы. [196]

По всей Германии были применены те же процедуры, и везде мы находим иезуитов первыми в реакции. Не было ни одного епископа, ни одного принца, который, отправляясь с визитом в провинцию по религиозным делам, не приводил бы с собой отряд иезуитов, которые после его отъезда часто оставались там с почти неограниченными полномочиями.

Польша.

Если из Германии мы перейдем в Польшу, то и там столкнемся со зловещим влиянием учеников Лойолы. “Протестантское дело, - говорит граф Красинский в четвертой из своих замечательных лекций о *Славонии*, - оказалось под угрозой из-за прискорбного пристрастия, которое Стефан Баторий проявлял к иезуитам; и романистской реакции, начавшейся при его правлении, в основном способствовали школы, которые этот орден повсюду учреждал”. Стефан, однако, либо был слишком благоразумен, чтобы открыто нападать на религию, которую тогда исповедовало, по крайней мере в Литве, подавляющее большинство его подданных, либо стремился сохранить в определенной степени религиозную свободу, поэтому не прибегал к экстраординарным мерам для усиления этой реакции и удовлетворился приказом, чтобы в будущем епископами назначались только строгие римские католики. Но при фанатичном Сигизмунде - при том короле, который, как говорит тот же ученый граф, “гордился титулом короля иезуитов, данным ему их противниками, и который действительно стал простым орудием в руках учеников Лойолы”, — реакция достигла устрашающего и продолжительного развития. Хотя Сигизмунд ничего не мог предпринять против свобод своих протестантских подданных основной силой, в его власти было нанести, и он, наконец, нанес смертельный удар реформатской религии. Главной прерогативой польских королей — возможно, мы должны были бы сказать, единственной реальной властью, которой обладали эти номинальные монархи, — было право присваивать все звания и официальные назначения. В их распоряжении было двадцать тысяч должностей, и Сигизмунд объявил, что никто, кроме строгих римских католиков, не должен назначаться на них. Благосклонность иезуитов была важным условием получения статуса при правительстве; и “староста Людвиг фон Монтагер стал воеводой Помереллии, потому что он подарил свой дом в Торне Обществу Иисуса”. [197] Многие дворяне, исповедовавшие доктрины Реформации, были вынуждены отречься, поскольку зависели исключительно от милости короля в поддержании своего ранга и не имели надежды на повышение, находясь вне рамок Римской церкви. Влияние этих примеров, подкрепленное строгими мерами, впоследствии принятыми против лютеран, и, прежде всего, дьявольской хитростью и изощренностью иезуитов, за короткое время вернуло подавляющее большинство польской нации под иго Римской церкви.

Швеция.

В Швеции усилия иезуитов против протестантизма, хотя и не менее активные, были менее успешными. Иоанн III, сын героического Густава Вазы, вступив на престол, опубликовал ритуал, в котором, к великому изумлению и смятению протестантов, были обнаружены не только церемонии, но даже доктрины Римской церкви. [198] Папа, осведомленный о добром расположении этого принца к своей Церкви, со всей поспешностью и секретностью отправил в Стокгольм в качестве своего легата знаменитого Поссевина, одного из самых умных и наименее щепетильных среди иезуитов. Чтобы избежать трудностей с получением допуска в страну и при шведском дворе в качестве папского легата, Поссевин, проезжая через Прагу, убедил вдову императора Максимилиана направить его в Стокгольм в качестве своего чрезвычайного посла. Вследствие этого он взял себе другое имя, великолепный костюм и опоясался мечом, но, “чтобы заранее покаяться в этих мимолетных почестях, большую часть пути прошел пешком”. [199] Публично действуя в качестве посланника императрицы, он нашел способ тайно сообщить королю свое настоящее имя и миссию и провел с ним несколько совещаний. Результатом было то, что Иоанна убедили стать *Professio Fidei* в соответствии с формулой Тридентского собора, пообещав в то же время принять меры и приложить все свои усилия, чтобы побудить нацию следовать тем же путем, при условии, что папа поддержит его, пойдя на определенные уступки, наиболее существенными из которых были то, что чаша для причастия должна подаваться мирянам, а месса совершаться на языке страны. Поссевин сказал, что папа должен быть проинформирован о воле его величества, и спросил его, подчинится ли он его решению в этом вопросе. Иоанн ответил утвердительно, получил отпущение грехов и причастился в соответствии с римско-католическим ритуалом. [200]

Иезуит удалился в восторге от своего успеха, намного превзошедшего его самые радужные надежды. Он поспешил в Рим и, получив привилегию, которой пользовались послы, хвастался, что добился большего, чем на самом деле, заверяя Григория XIII. что Швеция и ее король находятся во власти его Святейшества. Затем он изложил папе условия, на которых настаивал Иоанн, но Григорий, либо слишком нетерпимый, чтобы идти на какие-либо уступки, либо считающий ненужным предоставлять почетные условия врагу, который бросился к его ногам, отказался слушать такие предложения и отправил иезуита обратно в Стокгольм с письмами к королю, в которых требовал от монарха безоговорочного признания себя католиком.

Это властное поведение спасло Швецию от возвращения под власть папы римского. Иоанн, возмущенный тем, что к нему отнеслись столь легкомысленно, возмущенный заверениями Поссевина, который бесцеремонно вошел в Стокгольм и двор в одежде своего ордена в качестве папского легата и в сопровождении других иезуитов, будто Швеция уже стала римско—католической страной, тронутый протестантскими князьями и священнослужителями, которые в промежутке между отъездом и возвращением Поссевина умоляли его остаться в их общине, отпустил папского посла и вернулся к реформатскому богослужению.

Попытки иезуитов обратить Швецию в римскую веру возродились с новой силой при преемнике Иоанна, польском короле Сигизмунде. К счастью, Карл Сандерманский, дядя короля, возглавил нацию в ее сопротивлении папистским наклонностям Сигизмунда; и хотя иезуиты имели печальную славу ввергнуть Польшу и Швецию в кровопролитную войну, последняя упомянутая страна оставалась протестантской.

ШВЕЙЦАРИЯ И ПЬЕМОНТ.

Иезуиты столкнулись с некоторыми трудностями при въезде в Швейцарию, и в некоторых ее частях они не могли закрепиться; но ближе к 1574 году они обосновались во Фрибурге и Люцерне. Им удалось удержать эти два города от Бернского союза и рассеять пламя религиозной розни между этими кантонами, которое не погасло даже кровью, пролитой по наущению иезуитов в 1845-47 годах. Знаменитый Канисий был главным пропагандистом и основателем Фрибургского колледжа, до недавнего времени служившего пристанищем для множества молодых людей из знатных семей, присланных туда для получения образования из разных частей Европы.

Жестокости, применяемые Поссевином к жителям Альп, были самыми варварскими и отвратительными. Многие христиане, изгнанные из других стран папскими гонениями, искали убежища в этих почти неприступных горах, где вальденсы все еще сохраняли религию Христа в ее первозданной чистоте. В простоте своих сердец они надеялись, что там, вдали от места конфликта, им будет позволено поклоняться Богу в соответствии со своей совестью. Они не были опасными личностями — они не были главарями сект, стремящихся обратить в свою веру, — они были целеустремленными людьми, стремящимися угодить Богу, живя чистой и христианской жизнью. Можно было бы ожидать, что их бедность, их невинность, их мирное поведение защитили бы их от любых преследований; и действительно, какое-то время они жили безмятежно. К несчастью для них, иезуиты наблюдали за ними и, побуждаемые тем духом преследования, который заставлял их повсюду искать жертвы, были полны решимости беспокоить их в их убежище и, если возможно, уничтожить. Лайнез в 1560 году отправил Поссевина в Ниццу, к Эммануэлю Филеберу, герцогу Савойскому, чтобы побудить его преследовать этих еретиков-горцев. Иезуит объяснил герцогу, что католический правитель не должен, даже если этого требуют его личные интересы, мириться с тем, что ересь утвердилась в его владениях, и что горы Пьемонта и Альпы, в частности, служили убежищем сектантам Лютера и Кальвина. [201] Поссевину удалось склонить герцога к своим отвратительным взглядам. Феррье, губернатор Пиньероля, начал погоню за этими безобидными людьми, которых преследовали от одного убежища к другому, а когда они были схвачены, то были безжалостно и бесчеловечно преданы огню. Доведенные до отчаяния, они взяли за оружие, решив отныне продать свои жизни как можно дороже. Против них был направлен отряд войск. Генерал, сьер де ла Трините, предоставил их в распоряжение Поссевена, а папский нунций наделил его полномочиями, на которые он претендовал. [202] Иезуит, забыв о своем священническом призвании, подавив всякое чувство человечности, встал во главе отборного отряда войск и охотился на этих бедных христиан, как на диких зверей, предавая мечу каждого, кто попадался ему в руки. Затем, когда он устал от работы резни, чтобы обеспечить себе своего рода триумф, он привел в Верчелли в торжественной процессии тридцать четыре несчастных, которые, не имея ни веры, ни сил предпочесть мученичество вероотступничеству, публично отреклись от своей религии в присутствии герцога и иезуита. [203] С того дня и до самого недавнего времени савойский дом более или менее преследовал Вальденсов.

Мы предполагаем, что наши протестантские читатели к этому времени уже узнали, какими злобными и безжалостными врагами их религии всегда были иезуиты. Они, должно быть, узнали, что весь север Европы и, возможно, сама Франция стали бы протестантскими странами, если бы не демоническое искусство и неумелая деятельность учеников Лойолы. Они должны, далее, осознавать, что иезуиты не достигли этих результатов только честными средствами,

силой аргументации или активными и искренними усилиями, которые, по крайней мере, дали бы им право на одобрение и уважение всех римских католиков, но они прибегли к лжесвидетельству, убийствам, преследованиям, жестокостям любого рода - короче говоря, к средствам, включающим извращение всех принципов морали, за что их в конце концов возненавидел каждый честный человек, даже их собственного убеждения. Наконец, из того, что мы рассказали, ясно следует, что, делая вид, что сражаются за Римский престол, иезуиты на самом деле боролись за собственное возвышение; что они не признают никакой религии, кроме своих интересов; поклоняются не Богу, а своему ордену. Наконец, мы должны напомнить нашим читателям, что мы опустили бесчисленное множество других обвинений, которые обычно выдвигаются против них, которые мы считаем вполне обоснованными, но которые мы не можем удовлетворительно доказать. Все, чего мы достигли, мы доказали, согласно нашему обещанию, документами неоспоримой подлинности, и мы будем продолжать соблюдать это правило до конца нашей истории.

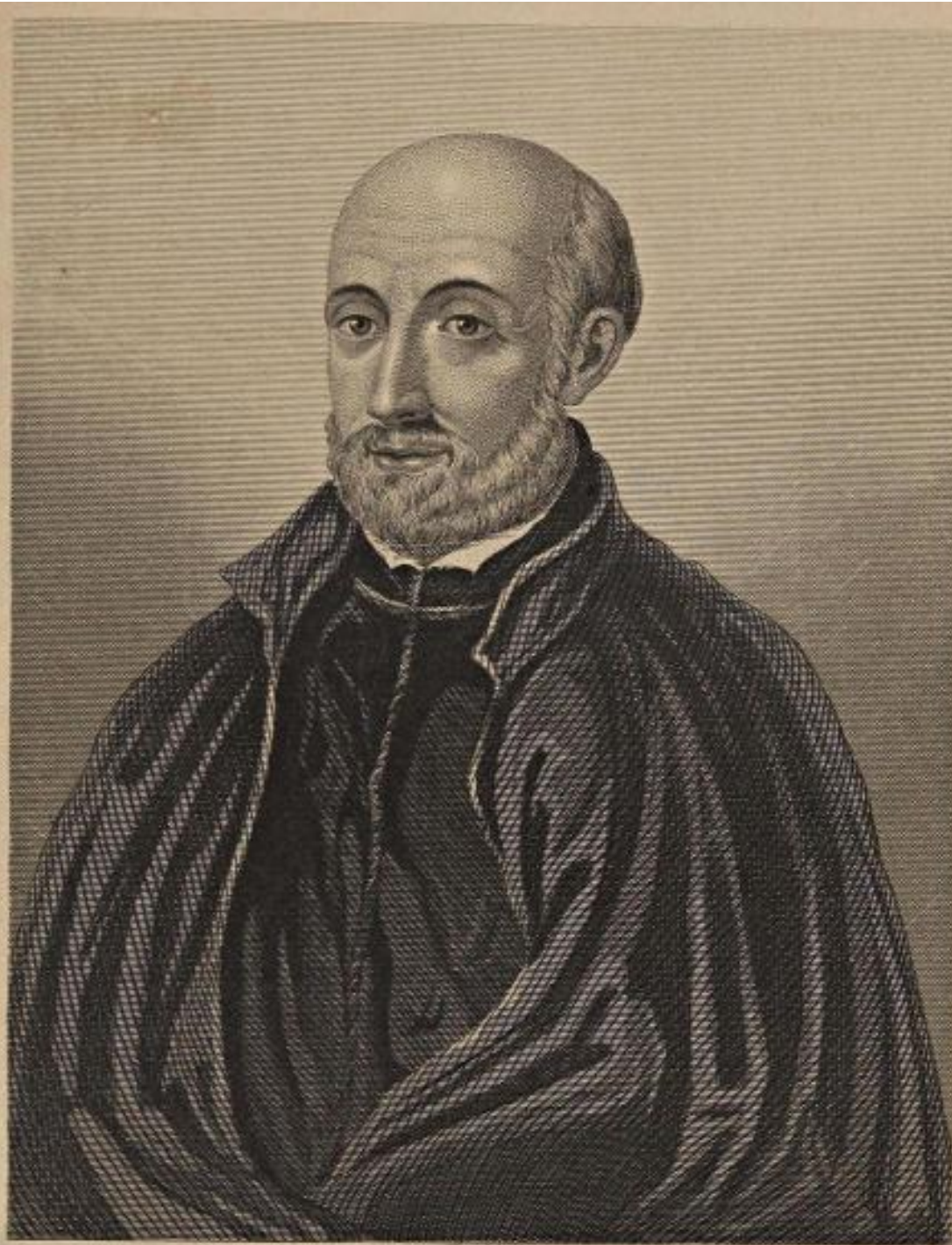
ГЛАВА X. 1581-1608гг. ВОЛНЕНИЯ СРЕДИ ИЕЗУИТОВ.

Рассказывая о деятельности иезуитов в различных странах Европы, мы не упомянули Испанию; во-первых, потому, что, хотя они и прочно обосновались в этой стране, при абсолютисте Филиппе II они не оказывали никакого влияния на ее общую политику; и, во-вторых, потому, что у нас было время поговорить об их действиях в этой стране в настоящей главе.

В Испании у иезуитов не было еретиков, с которыми можно было бы бороться, — не было рвення или фанатизма, которые можно было бы возбуждать. Если время от времени какой-нибудь обращенный в христианство еврей или мавр возвращался к своей прежней вере, инквизиция слишком ревниво относилась к своей привилегии поджаривать проклятых Богом на торжественном *аутодафе*, чтобы позволить иезуитам вмешиваться в священную церемонию. Не имея, таким образом, внешнего врага, с которым можно было бы бороться, они, как это обычно бывает, поссорились между собой и воевали друг с другом.

Поскольку так называемое Общество Иисуса было в основном основано испанцами, испанские иезуиты делали вид, что всеми почестями и достоинствами орден обязан исключительно им. Первый удар по этим претензиям был нанесен, когда благодаря вмешательству папы был выбран генерал, который не был кастильцем. Однако, поскольку Меркуриан, избранный человек, был стар и слаб, они без особого нежелания подчинились власти, которой не боялись. Но когда пятая Генеральная конгрегация выбрала генералом неаполитанского дворянина, молодого, активного и предприимчивого, они подняли открытый бунт. Этим генералом, избранным в 1581 году, был Клод Аквавива, сын герцога Атри, которому на момент избрания было всего тридцать семь лет. Аквавива был и остался *идеалом* иезуитизма. Он вырос при Римском дворе, где был камергером, и где приобрел доскональное знание людей и всех политических интриг, в которых римская курия в ту эпоху превосходила все остальные дворы Европы. Он был хитрым, вкрадчивым, настойчивым. Он никогда не отдавал точных приказов, но

никогда не позволял пренебрегать его увещеваниями. Мягкий на вид и известный приятными манерами, он был наделен негибким бесстрашием характера. Он говорил редко, никогда не высказывал определенного мнения и при любых обстоятельствах сохранял безмятежное поведение. Его семья издревле была привязана к французской партии, и он придерживался той же линии политики. Как мы видели, он не одобрял Лигу и проявлял другие признаки своей приверженности интересам Франции, не связывая себя, однако, открыто обязательствами с другой стороной. Таким был Аквавива.

H. Schell

Claude Aquinova

Клод Аквавива.

Хинчлифф.

При известии об избрании Аквавивы старые испанские иезуиты, разгневанные в высшей степени, сначала разразились громкими жалобами, затем отказались подчиняться его приказам, наконец открыто взбунтовались и потребовали, чтобы члены ордена, проживающие в Испании, управлялись генеральным комиссаром, независимым от Рима. Филипп, чтобы бросить упрек Аквавиве, которого он ненавидел из-за его пристрастия к французскому королю, встал на сторону недовольных. Генерал встретил бурю наилучшим образом, на который был способен. Во-первых, он ухитрился обещаниями продвижения по службе и почестей удержать в своих интересах некоторых менее скомпрометированных среди бунтовщиков; во-вторых, он послал на полуостров новых провинциалов и начальников, большинство из которых были неаполитанцами, молодыми (класс иезуитов, которые боготворили его) и твердо привязанными к своему состоянию, со строгими предписаниями добиваться повиновения его приказам. Некоторые иезуиты, в надежде добиться повышения, подчинились; большинство отказалось от повиновения и обратилось к инквизиции и королю. Филипп приказал епископу Карфагена подвергнуть орден посещению, и инквизиция арестовала провинциала Марчения и еще двух или трех членов партии Аквавивы; последний был обвинен другой стороной в том, что он отпустил членам их ордена определенные грехи, которые могла отпустить только инквизиция; и эти грехи, по словам Саккини, состояли в попытке подкупить честность их кающихся. Это был довольно серьезный вопрос, который угрожал Обществу самим фактом его существования. Тем не менее, Аквавива не был потрясен. Он не потерял самообладания и не излил свой гнев в угрозах. Против таких врагов у него был только один щит — папа римский. Сикст V занял кафедру святого Петра; он не питал доброжелательности к ордену, но до крайней степени ревновал к своему собственному авторитету и желал, чтобы уважали и авторитет других. Аквавива убедил Сикста, или, правильнее сказать, намекнул ему, что удар был нанесен не столько по нему, полководцу, сколько по верховенству Рима; в то же время умело дал ему понять, что епископ Карфагенский был незаконнорожденным, порок, который, как он знал, папа ненавидел больше всего на свете. Сикст немедленно вспомнил о согласии, которое он дал на посещение, и приказал инквизиции освободить арестованных иезуитов и передать все дело в Рим. Когда ему сообщили, что святой трибунал отказался подчиняться его приказам, Сикст пришел в ярость и приказал написать письмо кардиналу Кироге, великому инквизитору, к которому он добавил своим собственным почерком: “И если ты не подчинишься, я, папа, немедленно отстраню тебя от должности инквизитора и сорву с твоей головы кардинальскую шапку”. Эти решительные формулировки произвели желаемый эффект. Приказы Сикста выполнялись, и Аквавива, находясь в тени авторитета папы, непоколебимо оставался на своем высоком посту при жизни Сикста.

Но буря, которая была лишь на мгновение подавлена, после смерти Сикста разразилась снова, с еще большей силой. В 1592 году, когда генерал отсутствовал в Риме, Филипп, который так и не простил Аквавиве его пристрастия к интересам Франции, направил Папе петицию от всех испанских иезуитов, молясь о создании общей конгрегации ордена; в то же время он сам настоятельно рекомендовал эту меру. Климент VIII, правящий папа, удовлетворил их просьбу, и прежде чем даже генерал успел узнать о маневрах своих врагов, папа отдал приказ о собрании конгрегации. Аквавива, удовлетворенный тем, что мера теперь бесповоротна, подчинился ей со всей возможной благосклонностью и, приложив все усилия, чтобы выборы не оказались для

него слишком неблагоприятными, в тот момент, когда собрание открылось, он, не дожидаясь обвинений, потребовал, чтобы его поведение было рассмотрено и оценено. Была немедленно назначена комиссия для рассмотрения любых обвинений или жалоб, которые могли быть выдвинуты против генерала. Но Аквавива был слишком благоразумен, чтобы нарушить какое-либо существенное правило или предоставить своим врагам право постоянно подвергать сомнению его личное поведение; так что, поскольку никакое обвинение против него не могло быть обосновано, он был торжественно оправдан. Филипп, однако, настоял на том, чтобы власть генерала была несколько ограничена, и, хотя конгрегация отказалась подчиниться воле короля, папа, в полноте своей апостольской власти, постановил, что настоятели и ректоры должны сменяться каждые три года и что по истечении каждого шестого года должна собираться генеральная конгрегация. Аквавива проявил большую готовность согласиться с указами папы, но другими постановлениями он сделал их почти недействительными; и поскольку теперь выросло новое поколение иезуитов, полностью преданных его интересам, все вопросы, рассматриваемые как провинциальными, так и общими конгрегациями, решались в соответствии с его пожеланиями. В своем письме о счастливом росте Общества Аквавива предписал новые правила, призванные сделать начальников более уважаемыми их подчиненными и более покорными генералу. Второе письмо, *ratio studiorum*, содержащее полный кодекс школьного законодательства, имело еще большее значение и привело к более важным результатам. Поскольку образование молодежи было одной из главных и непосредственных причин огромной власти и влияния иезуитов, мы считаем своим долгом посвятить этому важному вопросу несколько страниц.

Если бы иезуиты посвятили себя работе образования ради единственной и благородной цели распространения знаний и интеллектуальной культуры среди людей, никакая похвала не была бы адекватна их достойным усилиям и неустанной деятельности. Однако это было не совсем так. Орден — этот идол, которого иезуит должен постоянно иметь перед глазами, — был в этом, как и во всяком другом предприятии, великой целью, которой были посвящены их труды; и ради его чести и выгоды они без колебаний жертвовали, при необходимости, всеми другими соображениями. Тем не менее, с литературной точки зрения, мы не откажем им в панегирике.

"Обучение мальчиков и невежественных людей христианству" было одной из целей, которых они намеревались достичь и ради которых Лойола попросил Павла III. утвердить его приказ. Примеру Иоанна III. Португальца и герцога Кандийского, который первым воздвиг колледжи для отцов церкви, многие охотно подражали. Их колледжи быстро разрастались и вскоре распространились по всему миру, так что в эпоху упразднения ордена их насчитывалось не меньше 669. Мы уже видели (стр. 40, 41), какими соблазнами иезуиты побуждали богатых людей оставлять свое имущество иезуитским учреждениям. Они были двух видов - семинарии и колледжи, члены последних подразделялись на гимназии и студентов-преподавателей. При каждом колледже существовал пансион, куда родители были счастливы отправить своих детей как в надежное убежище от бурь страсти и от опасного общества развратных товарищей. В их семинариях обучались Ученые — те члены ордена, которые, как считалось, обладали такими талантами, которые позволяли им впоследствии занимать должность профессора. Но самым многочисленным классом и, возможно, самым полезным для их целей был класс дневных ученых. Хорошо известно, что все лица, какого бы ранга они ни были, принимаются в иезуитские школы и получают одни и те же инструкции. Во время школьных занятий сын принца, который воспитывается в их пансионах, спускается и садится на одну скамью с сыном сапожника. И это мы считаем замечательным и в высшей степени поучительным планом.

Единственное обязательство, налагаемое на дневных учеников, заключается в том, что они должны назвать свои имена и пообещать соблюдать правила колледжа, которые везде одинаковы и которые обязывают ученика каждый день посещать мессу и раз в месяц посещать исповедальню. В прежние времена иезуиты осуществляли еще более тщательный надзор за этим классом. Они посещали их в неурочное время в их жилищах, следили за их различными передвижениями, и если их признавали виновными в каком-либо проступке, им объявляли выговор, а их ошибки превращали в препятствие для продвижения к академическим почестям. Однако стоит отметить, что Лойола, дальновидный Лойола, предвидевший, что обязанность следовать правилам колледжа удержит протестантов от направления в него своих детей, и желавший прежде всего заполучить этих детей и попробовать, что иезуиты могли сделать, чтобы обратить их в свою веру, позаботился о том, чтобы оставить лазейку для их поступления. К третьему параграфу тринадцатой главы четвертой части Конституции, в котором предписывается, что дневные ученики обязаны соблюдать правила колледжа, он добавил следующее примечание: “Если кто-либо из тех, кто приходит в наши школы, не обязуется соблюдать правила и не называет своего имени, ему не следует по этой причине препятствовать посещать занятия, при условии, что он ведет себя пристойно и не создает проблем или скандала. Сообщите им об этом, добавив, однако, что они не получают особой заботы, которая оказывается тем, чьи имена занесены в реестр университета или класса и кто обязуется следовать его правилам”. [204] Это характерный образец иезуитской политики. Категорически отказываясь принимать детей протестантов, они не добились бы никакого результата; но, принимая их на таких условиях, они получают возможность влиять на их юные умы и косвенно склонять их к своей цели. С одной стороны, такие ученики не могут не впитывать в ходе обычного обучения принципы и дух своих учителей; а с другой, их гордость ущемляется из-за того, что их никогда не рассматривали и не упоминали на тех публичных выставках, которые составляют столь важную часть иезуитской системы образования. Эта хитроумная политика слишком часто оказывается успешной. Часто родители, завидующие известности своих детей и стремящиеся видеть их окруженными той нежной и дружеской заботой, которой иезуиты безжалостно одаривают постоянных учеников, склоняются к согласию, что они должны следовать правилам колледжа, посещать мессу и исповедь и даже менять свою собственную веру, чтобы лучше обеспечить им эти желанные преимущества: и если случается, что опекуном остается только мать, обычно случается, что и мать, и сын становятся католиками.

В иезуитских школах царил величайший порядок. Магистры-иезуиты были людьми вежливыми и приятных манер, в целом *приятной наружности*, с веселым и улыбающимся лицом. С подкупающей приветливостью они снизошли до уровня своих учеников и приспособили свой язык и манеры к способностям и склонностям *класса людей*, с которыми им приходилось иметь дело. Родители, которые были очень довольны безупречными манерами и высокими достижениями своих детей, повсюду расточали похвалы своим добрым наставникам и платили за их безвозмездные наставления иногда крупными пожертвованиями, но всегда неизменным уважением и преданностью. Неоспоримым фактом является то, что даже протестанты и философы, получившие образование в этих семинариях и впоследствии ставшие наиболее враждебными к иезуитам как религиозной общине, продолжали хранить благодарные воспоминания о своих учителях-иезуитах. Сам Вольтер посвятил свою трагедию “*Меропа*” своему дорогому учителю отцу Поре; и разные принцы, воспитанные иезуитами, никогда не теряли, находясь на троне, той привязанности и почитания, которые они питали к своим добрым

наставникам в возрасте, когда щедрые умы наиболее восприимчивы к благородным и великодушным впечатлениям.

И это было еще не все. Другое прочное звено, религиозное, было добавлено к цепи симпатий, которыми они привязывали своих учеников к ордену, и обеспечило себе в различных нациях Европы всемогущее и непреодолимое влияние. В 1569 году иезуит Леон, учитель, задумал собрать в перерыве между занятиями таких мальчиков, которые были готовы петь дифирамбы Пресвятой Деве и совершать определенные внешние акты благочестия, внося в то же время ежемесячно небольшие суммы денег, часть которых шла на благотворительные цели, причем заслуга этого действия всегда приписывалась не жертвователям, а иезуитам. Эти собрания приняли форму ассоциаций и разрастались так быстро, что пятнадцать лет спустя, в 1584 году, Григорий XIII. возвел их в первичные конгрегации под названием *Конгрегации Святой Девы*. “Эти конгрегации, верховным руководителем которых был генерал ордена, вскоре вырвались из стен колледжей вместе с теми молодыми людьми, которые покинули их, чтобы сделать карьеру, и которые пожелали оставаться в общении молитв и воспоминаний со своими учителями и коллегами-учеными. Они стали звеном связи и дружбы; они распространились в Европе и Индии; они объединили в одну ассоциацию восток и запад, население севера и юга. У них были общие уставы, правила, молитвы и обязанности. Это было многочисленное братство, простиравшееся от Парижа до Гоа и спускавшееся от Рима до самой незначительной деревушки. Конгрегации Авиньона, Антверпена, Праги, Фрибурга были самыми знаменитыми. Там были конгрегации, состоящие из священнослужителей, военных, магистратов, дворян, горожан, купцов, ремесленников, слуг, и все они были заняты хорошими и достойными внимания делами”. [205] За исключением последнего предложения, это описание абсолютно соответствует действительности. Во главе каждой общины стоял иезуит. В назначенное время прихожане собирались вместе, чтобы повторить служение Пресвятой Девы и выслушать любое наставление или совет, который иезуит сочтет нужным дать. Его влияние было большим или меньшим, в зависимости от качества людей, составляющих собрание. Над бедными и невежественными он имел почти абсолютный контроль, и что бы он ни приказывал, они беспрекословно подчинялись. Хотя он и не осуществлял такого абсолютного контроля над представителями высших классов, он все же обладал большим влиянием на них и имел свободный доступ в их семьи, где он более неторопливо практиковался в тех искусствах, с помощью которых иезуитам очень редко удается достичь своих целей. Человек поражается, когда думает о том, какую огромную власть, должно быть, эти собрания давали обществу в целом. Его приказы, его проклятия или похвалы книге, человеку или измерению повторялись в том же тоне по всему миру десятками тысяч людей, которые считали грехом не верить его слову или не повиноваться его приказам. Неудивительно поэтому, что сам Римский двор был вынужден подчиниться господству иезуитов и что упразднение ордена было с трудом осуществлено объединенными усилиями почти всех государей Европы.

После того, как орден был распущен, а также во время политических потрясений и нестабильного положения в Европе, конгрегации, хотя и поддерживались тайно каким-нибудь переодетым лигуристом или иезуитом, посещались скудно и потеряли всякое свое значение. Но после реставрации папы Римского и Бурбонов миссионеры всех мастей наводнили всю Италию, Испанию и часть Франции и, помимо других религиозных подвигов, восстановили конгрегации Пресвятой Богородицы. Общины как мужчин, так и женщин сейчас очень многочисленны, хотя они, возможно, хотят того единства цели и направления, которое в прежние времена делало их столь опасномогущественными. Их деноминации бесчисленны; конгрегации Розария,

конгрегации Успения Пресвятой Богородицы, конгрегации Крови Иисуса (del Sangue di Gesù). В тех местах, где нет иезуитов, ими руководит доверенное лицо, какая-нибудь другая религиозная община, например лигуористы, лазаристы, пассионисты или тому подобная праздная и коррумпированная команда, назначенная на эту должность. В церковных делах члены этих конгрегаций имеют, так сказать, привилегии перед остальными гражданами. Они идут впереди всех на шествиях и других выставках; они носят отличительный значок; они имеют право на большее количество дней индульгенции и так далее. Помимо всего этого, что удовлетворяет чувство преданности и льстит тщеславию, особенно простых людей в маленьких городах, каждый отдельный прихожанин может рассчитывать на защиту и косвенную помощь отца-директора.

Воспитанники иезуитского колледжа ведут почти такой же образ жизни, что и ученые (второй класс иезуитов), который, однако, не совсем соответствует образу жизни других классов; Лойола освободил их от некоторых внешних практик, актов благочестия и умерщвления плоти, чтобы у них было больше времени для учебы. [206] Пансионеров размещают в больших комнатах, называемых по-итальянски *Camerate*, по-французски *Chambres*, каждая из которых вмещает от пятнадцати до двадцати человек, находящихся под надзором *префекта* и *вице-префекта*. В шесть утра колокол подает сигнал к подъему. Префект немедленно читает несколько молитв, которые повторяют несколько молодых людей, которые спят меньше остальных. Полчаса отводится на одевание; час проводится в часовне, где слушают мессу и поют хвалу Пресвятой Деве и святому Игнатию. Затем следует учеба, а после завтрака, на который отводится полчаса, они спускаются в общую классную комнату, где общаются с воспитанниками, с которыми, однако, у них нет возможности побеседовать тайком. Двум ученикам, причем каждый день разным, префект тайно поручает дать отчет о поведении всех остальных, и они наказываются, если не точны в своих доносах. В двенадцать они садятся за обедню, во время которой с кафедры, установленной в трапезной, читаются аскетические книги. После вечерней школы они гуляют час зимой, два летом и почти вдвое больше времени проводят на каникулах. Перед ужином полчаса снова проводят в часовне, а то, что остается от вечера после ужина, проводят в учебе и отдыхе. В девять часов, предупрежденные звоном колокола, они готовятся ко сну, сопровождая префекта пением Литании Пресвятой Богородицы. Никому не разрешается переходить из одной *камераты* в другую без специального разрешения префекта или вице-префекта, один из которых должен сопровождать его. Никому, даже родителю, не разрешается посещать пансионера без согласия вышестоящего начальника, который почти всегда присутствует на собеседовании. Никакое письмо не может быть отправлено или получено кем-либо из пансионеров, но оно должно пройти через руки ректора, который останавливает его, если сочтет нужным. Пансионеры никогда не уезжают домой, кроме как на сентябрьские каникулы, а некоторые остаются в колледже даже в этот период. Следствием этого является то, что влияние семьи постепенно разрушается, и иезуиты формируют эти юные сердца и интеллекты по своему собственному иезуитскому образцу. Каждые две недели все пансионеры должны посещать исповедальню, и те, кто нарушает это главное правило колледжа, подвергаются суровому наказанию. Но никто никогда не осмеливается подвергнуться наказанию, хотя многие без колебаний уклоняются от исполнения долга, прибегая к небольшой уловке. [207]

Во всех иезуитских колледжах, как мы уже отмечали, царит величайшая благопристойность и своего рода военный порядок и дисциплина, которые в высшей степени нравятся молодежи. “Их колледжи были открыты для всех изящных искусств. Даже танцы и фехтование не были исключены. Ежегодному распределению призов предшествовали не только трагедии, полные политических аллюзий, но *ибалеты*, сочиненные преподобными отцами и исполненные самыми ловкими из их учеников”. [208]

Иезуиты не жалели сил, чтобы продвинуть своих учеников в учебе. Но поскольку цель, которую они учили их иметь в виду, не была *истиной*— поскольку их целью было не внушать своим юным умам те благородные и великодушные чувства, которые формируют великих граждан, а только наставлять их в своих специфических доктринах и подчинять их своему ордену, весь курс обучения был направлен на достижение этих целей, и успехи их учеников были скорее блестящими, чем основательными — имели скорее театральный характер, чем серьезный метод обучения, который развил бы силу разума и рефлексии. Особенно в области спекулятивных наук их обучение было наиболее несовершенным. Изучающего никоим образом не учили проникать под поверхностную кору предрассудков и видимостей, на которых основная масса человечества строит свои мнения, и проникать в более глубокую сущность философии; но его внимание было главным образом направлено на искусство оспаривания в виде жалкого силлогизма некоторых из их установленных принципов. Самые фантастические и в то же время привлекательные вопросы предлагались для публичного обсуждения; и этому непрерывному фехтованию в *нем, уступчивости, различии* и т. Д. Начинаящего философа учили уделять все свое внимание и, проявляя способности в этом упражнении, вкладывать всю свою славу. Иезуиты, столь прославленные как казуисты, не могут похвастаться ни одним великим философом. Если кто-то из их учеников приобрел громкое имя в науке или литературе, они были обязаны этим своей собственной творческой силе, которая вырвалась из того своеобразного магического круга, который был описан вокруг них. Они стали великими не потому, что у них были хорошие мастера, а, напротив, потому, что они не следовали ни за каким другим мастером, кроме своего собственного изобретательского гения. И так было всегда — у Данте, Бейконов, Шекспиров не было мастеров. Иезуиты с большим успехом занимались археологией, нумизматикой и изучением языков. Особенно важные услуги они оказали изучению классической литературы, которую настоятельно рекомендовали как наиболее эффективное условие хорошего образования. Но даже их труды в этой области обучения мы не можем безоговорочно похвалить.

Литература составляет основную часть образования народа. Греция и Рим обязаны своей цивилизацией и величием своим поэтам и ораторам больше, чем чему-либо другому. Вместе с Эшилем, Демосфеном, Горацием и Цицероном исчезли слава, свобода, цивилизация двух наций. И если время от времени на сцене появлялись какие-нибудь привилегированные интеллектуалы, такие как Тацит и Плутарх, они не могли придать оттенок эпохе, как потому, что они стояли особняком, так и потому, что они были отражением не своих собственных, а ушедших времен, и что все элементы умирающей цивилизации были сосредоточены, можно сказать, только в них самих. Ибо литература обязана своей силой не совершенству формы; скорее, она является ярким отражением мыслей и чувств, мнений и сентиментальностей, надежд и страхов, которые составляют жизнь нации и которые писатели мощно демонстрируют, потому что они сами сильно ими движимы. Именно обладая этим совершенством в высшей степени, классические писатели древности внесли свой вклад в формирование характера своих соотечественников; и именно это составляет главную

привлекательность их произведений для современного студента и делает их таким эффективным инструментом для развития способностей юношеского ума. Итак, как может иезуит, у которого нет ни страны, ни семьи, ни привязанностей, ни истории, которому нечем прославиться, кроме своего ордена, — как может такой человек привить молодым умам те благородные чувства, то вдохновение, которые составляют существенную часть классической литературы? “Как”, - восклицает наш Джоберти, [209] “как молодежь должна любить героев Плутарха и восхищаться ими, если о них ему рассказал иезуит? [210] потому что, - весьма рассудительно добавляет итальянский философ, - ”даже если ученики могут повторить половину Демосфена или Цицерона, урок не может оказать сколько-нибудь хорошего воздействия на их нежные умы, если ему не помогают голос, манеры, примеры переводчика; так что душа и жизнь учителя должны быть зеркалом и отображением того, что он говорит“. тот идеальный мир, в который он вводит ученика”. На самом деле иезуиты уделяли все свое внимание только внешней форме своих композиций. Чистота языка, элегантность стиля, правильность выражений являются, вообще говоря, отличительными чертами трудов иезуитов и их учеников. Но их произведения лишены выдумки, смелых и пышных образов, серьезных и страстных выражений, а забота, которую они проявляют к публикации своего стиля, делает их наигранными и часто смешными. Несомненно, есть достойные исключения; и Бартоли, например, Сеньери и Бурдалу, можно причислить к первым итальянским и французским писателям. Иезуиты упражняли скорее память, чем интеллект ученика, который нередко был способен пересказывать тома, из которых едва понимал ни слова. Их величайшая заслуга заключалась в том, что учеба доставляла удовольствие; и многие из их учеников обязаны своей славой и величием не информации, а любви к учебе, которую они приобрели в своих школах.

The Ratio Studiorum с большой точностью регламентировало метод обучения в мельчайших деталях, и с тех пор иезуиты придерживаются кодекса до наших дней.

Тем временем в общей политике Общества произошли большие перемены. Под влиянием Аквавивы орден, по крайней мере, в лице его должностных лиц в Риме и молодого поколения иезуитов, которые были преданы генералу, перешел из испанского лагеря во французский; и с тех пор иезуиты в значительной степени противостояли испанцам и поддерживались французским двором. Давайте посмотрим, как это произошло.

Иезуиты лишь частично подчинились *постановлению* парижского парламента, который изгнал их из Франции. Они проживали открыто во многих провинциях: тайно и переодетые повсюду. Следуя советам своего генерала, они изменили свой язык и поведение и из яростных членов Лиги превратились в ревностных сторонников Генриха IV. “Кардинал Толет сотворил чудеса и показал себя хорошим французом”, - писал французский посол кардинал дю Перрон министру Виллеруа. [211] Фактически, он больше, чем кто-либо другой, способствовал получению Генри отпущения грехов. Аквавива отказался принять без согласия Генриха два новых колледжа, которые были предложены ордену каким-то городом в Лангедоке, где местный парламент поддерживал иезуитов. Он, генерал и папа, лучшие друзья короля, как они себя называли, настойчиво требовали от него восстановления иезуитов, которые, со своей стороны, обещали ему такое же послушание, такую же преданность, какие они до тех пор проявляли к королю Испании. Прежде всего, они предложили поддерживать его королевскую власть во всех ее масштабах, что затем было поставлено под сомнение гугенотами. Генрих оказался в очень затруднительном положении. Он нуждался в поддержке папы римского в борьбе с соперничающим австрийским домом. Он чувствовал необходимость показать себя ревностным

католиком и хотел, по возможности, заручиться поддержкой таких людей, как иезуиты. С другой стороны, он знал, какими опасными и вероломными гостями они были; а парламент, большая часть духовенства и все его министры были враждебны Обществу. Сюлли, великий министр и верный друг Генриха, передал нам мнение своего царственного повелителя по этому поводу. “Я не сомневаюсь, — сказал принц Салли, — что вы можете легко опровергнуть эту первую причину, но я не думаю, что вы даже попытаетесь опровергнуть вторую, а именно, что по необходимости я вынужден сделать одну из этих двух вещей - либо просто отозвать иезуитов, освободить их от бесчестия, которым они покрыты, и подвергнуть испытанию искренность их клятв и их великолепных обещаний; либо изгнать их более решительным образом, применив против них всю строгость, какую только можно придумать, чтобы помешать им вернуться к жизни”. когда-либо приближающиеся либо ко мне, либо к моим владениям; при таком предположении нет сомнения, что мы доведем их до отчаяния и до решения покушаться на мою жизнь, что сделало бы ее настолько несчастной для меня, поскольку я всегда опасаясь быть отравленным или убитым (ибо у этих людей повсюду есть корреспонденты, и они очень ловки в расположении умов людей ко всему, что они пожелают), что я думаю, было бы лучше быть уже мертвым, поскольку, по мнению цезаря, самая сладкая смерть - это та, которую меньше всего ожидают и предвидят “. [212] В соответствии с этим мнением Генри в 1603 году выдал патент на восстановление ордена иезуитов и *заставил* сопротивляющийся парламент зарегистрировать их. Аквививе он написал теплое письмо, заверяя его в своей дружбе и выражая собравшейся тогда пастве свои пожелания, чтобы первоначальные Конституции не изменялись, и это письмо в значительной степени сдерживало влияние испанской партии, которая требовала реформы и была поддержана испанским двором. [213]

В деле о Венеции оба суда придерживались одинаковой позиции. В план этой работы не входит излагать подробности этого знаменитого состязания, за исключением того, что в нем участвовали иезуиты, а это относится к их истории; и это мы постараемся сделать как можно короче.

Долго длились разногласия между Римским престолом и венецианским правительством: первое утверждало многие привилегии Церкви перед государственными делами, второе отрицало их. Иезуиты с величайшим упорством поддерживали непомерные притязания Рима. И вот, случилось так, что, пока обе стороны были озлоблены друг против друга, два священника, обвиненные в позорных преступлениях, были по приказу венецианского правительства арестованы и переданы в руки обычных трибуналов. Папа был крайне разгневан этим разбирательством и утверждал, что республика не имела права арестовывать ни одного священнослужителя, который не подчинялся никому, кроме церковной власти. Иезуиты были самыми ревностными представителями духовенства в соблюдении этого принципа. Знаменитый Беллармин утверждал, что “у священства есть свои князья, которые управляют не только в духовных, но и в мирских делах. Оно не могло признавать какого-либо конкретного светского начальника. Ни один человек не может служить двум господам. Судить императора должен священник, а не император священника. Было бы абсурдно, если бы овцы претендовали на то, чтобы судить пастуха”. [214] Республика, с другой стороны, отстаивала свои суверенные права. На папском престоле сидел Павел V. Человек, который считал каноническое право словом Божьим и был готов отлучить от церкви любого, кто осмелился бы пренебречь его авторитетом. Он наложил на Венецию интердикт, который, как известно большинству наших читателей, привел бы к закрытию всех церквей и препятствовал совершению всех религиозных служб на ее территории. Правительство, однако, чтобы не нарушать общественное

спокойствие, созвало к себе все духовенство, как обычное, так и светское, и предложило им альтернативу: либо совершать богослужения, как в обычное время, либо немедленно покинуть территорию республики. Они не колебались ни мгновения; ни один экземпляр папской записки не был составлен, и публичное богослужение повсюду совершалось по-прежнему. Однако иезуиты, повинувшись приказу папы, переданному их генералом, покинули Венецианские государства, демонстративно унося с собой освященное воинство, как будто они хотели показать, говорит Джоберти, что Бог отправился в изгнание вместе с ними. Когда впоследствии спор между Римом и республикой был урегулирован, сенат отказался, хотя и просил, вновь принять иезуитов. Напрасно папа и, прежде всего, Генрих IV, который специально послал кардинала Жуаеза в Венецию, использовали все свое влияние, чтобы добиться восстановления отцов церкви. Республика, воодушевленная в своем решении испанским двором, ни в коем случае не уступала в этом вопросе, и только в 1657 году в обмен на денежные преимущества и поддержку папы римского в войне при Кандии иезуитам было разрешено, при многих ограничениях, вернуться в венецианские государства. [215]

К этому времени Аквавива укрепил свой авторитет еще прочнее, чем когда-либо. Конгрегации поддерживали его; восстание было подавлено; бунтовщики наказаны; и на данный момент в Обществе восстановлен мир. “Аквавива, так сказать, пережил железный век компании — его преемнику было суждено править в золотом веке.... Все в течение столетия одаривали улыбками Компанию Иисуса. Она стала фавориткой пап и королей— доверенным лицом их министров— вдохновительницей общественного духа. Все черпали у нее вдохновение — все возвращались к ней как к своему источнику”. [216] Но, несмотря на эту лестную и отчасти правдивую картину, приказ был шокирован, последствия которого вскоре проявились. Чтобы управлять восставшей провинцией Испании, Аквавива, нарушая основной закон ордена, назначил своих членов администраторами колледжей, в то время как, в соответствии с необходимостью момента, коадьюторы выполняли обязанности, возложенные Конституцией на своих членов. Это в конечном счете привело к краху ордена. Кроме того, Мариана [217] и Энрикес, два влиятельных испанских иезуита, из ненависти к Аквавиве, указали на множество злоупотреблений, которые проникли в общину, и яростно критиковали тиранию генерала и нескольких высших чиновников. Это привело к немедленному результату, наиболее пагубному для ордена. При преемниках Аквавивы эти семена бунта и неповиновения распространялись так быстро, что, когда ближе к 1560 году генерал Госвин Никель попытался добиться подчинения примитивным правилам, его ученики торжественно лишили его всякой власти.

ГЛАВА XI.

1600-1700гг.

ДОКТРИНЫ И МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС ИЕЗУИТОВ.

Пусть наши читатели не воображают, что мы вступим в глубокую теологическую дискуссию о доктринах иезуитов. Это уже неоднократно делалось, и мы признаем себя слишком слабыми знатоками богословия, чтобы пролить на это какой-либо новый свет. Мы кратко коснемся богословского вопроса и, скорее, остановимся на тех принципах и максимах, с помощью

которых иезуиты извращали мораль своих приверженцев, чтобы лучше господствовать над ними.

Аквавива в *Ratio Studiorum* ввела пункт, который поверг римско-католический мир в замешательство и тревогу. Лайнез, как мы уже отмечали, уже включил в Конституцию примечание, касающееся изучения схоластического образования, на этот счет, что “если можно найти какую-либо книгу по теологии, более соответствующую времени, то ее следует преподавать”. Аквавива пошел еще дальше и заявил, “что святой Фома действительно был автором, заслуживающим высочайшего одобрения, но было бы невыносимым бременем быть вынужденным во всем следовать по его стопам и ни в коем случае не допускать свободного мнения; что многие важные доктрины были более твердо установлены и лучше разъяснены современными теологами, чем самим святым доктором”. [218] Это заявление вызвало большой переполох в римско-католическом мире, и инквизиция заявила, что “*Ratio Studiorum* была самой опасной, опрометчивой и высокомерной книгой, которая когда-либо появлялась, и рассчитана вызвать множество беспорядков в христианском содружестве”. [219] Но больший скандал и более яростную бурю вызвал Молина, который в 1588 году опубликовал в Эворе работу о благодати и свободе воли, [220] который прививал доктрину, совершенно расходящуюся с той, которой учил святой Фома и которую приняла Церковь. Он утверждал, что свободная воля, даже без помощи благодати, может совершать нравственно добрые дела, что она может противостоять искушению и может возвыситься до различных актов надежды, веры, любви и покаяния. Когда человек продвинулся так далеко, Бог *затем* дарует ему благодать за заслуги Христа, посредством которой он испытывает сверхъестественные эффекты освящения; однако, как и до получения этой благодати, подобным образом свободная воля постоянно находится в действии; и поскольку все зависит от этого, от нас зависит сделать помощь Бога действенной или безрезультатной. Молина, в результате, отверг учение Фомы и Августина о предопределении и отказался признать его слишком суровым и жестоким. В этом суть доктрины Молины. [221]

Доминиканцы, большая часть теологов и некоторые иезуиты громко протестовали против этого, и инквизиция была готова осудить это, когда под влиянием Аквавивы, который встал на сторону Молины, дело было передано в Рим. Шестьдесят пять собраний и тридцать семь диспутов были проведены в присутствии папы Климента VIII, который проявлял живой интерес к этому предмету, сам много писал об этом и который был полон решимости осудить доктрину иезуитов. Но когда ему доложили, что отцы говорили о созыве генерального собора, и что в одной из их публичных дискуссий тезис, который необходимо было доказать, заключался в следующем: “то, что такой-то папа (например, Климент VIII) на самом деле Папа, не является догматом веры”; [222] бедный папа воскликнул: “Они отваживаются на все, они отваживаются на все”. все!" сделал паузу и умер, так и не приняв никакого решения. Споры возобновились при Павле V, который также придерживался доктрины томистов. Однако иезуиты представили ему такие доказательства своей преданности в деле Венеции и были настолько могущественны в Церкви, что у него не хватило ни духу, ни смелости осудить их. В результате в 1607 году он обязал обе стороны хранить молчание до тех пор, пока не вынесет решение, которое положило бы конец этому делу. [223] Поскольку это решение так и не было принято, и доктрина иезуитов не была осуждена, они воспевали победу и, не теряя времени, распространили книгу Молины и преподавали ей повсюду.

Но чуть позже возник грозный противник, который воспротивился его продвижению. Это была секта янсенистов, столь прославленная своими трудами и страданиями, которые составляют столь интересную главу в истории Римской церкви. Янсениус, основатель, родился в 1585 году в Голландии, учился в Лувене, был рукоположен в священники, а в 1636 году хиротонисан в епископа Ипрского. Потрясенный доктриной иезуитов, он и Дю Верже де Оранн (впоследствии аббат Сен-Сирана, под этим именем он более известен) погрузились в изучение древних отцов Церкви, и особенно Августина; и после шести лет труда Янсениус написал книгу, в которой вновь излагалось древнее учение томистов, продвинувшись, однако, на шаг к учению Лютера о благодати и оправдании. Будучи поражен чумой, Янсений на смертном одре представил свою рукопись на суд Римского престола; но святой Сиран, не дожидаясь оракула Ватикана, опубликовал "*Августина*" (так назывался труд Янсения), который произвел большую сенсацию. Сен-Сиран стал директором школы, в которой обучались десятки молодых священнослужителей и некоторые из самых выдающихся людей Франции. Монахини Порт-Рояля, среди которых была почти вся семья Арно, под руководством достопочтенной матери Анжелики, сестры знаменитого Арно, следовали учению Святого Сирана. Кардинал Ришелье, ревниво относившийся к тому, что любой другой человек, кроме него самого, может пользоваться влиянием или властью, отправил Сен-Сирана в Венсенскую темницу. После смерти своего преследователя благородный страдалец, освобожденный, вернулся к своим обязанностям, и возросшее число его учеников приняло его почти как святого. Иезуиты, встревоженные благосклонностью, с которой было воспринято учение Янсениуса, бросились со всех сторон оспаривать его и наполнили мир своими воплями и проклятиями в адрес книги, как будто епископ Ипрский отрицал само существование Бога. К папе обратились с просьбой предать анафеме это нечестивое дело; и, когда он заколебался, они обратили его внимание на отрывок, в котором косвенно ставилась под сомнение его непогрешимость. Конечно, это была ересь, которую нельзя было упускать из виду. Урбан VIII. выразил свое неодобрение книге; но это никак не повлияло на ее популярность. Такие люди, как Арно, Ле Мэтр, Де Саси, Паскаль, поддерживали доктрину Янсениуса, а их многочисленные последователи игнорировали обвинения ее противников. Иезуиты пришли в ярость. Они по-своему воплотили основные доктрины Янсениуса в пять положений и торжественно попросили Иннокентия X. осудить их. Папа был человеком, который питал отвращение к теологическим спорам и не стал бы добровольно ввязываться в них; но Римский двор был уже не во власти сопротивляться влиянию иезуитов. Эти пять положений были осуждены как запятнанные ересью. Янсенисты с негодованием отрицали, что такие положения можно было найти в *Августине* и что они выражали смысл, приписываемый им; но Александр VII, который теперь был правящим папой, буллой объявил, что эти положения действительно можно найти в книге Янсениуса. Из всех экстравагантных притязаний римского престола это, несомненно, было величайшим. Янсенисты в свою защиту, хотя и объявляли себя хорошими и набожными католиками, утверждали, тем не менее, что непогрешимость папы римского не распространяется на факты. "Зачем поднимать такой шум? — сказали они своим оппонентам. - Мы признаем, что эти утверждения неортодоксальны. Покажите нам их в *книге Августина*, и мы объединимся с вами в их осуждении". "Нам не нужно утруждать себя тем, чтобы показывать их вам, - был ответ. - Папа объявил, что они есть в книге, а папа непогрешим". Итак, если папа утверждает, что посреди океана находится великолепный замок, согласно доктрине, которой паписты придерживаются даже в наши дни, нужно поверить этому, или быть отлученным от церкви! Янсенисты скорее перенесли все виды преследований, чем подчинились столь несправедливому постановлению; и это поразительный пример человеческой непоследовательности, что люди столь

благородные и честные, которые так близко подошли к протестантскому учению, по крайней мере, в его наиболее существенной части, должны оставаться в черте Римской Церкви. Этот факт, как мы полагаем, может быть частично объяснен тем упорством, которое проявляют представители всех партий, отстаивая позицию, которую они когда-то заняли в любом споре, чтобы их не постиг позор поражения. “Сторонники *Августина* — еретики”, - заявили иезуиты с самого начала; а янсенисты, чтобы книга могла быть объявлена ортодоксальной, с негодованием отвергли обвинение и объявили себя добрыми и набожными римскими католиками - и они до конца придерживались своего первого заявления. Увы! сколько красноречивых страниц написали Арно, Николь и Паскаль, чтобы доказать, что они приверженцы и рабы римского идола!

Чтобы не прерывать наше повествование, мы увели читателя далеко за пределы рассматриваемой нами эпохи. Теперь мы должны немного оглянуться назад и увидеть, как иезуиты стали таким могущественным братством. Мы уже видели, к каким искусствам они прибегали и какие доктрины выдвигали, чтобы закрепиться в разных странах, приобрести влияние на людей своих убеждений и преобладание при Римском дворе. Но поскольку доктрины и практики, с помощью которых они достигали своих целей, больше не соответствовали тому времени или, по крайней мере, были не самыми эффективными, они теперь меняли и доктрины, и практики с поразительной быстротой.

Когда был установлен этот порядок, Римскому двору самому пришлось бороться за существование, и он был на грани того, чтобы лишиться своей несправедливо приобретенной и жестоко используемой власти. Политикан Карл V. одолжил ему солдат — иезуитов, богословов для состязания. Лайнез, Сальмерон, Лежай и Канисиус оказали ей такие же хорошие и неоспоримые услуги, как и имперские армии. Но в таких людях больше не было необходимости. Не только был остановлен поток Реформации, но и Рим пребывал в величайшем ликовании отвоевав множество утраченных провинций; и, поскольку в лагере его противника теперь бушевали богословские споры, папство, хотя и осмелело заявлять о притязаниях, о которых столетие назад оно и не помышляло бы упоминать, ослабило ту активность, которую оно на мгновение проявило, и вернулось к своей прежней жизни, полной интриг и праздности. Однако великое соперничество с протестантами оставило среди римских католиков тенденцию, желание, мы не говорим, стать лучшими христианами, но больше демонстрировать свою религию. Ко всем внешним обрядам благочестия, которые, в их глазах, составляли истинно верующего, они прибегали с большей охотой; и, прежде всего, исповедальню посещали с беспрецедентным усердием. Иметь духовника исключительно для себя было самым верным признаком ортодоксальности и вошло в такую же моду, как сейчас иметь ложу в опере. Монархи, министры, придворные, дворяне — короче говоря, у каждого человека, занимавшего определенное положение в обществе, был свой признанный духовник. Даже любовницы принцев претендовали на эту привилегию — и мадам де Помпадур докажет своему духовному наставнику, что опасно противиться капризам фаворита. Иезуиты сразу поняли, какое огромное преимущество они получили бы, если бы смогли увеличить число своих клиентов, особенно среди высших классов. В этом отношении они уже далеко продвинулись в общественном благоволении; они были известны своей снисходительностью; они уже давно получили привилегию отпускать те грехи, которые мог простить только сам папа Римский; и Суарес, их великий богослов, даже попытался ввести исповедь в письме, как более легкий и оперативный способ достучаться до всех кающихся. [224]

Но к этому времени они достигли устрашающего прогресса в искусстве льстить дурным страстям и закрывать глаза на пороки тех, кто прибегал к их служению, чтобы, как они верили, примириться с Богом. Эскобар собрал в шести больших томах доктрины различных иезуитских казуистов, этих приверженцев безнравственности и уклончивости; и его книга какое-то время была единственным кодексом, которому следовали все иезуиты. [225] Однако я не буду утверждать, что они учили откровенной безнравственности, развращать человечество просто ради того, чтобы развратить их. Нет; если это иногда и имело место с отдельными людьми, то никогда не было так с сектой. У них была другая цель. Как мы уже говорили, они стремились стать всеобщими исповедниками в своих личных целях; скрывая свои замыслы под маской благочестия, они заявляли, что для блага религии важно, чтобы они руководили всеми чувствами совести; и, чтобы побудить кающихся обращаться к ним, они предлагали доктрины, соответствующие желаниям людей всех мастей. Следовательно, все их казуисты не были распущенными и потворствующими пороку. Некоторые из них были строгими, непреклонными и действительно преподавали евангельские заповеди, и их они передавали немногочисленным кающимся, придерживавшимся более жесткой морали, и цитировали их, когда их обвиняли в преподавании смягченных доктрин; в то время как для большинства, которые обычно более свободны в своих моральных принципах, у них была основная масса казуистов. Отец Петау называет это “любезным поведением”. Так, например, если исповедник-иезуит почувствует, что кающийся склонен возместить несправедливо полученные деньги, он, безусловно, будет поощрять его к этому, хвалить за его святое решение, настаивать на том, чтобы он сам был инструментом возмещения, заботясь, однако, о том, чтобы об этом снова стало известно. Но если другой человек обвинит себя в воровстве, но не проявит желания возместить ущерб, будьте уверены, что исповедник-иезуит найдет в какой-нибудь книге своих братьев-иезуитов какую-нибудь софистику, которая успокоит его совесть и убедит его, что он может безопасно сохранить то, что украл у своего соседа.

Существование книг, в которые были помещены эти пагубные принципы, лишило иезуитов возможности подвергать сомнению их подлинность; чтобы оправдать свое Общество, они бросили поношение учителям своей собственной Церкви и даже хулили христианство. “Вероятностный подход, - говорит их историк, - зародился не вместе с иезуитами; в момент их основания в школах царил вероятностный подход”. [226] И снова: “С самого зарождения христианства мир жаловался на строгость некоторых заповедей; иезуиты пришли, чтобы облегчить эти страдания”. [227]

Но, чтобы наши читатели могли сами судить о характере иезуитской морали, мы изложим им некоторые из их доктрин; и при этом (да будет соблюдено) мы будем цитировать в качестве наших авторитетов только иезуитских авторов, причем таких, которые были одобрены Обществом и пользуются его почитанием.

Очевидно, что на исповеди все зависит от сформированного представления о проступке и грехе. Итак, согласно иезуитским доктринам, мы не грешим, если у нас нет ясного восприятия и понимания греха как такового и если наша воля свободно не соглашается на это. [228] Ниже приведены следствия, которые иезуитские казуисты вывели из этого принципа:—

“Исповедник понимает, что его кающийся находится в непобедимом невежестве или, по крайней мере, в невинном невежестве, и он не надеется, что из его совета будет извлечена какая-либо польза, а скорее беспокойство ума, раздор или скандал. Должен ли он

притворяться?Суарес утверждает, что должен; потому что, поскольку его увещевания будут бесплодны, невежество оправдывает кающегося от греха.” [229]

“Хотя тот, кто по закоренелой привычке непреднамеренно лжет, может показаться обязанным признаться в своей склонности, все же его обычно извиняют. Причина в том, что никто обычно не задумывается об обязательстве, по которому он обязан искоренить эту привычку; ... и, следовательно, поскольку он освобожден от греха, он также будет освобожден от исповеди. Некоторые утверждают, что то же самое можно сказать о богохульстве, ереси и вышеупомянутой клятве; ... и, следовательно, что такие вещи, совершенные непреднамеренно, не являются ни грехами сами по себе, ни причиной грехов, и поэтому не обязательно должны признаваться.” [230]

“Там, где нет знания о порочности, по необходимости нет и греха. Достаточно иметь хотя бы смутное представление о гнусности греха, без знания которого никогда не было бы вопиющего преступления. Например, один человек убивает другого, веря, что это действительно неправильно, но считая это не более чем пустяковой ошибкой.Такой человек не сильно грешит, потому что только знание указывает воле на порочность или грубость этого. Следовательно, преступность вменяется только в соответствии с мерой знания”.

“Если мужчина совершает прелюбодеяние или самоубийство, размышляя, конечно, но все же очень несовершенно и поверхностно, о порочности и великой греховности этих преступлений; каким бы отвратительным ни было дело,он все равно грешит, но незначительно. Причина в том, что как знание о порочности необходимо для того, чтобы квалифицировать грех, так и полное ясное знание и размышление необходимы для того, чтобы квалифицировать отвратительный грех. И поэтому я рассуждаю вместе с Васкесом: для того, чтобы человек мог свободно грешить, необходимо обдумать, грешит он или нет. Но он не в состоянии обдумать моральную порочность этого поступка, если он не размышляет, по крайней мере сомневаясь, об этом во время действия. Следовательно, он не грешит, пока не задумается о порочности этого. Также несомненно, что для совершения смертного греха требуется полное осознание такого порочности. Ибо было бы недостойно благости Божьей лишить человека славы и навсегда отвергнуть его за грех, над которым он не успел полностью поразмыслить; но если размышление о порочности этого было лишь частичным, обдумывание не было полным; и поэтому грех не является смертным грехом ”. [231]

Практические последствия этой доктрины были превосходно представлены Паскалем в его самой счастливой иронии. “О, мой дорогой сэр, ” говорит он иезуиту, который изложил ему вышеупомянутое учение, “ каким благословением это будет для некоторых моих знакомых! Я просто обязан представить их вам. Возможно, вы никогда за всю свою жизнь не встречали людей, у которых было бы меньше грехов, за которые следовало бы отвечать! Во-первых, они вообще никогда не думают о Боге; их пороки взяли верх над разумом; они никогда не знали ни своей слабости, ни врача, который может ее вылечить; они никогда не думали о том, чтобы "желать здоровья своей душе", и еще меньше о том, чтобы ‘молить Бога даровать это’; так что, по словам г-на ле Муана, они все еще находятся в состоянии крещальной невинности. У них ‘никогда не было мысли о любви к Богу или о раскаянии в своих грехах”, так что, по словам отца Анната, они никогда не совершали греха из-за недостатка милосердия и покаяния. Их жизнь проходит в постоянном круговороте всевозможных удовольствий, в ходе которых им не мешали ни малейшие угрызания совести. Эти излишества привели меня к мысли, что их погибель

неизбежна; но ты, отец, сообщаемь мне, что те же самые излишества обеспечивают их спасение. Благословляю тебя, мой добрый отец, за этот новый способ оправдания людей! Другие предписывают болезненные аскезы для исцеления души; но вы показываете, что души, которые могут считаться безнадежно больными, находятся в добром здравии. Какой превосходный способ быть счастливыми как в этом мире, так и в следующем! Я всегда предполагал, что чем меньше человек думает о Боге, тем больше он грешит; но, судя по тому, что я вижу сейчас, если бы человеку только удалось заставить себя вообще не думать о Боге, у него все было бы чисто во все грядущие времена. Долой своих наполовину грешников, которые сохраняют какую-то тайную привязанность к добродетели! Они будут прокляты, каждая их душа. Но посвяти меня своим отъявленным грешникам — закаленным, беспримесным, отъявленным, чистокровным грешникам. Ад - не место для них; они обманули дьявола своей чистой преданностью служению ему”. [232]

Но если вы не такой уж закоренелый грешник, но ваша совесть предупреждает вас о вашей вине, тогда обратитесь к доктрине вероятности, азбуке иезуитского кодекса морали, которая успокоит вашу беспокойную совесть. Слушайте!

“Истинное мнение заключается в том, что не только законно следовать *более вероятному* но и *менее безопасному* мнению ... но также и то, что при равенстве вероятностей можно следовать *менее безопасному* способу”.

Я согласен с мнением Энрикеса, Васкеса и Переса, которые утверждают, что неопытному и необразованному человеку достаточно следовать мнению, которое он *считает вероятным*, потому что его придерживаются хорошие люди, сведущие в искусстве; хотя это мнение может быть не более безопасным, не более распространенным и не более вероятным.

“Сот считает, что кающемуся было бы очень неприятно, если бы священник, выслушав его исповедь, отправил его обратно без отпущения грехов, чтобы он снова исповедался другому священнику, если бы он мог с чистой совестью отпустить ему грехи вопреки его собственному (священника) мнению; особенно когда, возможно, нелегко было бы найти другого священника, который счел бы мнение кающегося вероятным.”.

“Можно спросить, может ли исповедник давать советы кающемуся *вопреки его собственному мнению*; или, если он в любом случае считает, что следует возместить ущерб, может ли он посоветовать следовать мнению других, которые утверждают, что в этом нет необходимости? Я отвечаю, что он может на законных основаниях, ... потому что он может следовать мнению другого человека в своей собственной практике, и поэтому он может посоветовать другому человеку следовать ему. И все же, давая совет, всегда лучше следовать более вероятному мнению, которого человек привык придерживаться, особенно когда совет дается в письменной форме, чтобы не было обнаружено противоречия. Также иногда целесообразно направить консультирующегося к другому врачу или духовнику, который, как известно, придерживается мнения, благоприятного для спрашивающего, при условии, что это вероятно ”. [233]

“Может ли судья, не считаясь с личностями, в пользу своего друга принять решение в соответствии с любым вероятным мнением, в то время как вопрос о праве остается нерешенным?

“Если судья сочтет каждое мнение равновероятным, то ради своего друга он может *законно* вынести приговор в соответствии с мнением, которое более благоприятствует интересам этого друга. Более того, он может, с намерением услужить своему другу, *в одно время судить в соответствии с одним мнением, а в другое время - в соответствии с противоположным мнением, при условии только, что решение не вызовет скандала.*” [234]

“Неверующий, убежденный в том, что его секта вероятна, хотя противоположная секта может быть более вероятной, несомненно, был бы обязан, *перед смертью*, принять истинную веру, которую он считает более вероятной....*Но, за исключением таких обстоятельств, он этого не сделал бы.... Добавьте к этому, что тайны веры настолько возвышенны, а христианская мораль настолько противоречит законам плоти и крови, что никакая большая вероятность, какой бы она ни была, не может быть признана достаточной для принуждения к вере.* [235]

“Действительно, хотя я вижу так много различных мнений по вопросам, связанным с моралью, я думаю, что Божественное провидение очевидно;*ибо при разнообразии мнений иго Христово легко переносится*”. [236]

“Духовник может отпускать грехи кающимся, согласно вероятному мнению кающегося, противоречащему его собственному, и даже обязан это делать”. [237]

“Опять же, вполне вероятно, что за диффамацию может быть выплачена денежная компенсация; также вероятно, что она не может быть выплачена. Могу ли я, опороченный, потребовать сегодня денежной компенсации от моего клеветника, а завтра, и даже в тот же день, могу ли я, опорочивший другого, отказаться компенсировать деньгами репутацию, которой я его лишил?... *Я утверждаю, что законно делать по своему усмотрению иногда то, а иногда и другое.*

“Следует винить тех невежественных исповедников, которые всегда думают, что они поступают правильно, заставляя своих кающихся возмещать ущерб, потому что это во все времена безопаснее.” [238]

С помощью этой отвратительной доктрины исповедников заставляли отвечать "да" или "нет" в зависимости от того, какой ответ был наиболее приятен их кающимся; и это могло обязать исповедника отпустить им их грехи, если бы они только сами верили, что это не грехи. Представьте себе, каким отъявленным негодяем должен был стать человек, склонный творить зло, когда к твердой вере в то, что отпущение грехов духовником очищает от всех преступлений, добавилась уверенность в том, что этот духовник должен отпустить ему грехи почти в соответствии с его собственными желаниями. Мы содрогаяемся, когда думаем об этом!

Доктрина двусмысленности пришла на помощь доктрине вероятности. В первом случае, по словам Санчеса, “разрешается использовать двусмысленные термины, заставляя людей понимать их в ином смысле, чем тот, в котором мы их понимаем”. [239] “Человек может поклясться, - согласно тому же автору, - что он никогда не делал ничего подобного (хотя на самом деле он это делал), имея в виду про себя, что он не делал этого в такой-то день, или до его рождения или понимания каких-либо других подобных обстоятельств, в то время как слова, которые он использует, не имеют такого смысла, который раскрыл бы его значение”. [240] И Филиуций доказывает, что, говоря таким образом, человек даже не лжет, потому что, по его словам, “именно намерение определяет качество действия; и человек может избежать лжи,

если, сказав вслух: *"Я клянусь, что я этого не делал"*, он добавит вполголоса: *"сегодня"*; или сказав вслух: *"Я клянусь"*, - шепотом вставляет он, - *что я говорю*, а затем продолжаю вслух, *что я сделал это*, и это говорит правду".

Руководствуясь ментальными оговорками и вероятностным подходом, они санкционировали все виды преступлений. Негодяй может помочь своему хозяину совершить изнасилование или прелюбодеяние, при условии, что он думает не *о грехе*, а *о выгоде*, которую он может извлечь из этого, — так говорит отец Бауни. Если слуга считает, что его жалование не является адекватной компенсацией за услуги, он может присвоить себе часть имущества своего хозяина, чтобы оно соответствовало его притязаниям — так учит тот же отец. Вы можете убить своего врага за пощечину, как утверждает Эскобар в следующих словах: "Совершенно правильно убивать человека, который дал нам пощечину, хотя ему следует убежать, при условии, что это сделано не из ненависти или мести, и нет опасности тем самым дать повод для грубых убийств, наносящих вред обществу. И причина в том, что преследовать вора, укравшего нашу честь, так же законно, как и того, кто сбежал с нашим имуществом. Ибо, хотя нельзя сказать, что ваша честь находится в руках вашего врага в том же смысле, в каком ваши товары и движимое имущество находятся в руках вора, все же ее можно вернуть тем же способом — продемонстрировав доказательства величия и власти и таким образом завоевав уважение людей. И, в самом деле, разве не очевидно, что человек, получивший пощечину, считается опозоренным до тех пор, пока он не смоет оскорбление кровью своего врага?"

Короче говоря, вы можете быть мошенническим банкротом, вором, убийцей, распутником, даже нечестивым атеистом со спокойной совестью, при условии, что вы всегда исповедуетесь духовнику-иезуиту. Несомненно, в этом нам предстоит увидеть действительность того чудесного дара, который, как мы читаем на странице 13, Лойола получил с небес и передал своим преемникам, — *дара исцелять обеспокоенную совесть*; и это даже смело утверждают они сами. В *Imago primi Sæculi*, С. 3, гл. 8, есть слова на этот счет: "С помощью *благочестивой утонченности* и святого искусства благочестия, преступления могут быть искуплены в наши дни *алакриусом* большей радостью и рвением, чем они совершались в прежние дни; и очень многие люди могут быть отмыты от своих пятен почти так же ловко, как они заразились ими". После этой цитаты нам не нужно утруждать читателя дальнейшими рассуждениями о доктрине иезуитов о социальных обязанностях. Мы только просим его, чтобы он мог хорошо понять всю чудовищность этих доктрин, взглянуть на них с точки зрения папистов, которые считают исповедь единственным путем спасения и которые слепо повинуются своим духовным отцам, особенно если те льстят их страстям и обещают им рай в награду за их пороки.

Также важно, чтобы наши читатели были ознакомлены с доктриной иезуитов о религиозных обязанностях и любви, которой они обязаны Богу, чтобы они могли лучше судить о характере этих поборников католицизма, тех монахов, которые усердно трудятся, обращая в свою веру — единственно истинную, как они утверждают, от которой нет спасения.

У отца Энтони Сирмонда в его книге о *защите добродетели* есть следующий отрывок: "Святой Фома говорит, что мы обязаны полюбить Бога, как только начинаем пользоваться разумом; *это слишком рано!* Скот говорит, каждое воскресенье; *молитесь, по какой причине?* Другие говорят, когда мы испытываем сильное искушение; *да, если нет другого способа избежать искушения.* Сотус говорит, когда мы получили благодеяние от Бога; хорошо, в смысле

благодарности ему за это. Другие говорят, при смерти —*довольно поздно!* *Столь же мало я считаю это обязательным при принятии какого—либо таинства; в таком случае вполне достаточно воздержания вместе с исповедью - если это удобно.* Суарес говорит, что это обязательно в тот или иной момент; *но в какой момент?* Он не знает; а то, чего не знает этот доктор, не знаю и я, кто должен знать”. [241]

И отец Пинтер может увенчать эти отвратительные доктрины нечестивым утверждением, что освобождение от *отболезненного* обязательства любить Бога куплено для нас заслугами крови Христа. “Было разумно, - говорит этот святотатственный иезуит, - что в соответствии с законом благодати в Новом Завете Бог освободил нас от той хлопотной и трудной обязанности, которая существовала в соответствии с законом рабства, совершать акт совершенного раскаяния, чтобы быть оправданными; и что место этого должны были занять таинства, установленные для облегчения упражнения; в противном случае, действительно, христиане, которые являются детьми, имели бы не больше возможностей в обретении благосклонности своего Отца, чем евреи, которые были рабами, в обретении милости своего Господа”. и Хозяин. [242]

И люди, виновные во всевозможных преступлениях - люди, которые притворяются, что Богу не подобает любви, что даже истощение не необходимо для прощения грехов, — такие люди должны стать достойными вечного блаженства с помощью некоторых идолопоклоннических практик! Такова доктрина, которой учат иезуиты и, мы должны добавить, большинство римско-католического духовенства, некоторых из которых мы собираемся представить вниманию нашего читателя. Мы просим разрешения снова процитировать Паскаля. Наши читатели, несомненно, предпочтут резкий, саркастический стиль знаменитого янсениста нашей несовершенной манере повествования. В диалоге, который он якобы вел с иезуитом, отец обращается к нему следующими словами: —

“Разве ты не был бы бесконечно обязан любому, кто открыл бы тебе врата рая? Разве вы не отдали бы миллионы золотых за то, чтобы иметь ключ, с помощью которого вы могли бы получить доступ, когда вам заблагорассудится? Вам не нужно так тратить; вот один — вот сотня за гораздо меньшие деньги.

Сначала я не мог понять, читает ли добрый отец или разговаривает со мной, но вскоре он развеял все сомнения, добавив: —

“Это, сэр, вступительные слова прекрасной книги, написанной отцом Барри из нашего Общества; ибо я никогда не отдаю вам ничего от себя”.

“Что это за книга?” - спросил я.

“Вот его название, — ответил он, - *"Рай, открытый Филаджио в сотне молитв Божьей Матери, которые легко исполняются"*.

“В самом деле, отец! и является ли каждое из этих простых обрядов достаточным пропуском на небеса?”

“Так и есть, - ответил он, - послушай, что будет дальше: “Молитвы божьей Матери, которые ты найдешь в этой книге, представляют собой множество небесных ключей, которые широко откроют тебе врата рая, при условии, что ты будешь практиковать их”; и соответственно, в

закключение он говорит, “что он удовлетворен, если ты будешь практиковать только один из них”.

- Тогда молю тебя, отец, научи меня одному из самых простых из них.

“Все они просты, — ответил он, — например: ”Приветствовать святую Деву, когда случайно встречаешь ее изображение; произносить маленький венок, посвященный радостям пресвятой Девы; пылко произносить имя Марии; поручать ангелам поклоняться ей за нас; желать построить ей столько церквей, сколько сделали все монархи на земле; желать ей доброго утра каждое утро и спокойной ночи вечером; произносить *Ave Maria* каждый день в честь сердца Марии“ — и это последнее посвящение, по его словам, обладает дополнительная добродетель в том, что мы обрели сердце Девы Марии.

“Но, отец, - сказал я, - только при условии, что мы дадим ей взамен свои, я полагаю?”

“Это, ’ ответил он, ‘ не является абсолютно необходимым, когда человек слишком сильно привязан к миру. Послушайте отца Барри: “Ответное сердце, без сомнения, было бы в высшей степени уместно; но вы слишком сильно привязаны к миру, слишком привязаны к этому созданию, так что я не осмеливаюсь советовать вам предлагать сейчас тубедную *маленькую рабыню*, которую вы называете своим сердцем”. И поэтому он довольствуется "*Аве Мария*" которую сам же и прописал. [243]

“Ну, это чрезвычайно легкая работа, - сказал я, - и я действительно думаю, что после этого никто не будет проклят”.

“Увы! ’ сказал монах. - Я вижу, ты понятия не имеешь о жестокосердии некоторых людей. Есть некоторые, сэр, кто никогда не стал бы повторять каждый день даже такие простые слова, как *Добрый день, добрый вечер*, только потому, что такая практика потребовала бы некоторого напряжения памяти. И, соответственно, отцу Барри стало необходимо снабдить их еще более простыми средствами, такими как ношение венка день и ночь на руке в виде браслета или ношение при себе четок или образа Пресвятой Богородицы. “А теперь скажите мне, - говорит отец Барри, - не помогал ли я вам с легкими молитвами, чтобы снискать благосклонность Марии?”

“Действительно, чрезвычайно просто, отец", - заметил я.

“Да, - сказал он, - это все, что только можно было сделать, и я думаю, что это должно быть вполне удовлетворительно. Ибо он, должно быть, действительно несчастное создание, которое за всю свою жизнь не пожалело бы ни единой минуты на то, чтобы надеть венок на руку или четки в карман и таким образом обеспечить себе спасение; и это тоже с такой уверенностью, что никто из тех, кто пробовал этот эксперимент, никогда не считал его неудачным, каким бы образом они ни жили; хотя, позвольте мне добавить, мы призываем людей не отказываться от святой жизни. Позвольте мне сослаться на пример, приведенный на странице 34; это пример женщины, которая, ежедневно практикуя поклонение изображениям Пресвятой Девы, провела все свои дни в смертном грехе и все же была спасена в конце концов благодаря заслуге этой единственной преданности.’

“И как же так?” - воскликнул я.

“Наш Спаситель, ‘ ответил он, ’ воскресил ее именно для того, чтобы показать это. Настолько очевидно, что никто не может погибнуть, практикуя ни одно из этих обрядов”. ” [244]

Мы, возможно, можем упомянуть здесь также величайшее из всех иезуитских поклонений Марии, то, которое, по их мнению, является высшим средством обретения спасения, а именно, *месяц Марии*.

Месяц, который они выбрали для посвящения Пресвятой Деве, - май. Не смею сказать, по какой причине. В течение долгих тридцати одного дня здесь не будет слышно ничего, кроме песен и гимнов в честь Пресвятой Девы. Перед каждой нишей, в которой стоит Мадонна, установлены алтари. Вокруг него расставлены различные другие изображения — как мы можем предположить, божества меньшего размера, — и среди изображений и горящих лампад множество цветов всех мастей источают свой благоухающий аромат в качестве подношения Пресвятой Деве. В разное время верующие падают ниц перед этими алтарями и возносят Мадонне свои обеты и молитвы. К ней обращаются на самых экстравагантных языках, и она представлена как обладающая самыми экстраординарными качествами. “Любой человек, проводящий месяц Марии, если он умрет в течение месяца, будет спасен, даже если он убил своих родителей”. В церквях и школах иезуитов совершаются те же церемонии, что и на улицах. Бог в этом месяце еще более забыт, чем обычно.

Мы могли бы заполнить тома подобными выдержками, но должны довольствоваться теми, которые мы привели, отсылая тех наших читателей, которые желают узнать больше об иезуитских доктринах, к Паскалю, к *"Моральной практике евреев"* Арно и к *Принципам иезуитов, изложенным в Сборнике выдержек их собственных авторов* (Лондон, 1839).

Мы также воздержались от осквернения этих страниц выдержками из Лакруа, Санчеса и им подобных, чьи непристойные и отвратительные изречения, неизбежные плоды безбрачия монастыря, оставили далеко позади все, что было создано самым распутным и развращенным воображением. Более того, мы не стали извлекать выдержки из *"Секретной мониты"*, и по следующей причине: — *"Секретная монита"* представляет собой сборник самых гнусных и дьявольских предписаний, данных, как предполагается, генералом ордена своим подчиненным, как бы для того, чтобы показать им, как действовать во всех их вероломных заговорах с целью возвеличивания Компании. Книга, в которой собраны эти наставления, впервые вышла в Кракове в 1612 году и была переиздана в Париже в 1761 году. Иезуиты утверждают, что своим происхождением она обязана изгнанному иезуиту Заоровскому, в то время как их оппоненты утверждают, что *Secreta Monita* была найдена Кристианом Брауншвейгским в иезуитском колледже Праги или где-либо еще. *Secreta Monita* были осуждены в Риме. Но, по правде говоря, мы придерживаемся мнения, что эта книга в лучшем случае апокрифична. Иезуиты были слишком хитрыми лисами, чтобы подвергать свои секреты риску быть раскрытыми, оставляя экземпляры такой книги тут и там. Они еще не настолько прочно утвердились, чтобы рисковать самим существованием своего ордена, если бы одна из этих копий была обнаружена или если бы у кого-то из членов возникло искушение предать Общество. Кроме того, исходя из имеющихся у нас сведений об иезуитском характере, мы уверены, что ни один настоятель никогда бы не внедрил с такой неприкрытой наглостью такие отвратительные правила мошенничества. Иезуиты настолько привыкли лицемерить и обманывать, что даже их поведение по отношению друг к другу является одним из постоянных

актов обмана. Например, если настоятель желает опорочить добрую славу человека, враждебного ордену, он скажет своим подчиненным: “Как жаль, что мистер Н. виновен в таких-то проступках (и, вообще говоря, он измышляет какую-то клевету)! было бы хорошо, если бы для вящей славы Божьей другие были уведомлены о том, что христианину не подобает так поступать. Если вам доведется встретить кого-нибудь из его или ваших знакомых, вы можете предупредить их об этом, но будьте осторожны, чтобы не очернить репутацию вашего соседа”. Опять же, если бы глава иезуитов возжелал богатства какой-нибудь семьи, он бы сказал своим подчиненным: “Жаль, что так много богатства перешло в руки его сына или племянника, которые потратят его на оскорбление Бога и удовлетворение своих собственных порочных страстей. Было бы благочестивым делом, если бы его можно было убедить доверить это нам, чтобы мы могли использовать это к вящей славе Божьей”. И если бы подчиненный, менее хитрый, чем остальные, открыто предложил бы оклеветать репутацию честного человека или предпринять попытку присвоить королевское состояние богачей, он получил бы выговор как виновный в поступке, недостойном сына святого Отца Лойолы. И хотя настоятель говорит таким образом, он не только знает, что может, но и совершенно убежден, что его слушатели знают это, и все же он никогда не будет говорить иначе. И для нас совершенно непостижимо, что люди, которые таким образом взаимно сознают, что они играют определенную роль, — которые в своем обычном общении и даже когда вынашивают самые низменные замыслы, всегда стараются говорить от лица благочестивого приверженца, — должны настолько забывать о своем намеке, чтобы дать широкое неприкрашенное изложение всей своей системы мошенничества. По этим и многим другим причинам, которые мы могли бы привести, мы считаем, что книга апокрифична; но, хотя она и апокрифична, она, безусловно, дает истинное представление об ужасных искусствах и практиках иезуитов; и мы склонны доверять иезуитам, когда они утверждают, что книга является работой отвергнутого брата, настолько глубоко она посвящает нас в тайные искусства Общества. Однако, поскольку у нас есть тысячи неоспоримых свидетельств их нечестивых и адских доктрин, мы не будем ослаблять авторитет нашего повествования, приводя оспариваемые доказательства.

ГЛАВА XII.

1608-1700 гг.

РАСТУЩЕЕ ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВА.

Сейчас мы вступаем в новый этап нашей истории. Вплоть до того периода, к которому мы подошли (начало семнадцатого века), иезуиты были вынуждены более или менее бороться за существование. Теперь они борются за превосходство и деспотичную власть в тех же странах, в которые им сначала было отказано во въезде. Бродячие монахи, у которых была всего лишь больница в качестве убежища, теперь владеют по всей поверхности земли сотнями великолепных заведений, приносящих огромные доходы, а в Вест-Индии закладывают основы своего собственного королевства. Лелеемые народом, в союзе с дворянством, они стали настолько могущественны, что сами великие монархи вынуждены класть судьбу иезуитов на те же весы, на которых взвешиваются судьбы народов. Двое учеников Игнатия занимают места в Коллегии кардиналов, и орден, благодаря множеству полученных им непомерных привилегий, образует своего рода отдельную церковь внутри Церкви — предмет зависти других религиозных

орденов, соперника епископов и страха самого Римского двора. Они обладают верховной властью в Португалии, Польше, Баварии, имеют огромное влияние в Испании, Австрии, Италии и быстро продвигаются к той власти, которую они, наконец, получили во Франции и которая принесла столько страданий французской нации. Фактически, главный центр власти иезуитов отныне будет находиться во Франции, поскольку из многих государей, которыми более или менее управляют иезуиты, французский монарх является самым могущественным из них всех. Генрих IV в качестве меры предосторожности в грамотах-патентах, которыми он восстановил орден иезуитов, постановил, что человек, пользующийся авторитетом в ордене, всегда должен находиться рядом с особой короля в качестве проповедника и гарантии поведения своих братьев; иезуиты сделали из этого оскорбительного пункта стержень своей судьбы. Проповедник стал исповедником королей, и Франция слишком скоро почувствует на себе силу преследования отцов Лашеза и Летелье. Однако прежде чем они достигли вершины своего могущества, им пришлось пережить мимолетную бурю. В 1610 году Генрих IV, направляясь в своей карете навестить своего верного Сюлли, который был опасно болен, был ранен ножом в сердце. Парламент и университет, и даже некоторые священники с кафедры обвиняли иезуитов в том, что они были сообщниками и подстрекателями убийцы Равайяка; но никаких доказательств в поддержку этого обвинения приведено не было. Общественное мнение освободило их от какого-либо участия в преступлении, и мы сами подписываемся под этим суждением; если, конечно, мы не обвиняем их в моральном пособничестве убийству из-за их доктрин и отвратительных сочинений, восхваляющих убийство Совенинга, которыми они покрыли Францию во времена Лиги. Иезуиты имели слишком большое влияние на сознание Генриха, они извлекли из него слишком много выгод, чтобы сделать правдоподобным предположение об их попустительстве отцеубийству. Некоторые авторы, слишком стремящиеся признать иезуитов виновными во всех преступлениях и не задумывающиеся о том, что, приводя спорные факты, они умаляют достоверность других своих утверждений, предположили, что, когда Генрих готовился послать армию на помощь немецким протестантам, иезуиты подстроили его убийство. Но эти авторы совершенно не осведомлены об истинном духе иезуитизма. Великая цель, которую иезуиты всегда имели в виду, критерий, по которому только мы можем судить о вероятности их действий каким-либо конкретным образом, - это их собственные интересы, а никоим образом не преимущество религии или слава Божья; и, поскольку в данном случае интерес иезуитов, и особенно французских, состоял в том, чтобы сохранить, а не разрушить жизнь Генриха, мы повторяем наше утверждение — мы не считаем их виновными. Мы не считаем необходимым заполнять наши страницы даже анализом сообщений, высказанных обеими сторонами по поводу этого трагического события. *"Анти-Коттон"*, яростный памфлет против иезуитов и, прежде всего, против некоторых утверждений отца Коттона, духовника покойного короля, который направил королеве несколько извиняющихся писем по этому поводу и который теперь, согласно завещанию Генриха, передал сердце принца в иезуитский колледж Ла Флеша, был и остается известным во Франции больше благодаря саркастическому остроумию, с которым он написан, чем потому, что в нем приводятся какие-либо доказательства вины иезуитов; и, следовательно, нам не нужно давать об этом никакого отчета.

Иезуиты, находившиеся под защитой двора и архиепископа Парижского, после того, как улеглись первые волнения, вновь заняли свое прежнее положение; и отцу Коттону было поручено выслушать дело о грехах малолетних Людовика XIII, как раньше он слушал дела своего доблестного и распутного отца.

Но реальное, хотя и неизбежное бедствие ожидало Общество несколько лет спустя. 31 января 1615 года скончался один из их величайших людей, Клод Аквавива, пятый генерал ордена. Он находился на своем посту тридцать четыре года и может считаться вторым основателем Общества, поскольку, несомненно, был его самым способным законодателем. Во время его правления внешние бури и внутренние раздоры угрожали самому существованию Общества, но он рассеял и умиротворил их всех с замечательным мужеством и благоразумием. Его смерть была для Компании невосполнимой потерей. С ним покончил *престиж* благодаря которому Генералы пользовались такой исключительной властью над ее членами. В будущем Конституции по-прежнему будут давать им право на такое же слепое повиновение, как и раньше; но их мандатам будут беспрекословно подчиняться только некоторые простодушные иезуиты или те, кто живет далеко в отдаленных странах, которые почитают своего начальника пропорционально расстоянию, которое отделяет их от него. И это, можно сказать, относится ко всем земным силам. Но члены, обладающие некоторым авторитетом в ордене, провинциалы, исповедники или фавориты принцев, будут, вообще говоря, действовать независимо и в соответствии со своими собственными взглядами, не упуская, однако, из виду Общество, чье возвышение и слава всегда являются конечной целью, которую все они имеют в виду. Следствием этого будет то, что их поведение во многих отношениях станет менее единообразным, и даже их торжественным собраниям будет не хватать того единодушия в целях, которое отличало их прежние действия. Ярким доказательством этого стали сами выборы преемника Аквавивы. Старая испанская партия, возродившаяся после смерти генерала и надеявшаяся восстановить влияние и власть, которыми она пользовалась при первых трех генералах ордена, подняла большой шум; и, предвидя, что будет избран Вителлески, римский иезуит, они сначала заинтриговали французского и испанского послов, а затем обвинили Вителлески перед папой в том, что он виновен во многих пороках и преступлениях, что было далеко от истины, поскольку он, напротив, был простым, безобидным, непритязательным человеком. Борьба за избрание была очень острой, и из семидесяти пяти членов конгрегации Вителлески получил только тридцать девять голосов, что всего на один больше, чем было необходимо для действительности его избрания. Он вступил в должность, но оказывал очень небольшое влияние на дела Компании. Однако в начале генералитета Вителлески были приняты меры для внесения Лойолы и Ксаверия в Список Святых. Это правда, что еще при жизни Аквавивы Генрих IV, чтобы угодить своему отцу-исповеднику и сделать его еще более снисходительным к своим безнравственным поступкам, в письме с автографом попросил правящего папу найти место на небесах для двух основателей ордена; но Павел V., думая, возможно, что рекомендация бывшего гугенота Генриха была бы довольно подозрительным пропуском для открытия врат рая, не был склонен подчиняться. Были, однако, и другие монархи, такие как монархи Баварии, Польши, Испании и т. Д., У которых иезуиты были своими духовниками; и теперь, когда эти монархи объединились, прося у Святого Престола канонизации двух иезуитов, Григорий XV, получивший образование в школах отцов церкви, больше не мог отказываться выполнять их желания. Соответственно, он торжественно провозгласил их святыми, но, поскольку смерть застала их врасплох, слава издания буллы об их апофеозе принадлежит его преемнику Урбану VIII. [245]

Поскольку иезуиты за короткий промежуток времени, менее чем за столетие, внесли в календарь восемь или десять святых, возможно, для нашей работы будет уместно посвятить несколько страниц тому, чтобы показать, каким образом смертные, подобные нам, которые еще вчера были всего лишь отвратительными трупами, мнимой властью другого смертного человека

превращаются в привилегированных и божественных существ, которым приписывается сила, почти равная силе Всемогущего. Одно слово любого папы, даже Александра VI, превратит каждый фрагмент этих испорченных останков в священные реликвии, обладающие такой чудодейственной силой, что поклонение им считается достаточным для обеспечения вечного спасения.

Практика наделения определенных лиц почестями святости зародилась в народе. В ранние века христианства, когда человек, будь то истинно святой христианин или законченный лицемер, поражал воображение толпы своим благочестивым и экстраординарным образом жизни, они считали его сверхъестественным существом, к нему обращались как к таковому и ему поклонялись. Немного позже люди, подобные этому описанию, начали с помощью священников творить чудеса; и когда слава об их святости и чудесах, которые они совершили, распространилась повсюду, вмешался Римский суд и выдал им официальный патент на причисление к лику святых.

Если бы они были выдающимися личностями своего класса, их канонизация произошла почти сразу после их кончины, как это было в случае со святым Франциском, основателем оборванного и нищего монашеского ордена, носящего его имя, и святым Антонием, великим чудотворцем, [246] оба были причислены к лику святых всего через год после смерти. Ремесло изготовления святых оказалось очень прибыльным, и благодаря многочисленным подношениям, приносимым в их святилища, священники поощряли толпу, всегда готовую верить в чудесное, верить необычным легендам и повсюду находить святых. Прежде всего, как мы уже говорили в другом месте, после Реформации священники создавали святых в таком пугающем количестве, что Урбан VIII, опасаясь, по-видимому, что небеса не будут достаточно велики, чтобы вместить их всех, двумя буллами 1625 и 1634 годов пресекли манию создания святых и убрали из церквей, монастырей и общественных мест изображения тех бедных блаженных, которые терпеливо ждали в своих нишах, когда верховный оракул Ватикана отправит их на небеса; и которые, несомненно, теперь были сильно раздосадованы тем, что их убрали из мест поклонения. Булла предписывала, чтобы никому не приносились никакие подношения, ни горящий светильник, ни какое бы то ни было поклонение, независимо от того, насколько велика была слава его святости, если бы он не был признан святым либо с незапамятных времен, *immemorabilem temporis cursum*, либо по единодушному согласию Церкви, *по общему церковному согласию*, либо благодаря своего рода терпимости апостольского престола, *tolerantia sedis apostolicae*. Под незапамятным временем папа римский говорит в своей булле 1634 года, что он имеет в виду более ста лет. Как следствие, все те люди, которых называли святыми и которым поклонялись как таковым всего девяносто девять лет и несколько месяцев, должны были быть отвергнуты, а их изображения или статуи удалены с места поклонения; [247] если, конечно, не было потрачено немного денег и не была получена привилегия или разрешение от всемогущего папы Римского. Увы! сколько грешников, которые, возможно, избрали этих самых святых посредниками между собой и оскорбленным Богом, должно быть, были доведены до отчаяния безжалостным быком!

Однако обычную канонизацию можно получить в Риме двумя различными способами. Первый более прост: —Любой, кто заинтересован в канонизации, должен доказать перед Конгрегацией обрядов, [248] что на протяжении более ста лет человеку, который предлагается в качестве кандидата на причисление к лику святых, поклонялись либо горящей лампадой перед его изображением или его гробницей, либо человеком, молящимся перед ней, и т.д. ; и что эти

знаки почитания повторялись до того, как они были запрещены не более чем на десять лет. Если прихожане высказывают свое мнение в сомнительной форме, что богослужение с незапамятных времен кажется им доказанным, *видetur неизменности культуры*; и, если всеведущий и непогрешимый папа подтверждает, *constare*, “это было доказано”, тогда человек становится *блаженным*, и месса, молитвы и подношения могут быть адресованы ему с совершенно спокойной совестью. К такому способу канонизации прибегли после знаменитой буллы 1634 года.

Более трудным является другой способ, которому сейчас обычно следуют, добиться канонизации. Человек должен пройти через множество этапов — так сказать, пройти ученичество, прежде чем стать святым; во-первых, кандидат должен получить имя *Servus Dei*, слуги Божьего; и это не сложно и не дорого. Затем, если Конгрегация обрядов, изучив его опубликованное жизнеописание, обнаружит, что его добродетели, по-видимому, доказаны, *видetur констарея добродетели*, и папа скажет: *констаре*, то *Servus Dei* следует называть *venerabilis Servus Dei*, достопочтенный слуга Божий. Опять же, если подлинность жизни, добродетелей и чудес будет доказана в другом собрании таким же образом, тогда *venerabilis servus Dei* принимает титул блаженного, *beatus*; пир, месса, молитвы и т.д. присуждаются ему, и папа отправляется в церковь Святого Петра, чтобы первым из всех поклониться тому самому человеку, который, произнеси он только эти два слова, *non constare*, был бы язычником или немногим лучше. Чтобы блаженный (*беато*) стал святым, не требуется ничего большего, чем то, что он должен был сотворить три первоклассных чуда [249] (я полагаю, такие, как те, что совершил святой Антоний), и что за это должно быть заплачено (не блаженным *-беато*— ибо пожертвования показаны только ему, но тем, кто сделает это). святой с его стороны) двадцать тысяч фунтов стерлингов за диплом. Как можно догадаться, ученая степень несколько дороже, чем в любом другом университете; но только подумайте о разнице между доктором и святым! [250] Однако, поскольку расходы слишком велики, семьи или религиозные общины, желающие заполучить святого, теперь объединяются, каждая предлагает кандидата на причисление к лику святых, и единое разбирательство служит для решения судьбы пяти или шести святых, а расходы оплачиваются совместно. При последнем папе Рим стал свидетелем двух или трех таких массовых канонизаций.

Мы, итальянцы, называем этот процесс *fare una infornata di Santi* “приготовление полной печи святых”. Но во времена правления Льва XII, в 1826 году, произошла гораздо более скандальная профанация. Поскольку в том или ином городе требовались святые (почти в каждом итальянском районе они есть), а у Конгрегации реликвий, которая раздает эти святыни, под рукой их не было, один из советников, как мы предполагаем, придумал очень быстрый способ изготовления святых и снабдил их тем, что требовалось. В церкви *Сан-Лоренцо фуор делле мура* было обнаружено нечто вроде катакомб, в которых было найдено несколько черепов, пять из них были извлечены и объявлены черепами мучеников. Папа по совету Конгрегации церковных обрядов, своим апостольским авторитетом и определенными знаниями, *Апостольским аукториатом с удостоверением науки*, объявил их мучениками; и два или три месяца спустя они были выставлены для публичного богослужения в *Аполлинаре*, древнем Германском колледже, который принадлежал иезуитам и где теперь заседала Конгрегация реликвий. Я сам видел их такими обнаженными. Когда от них избавились, были выкопаны другие черепа и созданы другие мученики; пока, наконец, один ученый антиквар (не помню, француз или немец) почти с уверенностью не доказал, что место, где были найдены эти черепа, было языческим захоронением. Шум был велик, и скандал был настолько велик, что папа приказал закрыть

катакомбы и больше не создавать мучеников. Раскопки все еще можно увидеть, и некоторые кости можно разглядеть сквозь железную решетку, но их больше не называют мучениками. Если бы это не были факты, произошедшие в наши дни и свидетелями которых является весь Рим, я вряд ли осмелился бы упомянуть о них, настолько невероятными они кажутся.

Мы надеемся, что нам простят это отступление. Канонизация Лойолы и Ксаверия состоялась в 1623 году. Мы воздержимся от описания всех праздников, всех великолепных церемоний, всего языческого великолепия, продемонстрированного по этому случаю. В Дуэ, прежде всего, все это театральное представление было грандиозным. На двух улицах, ведущих к их колледжу, были возведены две галереи, поддерживаемые сотней колонн, украшенных гобеленами, и с не менее чем четырьмя сотнями сорока пятью картинами. Панегирики в честь святых были не только нелепы, но и в высшей степени нечестивы. В одном из них говорилось, что “Игнатий”, судя по его имени, написанному на бумаге, “совершил больше чудес, чем Моисей, и столько же, сколько апостолов”. И снова: “Жизнь Игнатия была настолько святой и возвышенной, даже по мнению небес, что только папы, подобные Святому Петру, императрицы, подобные Божьей Матери, некоторые другие суверенные монархи, такие как Бог Отец и его святой Сын, наслаждались блаженством видеть его”. Мы не комментируем эти слова; даже Сорбонна, ныне находящаяся в союзе с иезуитами, осудила их.

Несколько лет спустя иезуитский мир обрадовало другое необычайное и фантастическое событие. Начиная с 1636 года, Вителлески распорядился начать подготовку к празднованию 1640 года, светского года основания Общества. Мы не будем давать его описания, но должны упомянуть о странной публикации, которая придала этому празднику историческую известность; мы имеем в виду *Imago Primi Sæculi Societatis Jesu*. Это огромный фолиант на 952 страницах, богато и великолепно напечатанный, украшенный сотнями фантастических и экстравагантных эмблем и наполненный абсурдными и нелепыми восхвалениями Общества. Многие внесли свой вклад в эту работу, которая была напечатана в Антверпене. “Многие молодые иезуиты”, - говорит Кретино, [251] “нашли в стремлениях своих сердец поэтическое вдохновение, оттенки любви и слова энтузиазма!” Книга скромно посвящена Богу Отцу; и среди поэтических вдохновений мы читаем следующее: “Общество Иисуса не является изобретением человека, но оно произошло *от Того, чье имя оно носит*, ибо сам Иисус описал те правила жизни, которым следует Общество, сначала своим примером, а затем и своим Словом”. [252] И далее: “Компания — это огненная колесница Израиля, потерю которой оплакивал Елисей, и которую теперь, по особой милости Божьей, оба мира радуются возвращению Церкви с небес на землю в отчаянном состоянии. В этой колеснице, если вы ищете армии и солдат, с помощью которых она ежедневно умножает свои триумфы новыми победами, вы найдете — (и я надеюсь, что вы отнесетесь к этому с должным вниманием) — вы найдете избранный отряд ангелов, которые в облике животных демонстрируют все, чего Верховный Правитель желает в этом рыцарстве”. [253]

“Как ангелы, просвещенные великолепием Божьим, очищают наши умы от невежества, наполняют их светом и придают им совершенство, так и спутники Иисуса, копирующие чистоту ангелов и все привязанные к своему происхождению, которое есть Бог, от которого они черпают те пламенные движения добродетели, с лучами наиболее сияющими, удаляющими нечистоты похоти в той печи высшей и целомудренной любви, в которой они варятся (*excoquantur*), пока, будучи просвещенными и ставшими совершенными, они не смогут передавать другим свой свет

смешанные с пылом — будучи не менее прославленными великолепием своей добродетели, чем пылом милосердия, которым они божественно воспламенены.

“Они подобны ангелам Михаилу в их самых красноречивых битвах с еретиками - подобно Гавриилу в обращении неверных в Индии, Эфиопии, Японии и китайцев, окруженных ужасными валами, — они подобны Рафаэлю в утешении душ и обращении грешников проповедями и исповедью. Все с быстротой и рвением спешат выслушать признания, наставить бедных и детей, а также управлять совестью великих людей и принцев; все они не менее знамениты своим учением и мудростью: так что мы можем сказать о Компании то, что Сенека отмечает в своем 33-м послании, а именно, что существует неравенство, при котором выдающиеся вещи становятся замечательными, но что мы не восхищаемся деревом, когда все остальные в том же лесу одинаково высоки. Поистине, в какую бы сторону вы ни посмотрели, вы обнаружите какой-нибудь объект, который был бы выдающимся, если бы его не окружали равные по положению”.

[254]

Этих цитат может быть достаточно, чтобы дать читателю представление о книге. Будет, однако, поучительно высказать по этому поводу мнение Кретино. Он действительно называет это произведение дифирамбом и признает, что в этих академических упражнениях есть некоторые преувеличения (с таким же успехом он мог бы сказать, что даже Римский суд осудил книгу); “но, - добавляет он, - критики не вспомнили бы об экстравагантности, даже о нечестии книги, озаглавленной *“Соответствие жизни святого Франциска жизни Христа”*, написанной братом Варфоломеем Пизанским, или *“Origo Seraficae Familiae Franciscanae”* капуцина. Гонсалес”; и так далее. Действительно, мы знаем, что другие монахи такие же хвастливые, дерзкие и нечестивые, как иезуиты; и все же это кажется очень слабым извинением - оправдывать свои собственные ошибки, доказывая, что наш сосед совершил аналогичные. Но так оно и есть, мы повторяем это снова, иезуиты обвинили бы самого Бога, чтобы оправдать свой орден. Все, что мы можем сказать об этой книге, это то, что это самое искреннее изложение чувств иезуитов в те эпохи и того мнения, которое они имели о себе. Они были на пике своего процветания. Трудности, с которыми они столкнулись, сражения, в которых они участвовали, победы, которых они добились, сознание собственной силы и могущества - все это в совокупности заставляло их верить, что их амбиции не должны признавать никаких пределов, кроме абсолютного господства над миром. Эта идея ясно выражена на каждой странице *Imago*; и они упорно боролись, чтобы реализовать ее. Если бы иезуиты соединили с этим сознанием и с превосходной силой воли и упорством, характерными для их ордена, концепцию какой-нибудь великой и великодушной цели, которая вызывала бы интерес и восхищение толпы; и если бы они смелым и недвусмысленным поведением сумели привести в исполнение высокий замысел, — кто знает, чего бы не достигло общество, столь сильно и превосходно устроенное? Однако, какими бы они ни были, их влияние с каждым днем становилось все больше и больше. Подобно тому, как при появлении двух королевских претендентов на благородное королевство победитель видит, что толпа его придворных увеличилась не только за счет всех тех благоразумных людей, которые ждали результата состязания, но и за счет части его бывших противников, ныне самых покорных и смиренных из всех его льстецов; так и иезуиты, после того как они преодолели все сопротивление и овладели властью, увидели себя окруженными множеством приверженцев и придворных, жаждущих обрести свое всемогущее влияние. Когда быть иезуитом стало честью и кратчайшим путем к церковному и светскому достоинству, люди всех мастей, и особенно те, которые были честолюбивы, обратились к Обществу, чтобы найти средства для удовлетворения своих

многочисленных устремлений. До Вителлески знать защищала иезуитов, но мало кто из них принял институт; но впоследствии самые знатные семьи Европы, не исключая и княжеские дома, имели в Обществе представителя, который придал ордену новый престиж и привил ему любовь и почитание, с которыми к его имени относились в народе. Дома Лотарингии, Монморанси, Гонзага и Орсини, Медина-Сидония и Абукерке, Лимберг и Казимир Польский, а также тысячи других великих и прославленных семейств, соответственно, внесли свой вклад в орден иезуитов.

Наше место не позволит нам вдаваться в подробности и шаг за шагом следовать за иезуитами на их пути к процветанию. Пусть будет достаточно того, что мы показали, как постепенно развивалось само Общество и какими средствами оно достигло вершины могущества и величия. Теперь мы перейдем к тому, чтобы показать на основных фактах, как использовали иезуиты свое несправедливо приобретенное влияние.

Как мы уже говорили, Франция была теперь главным очагом их могущества и полем, на котором они пожинали свои лавры. При Людовике XIII или, правильнее сказать, при Ришелье они не могли претендовать на большую долю власти. Деспотичный кардинал будет использовать их только как свои инструменты. Он защитит их; он отправится со своим королевским рабом закладывать первый камень иезуитского здания в парижском предместье (Сент-Антуан), но он приведет к осуждению и сожжению руками палача книг Келлера и Сантарелли, которые возвышают папство над королевской властью, которую Ришелье считал своей собственной. Кардинал Маццарини был так же не склонен, как и его предшественник, мириться с каким-либо доминирующим влиянием соперника; и во время его правления иезуиты не играли значительной роли в государственных делах. Если Маццарини проявил к ним некоторую доброту и предоставил им свое покровительство, то это было потому, что он хотел их поддержки в противостоянии янсенистам, сторонникам кардинала Мецского, архиепископа Парижского, и соперника Маццарини во власти и в галантных интригах. Но когда Людовик XIV, достигнув двадцатого года, принял на себя управление своим королевством, тогда действительно началось правление иезуитов. Нельзя сказать, что человек, входивший в парламент в охотничьем костюме, с хлыстом в руке и привыкший говорить: *"Государство - это мое"*, был склонен действовать по совету и под влиянием других людей; однако иезуиты принимали большое участие во всех великих событиях его правления.

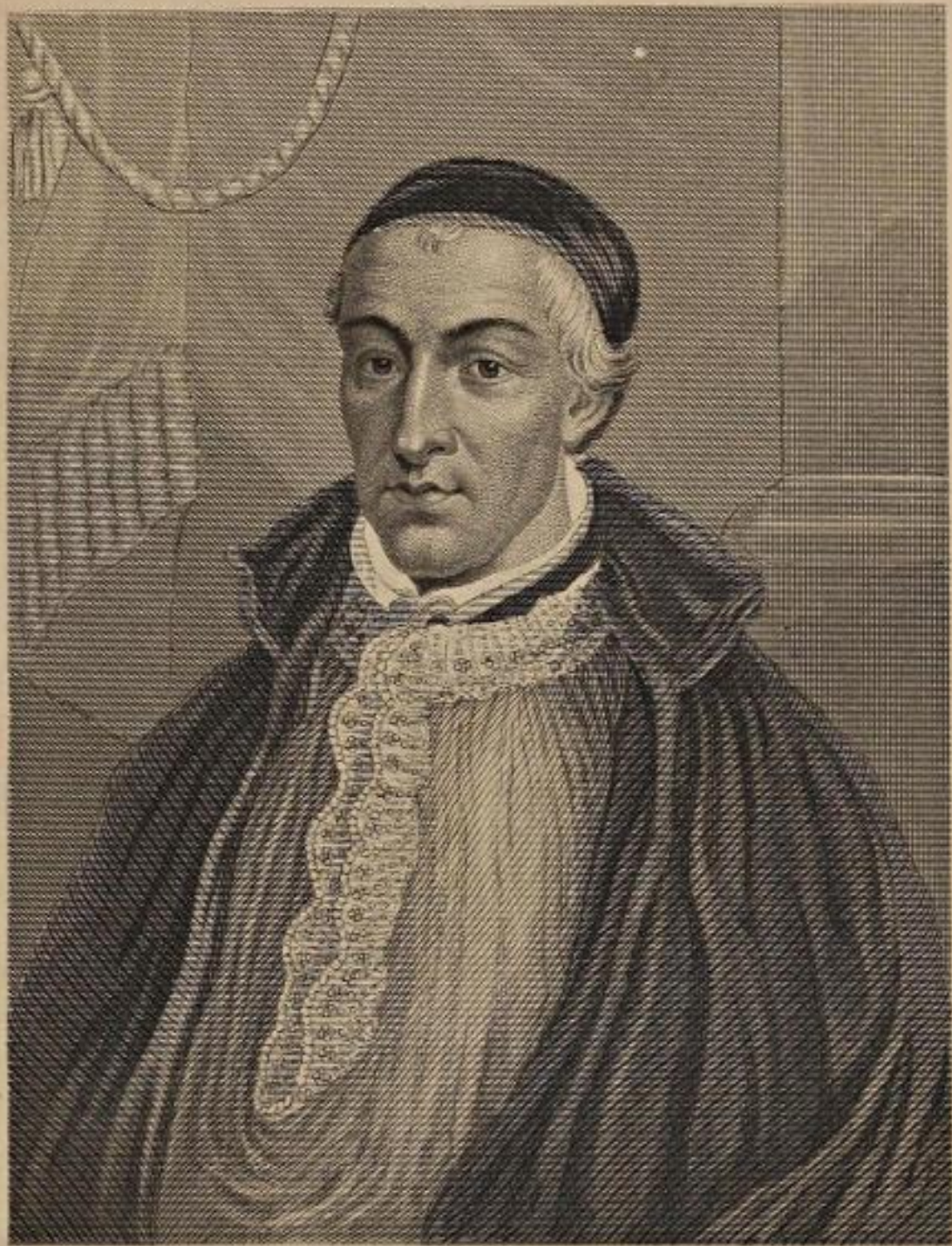
УЛуи с детства был духовник-иезуит, [255] который коварными и ежедневно повторяющимися инсинуациями превратил его в фанатичного фанатика и заставил поверить, что величайшей славой, которой он мог бы достичь, было бы отстаивание папистской религии. В этом пункте, как, впрочем, и во многих других, Людовик имеет сходство с Филиппом II Испанским. Оба прославлялись титулом поборников папства, оба обладали духом преследования, оба пожертвовали любовью к своему народу ради желания казаться самыми ревностными католиками; и все же оба, деспотичные и ревниво охраняющие свои королевские prerogatives, вели войну против своего бога на земле, когда он пытался оспорить ее. Филипп послал Альву, который, победив папские войска, вступил в Рим и заставил папу подписать условия своего господина; в то время как Людовик овладел Авиньоном, бросил папского нунция в тюрьму и обязал каждого члена французского духовенства подписать четыре статьи Галликанской церкви, явно восставшей против притязаний Рима. С таким человеком, как Людовик, иезуиты не могли преуспеть в достижении своих целей иначе, как самым полным подчинением его приказам или капризам. Таким образом, сразу приспособившись к характеру принца, они не

выказывали по отношению к нему ни малейшего признака преданности и раболепия. Они поддерживали его в его расколе против папы Римского, подписали статьи Галликанской церкви и отказались публиковать буллу об отлучении, которую первая гневно направила против *первенца Римской церкви*, [256] убедив его, однако, что он всегда останется хорошим католиком, пока они исповедуют его и отпускают грехи. Они хвалили его за военные достижения и поощряли его расточительность, проявляя большую осторожность, чтобы бросить бывшую любовницу в тот момент, когда увидят склонность принца к новой. За эти преступные уступки они получили в обмен полную свободу преследовать янсенистов и протестантов сколько душе угодно.

Янсенисты были первыми, кто испытал мстительную ненависть потомков Лойолы; не потому, что их считали более опасными еретиками, чем гугеноты, а потому, что они осмелились открыто нападать на Орден; потому, что *провинциальные письма* покрыли его позором и путаницей, и потому, что самые значительные из них были связаны с тем Арно, который первым выступил против его создания во Франции и объявил его членов соучастниками преступления Жака Клемана. Мы настаиваем на этом пункте, потому что он демонстрирует одну из наиболее выдающихся характеристик иезуитизма - никогда не прощать обид и преследовать самых отдаленных потомков за обиды, которые они, возможно, получили от своих предков.

Потребовались бы тома, чтобы рассказать обо всех преследованиях, которым подвергались жители Порт-Рояля. Едва Людовик принял бразды правления, как по наущению иезуитов он созвал собрание епископов и объявил о своем намерении искоренить янсенистов. Хитрый и беспринципный Де Марка, архиепископ Тулузы, подготовил формулу следующего действия: —

“Я искренне подчиняюсь Конституции папы Иннокентия X. от 31 мая 1653 года в соответствии с ее истинным смыслом, определенным Конституцией нашего святого Отца, папы Александра VII, от 16 октября 1656 года. [257] Я признаю себя обязанным по совести подчиняться этой Конституции, и я осуждаю от всего сердца и своими устами доктрину о пяти положениях Корнелиуса Янсениуса, которые содержатся в книге Августина, которую осудили и папы, и епископы; и доктрина святого Августина - это не то, что Янсениус изложил ложно и противоречит истинному смыслу святого доктора”. Все духовенство и все лица, которые каким-либо образом занимались обучением молодежи, должны были подписаться под этой формулой, и самые суровые преследования ожидали тех, кто отказывался это сделать. Ни чистая и незапятнанная жизнь тех монахинь, о которых сам Боссюэ говорил, что они “чисты, как ангелы”, ни ученость, благочестие, строгое и образцовое поведение Де Лейси, Арно, Николь и сотен других не были достаточной защитой от духа преследования со стороны иезуитов. Этих благородных и великодушных людей вытащили из их мирного убежища и отправили коротать жизнь либо в чужих землях, либо в застенках Бастилии, сами проходы которой были забиты заключенными. Однако благородное сопротивление монахинь преодолеть не удалось, и преследователи могли загладить свою вину в Порт-Рояле, только сравняв его с землей.

Bouchard

Pere La Chaise

Père La Chaise.

Хинчлифф.

Более жестокими и кровопролитными были преследования гугенотов, которых в ту эпоху было очень много во Франции. Генрих IV после своего трусливого отступничества, чтобы умиротворить своих подданных-кальвинистов, в 1598 году эдиктом, датированным Нантом, главным городом Бретани, застраховал им свободное отправление их религии, оставив в их руках несколько укрепленных пунктов в качестве гарантии. Этот эдикт впоследствии неоднократно игнорировался французским правительством, и Ришелье едва не поставил под угрозу трон, захватив Рошель, оплот кальвинистов; однако к кровопролитным мерам не прибегали из чисто религиозных побуждений, и гугеноты жили, можно сказать, почти невредимыми. Но после 1660 года бесчисленные и непрекращающиеся мелкие преследования, или *преследования*, должно быть, заставили этих протестантов осознать свою неминуемую гибель. Иезуит Лашез был главным орудием всех жестокостей, которым впоследствии подвергли их. Этот Лашез был родственником знаменитого отца Коттона и духовником короля. Он был само олицетворение иезуитизма — красивый, вежливый, обходительный, приятные манеры, казалось, вся его забота была направлена на то, чтобы завоевать любовь самых разных людей; никто никогда не слышал, чтобы он произнес хоть слово недовольства в чей—либо адрес. С. Симон говорит о нем: “*Il était fort Jesuite*— но вежливый и без гнева”; а Дюкло утверждает, что “он знал, как раздражать или успокаивать совесть своих кающихся, всегда руководствуясь своими собственными интересами”; и что, “хотя у него и были неприятности”. будучи яростным преследователем каждой партии, противостоящей его собственной, он всегда говорил о них с большой сдержанностью”. Он стал духовником короля в 1675 году и с помощью самой искусной лести приобрел над ним большое влияние. Но не думайте, что он забыл о своей иезуитской хитрости. Распутство и постоянная супружеская измена, в которых жил Людовик, были слишком большим скандалом, чтобы такой набожный человек, каким притворялся Лашез, мог не замечать их. Иногда он сердился на своего царственного кающегося грешника и отказывал ему в отпущении грехов. “Торжественность Пасхи” (время, когда исповедь обязательна), говорит С. Симон, “вызвала у него *политические* колики во время страсти короля к мадам де Монтеспан”; а Кретино говорит, что “он не отпустил грехи королю, но послал к нему другого иезуита, который храбро отпустил ему грехи”. Таков был человек, который взялся искоренить гугенотов.

В 1685 году появилось воззвание, отменявшее Нантский эдикт, *La revocation de l'édit de Nantes*, и с этого момента бедные кальвинисты были отданы на милость свирепых иезуитов, которые с помощью драгун и низших слоев населения возобновили ужасные сцены Святого Варфоломея, доведя ярость фанатизма и мести до того, что эксгумировали захороненные тела убитых жертв и выбрасывали их в общую канализацию. Сколько тысяч трудолюбивых семей были изгнаны голыми и без гроша в кармане в чужие страны! сколько детей остались сиротами! сколько дряхлых стариков остались без детей или потомков, которые могли бы закрыть им глаза! Увы! давайте опустим завесу на адские сатурналии.

Теперь Лашез стал самой важной персоной при дворе Людовика. Король построил для этого монаха, который, хотя и дал обет бедности, никогда не путешествовал иначе, как в карете, запряженной шестеркой лошадей, великолепный дом, окруженный садом, [258] где скромный ученик Лойолы принимал своих придворных и льстецов и где он свободно распространял

печатные издания. [259] Он был арбитром между Фенелоном и Боссюэ, между Монтеспан и Ментеноном, между государем и его духовенством. Именно Лашез соединил тайным браком великого короля и гувернантку его незаконнорожденных детей; но мадам де Ментенон так и не простила ему того, что он не заставил свою королевскую кающуюся особу публично признать ее своей супругой королевой. Но все влияние, которым он пользовался, было ничем по сравнению с непомерной и почти королевской властью, которой он обладал как королевский духовник. *La feuille des bénéfices*, то есть право распоряжаться всем имуществом всех епископств королевства, было закреплено за этой должностью. [260] Вполне можно предположить, что Лашез, который, как говорит Сен-Симон, был *фортом Иезуит*, не очень скупился на щедрые пожертвования своему собственному ордену. Но еще большую выгоду Общество получило от подчинения, в котором оно держало французское духовенство, которое, полагаясь исключительно на услуги и продвижение по службе иезуитов, отказалось от сопротивления, которое они ранее оказывали Обществу, и стало самыми смиренными и льстивыми приверженцами отцов церкви. Даже Сорбонна, этот ярый противник, стала сторонником Общества.

Приятному и вежливому Лашезу в 1709 году наследовал пост духовника мрачный Летелье. Он был жесток, пылок и непреклонен в своей вражде, сдержан, загадочен и хитер в своих темных замыслах, [261] всегда скрывая буйство своих страстей под холодной и бесстрастной внешностью. Его предшественник мало что оставил ему для массовых преследований и резни. Гугеноты были убиты тысячами, и триста тысяч кальвинистских семей бежали от своих безжалостных врагов. Янсенисты были частично распущены, и смерть устранила от участия в конкурсе Паскалей, Николей, Де Ласи и всю семью Арно. Только несколько монахинь, которые больше не могли принимать послушниц или учениц и с которыми, следовательно, их орден должен был быть обязательно распущен, остались в монастыре Порт-Рояль из-за свирепого Летелье. Он послал туда отряд грубых и распущенных солдат, которые вытащили этих хрупких и немощных женщин из их жилища и держали их в плену как упрямых еретичек, чтобы заточить в разных монастырях. И все же жилище, которое занимали эти святые монахини, церковь, где они поклонялись Господу, могилы, где покоились многие из них и которые они искали в надежде спастись от своих преследователей и там с миром упокоить свои измученные тела, все еще оставались нетронутыми. Летелье, чтобы утолить свою месть, обратил свой гнев против их славных памятников, приказал снести монастырь и церковь; и, с вандальской свирепостью надругавшись над убежищем мертвых, он приказал эксгумировать тела и свалить их в кучу, на съедение собакам, и приказал провести плугом по священному зданию. [262]

После таких примеров, подобных этим, нет необходимости добавлять что-либо еще, чтобы показать влияние, которым иезуиты обладали во Франции, и то, как отвратительно они им пользовались. Мы вышли за пределы эпохи, обозначенной в этой главе, поскольку факты, о которых мы сообщали в последний раз, произошли в 1709, 1711 и 1713 годах. И мы сделали это, потому что эти события знаменуют время, с которого власть иезуитов во Франции начала ослабевать.

Давайте теперь посмотрим, каково было поведение и влияние иезуитов в других странах.

В Испании дела Ордена находились в самом процветающем состоянии. Их доходы составляли очень значительную сумму. Власть, которой они обладали, была почти неограниченной. Филипп III, осыпавший их бенефициями, скончался на руках иезуита; и едва Филипп IV взял

управление страной в свои руки, как осыпал Общество еще большими милостями, чем его предшественник. [263] Он поощрял своих подданных строить для них колледжи ; и многие епископы и дворяне, чтобы угодить государю, соперничали друг с другом в том, чтобы наделить Общество богато обставленными заведениями и наделить их всей властью и влиянием. Но, по-видимому, когда надменный и властный Оливарес овладел верховной властью, он правил такой деспотической рукой как королем, так и королевством, что преподобным отцам оставалось очень мало власти или влияния. *Inde iræ*. Нанесенное оскорбление должно вызвать возмущение, и, хотя в Испании было довольно трудно открыто нападать на премьер-министра или монарха, окруженного преданностью и любовью своих подданных, иезуиты были не из тех людей, которые терпеливо переносили то, что они считали оскорблением. Тогда они подумали о том, чтобы вырвать из рук Филиппа тот самый скипетр Португалии, который они вложили в руки его деда. Соответственно, они взялись за дело и составили заговор с целью передачи короны герцогу Браганса. Кафедра, исповедальня, конгрегации - все было создано для того, чтобы служить их замыслам; и, поскольку умы людей были достаточно подготовлены, они заставили герцога отправиться в Эвору. Он поселился в иезуитском колледже; и когда он спустился в церковь, переполненную людьми, Кориа, отец-иезуит, обращаясь к герцогу с кафедры, воскликнул: “Я еще увижу на вашей голове корону славы, к которой да призовет нас всех Господь!” [264] Церковь разразилась аплодисментами по поводу этой хорошо организованной *сдержанности*; и таинственное предсказание перешло из церкви на улицу, а оттуда по всей Португалии, укрепляя надежды и воспламеняя мужество португальцев, которым уже не терпелось сбросить испанское иго. С этого момента заговор быстро продвигался вперед. Отцы церкви публично проповедовали восстание, не забывая, однако, о своем иезуитском двуличии. Провинциал запретил всем своим подчиненным вмешиваться в политические дела и даже посадил одного из них в тюрьму за то, что тот с кафедры слишком открыто призывал граждан к бунту. Но большая часть отцов пренебрегла приказом своего настоятеля, который, тем не менее, за исключением только что упомянутого случая, оставил их безнаказанными и вечером сел с ними за один стол так дружелюбно, как всегда, — политика, которую, мы должны заметить, отцы принимали во всех сомнительных ситуациях, чтобы, на чью бы сторону ни склонилась чаша весов, часть иезуитов могла претендовать на заслугу верности и ограждать остальных от негодования завоевателя.

Кретино откровенно признается, что иезуиты были душой революции, и говорит: “Герцогиня Браганса надеялась сделать своего герцога королем даже против его собственной воли; но было необходимо заручиться сотрудничеством или, по крайней мере, нейтралитетом иезуитов”. [265] Усилия иезуитов увенчались успехом. В 1640 году в Лиссабоне вспыхнула революция, которая увенчалась успехом. “Дом Браганса не забывал, чем он обязан иезуитам в прошлом и настоящем; и, желая через них позаботиться о будущем, он предоставил им неограниченное влияние. Иезуиты были первыми послами Иоанна IV”. [266] После этих очень ясных слов пусть иезуиты утверждают, что они являются религиозной общиной, полностью оторванной от мирских интересов и просто занятой спасением душ. Утверждалось, что иезуиты, помимо того, что были одушевлены ненавистью к Оливаресу, были склонены к сотрудничеству в революции по наущению и, возможно, благодаря либеральным обещаниям Ришелье, который, как всем известно, стремился всеми возможными способами преследовать и ослабить соперничающий австрийский дом. Как бы то ни было, иезуиты стали почти полновластными хозяевами Португалии. Ничего не делалось без их согласия. Ни один министр не предпринял бы ни одного важного шага, предварительно не посоветовавшись с иезуитами и не получив их разрешения.

Лиссабон стал центром их обширных коммерческих операций и центром их торговли между Европой и Индией; и Ранке говорит, что португальские послы были уполномочены вытягивать у португальских иезуитов значительные суммы. И, как ни странно, в то же время они пользовались некоторым влиянием в Испании при Филиппе IV.; и это, по-видимому, возросло до такой степени при Карле II., что в завещании, в котором этот монарх назван внуком Людовика XIV. утверждается, что восхождение на испанский престол было продиктовано иезуитами.

Здесь мы вынуждены сделать замечание, которое послужит иллюстрацией истинного духа иезуитизма. Пятой генеральной конгрегацией был принят декрет, запрещающий всем иезуитам каким-либо образом вмешиваться в политические или светские дела; а восемьдесят четвертым декретом шестой генеральной конгрегации членам Общества строго запрещены все операции, которые имеют хоть какой-то вид коммерческой деятельности. Несмотря на эти декреты, иезуиты распоряжаются судьбами королевств почти по своему усмотрению и являются первыми банкирами в Европе. Генерал, наделенный Конституцией почти неограниченными полномочиями наказывать за нарушение своих приказов и который может уволить нарушителя в любое удобное для него время, не только хранит молчание, когда совершаются такие нарушения, но потворствует им и даже поощряет их, выдвигая наиболее искусных в политических делах членов на самые важные посты в Обществе, и сам используя и распоряжаясь теми деньгами, которые были нажиты в результате явного нарушения Конституции.

Для чего же тогда эти указы, если они не должны соблюдаться? Какую цель преследовали их создатели, мы не можем сказать, но использование их Обществом очень простое. Когда их обвиняют во вмешательстве в политические дела или коммерческие спекуляции, они отвечают: “Этого не может быть; конституции или декреты прямо запрещают подобные вещи”. Так, например, Кретино, упомянув декрет, запрещающий любые операции коммерческого характера, добавляет: “Это ответ на пристрастную критику и заинтересованную несправедливость тех, кто попытается приписать великой работе миссий низменную алчность к наживе”. [267] Мы восхищаемся смелостью, чтобы не сказать наглостью, этого кавалера Ордена.

По всей Германии иезуиты сеяли запустение и нищету всякий раз, когда дело истины и свободы оказывалось побежденным превосходящей материальной силой деспотизма и фанатизма. “Они были самыми способными помощниками Фердинанда в уничтожении протестантов; они были в императорском кабинете, в его армиях, среди побежденных сектантов, и они даже осмелились проникнуть в лагерь лютеран” [268] (без сомнения, как шпионы). Иезуиты сформировали Тилли, Валленштейна и Пикколомини, трех защитников католического дела в Тридцатилетней войне.

“Они (иезуиты) сопровождали армии в их походе, они последовали за ними на поле битвы; и после победы они поспорили с хорватами о судьбе пленных того дня”. [269] Такова версия их историка. Как далеко от истины! Несомненно, что они сформировали трех чемпионов, и они доказали, что достойны своих хозяев, своим духом мести и преследования. Но это наглая ложь, что иезуиты вставали (поскольку их призвание делало это их долгом) между палачом и жертвой, между священными законами человечности и варварскими законами войны. Нет. Напротив, они проповедовали истребление протестантов и утверждали, что ни одно дело не было столь достойным в глазах Бога, как убийство этих проклятых еретиков. Они не успокаивали, а скорее

возбуждали свирепые страсти своих учеников-генералов и, прежде всего, Тилли, на которого они имели очень большое влияние. Однажды, после битвы при Страто, в Мюнстере, я полагаю, голос иезуитов присоединился к голосу горожан, умолявших о пощаде для нескольких сотен несчастных пленников, которые вот-вот были безжалостно преданы мечу; и этот единственный и исключительный случай, будь то поступок каких-то гуманных и сострадательных людей или хитрых негодяев, стремящихся снискать Ордену незаслуженную репутацию милосердия, сообщается иезуитами как обычная практика: в то время как многочисленные акты жестокого вандализма и мести, совершенные на их глазах и по их подстрекательству, когда Орден был убит. их нельзя отрицать, они списываются на счет других. Это историческая правда.

Они также не были бескорыстными преследователями. Они сражались здесь, как и везде, не за свою веру или свою Церковь, а за своего идола - Орден. Пусть они говорят сами за себя: "Корвин Госевский, палатин Смоленский, встретился с Густавом Адольфом близ Дюнамюнде, победил его и, чтобы освятить память об этом дне, основал иезуитский дом в освобожденном им городе. Каждая победа этого Палатина была для иезуитов новой миссией", [270] что означает возведение нового дома или колледжа. Большая часть имущества, которого протестанты были незаконно лишены, пошла на обогащение алчных и ненасытных учеников Лойолы. Папа римский, узурпировавший право распоряжаться этим имуществом только потому, что оно когда-то принадлежало духовенству, своим указом распорядился, "чтобы часть возвращенного имущества была использована для строительства семинарий, школ-интернатов и колледжей, а также для иезуитов, которые были главными авторами императорской прокламации", [271] что касается другие религиозные ордена;" [272] последнее предложение, конечно, оказалось иллюзорным, иезуиты, владеющие любой частью этого имущества, были выделены для вышеупомянутой цели строительства домов и колледжей.

Мы уже видели, какое влияние приобрели иезуиты в Польше при Сигизмунде III, в правление которого "против протестантов началась систематическая война народных бунтов, возбужденная иезуитами или их орудиями". [273] Фактически, их храмы были разрушены, их захоронения осквернены, их имущество уничтожено, их люди ранены, и никакого возмещения не было дано и не могло быть ожидаемо от судей и магистратов, назначенных по рекомендации иезуитов. Их ученики нередко отмечали день Вознесения Господня, нападая на людей евангельского вероисповедания, врываясь в их дома, грабя и уничтожая их имущество. Горе протестанту, которого они могли схватить в его доме или даже встретить на улицах в таких случаях!

Евангелическая церковь Кракова подверглась нападению в 1606 году, а в следующем году церковь подверглась яростному штурму, мертвые были вырваны из могил; в 1611 году протестантскую церковь в Вильне постигла та же участь, и ее служители подверглись жестокому обращению или были убиты. В 1615 году в Познани появилась книга, в которой утверждалось, что протестанты не имели права проживать в этом городе. В следующем году ученики иезуитов разрушили богемскую церковь настолько полностью, что от других не осталось камня на камне, а лютеранская церковь была сожжена. То же самое происходило и в других местах, и в некоторых случаях протестанты были вынуждены из-за постоянных нападений отказаться от своих церквей. Они также недолго ограничивали свои нападения городами; студенты Кракова приступили к поджогам церквей в соседних районах. В Подлахии пожилой евангелический служитель по имени Барков шел перед своей каретой, опираясь на посох, когда польский дворянин, приближавшийся с противоположной стороны, приказал своему кучеру проехать

прямо по нему; прежде чем старик успел отойти в сторону, он был сбит с ног и скончался от полученных травм. [274]

Краковский университет в письме к университету Лувена, касающемся одной из экспедиций против протестантов, возглавляемой иезуитами, в 1621 году, выражает себя следующим образом: “Иезуиты очень хитры, искусны в тысяче уловок и умело притворяются простодушными; но они были причиной того, что было пролито много невинной крови. Город (Краков) был наводнен им. Отцы никогда не пресыщались убийствами, только руки тех негодяев, которых они использовали для совершения своих преступлений, устали; они прониклись состраданием и в конце концов отказались продолжать резню”. [275] Действительно, пламенный дух нетерпимости и фанатизма, который распространяли иезуиты, был настолько силен и повсеместен, что даже Владислав, преемник Сигизмунда, несмотря на все его усилия, не смог остановить религиозные преследования и защитить своих протестантских подданных от кровавой ярости папистов. Это правда, что Сигизмунд, следуя указаниям иезуитов и пытаясь вновь ввести латинизм во всех своих владениях, потерял свое наследственное королевство Швеция и великолепную провинцию Ливония; но для отцов церкви это ничего не значило. Протестантизм был сломлен, их противников презирали или приносили в жертву, их дома и колледжи получали большие дополнительные доходы — какое им дело до потерь других?

После преждевременной смерти Владислава на польский престол вззошел его брат Казимир. Он был иезуитом и заседал в коллегии кардиналов. Папа, чтобы он мог принять скипетр, даровал ему освобождение от всех его обетов. Этот король-иезуит из-за своего дурного поведения и трусости едва не потерял свое королевство; и когда его подданные вырвали его из рук властного Карла Густава, короля Швеции, он в благодарность за эту верность и доблесть “вверил себя и королевство заботам Девы Марии и поклялся обратить еретиков”, что означало, по словам Красинского, рассеять и искоренить их.

Иезуиты восторжествовали. Мы не будем следовать за этими безжалостными монахами во всех совершенных ими беззакониях, во всех страданиях, которые они причинили бедной Польше, которая во многом обязана им потерей своей литературы, своей славы и, отчасти, своего национального существования.

Много говорилось и писалось об обращении иезуитами Кристины, дочери героического Густава Адольфа, короля Швеции, в католицизм. Но поскольку это событие не привело к каким-либо существенным изменениям в этой стране, мы будем очень кратки в нашем рассказе о нем. Без сомнения, иезуиты сыграли большую роль в том, чтобы ввести эту капризную и надменную женщину в лоно Римской церкви. Печальная слава принадлежит Маседо, духовнику португальского посла при шведском дворе. Он убедил ее искать успокоения для своего беспокойного ума в неизменных доктринах Рима. По ее приказу Маседо отправилась в Рим, чтобы попросить генерала иезуитов прислать ей нескольких самых доверенных членов ордена. [276] Некоторое время спустя два очень красивых и молодых итальянских аристократа, путешествовавшие, как они выразились, для своего совершенствования, прибыли к шведскому двору, были представлены королеве и допущены к королевскому столу. В этих двух очень приятных молодых людях можно было узнать двух иезуитов, посланных генералом; и они, будучи допущены к тайным беседам с принцессой, завершили работу, начатую Маседо. Кристина, обратившись в христианство, отреклась от короны и отправилась в Рим, чтобы поклониться на

своем собственном пьедестале гордости идолу, которому фанатичные паписты поклоняются вместо Бога Господа.

Теперь мы должны вернуться к рассмотрению поведения иезуитов в Англии, и мы могли бы пожелать, чтобы нас избавили от этой задачи; ибо в связи с их заговорами и преступлениями нам придется говорить о постыдных и нехристианских действиях их противников, о которых мы не можем думать без грусти и которые дают лишь слабое представление о доброте человеческой природы, действующей под влиянием возбуждающих страстей. Одна сторона превозносит концепцию самого отвратительного и адского преступления как достойный и героический поступок; в то время как другая, чтобы наказать предполагаемое преступление, нарушает самые священные законы справедливости и человечности.

В летописях ни одной нации нет события, память о котором так тщательно увековечивалась бы, как пороховой заговор в Англии. Это первая страница национальной истории, о которой рассказывают детям, ежегодно отмечая ее каждое пятое ноября. Поэтому мы расскажем о нем лишь столько, сколько необходимо, чтобы продемонстрировать ту роль в нем, которая может быть приписана иезуитам. Здесь, как и в деле Кэмпбелла, довольно трудно среди множества противоречивых версий и документов прийти к четкому и удовлетворительному выводу относительно степени виновности обвиняемого. Мы не будем доверять ни апологетам иезуитов, Эвдемону и Беллармину, [277] ни *антологии* Эбботта, ни утверждениям Джеймса VI. он сам, который, забыв о достоинстве короля, вышел на ристалище, чтобы продемонстрировать свою педантичную образованность и любовь к полемике. Вместо того чтобы заполнять сотни страниц противоречивыми цитатами, мы откровенно изложим выводы, к которым пришли после тщательного изучения того, что было написано по этому вопросу. [278]

То, что иезуиты от начала до конца были организаторами всех махинаций против Елизаветы и Якова, является неоспоримым фактом, и мы частично доказали это. Печально известный и безжалостный пастор, который после бегства из Англии стал ректором английского колледжа в Риме и обладал очень большим влиянием при папском дворе, был главным зачинщиком этих заговоров. При жизни Елизаветы у него была идея бесцеремонно отказаться от английской короны в пользу герцога Пармского или кардинала Фарнезе, своего брата; нелепый и абсурдный проект фанатичного заговорщика, который в то время высмеивал Паскуино, [279] в этих словах: “Если кто-то хочет купить английское королевство, пусть восстановит его”. купцу в черной квадратной кепке в городе, и он получит за это очень хороший пенни”. [280] Именно Парсон и его братья иезуиты добились от Павла V. принятия буллы против представительства Генриха IV во Франции, которая запрещала всем римским католикам приносить присягу на верность и которая вызвала столько несчастий. Именно он также вынудил папу опозорить архиепископа Блэкуэлла за то, что тот взял его, и вынудил светских священников стать мятежниками и жертвами против их собственной воли; это обстоятельство вызвало у них мемориал Папе, о котором мы сообщили на стр. 163. Но чтобы не оставалось никаких сомнений по этому поводу, послушайте простодушного Кретино, который, перечисляя преимущества, оказанные иезуитами католицизму, говорит: “Разве они не сохранили в Англии зародыш (папизма), который сейчас *развивается с такой силой* и который в Ирландии после трехсот лет мученичества СТАЛ ЗАКОННОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ?” [281] Никакие слова не могут лучше доказать, что иезуиты постоянно и активно использовались в Великобритании для пропаганды романизма, доктрины, которая, по их словам, наделяет папу римского правом верховенства, распоряжения короной по своему усмотрению и освобождения подданных от их верности

государю-еретику, и которая, следовательно, приравнивается к государственной измене. Только в этом аспекте можно частично извинить те кровавые законы о преследовании и тирании, принятые в царствование Елизаветы и Якова против римских католиков. Мы настаиваем на этом рассмотрении.

Теперь, в конкретном случае, который мы рассматриваем — пороховом заговоре, — мы полагаем, что Кейтсби и Перси, *сначала*, придумали заговор без ведома или участия иезуитов, поскольку не отрицается, что впоследствии Джерард, Тезмунд, *он же* Гринволл, и Гарнет были ознакомлены с ним во всех его ужасных подробностях. Весь вопрос относительно Гарнета, который единственный пострадал за заговор, до сих пор сводился к следующему — знал ли он об этом каким-либо иным способом, кроме того, что было открыто ему отцом Жераром под печатью исповеди. Иезуиты и паписты настаивают на этом, утверждая, что в таком случае Гарнет не мог раскрыть заговор, не совершив святотатства. По правде говоря, мы склонны полагать, что он, буквально говоря, не знал об этом иначе; и вот причины, почему мы так считаем. Гарнет не был, в отличие от Парсона, смелым и отважным партизаном, способным противостоять любой опасности, предпринять какое-либо предприятие. Он был очень плохим заговорщиком, никоим образом не склонным заслужить пальму первенства мученика. Кейтсби, который был его соучастником в заговорах во время правления Елизаветы, должно быть, хорошо знал его, так что поначалу он и другие заговорщики не доверяли ему даже после своего признания. Именно Гринуэй, по нашему мнению, нарушил принцип исповеди, поставив своего начальника в известность о происходящем. Поэтому не исключено, что, когда впоследствии Кейтсби предложил раскрыть ему весь план заговора, Гарнет, которому нечего было узнавать, отказался его слушать, чтобы в случае неудачи его не обвинили в соучастии. В том, что все иезуиты одобряли заговор и желали ему успеха, почти нет сомнений, и мы даже полагаем, что, не говоря открыто об этом, Гарнет, должно быть, косвенно, путем хитрых, ловких инсинуаций, поощрял заговорщиков довести до конца ужасное преступление. Это факт, подтвержденный Бейтсом и бесспорно доказанный, что Гарнет и два других иезуита часто беседовали с Кейтсби и другими заговорщиками за несколько дней до того, как было назначено приведение заговора в исполнение; и мы без колебаний заявляем, что если бы Гарнет хотел удержать заговорщиков от их адских замыслов, он мог бы найти тысячу способов сделать это, ни в коем случае не выдавая тайны исповеди. Но предположим, что, как мы уже сказали, Гарнет и Гринуэй знали о заговоре только под печатью признания, и что они никоим образом не поощряли и не подстрекательствовали его, и все же мы не можем снять с них обвинение в соучастии в преступлении.

На стр. 140 мы упоминали, что на Гренаде иезуиты выдвинули доктрину, согласно которой существуют обстоятельства, при которых исповедник может обязать кающегося найти его сообщников или разрешить ему сообщить компетентным органам о преступлении. Верно, что указанным преступлением была ересь, но мы думаем, что то же самое можно сказать об убийстве или любом другом преступлении, и что та доктрина, которая хороша в Гренаде, должна быть столь же хороша и в Англии. Но оставим это в покое, и давайте продолжим. Заговорщики, по меньшей мере пятеро из них, заявили исповеднику, что они замышляют ужасное преступление, что они принимают меры для его совершения и что они уверены в успехе. Духовник даровал им отпущение грехов, а другой иезуит причастил их. Итак, непременным условием действительности отпущения грехов является то, что кающийся испытывает раскаяние в том, что совершил их. Как же тогда отец Гринуэй мог освободить заговорщиков от преступления, в котором они не только не раскаялись, но и которое они

продолжали совершать, рискуя всем? Злой дух сам разъясняет эту доктрину несчастному Гвидо, которому он доказывает, что отпущение грехов, которых он еще не совершал, которое он получил от папы, было недействительным.

“Никакая сила не может освободить нераскаявшегося,

Ни раскаяться, ни сразу же состоять,

Категорически запрещаю противоречить”. [282]

Из этого мы делаем вывод, что либо ваше признание - просто ловушка для дураков, либо Гринуэй считал заговор не адским преступлением, а достойным подвигом!

Но у нас есть еще более строгий аргумент. Предположим, что, следуя некоторым из своих *вероятных мнений*, иезуиты считали, что они обязаны отпустить грехи негодяям и что их министерство обязывает их добросовестно хранить тайну, разве у них не было Папы, всемогущего Папы, к которому можно обратиться, чтобы освободить их от этого обязательства? Существует ли какая-либо заповедь, какое-либо таинство, какой-либо закон человеческий или божественный, от исполнения которых, согласно их доктрине, папа не может даровать разрешение? Если таковые имеются, пусть на это укажут, и мы отпустим им грехи. Но если они не могут отрицать, что папа мог освободить их от тайны исповеди, и если они не могут доказать, что просили такого разрешения, то очевидно, что они не хотели предотвращать преступление. И если это было попустительством, и если это попустительством было тяжким преступлением, то их осуждение, несомненно, было законным и справедливым приговором, и они не понесли ничего, кроме заслуженного наказания. Мы удивляемся, что Джеймс, который был так хорошо сведущ в богословских спорах, не обнаружил ни одного из этих аргументов, которые, несомненно, дали бы более веские основания для осуждения, чем двусмысленное признание, вырванное у иезуитов с помощью низменных и позорных ловушек. Ибо, если мы безоговорочно осуждаем иезуитов, мы с такой же энергией выступаем против действий их противников. Все формы правосудия, все законы человечности были возмутительно нарушены. Гарнета заключают в тюрьму, неоднократно допрашивают и, чтобы он мог выдать себя, уверяют, что его сообщник отец Гринуэй арестован и что он во всем признался. Затем, после того как он долго пробыл в одиночестве в темнице, тюремщик, притворяясь тронутым состраданием, говорит несчастному человеку, что другой иезуит находится поблизости и что он может поговорить с ним и даже увидеть его; и открывает дверь, через которую двое друзей могут видеть друг друга. То, каким образом были раскрыты его секреты; неправильное толкование его слов; перехват писем, которые, как его заверили, он мог в безопасности писать своим близким друзьям; странное обвинение в мошенничестве, потому что он не соглашался обвинять себя ясными и точными словами; обещания, которые были даны ему, но так и не были выполнены; и, прежде всего, длительная, жестокая и нечеловеческая моральная пытка, которой подвергли его на эшафоте; [283] все заслуживают нашего сурового и безоговорочного порицания. Слава Богу! по крайней мере, в Англии мы сейчас далеки от тех жестоких времен несправедливости и фанатизма, и мы искренне надеемся, что они никогда больше не вернуться.

Иезуиты не были ни потрясены, ни обескуражены казнью Гарнета, ни казнью Олдкорна, которые пострадали в Вустере несколькими днями ранее. [284] Мы находим их почти во всех заговорах, которые были затеяны, чтобы помешать регулярному маршу правительства, и мы время от времени находим суровые инквизиционные законы, принятые против них, некоторые из которых запрещали им ступить в Англию под страхом смертной казни. Неоспоримым фактом является то, что иезуиты своим буйным и вероломным поведением были причиной большинства строгих мер, принятых правительством против римских католиков, которые поэтому должны рассматривать этих коварных монахов как своих самых злейших врагов. Из того, что мы рассказали, можно сделать еще один вывод, а именно — что никакая опасность, даже смертельная, не может удержать иезуита от осуществления его проектов, когда они считаются выгодными для Ордена или необходимыми для мести за это его врагам. В тот момент, когда они могли вернуться из ссылки, в тот момент, когда они были освобождены от опасностей или развязаны с дыбы, они возвращались к своим заговорам и интригам с неослабевающим рвением и удивительнейшим упрямством. Поразительный пример этого был представлен иезуитом Фишером, который, как только его освободили из тауэра, взялся обратить в католицизм мать блистательного Бекингема, которая фактически отреклась от протестантизма и в союзе с Францией и Испанией ухитрилась смягчить запретительные законы против католиков. [285]

Во время роковой борьбы, которую Карл I вел против парламента, иезуиты публично поддерживали кавалеров, потому что Карл, очевидно, был гораздо лучше расположен к ним, чем к пуританам. Очевидно, что, демонстрируя свою преданность королю, если бы борьба закончилась в его пользу, они могли бы надеяться не только на свободное исповедание своей религии, но и на значительную долю влияния на него. Но против них было выдвинуто очень серьезное обвинение, которое, будь оно правдой, сделало бы их виновными в самом дьявольском беззаконии. У нас нет доказательств, подтверждающих это обвинение, выдвинутое через несколько лет после события; но, если мы хотим заявить о нашем собственном убеждении, мы твердо верим в их виновность; не потому, что мы верим во всех деталях рассказу Юрье, а по причинам, которые мы собираемся изложить. Юрье рассказывает, что иезуиты, чтобы восстановить римско-католическую религию, считали необходимым, чтобы Карл, находившийся в то время в плену, пал, а вместе с ним и монархия. В результате восемнадцать из них во главе с лордом королевства отправились в Рим, чтобы проконсультироваться с папой. Этот вопрос обсуждался на тайных собраниях, и было решено, *что смерть Карла законна*. Депутаты, вернувшись из Рима, показали Сорбонне ответ папы римского, *копии которого были распространены*. Сорбонна одобрила. По возвращении в Англию иезуиты взялись за дело и послали многих из самых ревностных католиков из числа независимых, скрывая свою религию, чтобы еще больше разжечь их страсти и довести дело до крайности. Их план провалился, и они пожелали *получить обратно копии "Консультации папы Римского" и "Сорбонны"*; но священник, который до отречения от протестантизма был духовником Карла и который был близок с иезуитами, не отдал свою копию и после возвращения Стюартов показывал ее многим людям, которые все еще были живы и могли предоставить реальные доказательства реальности того, что он рассказал. [286]

Это утверждение, понятое буквально, не выдерживает проверки, и Кретино, сообщаящий его, торжествующе восклицает, что такой способ написания истории делает невозможным всякое обсуждение. [287] Нет, конечно, нет; такие адские проекты, которые должны были довести короля до крайности и заставить короля снести голову за осуществление их замыслов, если бы

они были осуществлены, не обсуждались ни публично, ни тайно при Римском дворе в присутствии восемнадцати иезуитов и лорда, и тем более заключение, к которому они пришли, и их одобрение проекта, изложенное в письменной форме и одобренное королем. *свободно распространяемые*: мы с готовностью оправдываем их за подобные глупые выдумки. Но, хорошо зная искусство братства Лойолан, мы повторяем, что твердо верим, что более чем вероятно, что иезуиты действительно общались с круглоголовыми и доводили их фанатизм до неистовства. Я зафиксировал (стр. 171) почти аналогичный факт, который произошел у нас на глазах в Риме. И я должен далее добавить, что все наиболее опасные люди, которые в начале правления Пия IX предлагали самые смелые и экстравагантные меры, впоследствии были обнаружены либо на жалованье у отцов церкви, либо были бессознательными инструментами их тайной агентуры.

Немного обескураженные при Кромвеле, иезуиты снова воспрянули духом после реставрации Карла II и прибегли к своим обычным уловкам. Если мы должны верить тому, чем они хвастаются, то, по-видимому, они участвовали в более опасном и масштабном заговоре против протестантской религии и английских свобод, чем нам известно. “Секретный договор, ” говорит Кретино, “ был подписан между Людовиком XIV. и Карлом II., чтобы восстановить католическую религию в Великобритании. Отцы Анн и Ферье, последовательно исповедовавшиеся французскому королю и английским иезуитам, не были новичками в этих переговорах; Колман не игнорировал эти детали и рассказывал о них в своих письмах отцу Лашезу”. [288] Мы не знаем, насколько мы можем доверять этому утверждению; мы знаем, что Карл унизил себя, прося и получая деньги от французского монарха, которому он предал интересы своих союзников и своего собственного королевства; но что касается того, что он предусматривал восстановление римской религии, у нас не хватило бы смелости утверждать, что это было так. Как бы то ни было, это заявление связано со знаменитым папистским заговором, который в 1678 году поверг Великобританию в состояние такой тревоги и возбуждения, и который, хотя поначалу был причиной множества невинных жертв, в конечном итоге привел к огромному и славному результату — Закону о Хабеас корпус.

Оутс и Бедлоу - это два имени, которые дошли до потомков и вызывают отвращение у каждого честного человека. Эти печально известные и покинутые люди обвинили иезуитов, папу Римского, королей Франции и Испании, многих английских дворян и несколько десятков тысяч английских граждан в заговоре, настолько абсурдном, что в наши дни каждому стыдно его повторять. И все же большинство простых людей и большая часть высших классов в то время верили в его реальность. Ни о чем другом не говорилось, и все заботы правительства, деятельность парламента и энергия граждан были направлены на то, чтобы защитить нацию от воображаемого надвигающегося разорения. Это должно научить нас тому, как страсти и партийный дух лишают нас правильных чувств и суждений, и как опасно поддаваться сиюминутному порыву во времена большого волнения. Многие дворяне и горожане были арестованы после дачи показаний этим негодяям. Многие понесли суровое наказание по закону. Отец Айрленд после дачи показаний Оутсом, за что последний впоследствии был осужден за лжесвидетельство, был приговорен к смертной казни и казнен; и вскоре после этого провинциала и четырех других иезуитов постигла та же участь по тому же абсурдному и несправедливому обвинению.

Однако мы не претендуем на то, чтобы сказать, что иезуиты в ту эпоху полностью отказались от своих интриг и вероломных проектов, и за ними не нужно было присматривать. Нет; их

неугомонный и предприимчивый дух делал и продолжает делать их очень опасными, и об их поведении в протестантских странах можно с полным основанием сказать, что это постоянный заговор против благополучия и интересов всех других общин; и они сами, как мы уже говорили, признаются в этом. Но они были невиновны в преступлении, в котором их обвиняли и за которое они пострадали. Насколько больше зла они причинили в правление деспотичного и фанатичного Якова II.! Именно по их наущению этот фанатичный монарх отменил закон о тестировании, заключил в тюрьму многих протестантских епископов, одновременно посвятил в епископы до четырех римско-католических священников и разработал план обращения Англии к папскому идолопоклонству. И все же все эти произвольные и глупые действия в конечном итоге привели к большому преимуществу английской нации. Влияние иезуитов стало настолько сильным во время правления Джеймса, что отец Питер был принят в тайный совет, и мы без колебаний заявляем, что благосклонность Джеймса к членам Общества и католикам в целом, а также власть, которую они оказывали ему, были одной из наиболее эффективных причин возбуждения чувства негодования народа Англии и побуждения его решиться на славную революцию 1688 года и добиться ее осуществления.

ГЛАВА XIII.

1600-1753 гг.

АМЕРИКАНСКИЕ МИССИИ.

Когда мы размышляем о том, что иезуиты - наши собраты, что их преступления и беззакония, которые мы вынуждены клеймить, в какой-то мере являются пятном на человеческом роде, мы искренне радуемся, когда находим какой-нибудь благородный поступок, который можно зафиксировать, и когда мы можем написать страницу хвалы и панегирика. Мы думаем, что продемонстрировали эту беспристрастность в нашем рассказе об индийских миссиях, когда, изо всех сил осуждая практику идолопоклонства более поздних времен, мы воздали первым миссионерам должное за их чистые и великодушные намерения, а также за их выдающуюся и неустанную деятельность. Мы оказываемся во многом в таком же затруднительном положении, говоря об американских миссиях, когда обнаруживаем зло, присущее духу секты и религии, которую они исповедуют, в сочетании с благородными и великодушными усилиями осчастливить варварское и дикое население, подчинив его благим и гуманным законам и передав ему пользу христианства, по крайней мере, в его воздействии на внешнее поведение и образ жизни. Без сомнения, христианин—протестант - человек, глубоко проникнутый истинным духом Евангелия и питающий отвращение к любой форме богослужения, заключающейся в простом телесном служении, — найдет много виноватого в этих миссиях. Без сомнения, иезуиты здесь, как и в Индии, проповедовали и учили суеверным практикам и внешним обрядам, а не искренней преданности сердца и вере, основанной на заслугах крови Христа. Без сомнения, они превратили духовную и мистическую религию Христа в чувственное поклонение материальным символам. Но, справедливости ради, мы думаем, что эти упреки относятся к папству, к римско-католической религии в целом, а не только к иезуитам, и что мы не должны отказывать им в похвале, которой они заслуживают за любые хорошие качества или заслуги, которыми они обладают, только потому, что они паписты. Это было бы слишком оскорбительно и сделало бы нас виновными в высшей степени несправедливости по отношению к тем

романистам или иезуитам, которые искренне верят, что их единственная истинная религия; и будьте уверены, что во всех религиях есть те, кто думает так о себе. С другой стороны, иезуитов обвиняют в том, что они предприняли эти миссии исключительно с целью достижения своих личных целей, возвеличивания и обогащения ордена, а не для продвижения интересов религии и славы Божьей. Это мы свободно признаем, и мы неоднократно говорили, что *Порядок* всегда был конечной целью их поведения; но отказывать им в заслуге приведения дикого населения в черту цивилизации, потому что они делали это в своих личных интересах, было бы то же самое, что применять эпитет разбойника к землевладельцу или фабриканту, который обращается со своими иждивенцами с непривычной добротой и человечностью, потому что, обращаясь с ними таким образом, он сам получает огромную выгоду.

Наши читатели не должны делать вывод из того, что мы только что сказали, что мы не находим ничего, в чем можно было бы упрекнуть иезуитов в их американских миссиях. У нас будет много поводов для порицания в них, но в целом их деятельность представляется нам заслуживающей величайшей похвалы, и мы чувствуем себя обязанными защитить их от грубых оскорблений, которые без разбора обрушивались на них по этому поводу.

Характер западной и Восточной миссий сильно различается как по используемым средствам, так и по получаемым результатам. В Восточной Индии и Китае главной особенностью миссий является идолопоклонство, которым иезуиты осквернили христианскую религию. Имея дело с населением, уже обладавшим более или менее цивилизованностью и глубоко проникнутым предрассудками своей религии, иезуиты думали потакать им в их вере и иногда проявляли себя более склонными к идолопоклонству, чем язычники, которых они старались обратить. Кроме того, имея, с одной стороны, дело с языческими жрецами, которые хотели сами использовать невежество и предрассудки индийцев в своих интересах, и подвергаясь преследованиям со стороны главы их собственной религии, который не признавал никакого другого идолопоклонства, кроме того, которое одобрялось им самим, иезуиты не могли добиться в Ост-Индии каких-либо значительных и постоянных результатов.

Миссии Америки носят совершенно иной характер. Иезуиты обнаружили там варварское и дикое население, ревностно относящееся к своей бродячей независимости, свирепое в своей вражде, без какого-либо положительного представления об особой религии, и, следовательно, легко поддающееся влиянию любого высшего разума, который взялся бы внушить им независимо от того, какое новое вероучение. Главная трудность там заключалась в невозможности иметь какие-либо сношения с лицами, обращение которых было желательным. Индейцы, простые и добрые, когда их впервые обнаружили, теперь стали свирепыми и чрезмерно хитрыми, доведенные до крайности жестоким и безжалостным обращением, которому они подверглись со стороны хищных испанцев, обращением, которое внушило им смертельную ненависть ко всем христианам и к самому имени Христа, которое кощунственно использовалось при резне их сородичей. И все же именно среди тех же дикарей, которые избегали европейцев больше, чем свирепого зверя, иезуитам без оружия или каких-либо принудительных средств, просто путем убеждения и доброты удалось воздвигнуть империю, все законы которой были основаны на первых принципах христианства. Давайте посмотрим, как они творили такие настоящие чудеса.

Испанские авантюристы принесли в завоеванную Америку все пороки и свирепые страсти своей инквизиции. Можно было бы сказать, что Южная Америка была преобразована в большой инквизиторский трибунал, и что каждый солдат был инквизитором и палачом одновременно. Авантюристы, чтобы загладить свои преступления, когда они убивали бедных, безобидных индейцев, утверждали, что они делали это в честь Христа, которому эти закоренелые язычники отказывались поклоняться. В наши намерения не входит подробно описывать все преступления этих самых христианских убийц, и мы удовлетворимся тем, что скажем, что, хотя они убили десятки тысяч безобидных людей, пытаясь обратить их в свою религию, им это удалось лишь с очень немногими; а те, кто, чтобы избежать пыток и смерти, подчинились *крещению*, еще больше, чем их братья-язычники, ненавидели само название христиан.

Ранке дает очень удачную картину состояния религии в Америке и говорит: “В начале шестнадцатого века мы обнаруживаем, что гордая структура католической церкви в Южной Америке полностью возведена. В его распоряжении было пять архиепископств, двадцать семь епископств, четыреста монастырей и неисчислимое количество *доктрин*”. [289] Теперь, при всем уважении к столь великому историку, мы осмеливаемся сказать, что мы признаем правдивость утверждения о количестве монахов и монастырей, архиепископств и епископств; но мы считаем, что эти учреждения были пропорциональны протяженности страны, а не количеству христианских жителей. Действительно, на каждом участке земли, которым завладели европейцы, была возведена церковь, если не для размещения тех же самых европейцев, то, по крайней мере, для того, чтобы дать священникам и монахам предлог претендовать на долю в добыче и богатствах страны; но мы сильно сомневаемся, что многие индейцы часто посещали эти церкви. Толпы монахов, стекавшихся в Америку, находя в климате еще больший стимул для своей обычной склонности к праздности и роскоши, предавались всем своим порокам и думали только о том, чтобы обратить в свою веру настолько, насколько это было необходимо, чтобы заполучить несколько подданных, которые могли бы обогатить их покровителей, солдат, а также их монастыри. [290] Таким, однако, не было поведение иезуитов. Там, как и в Европе, они хотели отличаться от других братств и вели более святой и благочестивый образ жизни. Скрывая свои конечные цели под покровом религии и благочестия, они не говорили ни о чем другом, кроме обращения неверных, и выступали во имя Христа против кровавых мер, принятых завоевателями и одобренных другими религиозными общинами. Возможно, мы недалеко от истины, когда утверждаем, что иезуиты придерживались более гуманной и христианской политики, в том числе и для своих личных целей, а именно для того, чтобы противопоставить себя другим религиозным общинам. Потому что это замечательный факт в истории Римской церкви, что, в то время как у каждого другого братства есть как друзья, так и враги в других организациях, только у иезуитов нет никого, кроме врагов. Как бы то ни было, они взялись за дело; и, упуская на мгновение из виду большую или меньшую святость намеченной ими цели, мы повторяем, что средства, которые они использовали, чтобы завоевать положение среди дикарей Южной Америки, заслуживают самой высокой похвалы. Завоеватели этой несчастной части земного шара, как замечает Робертсон, не имели в виду никакой другой цели, кроме как грабить, порабощать, истреблять, в то время как иезуиты утвердились там в глазах человечества. Они в значительной степени захватили страну, и везде, где им удавалось найти индейца, они осыпали его такой добротой, выказывали ему такую привязанность, с таким негодованием говорили о жестокости и алчности свирепых завоевателей, с таким помазанием милостями Божьими, что эти обиженные люди постепенно

поддавались очарованию и привыкли смотреть на иезуита как на защитника от притеснений других европейцев. И защитниками они были, и доказали это. Отец Вальдива намеренно отправился в Мадрид, чтобы получить от Филиппа III приказ, предписывающий офицерам обращаться с бедными индейцами немного гуманнее, и привез оттуда указ, согласно которому те индейцы, которые поселились в определенных районах, управляемых иезуитами, не должны быть ни обращены в рабство, ни *принуждены* принять христианскую религию. [291] В Тукумане, в Парагвае, в Чили иезуиты в своих странствиях обращали в свою веру многих и благочестивых людей, но не имели никакой другой материальной выгоды для ордена, кроме зависти других братств и ненависти испанцев, интересам которых они наносили ущерб. Проницательный и политичный Аквавива сразу понял, что такое положение вещей необходимо исправить; и, как следствие, в 1602 году он отправил в Америку комиссара, который, объединив в Сальте всех иезуитов, рассеянных по разным странам, сообщил им, что генерал счел целесообразным разработать план по умерению эксцентричности (*écarts*) рвения и направить его стремительность; [292] другими словами, призвать к ответу такое рвение. В результате было решено сосредоточить все или, по крайней мере, их величайшие усилия на одной точке и закрепить там оплот своей власти в Новом Мире. После того, как он позаботился о том, чтобы достаточное количество членов ордена оставалось на станциях по всей Южной Америке для поддержания своих школ, колледжей и коммерческих учреждений, Аквавива пожелал, чтобы его ученики направили всю свою энергию на создание нового королевства, которое они могли бы назвать своим собственным.

Парагвай, огромный и наиболее плодородный регион, был выбран в качестве места для возведения этого княжества вдали от какого-либо соперничества и с той целью, чтобы подданные не знали другого хозяина, никакой другой религии, никакого другого Бога, кроме тех, которые были представлены им отцами. Предприятие было трудным и требовало большого мужества, терпения и неустрашимости; но иезуиты оказались на высоте поставленной задачи. Постепенно им удалось привлечь к себе внимание некоторых племен. Гуарани были первыми, кто вступил в дружеские сношения с иезуитами, и они убедили их отказаться от своей бродячей и полной приключений жизни и вкушать сладости хорошо организованного общества. Некоторые дома были построены под руководством отцов. Братья-миряне, или временные помощники, были ремесленниками, которые снабжали их всем необходимым, чтобы сделать жизнь приятной и комфортной. Прежде всего, сила музыки воздействовала на живой ум этих дикарей, которые были очарованы мелодией священных песен, повторяемых отцами церкви.

Знания иезуитов об искусстве исцеления ран и телесных болезней также в значительной степени способствовали приобретению ими друзей и почитателей. Любопытство еще больше способствовало их усилиям, в то время как оно побудило индейцев посмотреть на то, что показалось им такими странными в поселениях иезуитов, после того как они были уверены, что их не ждет ничего, кроме доброты и подарков. Там, где сначала стояло несколько изолированных домов, вскоре выросла деревня, которая впоследствии превратилась в аккуратный и регулярный маленький городок. План, составленный для этих городов, был единообразным и очень простым. Улицы одной ширины тянулись прямыми линиями и сходились на центральной площади. Церковь была построена в самом заметном месте деревни и, безусловно, была самым красивым и украшенным зданием в городе. Рядом с церковью находились дом отцов церкви, арсенал и склады. В каждой деревне был также рабочий дом или что-то вроде тюрьмы для плохих женщин.

Эти деревни были известны под общим названием *Сокращений*, но каждая из них отличалась именем собственным. Первый, который был установлен, был посвящен Мадонне Лоретто, второй - святому Игнатию, а остальные - другим святым и мадоннам. Уже в 1632 году иезуиты владели двадцатью Сокращениями, каждое из которых насчитывало тысячу семей. Два иезуита, викарий и викариатка, были назначены руководить каждой Редукцией, которой они управляли с абсолютной и неоспоримой властью. Они были властителями, друзьями, врачами, богами тех варваров, которые соглашались жить в Сокращениях. Они разделяли их труды, их развлечения, их радости, их печали. Они ежедневно посещали каждый дом, в котором лежал больной человек, которому они служили как самые добрые сиделки и которому, казалось, прислуживали гении. Таким поведением они заставили это примитивное население боготворить их.

Однако не следует предполагать, что иезуиты сразу получили над свирепыми взрослыми индейцами всеобщую и абсолютную власть. Даже те, кто соглашался принять крещение и прожить некоторое время в Редукции, часто покидали ее и, пренебрегая мирной и сравнительно женственной жизнью, возвращались в свои леса и к своей прежней жизни, полной постоянных войн, в поисках своих врагов, чтобы удовлетворить свои каннибальские аппетиты. Часто они восставали против власти иезуитов и нередко угрожали им полным уничтожением. Но второе поколение — те дети, которые родились в пределах Редукции и были воспитаны отцами, — показали себя самыми покорными и преданными из всех подданных. Благодарность за доброту, которую они испытали, восхищение высшим умом и приобретениями своих хозяев, благоговейный трепет перед религией, которой их учили, страх наказания и позора — все это в совокупности делало их верными и покорными отцам.

Когда однажды иезуиты вырастили поколение столь преданное и послушное, они затем привели в действие свою систему правления и предприняли успешную попытку реализовать ту республику, о которой в древности говорил Платон и которую, возможно, с более заинтересованными взглядами, предлагают нам социалисты наших дней. Фактически, их форма республики была ничем иным, как тем коммунизмом, который знаменитый Кабе сейчас пытается установить почти в тех же регионах; единственная разница заключалась в том, что иезуиты заменили собой государство или общину.

В Сокращениях царило полнейшее равенство. Ни один знак отличия, ни разница в одежде, жилищном устройстве или пище не заставляли одного завидовать судьбе другого. При каждом Сокращении существовали мастерские, в которых отрабатывались самые полезные искусства. Как только мальчики смогли работать, их отправили туда учиться ремеслу, к которому они чувствовали наибольшую склонность, в соответствии с принципом, которого неизменно придерживались иезуиты, — “что искусством должна руководить природа”. Братья-миряне-иезуиты, или временные помощники, были ремесленниками, которые обучали молодежь, и они вместе с членами церкви сами брались за плуг, чтобы побудить индейцев преодолеть свое отвращение к обработке земли. Каждой семье был выделен участок земли, который они были обязаны обрабатывать; и строгая бдительность обеспечивала хорошую обработку. У женщин также были свои занятия. Каждое утро в понедельник они получали определенное количество шерсти или хлопка, и каждую субботу от них требовалось возвращать их готовыми к ткацкому станку. Вся продукция, какого бы рода она ни была, хранилась на больших складах и распределялась иезуитами равными порциями каждому человеку. Даже мясо с общественных бойен разделялось таким же образом. При распределении наибольшее внимание уделялось

сиротам, беспомощным и престарелым. Излишки продуктов вывозились и частично обменивались на европейские товары, в которых не хватало в период Сокращения; а остальная часть, после уплаты пиастра (четырёх шиллингов) за каждого человека в возрасте от восемнадцати до пятидесяти лет, в качестве своего рода дани королю Испании, оставалась в распоряжении отцов. Ни одна монета какого бы то ни было вида не была разрешена или известна на момент Понижения. Можно сказать, что участок земли, прикрепленный к каждому дому, составлял единственную собственность, принадлежащую отдельному лицу; и это делалось для поощрения и вознаграждения трудолюбия, ибо, если он делал его производительным, он сам получал всю прибыль, не уменьшая той доли, которую получал из общего запаса. Ежедневные занятия были детально регламентированы. Были установлены часы для работы, развлечений, молитв, и даже был установлен вечерний час, по истечении которого каждый человек был обязан вернуться в стены своего собственного жилища. Любое нарушение любого из установленных правил каралось публичным телесным наказанием; но, как правило, нарушитель больше боялся гнева отца, чем ожидавшего его наказания. Всеобщее избирательное право осуществлялось в полной мере, и именно народ избирал своих магистратов, а также гражданских и военных чиновников. Все эти государственные чиновники неизменно избирались из индейцев; но, чтобы польстить самолюбию или усыпить ревность испанского короля, их отличали испанские титулы коррехидор, алькальд и т. Д. Выбор народа был представлен, по крайней мере для *проформы*, на одобрение испанских властей, которые, не зная ни выборщиков, ни кандидатов, не могли не одобрить его; но в действительности санкция иезуитов была необходима для признания выборов действительными.

Чтобы держать этих людей в таком состоянии зависимости и подчинения, иезуиты изолировали их от остального мира. Ни один человек не мог покинуть Редукцию без разрешения, и ни одному европейцу не разрешалось посещать эти Редукции без сопровождения или вступать в свободные сношения с обитателями. Знание любого другого языка, кроме родного, было полностью изгнано, а неприязнь и предубеждения против европейцев лелеялись так же тщательно, как в древнем Египте.

Также Сокращения не остались незащищенными от возможных нападений внешних врагов. Все трудоспособные мужчины были обучены владению оружием и сформированы в ополчение, имеющее свой устав, своих офицеров, свой арсенал, свою артиллерию, свои боеприпасы. Офицеры избирались солдатами; оружие и боеприпасы, не исключая пушек, производились в Сокращенном виде, всегда силами иезуитов и под их руководством. Во второй половине дня каждого воскресенья и в другие праздничные дни ополченцы собирались и проводили военные учения и перестроения. Когда это ополчение было призвано на службу испанскому королю, “во главе их и в их рядах всегда были иезуиты, которые препятствовали любым контактам с другими индейцами или с европейцами и которые отвечали за свою добродетель перед Богом, как индейцы отвечали за свою храбрость перед людьми”. [293] И, действительно, они не выполнили свой долг, когда представился случай. Племена дикарей часто нападали на редуцированных, но встречали их с несомненным мужеством и, вообще говоря, были отброшены, понеся серьезные потери.

Но если, с одной стороны, иезуиты лелеяли в народе недоверие и неприязнь к чужакам, то они, с другой стороны, старательно прививали различным редуцирам гостеприимство и дружбу. В дни великих праздников, и особенно в день святого покровителя любого Поселения, соседи

отправлялись туда торжественной процессией и были приняты со всеми возможными знаками любви и дружбы.

Таков общий очерк гражданского правления Сокращений и того образа жизни, который вели местные жители. Против такой системы выдвигались возражения и упреки, и, возможно, не всегда необоснованные. Было сказано, что обитатели Сокращений были низкими и презренными рабами, ведомыми бичом, лишенными даже способности мыслить и заключенными в вечное заточение, хотя и на большом пространстве. Кине, возможно, более красноречиво, чем разумно, восклицает: “Уверены ли мы, что в нем (Парагвае) содержится зародыш великой империи? Где признаки жизни? В самом деле, повсюду слышен, по крайней мере, плач ребенка в колыбели; здесь, признаюсь, я очень боюсь, что такая тишина, царящая в одном и том же месте в течение трех веков, является всего лишь дурным знаком и что режим, который может так незаметно ослаблять девственную природу, не может быть ничем иным, как режимом, который развивают Гватмозен и Монтесума”. Все это очень хорошо сказано и, возможно, отчасти верно. Несомненно, этих людей держали в вечном младенчестве. Несомненно, от них не следует ожидать ничего великого, ничего творящего. Несомненно, они не развивали и не расширяли привитый им новый элемент жизни, как это делали другие народы, которые были более предоставлены самим себе; они также не использовали самую благородную часть своей природы — интеллект — в том стремлении, для которого, как мы думаем, был создан человек, — поиске истины. Но, несомненно, есть нации, которые оказались в худших условиях, подверглись более пагубному влиянию и больше заслуживают нашей жалости и сочувствия. Таким образом, если бы нация, которая благодаря свободному осуществлению всех своих способностей и деятельности достигла высокого уровня цивилизации и утонченности, была бы сразу же раздавлена, как Франция в настоящий момент, железной рукой деспотизма, этот народ был бы действительно несчастен, и такие скорбные стенания, как у красноречивого бывшего профессора Французского колледжа, в этом случае были бы неуместны. Но эти американцы, которые ничего не знали об удовольствиях морального и интеллектуального совершенствования, кроме того, что давали им их инструкторы, и находили в этом удовлетворение, мы не знаем, насколько они заслуживают жалости. Были ли эти люди, спрашиваем мы в свою очередь, менее счастливы или более несчастны, чем те десятки тысяч, которые погрязли во всевозможных пороках в свободных и цивилизованных городах Париже и Лондоне? Являются ли тогда беспросветная нищета, стоны угнетенных и безрассудная чувственность необходимыми элементами национального счастья? Это вопросы, которые, по нашему мнению, заслуживают некоторого рассмотрения; и хотя мы думаем, что человеческая раса была предназначена Создателем для более великих и благородных целей, чем простое наслаждение материальной жизнью; и хотя мы знаем, что человечество должно прогрессировать на своем пути, и что этот прогресс не может быть достигнут без большого волнения и большого зла, тем не менее, когда мы размышляем обо всех страданиях, которые окружают наше цивилизованное состояние, мы свободно прощаем иезуитов за то, что в одной части земного шара они позволили цивилизации и прогрессу ненадолго уснуть, чтобы сделать этих бедных индейцев счастливыми.

Более обоснованными являются обвинения, выдвигаемые благочестивыми и ревностными против иезуитов в отношении той религии, которой они обучали своих неофитов. На самом деле, хотя мы не можем проследить какую-либо постоянную систему грубого идолопоклонства, которая практиковалась орденом в Ост-Индии, тем не менее, неоспоримым фактом является то, что то, чему они учили под названием чистой религии Христа, было не чем иным, как серией

пустых форм и суеверных обрядов, и что поклонение, которое оказывалось Богу, было немногим лучше постоянного и пестрого маскарада, если нам будет позволено так выразиться. Мы не будем вдаваться в подробности, следующий отрывок из Кретино достаточно показывает, к какому типу христиан, если их вообще можно так назвать, относились обращенные иезуитами. “У этих индейцев был очень ограниченный интеллект; они понимали только то, что попадало в поле их зрения; и миссионеры были так встревожены их глупостью, что спрашивали себя, возможно ли допустить их к участию в таинствах. Они проконсультировались по этому вопросу с епископами Перу, собравшимися в Лиме, которые пришли к решению, *что, за исключением крещения, ни один акт христианского благочестия не должен быть навязан им без бесконечных мер предосторожности.*” [294] Верно, что панегирист ордена добавляет, что терпение иезуитов не было обескуражено всем этим, и что они старались сделать их лучшими христианами, и мы даже верим, что если человека, который соблюдал все навязанные внешние церемонии, можно назвать христианином, то они преуспели в своей попытке.

Однако, похоже, что иезуиты настолько полностью извратили истинный дух христианской религии, что даже римско-католические епископы, которые, как всем известно, не очень щепетильны в этих вопросах, были шокированы и возмущены их поведением и попытались положить этому конец. Бернардин Карденасский, епископ Парагвая, и Джон Палафокс, епископ Ангелополиса, были наиболее выдающимися в своих усилиях положить конец иезуитским суевериям; но оба потерпели неудачу; оба потерпели поражение в борьбе; оба были вынуждены скитаться как бедные изгнанники за пределами своих епархий; и оба, наконец, были вынуждены отказаться от своих епископств. История Палафокса, в частности, заслуживает краткого рассказа.

Палафокс был человеком величайшего благочестия, чистой и незапятнанной жизни, и после его смерти даже предлагалось канонизировать. Он не питал недоброжелательства к иезуитам; напротив, как хороший папист, которым он был, он даже переоценивал их заслуги. В своем письме королю Испании он говорит о них: “Общество святого имени Иисуса - замечательное учреждение, образованное, полезное, святое, достойное защиты не только вашего величества, но и всех католических прелатов”. [295] Человека, который так отзывается об ордене, нельзя заподозрить во вражде; и следует сделать вывод, что он не напал бы на Общество, если бы его не заставлял долг или необходимость. Сначала он попытался образумить их увещеваниями. [296] Впоследствии он написал сильное письмо папе Иннокентию X. и попросил провести реформу Общества, необходимую, по его словам, для блага христианской общины. Результатом было то, что иезуиты подняли такую бурю и возбудили столько дурных страстей против добродетельного прелата, что он, “чтобы не быть заключенным в тюрьму или убитым, был вынужден бежать и странствовать”, как он писал папе, “по негостеприимным горам и лесам; утолять свой голод хлебом скорби; утолять жажду водой из глаз; не иметь другого дома, кроме пещер и твердой земли; и провести свою жизнь со змеями и скорпионами”. [297] Такова была жизнь, к которой иезуиты обрекли бедного епископа. Но даже это их не удовлетворило. Чтобы насытить свой дух мести, они не постеснялись осквернить епископский сан и самые священные тайны той религии, которую, по их словам, они поддерживали. В 1647 году, в день празднования дня их основателя Лойолы, ученики колледжа устроили шествие, основными элементами которого были следующие. У одного из ученых на хвосте его лошади висел посох, а у стремени - митра. Другой нес карикатурное изображение епископа; другие несли непристойные

изображения весьма уважаемых священников. Этот человек благословил тельца рогами, сказав: “Таковы истинные гербы христиан”. Что другие *держали одной рукой образ Спасителя, а другой - позорную вещь, которую приличия запрещают нам называть*. Все они прокричали Молитву Господню, в конце которой с громоподобными криками повторили: “Освободи нас от Палафокса”. [298]

Наконец, Римский суд, чтобы защитить его, перевел его на кафедру Осмы в Испании, где он представил такие доказательства добродетели и благочестия, что умер в благоухании святости, впоследствии получил титул *Servus Dei* и *Venerabilis*, а примерно шестьдесят лет спустя был предложен к канонизации. [299] Но можно ли поверить — может ли кто—нибудь вообразить, - что иезуиты третьего поколения сделают шаг вперед, чтобы возобновить свою атаку на древнего противника ордена и воспротивятся его канонизации? И все же так оно и было. Генерал Компании фактически вмешался и устами защитника веры —*промоторе делла феде*, [300] оклеветал его доктрины, его поведение, его жизнь; и ему удалось отложить канонизацию до тех пор, пока не разразилась надвигающаяся буря, которая на некоторое время рассеяла ненавистное Общество Иисуса. [301] Этот пример наглядно показывает, насколько глубоко укоренился в сердце иезуита дух ненависти и мести!

Мы довольно подробно рассказали об инцидентах, связанных с Палафоксом, как об особом примере как характера этого человека, так и природы фактов и скандала, который они вызвали среди самих папистов, и о котором пока не сообщается. Но это всего лишь один из тысяч примеров властного и преследующего духа иезуитизма. “Бесчисленные и постоянные судебные разбирательства, которые велись против вас в Римском суде, - говорит Джоберти, обращаясь к ордену, - свидетельствуют о согласии и добродружбе, которые Общество поддерживало со своими товарищами по священству и апостольству. Первой причиной ссоры всегда было то, что ваши миссионеры хотели остаться в одиночестве и исключить другие ордена из какого-либо участия в миссиях; и для этого они прежде всего обратились к Святому Престолу; а когда им это не удалось, они прибегли ко всевозможным уловкам, коварной клевете, преследованиям и актам насилия”. [302] Так говорит человек, который гордится тем, что является по-настоящему хорошим католиком, и который перечисляет многих епископов, генеральных викариев, пап, легатов и т.д., которые подвергались жестоким гонениям со стороны отцов церкви. Фактически, вот политика, проводимая иезуитами по отношению к высшим церковным властям повсюду, и особенно в Ост- и Вест-Индии. Мы просим наших читателей обратить особое внимание на следующее утверждение, поскольку оно служит объяснением очевидной аномалии, существующей среди папских епископов и других функционеров в отношении благосклонности или ненависти, проявляемой ими к иезуитам.

Епископ, или легат, или кардинал, или кто бы то ни было, обладающий какой-либо властью, должен быть либо дружелюбен, либо настроен враждебно по отношению к Обществу, и это особенно в чужих и отдаленных странах, удаленных от контроля Рима. В первом случае иезуиты осыплют его похвалами, заслуженными или нет. Они провозгласят его святым, светилом Церкви, образцом христианской добродетели; и, оставив ему всю внешнюю помпезность и мнимый авторитет его должности, они будут командовать и направлять все от его имени. Таким людям они оказывают величайшее внешнее уважение и делают самые смиренные заявления о преданности, повторяя на каждом слове, что они самые послушные слуги Святого Престола и его представителя. И то же самое их поведение и свидетельство, которое те же самые люди готовы дать о своем послушном поведении, преподносится отцами церкви как ответ тем, кто

упрекает их в непослушании и безбожии. Но если эти церковные сановники отказываются подчиняться руководству отцов церкви и делают вид, что осуществляют свою власть независимо, они становятся распутными еретиками, чудовищами беззакония; и они могут считать себя счастливыми, если избежат обращения, отличного от того, которое было применено к Палафоксу и Де Турнону. Действительно, даже с самими папами обращались почти таким же образом, их превозносили или клеветали, в зависимости от того, были они благоприятны или враждебны Обществу. В *Буллариуме* можно найти множество материалов против иезуитов за их неповиновение представителям Святого Престола и за преследования, которым они подвергались от них. [303] Их неповиновение и дух бунта против Римского двора в отношении их поведения в миссиях, в которых они упорствовали, стали настолько оскорбительными и провоцирующими, что сначала Иннокентий X., а затем Иннокентий XIII. решили упразднить Общество, но не смелой и решительной мерой, как это сделал впоследствии Климент XIV., а запретив принимать каких-либо новых членов. новички. Иннокентий XIII, приказав инквизиции собрать все доказательства почти предательских действий иезуитов, в ответ на извиняющееся письмо генерала, который объявлял Общество невиновным или, по крайней мере, оправдывал их неподчинение и бунт, издал буллу, которой генералу и Обществу категорически запрещалось давать рясю любому послушнику или допускать кого-либо к принятию обетов, простых или торжественных. [304] Но в то время, когда Иннокентий был полон решимости действовать с чрезвычайной энергией против Общества, он умер, и смертью, которая не вызвала никаких неестественных подозрений в нечестной игре. [305]

Таковы общие черты американских миссий. Мы также можем добавить, что иезуиты сочли благоразумным отказать в приеме в Общество всем аборигенам, чтобы они не потеряли престиж, который они имели над ними. Мы также должны предупредить наших читателей, чтобы они не воображали, что иезуиты ограничили свое учреждение Сокращениями Парагвая. Можно сказать, что Парагвай был их собственным королевством, но у них также были великолепные заведения всех видов по всей Южной Америке. Конкретные происшествия, мельчайшие детали, чудеса, диковинки, о которых рассказывали иезуиты в своих исторических трудах и в своих письмах, *annuæ* или *edifiantes*, мы не будем повторять; не будем также записывать некоторые отдельные акты жестокости и нечестия, в которых упрекали некоторых иезуитов. Мы думаем, что дали максимально точное представление об общем характере миссий, и это все, что можно сделать в общей истории ордена. Поскольку впоследствии у нас будет возможность довольно подробно поговорить о коммерческих операциях иезуитов и о конечной судьбе Сокращений, мы завершаем эту главу.

ГЛАВА XIV.

1617-1700гг.

ВНУТРЕННИЕ ПРИЧИНЫ УПАДКА.

В одной из наших предыдущих глав мы видели, что во время *генералата* Аквавивы вспыхнуло несколько частичных восстаний против непомерной власти генерала, и что, хотя они были подавлены, они оставили в сообществе семена неповиновения и духа независимости, которые,

как следовало опасаться, проявятся снова в первый благоприятный момент. Фактически, в тот момент, когда его больше не сдерживала железная рука непреклонного Аквавивы, оно распространилось на все классы ордена, особенно на высший, на исповедуемый, и буйная и надменная аристократия заняла в управлении Обществом место, отведенное Лойолой для всемогущего генерала. Характер непосредственных преемников Аквавивы в значительной степени способствовал такому нововведению, которое в конечном итоге привело к краху ордена. Вителлески, Караффа, Пикколомини, Готтифредо не были подходящими людьми для управления этим братством, ныне достигшим вершины своего могущества и гордости. Они не были ни святыми, ни негодьями в достаточной степени, чтобы преуспеть в этом начинании. Они не внушали достаточного почтения своей благочестивой и святой жизнью, как Борджиа, и не вызывали уважения и восхищения своим выдающимся гением в управлении обществом, как это делали Лайнес и Аквавива, а сознание собственной недостаточности делало их еще менее пригодными для этой задачи.

Вителлески, непосредственный преемник Аквавивы, был человеком с благими намерениями, мягким и миролюбивым. Друзья называли его *ангелом мира*, и на смертном одре он находил утешение в убеждении, что никому не причинил вреда. [306] Но очевидно, что такой добрый и снисходительный человек не мог оказать никакого эффективного сопротивления быстро распространяющейся коррупции ордена или требованиям решительных амбиций. То, что при Аквавиве было лишь сиюминутной выгодой, при Вителлески стало правилом. Так называемые члены общества стали, если не исключительно, то по крайней мере одновременно с коадьюторами, распорядителями мирских забот Общества; и контроль, который два класса осуществляли один над другим, согласно мудрым постановлениям Игнатия, был навсегда уничтожен. В то время как число помощников уменьшалось, число так называемых стало непропорционально многочисленным, но они утратили часть того почтения, которое они заслужили в прежние времена своей жизнью, по крайней мере внешне, полностью духовной и аскетической. Кроме того, как мы уже говорили, особы из знатных семейств, жаждавшие церковных почестей или мирской власти, теперь добивались приема в орден, и Вителлески не имел ни намерения, ни, возможно, власти отказать им, независимо от того, были они квалифицированы или нет. Строгий и доскональный контроль, которому должен был подвергаться кандидат и которому фактически он подвергался при Лойоле и двух следующих генералах, постепенно становился менее суровым; но при Вителлески им вообще пренебрегли, и новички были освобождены от многих обязанностей, которым Конституция по праву их обязывала. Злоупотребления, возникшие в результате несоблюдения важнейших правил, возросли настолько, что сам Вителлески был сильно тронут этим и излил свое горе в самом красноречивом и осуждающем письме, которое он адресовал членам ордена. Из этого письма мы извлекаем следующий отрывок: “Но откуда мы можем подозревать наше нежелание обращать внимание на Божественные вещи — наше чувство тяжелой утомительности при воспоминании — в сдерживании блужданий нашего блуждающего воображения, часто стремящихся в том направлении, которого меньше всего хотелось бы, потому что мы не подавили их, когда могли? Что это за упорная и всепоглощающая любовь к низшим объектам — миру, чести, родителям и мирским удобствам? — эта большая власть, уступаемая мятежной плоти и крови, а не духу в действии, ибо меня не интересуют слова; — эта обессиленная, измученная слабость в сопротивлении домогательствам искушения в наших конфликтах с внутренним врагом, возможно, не совсем уступающая, но все же не проявляющая того рвения и

экзальтации ума, которым даруется только победа? Это плоды робости и распущенного духа, который, если его вовремя не поднять и не согреть заново, явно приближается к падению и разрушению”. И завершается письмо такими замечательными словами: “Я горячо призываю всех в свидетели и заявляю им, что от Бернарда я ожидаю ответа на это послание, но ответа *делами*, а не словами”. [307] “Таким образом, - говорит Джоберти, - во время правления Вителлески дух Конституции совершенно изменился: политики одержали верх над святыми, а мирской дух - над мистицизмом”. [308]

Зло усилилось при Караффе, сменившем Вителлески в 1646 году и все еще менее способном, чем его предшественник, управлять Обществом. Караффа был простым и невинным фанатиком, не совсем недостойным похвалы. Он был замечателен своим смирением: у него не было ни экипажа, ни слуги, ни знаков отличия в еде или одежде от самого смиренного из братьев. [309] Он неоднократно умолял своих учеников отложить в сторону все политические и мирские заботы и жить религиозной и благочестивой жизнью. Он был потрясен и опечален в глубине души всепроникающим духом распущенности и алчности и предсказал, что это приведет к краху ордена. На самом деле Общество постоянно все больше и больше отходило от принципов, на которых его основал Лойола. Правило, согласно которому все вступающие в орден должны отказываться от всякого мирского владения, строго соблюдалось в прежние времена, но теперь акт отречения либо откладывался, либо совершался на определенных условиях, и то под разными предлогами, и особенно на том основании, что любой иезуит в любое время мог быть изгнан из Общества. Поэтому, когда послушник теперь совершал передачу своего имущества ордену, он четко указывал, что это делается в пользу такого-то колледжа, к которому он был прикреплен, и часто с оговоркой о том, что он сам управляет имуществом, которое он завещал; так что, даже когда имущество оставалось в ордене, оно больше не находилось безоговорочно в распоряжении Генерала, представляющего все сообщество, а отдельного человека, который в определенной мере все еще считал его своей собственностью. Более того, многие иезуиты, имея больше досуга и навыков, чем их родственники, взялись за управление своими делами.

Против этого зла Караффа ничего не мог поделать, кроме как писать письма, полные жалоб, и прописывать средства, к которым никогда не следовало прибегать. Так, говоря о тех иезуитах, которые желали сохранить свою собственность, он говорит: “Определившись в своих собственных умах, в каких домах или колледжах они должны обустроить свое жилище, ... они усердно трудятся, чтобы добиться для себя управления тем, что они передали Обществу”. И еще: “Нашим прокураторам следует быть более осторожными, ибо, хотя они стремятся к тому, что справедливо по законному праву, все же они, кажется, стремятся к этому со скупостью и алчностью и проявляют слишком много алчности, от которой пахнет миром”. [310] А что касается непристойных разговоров и распущенности, Караффа говорит: “Я также не могу обойти молчанием тот факт, что эти ошибки в значительной степени являются результатом ошибки начальства”. [311]

Какое плохое представление эти два генерала дают о власти, о престиже, которым они пользуются в Обществе! какой контраст с их предшественниками! Насколько иначе поступили бы Лойола, Лайнез или даже Аквавива! Когда генерал Ордена, осознающий зло, охватившее Общество, не может найти иного средства, кроме жалоб, Общество неизбежно должно погибнуть; так случилось и с иезуитами.

Пикколомини, сменивший Караффу в 1649 году, и Готтифредо, сменивший последнего в 1652 году, были людьми без какой-либо энергии или способностей, возможно, менее ревнивыми, чем два бывших генерала, к чистоте и морали ордена; и за время своего короткого правления они ничего не могли сделать, кроме как стать свидетелями его растущей коррупции.

Здесь следует отметить, что при избрании генерала выбор конгрегации теперь неизменно падал на человека без характера или авторитета, так что отцы церкви могли не иметь над ними господина; и когда следующий генерал, Госвин Никель, попытался частично утвердить свой авторитет, ему вскоре дали понять, что времена Лойолы и Аквавивы прошли.

Никель, избранный генералом в 1652 году, был грубым и упрямым человеком. На самом деле он не задумывался о каких-либо очень глубоких или изощренных реформах; он позволил, чтобы все шло в целом так, как шло раньше; но у него была привычка настаивать на соблюдении своих приказов с особым упорством, не считаясь с чувствами других, и он так сильно оскорбил самолюбие аристократической части Общества, что Генеральная конгрегация 1661 года приняла против него меры, которые, исходя из монархического характера учреждения, вряд ли можно было предположить возможными. [312] Конгрегация, желая отложить Никель в сторону и все же не желая произносить низложение, обратилась к Папе за разрешением избрать генерального викария, и Иннокентий X. не только удовлетворил их просьбу, но и указал на должность своего друга Оливы, который был соответственно избран. Затем Конгрегация, решив, что генеральный викарий должен обладать *примитивной* властью, независимой от генерала, власть последнего была полностью отменена и полностью передана викарию; так что, когда несколько иезуитов пришли засвидетельствовать свое почтение Никелю, он жалобным тоном сказал им: “Я нахожусь здесь совершенно заброшенным и больше не в силах что-либо делать”. [313]

Любопытно, если не поучительно (правдивость историков-иезуитов очень хорошо известна) послушать рассказ Кретино об этой сделке. “Никель, - говорит французский историк, - чувствовал, что стареет, что его немощи больше не позволяют ему управлять страной с требуемой энергией; он умолял иезуитов освободить его от слишком большой для него ответственности, дав ему помощника; и они вняли его мольбам”. [314] Никель пережил свой позор три года, а Олива стал генералом.

Олива происходил из знатной семьи Генуи, где его дед и дядя соответственно были дожами республики. В Оливе иезуиты наконец нашли вождя, который пришелся им по сердцу. Он боготворил покой, прерываемый только политическими интригами и застольными удовольствиями. [315] Большую часть своего времени он проводил на восхитительной вилле недалеко от Альбано, где занимался выращиванием редчайших экзотических растений. Находясь в Риме, он удалился в монастырь Святого Андрея, где редко удостоивал аудиенции. Он никогда не ходил пешком. Он жил в роскошно и элегантно обставленных апартаментах, наслаждаясь удовольствиями от стола, уставленного самыми отборными деликатесами, которые пробудили бы аппетит у Вителлия. [316] Он старался только наслаждаться положением, которое занимал, и властью, которую получил. Оставляя за своим особым вниманием вопросы политической важности, он предоставил делам Общества полностью управлять нижестоящим должностным лицам; и с этого момента можно сказать, что каждый индивид (мы говорим о лицах определенного значения, поскольку в каждом обществе есть простак, всегда готовые к

повиновению) стал в значительной степени сам себе хозяином. Не то чтобы интересами Общества пренебрегали; напротив, оно никогда не было таким процветающим.

Члены каждой религиозной общины индивидуально велики пропорционально величию общества, к которому они принадлежат, и тому уважению, которым оно пользуется в обществе. Это само по себе побуждает каждого отдельного члена всеми силами стремиться к расширению и великолепию своего ордена; и если это верно в отношении любого другого объединения, то в первую очередь это относится к Обществу Иисуса. Иезуиты семнадцатого века поклонялись Ордену с таким же идолопоклонством, как и их предшественники, и, чтобы служить ему, всегда были готовы играть роль лицемеров, обманщиков, клятвопреступников, негодяев; но каждый служил ему (за исключением больших общих чрезвычайных ситуаций, в которых все они действовали сообща) в соответствии со своими собственными взглядами и собственными привязанностями, некоторые из них предполагали даже абсолютную независимость; как, например, Анн, Лашез, Летелье и др.

При правительстве Оливы Общество приобрело огромное политическое значение. За несколько лет до своей смерти Олива опубликовал свою переписку, адресованную почти всем монархам Европы, в которой он действительно показывает себя непревзойденным политиком, глубоко вовлеченным в самые серьезные и важные дела. Это уже пробудило некоторый интерес и заставило людей смотреть на Орден как на хорошего помощника в политических интригах. Кроме того, тот факт, что иезуиты были духовниками всех римско-католических монархов и что через них генерал имел возможность ознакомиться с самыми тайными расположениями и планами этих монархов, придавал его дружбе неоценимую ценность и был объектом, которого с нетерпением искали самые могущественные монархи. Опять же, духовник, имея меньшее или большее, но всегда большое влияние на своего царственного кающегося, стал также важной персоной в стране, где он исполнял свои обязанности. Аннат был посредником между *великим королем* и папой римским; и Александром VII. кратко поблагодарил его за добрые услуги. [317] Лашез и Летелье обладали еще большей властью, чем Аннат. Сам Римский двор в ту эпоху был вынужден поддаться влиянию Ордена; и если какой-либо папа в неудачный момент отваживался выступить против них в каком-либо из их ухищрений, он вскоре был вынужден отозвать свои приказы и безоговорочно признать, что поступил неправильно. Иезуиты называют эту эпоху золотым веком своего Общества; но мы скорее назвали бы ее железным веком, поскольку именно в эту эпоху великолепие и славы они наиболее далеко отошли от принципов своего учреждения и тем самым подготовили свое собственное крушение. Обладая огромным состоянием, пользуясь огромным кредитом и влиянием среди всех классов общества, они поддались искушениям, свойственным такой ситуации; и, пренебрегая всеми правилами благоразумия и ограничениями общественного мнения, они отдались жажде власти и богатства — осуществляли свои честолюбивые проекты самыми сомнительными средствами и не думали ни о чем другом, кроме как пожинать плоды достигнутого положения. Поскольку теперь мало кто осмеливался противостоять им, и поскольку люди хранили молчание об их пороках, они думали, что теперь на эти пороки не обращают внимания; и это еще больше побуждало их упорствовать в своем предосудительном поведении. Именно в семнадцатом веке иезуиты, приподняв на некоторое время плотную завесу лицемерия, под которой они совершали свои преступления, позволили миру проникнуть в суть их поведения и обнаружить, кем они были на самом деле. Напрасно, когда они поняли, что их узнали, они снова опустили покрывало. Их лица были замечены, и с тех пор их всегда можно было узнать, под какой бы маской они ни пытались себя скрыть. Именно в семнадцатом веке они придали своей торговле

скандальный размах и превратились в опасных конкурентов крупнейшим заведениям. Именно в семнадцатом веке они бросили вызов всем другим религиозным орденам и пробудили в них чувства ненависти и ревности, которые до сих пор не угасли. Именно в семнадцатом веке они злоупотребляли, более скандально, чем когда-либо, доверчивостью своих приверженцев. Пример, который мы собираемся привести здесь, послужит многим.

Среди рукописей в Британском музее есть паспорт, выданный иезуитами в 1650 году за вознаграждение в 200 000 флоринов (10 000 фунтов стерлингов) Ипполиту Брэму из Гента с обещанием защищать его от всех адских сил, которые могли бы покуситься на его личность, душу или имущество. Вот перевод этого странного документа:—

“Нижеподписавшийся протестует и обещает, на вере священников и истинных верующих, от имени нашей Компании, достаточно уполномоченных для этого, что наша Компания берет мастера Ипполита Брэма, доктора права, под свою защиту и обещает защищать его от всех адских сил, которые могут покушаться на его личность, его душу, его имущество или его средства; что мы призываем и будем призывать с этой целью (для предотвращения покушений на его личность и т.д.) светлейшего Принца, нашего Основателя, используя в данном случае его авторитет и его кредит, в целях распорядиться, чтобы вышеназванный Браем был представлен им благословенному Первоапостолу с большой точностью и бережностью, поскольку наша Компания бесконечно обязана ему. В подтверждение чего мы подписали настоящий подарок и заверили его печатью Общества. Дано в Генте 29 марта 1650 года и подписано ректором Секлином и двумя священниками-иезуитами”. [318]

Похоже, что в Индии иезуиты широко распространяли такие паспорта. В тех отдаленных регионах наглость отцов церкви, должно быть, была еще большей, чем в Европе. Отец Марчелло Матрилли, находясь в Японии, хвастался, что много раз в день посылал своего ангела-хранителя выразить почтение и передать послания святому Франциску на небесах, и что он получал ответы. [319] Нас не удивляет нелепая и неприкрытая наглость Матрилли, который известен своими нелепыми самозванцами; но мы удивлены, что Бартоли, такой опытный писатель и не совсем презренный историк, с невозмутимой серьезностью рассказывает о таких ребяческих нелепостях.

В 1681 году Нуайель, “который не обладал такими же блестящими качествами, как его предшественники”, [320] преемником Оливы стал сам Гонсалес, суровый богослов, который умер в 1705 году и имел своим преемником отца Тамбурины. За время правления этих генералов не произошло ничего примечательного ; по крайней мере, ничего такого, что представило бы нам какую-либо новую черту в истории, которую мы пишем. Компания следовала тем курсом, на который вступила, и твердым шагом направлялась к своему подобающему разрушению. Не то чтобы там были какие-то явные признаки упадка. Напротив, Общество стало более могущественным, за ним ухаживали больше, чем когда-либо. Но его сила больше не заключалась в его внутренних достоинствах или приспособлении к нуждам человечества; а интерес и уважение, которыми он, казалось, был окружен, были эфемерными и в какой-то степени обязательными. Вместе с несколькими искренними преданными была толпа придворных, которые льстили в своих собственных интересах. Собравшиеся напоминали всемогущего министра, которого ненавидели за его личные качества, но которому поклонялась и превозносила до небес толпа тех, кто боялся его власти или ждал его благосклонности, с

нетерпением ожидая, когда государь нахмурится на него, чтобы они могли проявить свои истинные чувства. Таково было состояние Общества Иисуса в семнадцатом веке.

ГЛАВА XV. 1700-1772. ПАДЕНИЕ ИЕЗУИТОВ.

Мы довели нашу историю до начала восемнадцатого века, эпохи, в которую сила и величие Общества Иисуса постепенным маршем достигли точки, с которой, следуя закону, присущему всему человеческому, оно не могло не прийти в упадок; ибо институты, империи и нации, так же как и сам человек, переживают свои последовательные периоды младенчества, юности, возмужания, старости и одряхления; и если институты, доктрины или нации возрождаются после своей моральной смерти, они никогда не восстанавливают ту степень силы и жизнеспособности, которой они обладали, когда они достигают зрелости своей власти. Согласно этому неизменному правилу, любому глубокомысленному наблюдателю было очевидно, что иезуиты достигли той высоты, с которой они неизбежно должны были спуститься; но, как это всегда бывает, они никогда не подозревали о своей неминуемой участи и презирали зловещие предчувствия некоторых из их числа, которые предвидели и предсказывали ее. Затем, когда эти предсказания подтвердились, они возложили вину за их падение на всех, кроме их настоящих авторов — самих себя; ибо именно им следует приписать крушение их института. К причинам упадка, которые мы изложили, мы должны добавить ту, которая, возможно, была главной, а именно, что иезуиты, однажды овладев властью, прекратили свою огромную деятельность, которой они были так замечательны в начале своего учреждения, и даже пренебрегли теми искусствами, с помощью которых они получили эту власть. Даже Инструкция, этот всемогущий механизм, который так превосходно служил их целям, была оставлена без внимания и утратила свой первоначальный характер. Это больше не было ни безвозмездным, ни всеобщим; детям из семей, известных своей враждебностью к Ордену, под тем или иным предлогом отказывали в приеме или сильно раздражались, если их принимали. Дважды в год, на Рождество и в день своего святого покровителя (Лойолы), ученики были обязаны приносить подарки учителям; а награды и знаки отличия отдавались в первую очередь детям из богатых семей или тем, кто приносил самый богатый подарок. Это, естественно, породило в этих молодых людях сознание независимости, так что они больше не хотели терпеть суровость древней дисциплины. [321] Некоторые из них даже зашли так далеко, что зарезали своих учителей, и восстания учеников Романо-Коллежио вошли в поговорку. Кроме того, рвение, которое отцы церкви проявляли поначалу в поощрении учебы, не только угасло, но и было направлено на противодействие любому прогрессу.

К тем первичным и внутренним причинам, которые ускорили падение ордена, следует добавить также множество внешних, и все они направлены против них.

В тех странах, в которых иезуиты имели наибольшее влияние, таких как Испания, Португалия и Польша, хотя они и сохранили пока благосклонность двора, они утратили благосклонность всех

других классов общества, которые, по крайней мере втайне, обвиняли их в том, что они являются причиной унижения и разорения их соответствующих стран. С другой стороны, те монархи Германии, которые после Вестфальского мира обращались к иезуитам за помощью в противостоянии своим протестантским подданным, желая скорее успокоить, чем разжечь религиозные распри, хотя и не отняли у иезуитов ту защиту, которую они им предоставили, по крайней мере отказались предоставить им ту почти неограниченную власть, которой они пользовались ранее. Но самым верным, пожалуй, из всех симптомов их приближающегося разорения было то, что сам Римский двор начал неодобрительно смотреть на них и демонстрировать решимость смирить их гордыню и привести их к некоторому осознанию своего долга. Мы уже видели (стр. 127, 128) множество булл, осуждающих их поведение в Китае и Индии, и что Бенедикт XIV. применил к ним очень резкие и оскорбительные названия “непослушных, упрямых, коварных и нечестивых людей”. Тот же папа в этот период также принял посвящение *исторических мемуаров отца Норберта*, о которых мы уже говорили; и поощрял публикацию многих других книг, все враждебные Обществу. Все это было зловещим для иезуитов.

Однако именно во Франции, бывшем средоточии их могущества и славы в семнадцатом веке, крушение ордена было подготовлено наиболее эффективно. Ниспровержение Порт-Рояля, отмена Нантского эдикта, резня гугенотов и все преследования, осуществлявшиеся в этой стране во имя религии, были справедливо приписаны иезуитам. И это было еще не все; отстранение от всех должностей, гражданских или церковных, каждого человека, который не был полностью предан Ордену, сделало их тираническое иго в высшей степени ненавистным.

При деспотичном Людовике XIV. управлявшие Францией железной рукой, а Лашез и Летелье имели в полном распоряжении *печатную литературу*, немногие осмеливались открыто дать выход ненависти, которую они питали к Обществу; но едва фанатичный принц скончался, как долго сдерживаемая вражда вырвалась наружу, и иезуиты подверглись нападкам со всех сторон. Янсенисты, другие религиозные ордена, викарии, епископы - все теперь нападали на монахов, которые несколько месяцев назад держали их в таком благоговении и были хозяевами их состояния. Также утверждалось — и иезуиты повторяют это каждый день, — что упразднение их ордена произошло из-за быстро распространявшихся в то время подрывных доктрин энциклопедистов, и что Ганганелли уничтожил этот оплот христианской религии в угоду атеисту Вольтеру и его ученикам. Но это ни в коем случае не верно в том исключительном смысле, в каком это понимают иезуиты. Энциклопедисты не были ни особыми врагами иезуитов, ни пособниками янсенистов. Возможно, они были больше настроены против строгого и аскетичного характера затворников Порт-Рояля, чем против мирской и покладистой морали потомков Лойолы. Но иезуиты отождествляли себя с римско-католической религией и всеми ее фанатичными и суеверными практиками, и философы были счастливы, что они привнесли в нее так много нелепых суеверий и церемоний, на которых они могли упражнять свое саркастическое и язвительное остроумие. Вольтер и его школа не смогли бы пробудить в сердцах своих современников такую неприязнь, более того, презрение и отвращение к религии Христа, если бы иезуиты не снабдили их средствами, привнеся в нее презренные и идолопоклоннические суеверия. Главной целью энциклопедистов было разрушить христианскую религию; и для этой цели, со злобной проникательностью соединяя возвышенные доктрины и чистую мораль Христа с нелепыми практиками и нечистыми доктринами папистов, и особенно иезуитов, они выставляли все это на посмешище и профанацию поверхностной публики, которая, не желая делать никаких различий, смело

утверждала, что в христианском кодексе нет ничего истинного, ничего святого, ничего достойного уважения. И снова философы в своих похвальных попытках ввести принципы гражданской и религиозной свободы напали на иезуитов, которые теперь стали безоговорочными сторонниками всякого деспотизма и тирании. В этом смысле, и только в этом смысле, верно, что энциклопедисты в значительной степени способствовали свержению существующего порядка. Памфлеты и книги, напечатанные и широко распространенные в то время против преподобных отцов, были главным образом массой доказательств, разоблачающих их беззакония и стремящихся погубить их в глазах Европы.

иезуиты, ослепленные прошлым успехом, также не оказали сколько-нибудь эффективного сопротивления потоку, который угрожал смести их. Нисколько не меняя своего поведения, они прибегли к уловкам и думали, что немного терпения и хитрости будет достаточно, чтобы укрыться от проходящего урагана. Такова была их обычная практика. Однако, чтобы не быть совсем пассивными зрителями в этом состязании, они предприняли попытку снискать расположение скептического и распутного Филиппа Орлеанского, регента Франции, на самом деле, не путем дарования ему отпущения грехов, о котором он очень мало заботился, а путем переговоров за него с папским двором, открыв ему секреты Филиппа V Испанского, который доверил своему духовнику свое намерение отречься от престола, и добыв для распутника и подлеца Дюбуа епископскую кафедру и кардинальскую шапку. Но если д'Орлеан из политических соображений казался другом иезуитов, то он, несомненно, был не тем человеком, который использовал бы свой авторитет для их защиты; и с 1716 по 1729 год они были лишены права выполнять все церковные функции, поскольку кардинал де Ноай запретил им это. При чувственном и сладострастном Людовике XV иезуиты снова попытались восстановить свое утраченное влияние, и, что касается благосклонного отношения государя, им отчасти это удалось. Они ухитрились намекнуть ему, что их дело - это дело религии и трона, которым философы угрожают обоим; и в определенной степени они убедили многих в том, что так оно и было, и их враги не остались в стороне. Но в то время как парламент и суд в своем официальном качестве приговорили энциклопедистов к взятию Бастилии, а их труды к сожжению, они по отдельности с жадностью читали любые эпиграммы, направленные против иезуитов, христианской религии и Людовика XV. был не последним, кто участвовал в насмешке.

Между тем новые доктрины политической реформы и гражданской свободы распространились так быстро и были так горячо приняты населением различных королевств, что их правители сочли нужным немного удовлетворить общественное мнение и созвать в свои советы министров-реформаторов. Во Франции Шуазель; в Испании Уолл и Сквиллаче; в Португалии Карвалью; в Неаполе Тануччи — были поставлены у руля государства и начали бороться с самыми отвратительными злоупотреблениями, против которых когда-либо выступали люди. Теперь, при таком расположении общественного мнения, было очевидно, что при первом благоприятном стечении обстоятельств гибель иезуитов, которые так сильно пострадали в пользу народа, будет фактически завершена; потому что следовало ожидать, что в этом случае произойдет то, что обычно происходит в политических движениях, что, когда моральная революция совершена, достаточно малейшего предлога, чтобы добиться триумфа и материальной революции.

Либо иезуиты предоставили этот предлог Карвалью, премьер-министру короля Португалии; или, во всяком случае, вообразив, что он сам обнаружил это, он попытался свергнуть Орден. Но причины этого ниспровержения не были, как утверждает опытный историк падения иезуитов,

полностью местными и носили частный характер. [322] Любой другой случай также послужил бы этой цели. Возможно, Карвалью ускорил их гибель; но даже без него иезуиты должны были пасть. Мы кратко проследим порядок событий, приведших к их изгнанию из Португалии.

Иезуиты с момента своего первого вступления в королевство оказывали большое влияние на судьбы Португалии. Это влияние, которое они частично утратили за то время, пока Португалия находилась под властью испанского монарха, стало первостепенным при новой династии. Иезуиты правили от имени двух королей, вдовы Иоанна IV. и жена Альфонсо VI, которая вышла замуж за своего шурина при жизни своего первого мужа, которого она свергла с престола и приковала к скале. [323] При Иоанне V. их могущество достигло своего апогея, и именно в то время, когда они правили страной, “Португалия обессилела под покровительством Англии, и больше никогда не восстановит своих позиций”. [324] В начале правления Иосифа I., которое мы сейчас рассматриваем, они обладали равной и, опять же, неограниченной властью; но на этом этапе появился человек, который остановил их продвижение. Этим человеком был Карвалью. Он родился в 1699 году в семье среднего класса, или, в лучшем случае, низшей ступени дворянства. Он был наделен многими редкими качествами, большими способностями к бизнесу и управлению, непревзойденной энергией и мужеством, а также обширным умом, способным к великим замыслам; но он был горд, мстителен, жесток и нередко несправедлив. Чтобы прийти к власти, Карвалью (впоследствии граф Оэйрас и маркиз Помбал, под этой фамилией он более известен истории и под которой мы будем впредь называть его) заручился дружбой иезуитов и был ими завоеван. Вскоре он стал любимцем, а затем и учителем слабого и презренного Жозефа I. Помбал, по внешнему виду, выказывал благодарность иезуитам и до последнего момента уверял их в своей дружбе. Но то ли, как государственный деятель, он считал их наносящими ущерб благосостоянию португальской нации, то ли он начал ненавидеть их, потому что отцы церкви, понимая, что они никоим образом не могут управлять таким человеком, как Помбал, вступили в союз с дворянством, классом граждан, которых мстительный министр хотел уничтожить, несомненно, что в определенный период Помбал решил, если возможно, избавить Португалию от этих опасных монахов. Но, будучи благоразумным и хитрым, он скрывал свои чувства до тех пор, пока не подвернется предлог или благоприятный момент.

Первый несправедливый предлог, как ему казалось, он нашел в поведении иезуитов в 1753 году. В эту эпоху договор между королями Испании и Португалии произвел взаимный обмен провинциями в Америке; и для того, чтобы жители могли остаться под властью своих прежних суверенов, было оговорено, что они должны соответственно покинуть уступленные территории. Эти люди сопротивлялись такому несправедливому и тираническому порядку; и население Сокращений взяло в руки оружие и храбро сражалось за свою собственную страну, хотя и напрасно. Иезуиты были обвинены министром в подстрекательстве их к восстанию, что они отрицали, даже утверждая, что генерал написал своему подчиненному в Парагвай, чтобы подготовить неофитов к таким переменам, и предупредил их, что, если возникнут трудности, он сам отправится туда, чтобы проследить за выполнением приказов королей. [325] Но из того, что мы знаем о власти, которой пользовались иезуиты при Сокращениях, очевидно, что эти покорные существа никогда бы не осмелились пошевелиться без согласия и поощрения отцов — поощрения, которое, возможно, они давали им тайно, публично проповедуя послушание приказам суверена. Прибегнув к такому двуличию, они навлекли на себя вину обеих сторон, в то

время как, если бы они смело заявили о своем вмешательстве в защиту неотъемлемого права людей не быть проданными как скот по прихоти любого деспота, они заслужили бы аплодисменты и восхваления каждой благородной и великодушной души.

Однако Помбаль еще не приобрел той неограниченной власти, которой он достиг впоследствии, и не осмелился или не был способен нанести Обществу тот удар, который он замыслил, и был вынужден довольствоваться тем, что подготовил почву для их гибели. Но вскоре произошло событие, которое сделало его абсолютным хозяином судеб Португалии и предоставило ему свободу поступать с иезуитами так, как ему заблагорассудится.

1 ноября 1755 года землетрясение разрушило три четверти Лиссабона. Пожар усугубил запустение, и, чтобы ни в чем не было недостатка в этой ужасной сцене, вооруженная банда разбойников под открытым небом охотилась на несчастных жертв ужасного бедствия. Уныние и безысходность овладели самыми смелыми. Придворные настаивали на том, чтобы двор эмигрировал в Порту, а король и королевская семья страстно желали покинуть опустевший Лиссабон. Один только Помбаль отказался отпустить их. “Место царя, - сказал он Иосифу, - среди его народа; давайте похороним мертвых и позаботимся о живых”. [326] В ужасающих и трудных обстоятельствах власть принадлежит самым энергичным. Помбаль по праву ухватился за руль государства, объявил себя премьер-министром и без посторонней помощи приготовился преодолеть все трудности, которые в этот момент угрожали Португалии. В мужестве, которое проявил Помбаль, было что-то от античного величия, вызвавшего всеобщее изумление. [327] Фактически, он был везде; он думал обо всем; он предусмотрел любую чрезвычайную ситуацию; и вскоре, благодаря его непревзойденной энергии, на руинах древней столицы вырос новый город.

И вот теперь Помбаль, достигнув положения, позволявшего ему пробовать все, задумал привести в исполнение два великих проекта, которые он задумал, — подчинение аристократии и изгнание иезуитов из Португалии. Он уже издал ряд указов, направленных на ограничение власти и унижение гордости знати, к которой он питал сильную ненависть за то презрение, с которым они отнеслись к нему, отказавшись принять его в свою среду. И вот теперь настал черед иезуитов. Утром 19 сентября 1757 года, без каких-либо новых мотивов или обстоятельств, определивших ход судебного разбирательства, он удалил из суда трех исповедников-иезуитов и назначил к королевским кающимся трем обычным священникам. За этим первым актом вражды немедленно последовали манифесты, которые вскоре заполнили Европу, в которых премьер-министр выдвинул против иезуитов несколько ужасных обвинений. Затем, чтобы подтвердить свои обвинения, Помбаль обратился к папе, как к духовному главе этих монахов, и в своей жалобе он уделил особое внимание тому, что было наиболее рассчитано на то, чтобы вызвать неудовольствие и порицание Римского двора. Он заявил Святому Престолу, что крупные коммерческие операции Общества препятствуют осуществлению его коммерческих планов и содействию национальному процветанию, и попросил принять быстрые и эффективные меры, чтобы положить этому конец. Кафедру святого Петра в то время занимал любезный, образованный и честный Ламбертини. Бенедикт XIV. ни минуты не колеблясь, он выполнил желание Помбаля и поручил посещение ордена кардиналу Салданье, очень близкому другу министра.

Прежде чем мы продолжим, мы считаем необходимым дать нашим читателям некоторое общее представление о коммерческих операциях Общества.

Крупные пожертвования, которые в начале учреждения обогатили Общество, стали менее частыми, и иезуиты подумывали об увеличении своего богатства, занявшись торговлей. Они делали вид, что не существует существенной разницы между земледелием, которое составляло основное занятие первых монашеских орденов, и коммерческим трудом, которым они занимались. Романо-коллегио владел суконной фабрикой в Мачерате, и хотя поначалу они производили ее только для собственного использования, вскоре они начали снабжать ею все другие колледжи в провинциях и, в конечном счете, общественность в целом, с последней целью они посещали ярмарки. Из тесных связей, существующих между различными колледжами, возникла система банковского бизнеса; и португальский посол в Риме был уполномочен привлекать португальских иезуитов. Их коммерческие операции были особенно успешными в колониях. Торговые связи ордена простирались, так сказать, сетью на оба континента, центральным пунктом которой был Лиссабон. [328] Таков отчет, приведенный нашим современным историком. Теперь мы процитируем мнение очевидца, человека, пользующегося высокой властью в Индии, и который, несомненно, мог бы располагать наилучшей информацией относительно фактов. М. Мартин, главнокомандующий Пондишери, выражает себя так:

“Несомненно, что после голландцев иезуиты являются крупнейшими и богатейшими торговцами в Индии, богаче даже англичан, чем сами португальцы, которые привезли их туда.... Эти переодетые иезуиты плетут интриги повсюду. Секретная переписка, которую они поддерживают между собой, информирует их о товарах, которые следует купить или продать, и какой стране, чтобы получить более значительную прибыль; так что эти переодетые иезуиты приносят огромную пользу Обществу и несут ответственность только перед Орденом, представленным другими иезуитами, которые наводят мир под истинным одеянием Святого Игнатия и которые пользуются доверием, секретами и приказами своих руководителей в Европе. Эти иезуиты, замаскированные и рассеянные по всей земле, узнают друг друга по сигналам, подобно масонам, и действуют все по одному плану. Они отправляют товары другим переодетым иезуитам, которые, получая товары из первых рук, получают значительную прибыль для ордена. Однако такая торговля наносит серьезный ущерб интересам Франции. Я часто писал об этом Компании (Индии), но при Людовике XIV. Я получил очень точные и часто повторяющиеся приказы предоставлять этим отцам все, что они могут попросить. И только отец Ташард на данный момент должен Компании (Индии) более 450 000 франков”. [329] Мы опубликовали этот документ, потому что в то время даже в Риме и при Папском дворе он считался очень важным и отражал реальное положение вещей.

В Вест-Индии иезуитов можно было встретить на всех рынках с различными видами продуктов; и это они даже не пытаются отрицать, а оправдывают себя тем, что “церковный закон никогда не запрещал продажу продуктов из чьих-либо собственных владений. Иезуиты были защитниками христиан, которых они вновь объединили в общество в Парагвае; и, принимая во внимание неспособность этих дикарей самостоятельно вести свои дела, многие испанские короли предоставляли миссионерам право продавать плоды земли, возделываемой неофитами, а также плоды их собственного труда”. [330] Иезуиты так удачно использовали эту свободу торговли, что Компании принадлежали крупнейшие банковские дома Южной Америки, и один из них [331] Один только обанкротился на сумму более двух миллионов полтора франка - огромная сумма по тем временам.

Не были они менее занятыми и активными спекулянтами и в Европе. На Мальте в 1639 году, во время голода, иезуиты, у которых в закромах было пять тысяч мешков кукурузы, чтобы им не пришлось отдавать ее правительству по более низкой цене, чем они ожидали, обратились к великому магистру Ласкарису за помощью в удовлетворении своих реальных потребностей и были освобождены, по причине их предполагаемой бедности, из государственного хранилища. Но в конце концов уловка была раскрыта, и они были изгнаны с острова. Но мы не могли привести более веских доказательств их стремления к накоплению богатства, чем письма Вителлески, Караффы и Никеля, некоторые отрывки из которых мы приводили, в которых они горько жалуются на тот дух алчности и спекуляции, который пронизывал все классы иезуитов и который они тщетно осуждали.

Возвращаясь к нашему повествованию: Салданья, либо чтобы удовлетворить нетерпение Помбала, либо потому, что доказательства вины иезуитов были слишком многочисленными и слишком очевидными, вскоре опубликовал указ, сурово осуждающий коммерческую деятельность ордена и уполномочивающий королевские власти конфисковывать все товары, принадлежащие этим священнослужителям. [332]

Но тем временем человек, отдавший приказ о посещении и которому принадлежало окончательное решение, Ламбертини (Бенедикт XIV), покинул этот мир. Если бы Бог даровал ему более долгую жизнь, он, вероятно, предпринял бы энергичные и решительные меры против ордена; и любой другой понтифик, кроме того, кто сменил его, по всей вероятности, так или иначе удовлетворил бы общественное мнение. Но, возможно, к несчастью для иезуитов, Бенедикт XIV. им наследовал человек, полностью ослепленный в их пользу, который заявил, что до последнего будет защитником и другом “святого Общества Иисуса”. Этим человеком был Раггонико, принявший имя Климент XIII. Он был чист душой и честен в своих намерениях. Он постоянно был занят горячей молитвой, и его высшей целью было добиться канонизации. Но он был фанатичным фанатиком — был убежден, что власть папства должна быть неограниченной; и в иезуитах он видел самых верных защитников Папского престола и религии. Но, помимо расположения папы в их пользу, иезуиты имели при Римском дворе еще более действенного сторонника в лице кардинала Торриджани, в руках которого фактически находилась вся власть. “У него была репутация, - говорит Ранке, - человека, проявляющего личный интерес к распределению папских доходов, и, как говорили, он в целом любил власть ради нее самой”. [333] Таким образом, легко понять, что иезуиты, чтобы сохранить основную часть своего богатства, без колебаний пожертвовали частью, чтобы утолить алчность кардинала; и что этому следует приписать пристрастие, мы бы сказали, подобострастие, проявляемое Торриджани по отношению к ордену. Но эта пристрастность папы римского и его министра оказалась фатальной для Компании. Если бы они согласились провести какие-то существенные реформы, Общество могло бы просуществовать еще некоторое время или, по крайней мере, только погибло бы во всеобщем кораблекрушении, вызванном Французской революцией, и им не был бы вынесен ужасный и сокрушительный приговор Климента XIV.

Помбаль сразу понял, что нельзя питать никаких надежд на то, что такой папа будет сотрудничать в подавлении или даже в реформировании и унижении иезуитов, но по этой причине не отказался от своих проектов; он только ждал более подходящего момента, чтобы осуществить свою цель своим собственным авторитетом.

Обстоятельства послужили планам Помбаля лучше, чем он мог ожидать. Джозеф I. был близок с доной Терезой, молодой женой маркиза Тавора, одной из самых знатных семей Португалии, которая, презрев союз с Помбалем, была ему особенно ненавистна. Итак, вночь на 3 сентября 1758 года случилось так, что король, возвращаясь во дворец после визита к донье Терезе, был ранен в руку выстрелом из пистолета, выпущенного в него. На следующее утро двор представлял собой нечто необычное. Ворота дворца были закрыты; король не появлялся, и никто точно не знал, что послужило причиной этих странных мер. Действительно, ходили слухи, что на особу короля было совершено покушение, но никто не осмеливался произнести это вслух и не знал, до какой степени это было правдой. Все придворные были молчаливы и в ужасе. Один Помбаль казался спокойным и безмятежным. Такое положение вещей продолжалось несколько дней. Наконец эта тревога постепенно рассеялась, и несколько недель спустя никто больше не вспоминал об этом покушении, и многие сомневались, имело ли оно вообще место. Но 12 сентября герцог Аверио из семьи Маскареньяс, который вместе с Таворой стоял во главе португальской аристократии, маркиз Тавора, донья Элеонора, его мать и многие их родственники и слуги были внезапно арестованы и брошены в тюрьму. Наши ограничения не позволяют нам исследовать, были ли заключенные виновны или нет, и в какой степени. Представляется наиболее вероятным, что молодой маркиз Тавора, возможно, пытался отомстить за свою оскорбленную честь; и действительно, есть все основания полагать, что некоторые из арестованных заключенных действительно были соучастниками преступления; но, поскольку судебный процесс не был публичным, поскольку он проводился исключительным трибуналом *la inconfidenza*, и поскольку Помбаль никогда не подтверждал вескими доказательствами выдвинутое против них обвинение, было бы сурово выносить какое-либо окончательное решение. Что неоспоримо, так это то, что в ходе судебного процесса были нарушены все формы правосудия, и что жестокий и бесчеловечный способ, которым несчастные заключенные были подвергнуты пыткам и казнены, заставил бы нас поверить, что эта жертва человеческой жизнью была принесена скорее в жертву мести, чем правосудию. В ночь на 12 января 1759 года на площади Белен, напротив Тежу, был возведен эшафот высотой восемнадцать футов. На рассвете это открытое пространство было заполнено солдатами и простым населением, и даже река была покрыта зрителями. Слуги герцога Аверио появились на помосте первыми и были привязаны к одному из углов, чтобы быть сожженными заживо. Затем маркиза Тавора взойшла на эшафот с веревкой на шее и распятием в руке. Она была скудно одета в какую-то изодранную одежду, но вся ее фигура и поведение были отмечены твердостью и достоинством. Палач, пытаясь связать ей ноги, случайно задрал подол ее халата. “Остановитесь!” закричала она. - Не забывайте, кто я; прикоснитесь ко мне только для того, чтобы убить меня”. Палач упал на колени перед доной Элеонорой и умолял ее простить его, после чего она сняла с пальца кольцо и сказала: “Вот; у меня нет ничего, кроме этого, в этом мире; возьмите его и исполняйте свой долг”. Затем эта мужественная женщина положила голову на плаху и получила смертельный удар. Ее муж, сыновья, младшему из которых не было и двадцати лет, ее зять и несколько слуг погибли вслед за ней в страшных мучениях. Герцога Аверио вывели вперед последним; он был привязан к колесу, его тело было покрыто лохмотьями, а руки и бедра обнажены. Так он был сломлен заживо и скончался только после того, как претерпел длительные пытки, заставив площадь и окрестности вновь огласиться ужасными криками. Наконец машина была подожжена, и вскоре колесо, леса, тела - все было сожжено и сброшено в реку Тахо. [334] Даже если приговор был справедливым, беспощадная жестокость, проявленная Помбалем при приведении его в исполнение, сильно запятнала его славу и уменьшила восхищение другими его выдающимися заслугами перед Португалией.

Между тем, в ночь, предшествовавшую казни заключенных, дом иезуитов был захвачен, их вожди брошены в тюрьму, и трое из них, Маттос, Александр и Малагрида, обвинены в подстрекательстве к заговору. С какой степенью достоверности было выдвинуто против них это обвинение, тоже трудно сказать. Согласно вынесенному им приговору, подозрения в их участии в этом были подтверждены их высокомерием до покушения и их унынием после его провала; их тесной связью с главой обвиняемых (Д'Аверио), с которым они ранее были в ссоре; сообщением о разговоре отца Конты, который, кажется, заявил, что человек, который убьет короля, не будет виновен даже в простительном грехе. Их связь с заговорщиками действительно не подлежала сомнению. Они были их друзьями и советчиками и принимали решительное участие в недовольстве, ропоте и открытом противодействии фидалго. [335] Но никаких других материальных доказательств для подтверждения обвинения представлено не было, и хотя трое обвиняемых были приговорены к высшей мере наказания, приговор не был приведен в исполнение. Малагрида, который некоторое время спустя был сожжен, пострадал за преступление ереси, а не за цареубийство. Какое бы мнение ни составили наши читатели о виновности или невиновности иезуитов, Помбаль в своих манифестах представлял их виновными и призывал к враждебному обращению Европы против них, в то время как сам он предпринимал более решительные меры по уничтожению ордена.

Поскольку в Португалии до этого момента только нунцию принадлежало право выносить приговоры священнослужителям, Помбаль, хотя он уже решил передать это право комиссии, назначенной государем, счел уместным обратиться к папе за номинальным разрешением; и поскольку ответ Климента пришел недостаточно быстро из-за нетерпения министра, он 1 сентября 1759 года издал указ о изгнании иезуитов из всех штатов его вернейшего величества. Все епископы Португалии получили приказ забрать преподавательскую деятельность из рук иезуитов и немедленно заменить их в университетах Коимбры и в других местах; и сразу же после этого все иезуиты, проживающие в Португалии, были посажены на борт королевских и торговых судов и отправлены в Италию; [336] аналогичные приказы были отданы губернаторам всех португальских колоний, в том числе и немедленно казнен.

Это был первый удар, нанесенный Обществу Иисуса; и, словно по сигналу, за ним последовала череда, пока Ганганелли не нанес ему последний и смертельный. Казалось, раньше никто не осмеливался напасть на такого могучего колосса; но когда однажды люди увидели, с какой легкостью на него можно напасть и даже победить, каждому захотелось сломать о него копье. Франция, как и следовало ожидать, нанесла второй удар. Когда умы людей когда-то были сосредоточены на этом, любого предлога было бы достаточно, чтобы изгнать иезуитов; и не требуется большой проницательности, чтобы понять, что очевидные причины, приведшие к этому шагу, были лишь второстепенными. Это правда, что мадам де Помпадур, любовница короля, решила их уничтожить; но, хотя хорошо известно, что она домогалась короля, чтобы добиться этого, ни в коем случае нельзя быть уверенным, что Людовик поддался только ее влиянию, и мы сильно сомневаемся, что она смогла бы добиться этого вообще, живи она сто лет назад. Похоже, что исповедники-иезуиты маркизы и короля отказались, мы не знаем по каким причинам, отпустить им грехи, если только дама не покинет двор. Она сама передала нам длинный отчет о своих переговорах с исповедником; [337] и когда она не смогла привести его в исполнение своих желаний, она поклялась в смертельной ненависти к Обществу, которая, однако, оставалась в течение нескольких лет безрезультатной.

Но в 1761 году врагам ордена был предоставлен более решительный повод потребовать их изгнания. Отец Лаваллетт, генеральный настоятель Мартиники — смелый и беспринципный спекулянт, священник, который, по их собственному признанию, начал торговать не только продуктами, принадлежащими дому, но и приобрел большие владения и купил две тысячи рабов для их обработки — был средством создания этого события. [338] Он вступил в обширные и сложные спекуляции с различными приморскими городами Европы; и поскольку некоторые из этих спекуляций провалились, он прекратил выплаты — мера, которая привела к разрушению нескольких домов, среди которых были один в Лионе и другой в Марселе.

Марсельский дом Леонси возложил на Общество ответственность за долги своего члена и обратился к Генеральному за выплатой. Риччи, тогдашний глава ордена, [339] совершил непоправимую ошибку, отказавшись признать долг. Вдова Гру и сын из Нантеза затем начала процесс в консульском трибунале Парижа. Леонси последовал примеру. Иезуиты, которые были осуждены, были достаточно слепы, чтобы довести дело до сведения парламента. Этот высший судебный суд, чтобы лучше оценить достоинства дела, распорядился, чтобы Конституции Общества были представлены на рассмотрение трибунала. Иезуиты согласились, и это решило их гибель. После продолжительного рассмотрения парламент вынес свое решение, по которому Общество было обязано оплатить все обязательства, понесенные Лаваллеттом, за которые, согласно положениям их Конституции, отвечал весь орден. [340]

Многие авторы, говоря об этом деле, выражали свое удивление тем, что иезуиты, которые считались такими хитрыми, могли совершить такие грубые ошибки. Нам нечего на это ответить, за исключением того, что их можно сравнить с теми генералами, которые, потеряв присутствие духа в трудный и критический момент, потерпели поражение, совершив ошибки, в которых простой унтер-офицер никогда бы не был виновен; или их можно сравнить, возможно, с теми законченными преступниками, которые, с необычайной ловкостью долгое время ускользая от бдительности полиции, в конце концов совершают такие грубые ошибки, что можно почти поклясться, что они составили заговор с целью собственной поимки. Или правильнее было бы сказать, что Бог сосчитал их дни, и их час настал. *Quem Deus vult perdere prius dementat.*

С того момента, как были обнародованы Конституции этого таинственного и наводящего ужас Общества, Конституции, которые ревностно хранились в секрете, все второстепенные вопросы исчезли. Отец Лаваллетт, банкрот, банкиры (которым так и не заплатили) - все были забыты в великом вопросе, затронувшем само Общество. Догматические споры, о которых так долго забывали, теперь возобновили всю силу настоящего интереса и всю привлекательность новизны. Существовало всеобщее стремление открыть и применить эти таинственные Конституции. Женщины и даже дети были воодушевлены рвением старых практикующих юристов. Паскаль стал кумиром того времени, а Ла Шалатоа - его героем". [341] Бесчисленные труды ежедневно печатались и читались с величайшей жадностью всеми классами людей; и некоторое время ни о чем другом не говорилось, кроме Общества иезуитов.

В этих обстоятельствах пятьдесят один французский епископ под председательством кардинала Люиньского собрался и после длительного изучения Конституций заявил, что неограниченное повиновение, которого генерал, проживающий в Риме, был уполномочен требовать от каждого члена церкви, несовместимо с законами королевства и с общими обязанностями подданного перед своим сувереном. Теперь противники иезуитов во главе с мадам Помпадур настаивали на принятии королем решительных мер. Людовик XV. был ленивым распутником, главной чертой

которого были любовь и почитание самого себя. При условии, что королевская власть не погибла в его собственной персоне, его мало заботило, что с ней станет после его смерти. Он не испытывал симпатии ни к кому, кроме тех, кто мог его развлечь, что в его преклонном возрасте было нелегко. Иезуиты его не интересовали, но он их боялся. Он был убежден, что они были сообщниками в убийстве Генриха III. и Генрих IV; он всегда имел перед глазами дамынский кинжал и приписывал отцам как желание, так и власть убить его. По этой важнейшей причине он долго сопротивлялся всем просьбам изгнать их из Франции, но согласился обратиться к Папе с просьбой провести реформу, но сделать это немедленно, без колебаний или уверток. Шуазель сам подготовил план реформы, который, можно сказать, был сосредоточен на этом главном пункте, а именно предложить генералу назначить генерального викария Франции, который должен был установить свою резиденцию в этой стране и обязаться соблюдать ее законы - мера, которая соответствовала статутам, поскольку они уполномочивали генерала в случае крайней необходимости назначать генерального викария. [342] Факт предъявления этого наиболее разумного требования сам по себе был бы достаточным ответом иезуитам и их сторонникам, которые утверждают, что уничтожение ордена не было следствием какого-либо из этих проступков, но что это было спланировано задолго до этого энциклопедистами Шуазелем и Помбалем. Тем не менее, мы приведем несколько дополнительных доказательств, чтобы показать, насколько необоснованны их утверждения.

Помбаль, хотя и проводил некоторые реформы, к которым призывали энциклопедисты, никоим образом не был связан с ними, и он, пожалуй, единственный выдающийся человек той эпохи, которого Вольтер не удостоил ни словом в своей неиссякаемой переписке. Напротив, патриарх Фернейский часто обвиняет маркиза в его притворном почтении к папе римскому и уважении к религии, а также в его жестокости, столь неприятной от природы гуманному сердцу Вольтера. Шуазель действительно был какое-то время другом Помбаля и действовал заодно с ним в вопросах общей политики. Но Помбаль был слишком высокомерен, у него было слишком преувеличенное мнение о своих способностях, чтобы действовать под руководством какого бы то ни было человека. Кроме того, хорошо известный характер Шуазеля делает совершенно невероятным, что он мог быть долго и глубоко вовлечен в заговор с целью изгнания иезуитов из Европы. Герцог был типичным французским джентльменом восемнадцатого века. Он обладал недоверием, изяществом, тщеславием, отвагой и тем легкомыслием, которые принесли бы самые дорогие интересы в жертву удовольствию от эпиграммы и которые были так характерны для французской знати в первую половину правления Людовика XV. Он был слишком легкомыслен, чтобы быть способным годами лелеять в своем сердце глубокий злобный замысел; он также не почитал и не ценил иезуитов настолько, чтобы сделать их объектом смертельной вражды. Напротив, вместе с графом Кауницем, австрийским министром, он высмеивал страсть, с которой маркиз Помбаль преследовал сыновей Лойолы. "Ce, Monsieur," they would say, "a donc toujours un Jesuite a cheval sur le nez." [343]

Однако очевидно, что Шуазель не мог быть тем человеком, который защитил бы иезуитов: очевидно, что, чтобы угодить мадам де Помпадур и угодить общественному мнению, он должен был проявить себя враждебно по отношению к отцам церкви и, должно быть, преследовал их своими сарказмами. Также несомненно, что впоследствии он стал их врагом не из ненависти, а скорее для того, чтобы подчиниться желаниям Карла III и избавиться от них, и что он использовал все свое влияние, чтобы изгнать их из Франции и в конечном итоге упразднить. Герцог делает наши утверждения неоспоримыми, когда в памятной записке, адресованной королю, после напоминания ему, что не он был тем человеком, который начал масштабную

акцию по изгнанию иезуитов, он добавляет: “Вашему величеству хорошо известно, что, хотя было сказано, что я трудился над изгнанием иезуитов, ... Я никоим образом, ни на расстоянии, ни на месте, ни публично, ни в частном порядке, не предпринимал никаких шагов с таким намерением”. И заканчивает он словами, что только позже, после того, как он узнал их, он стал их врагом. Затем, когда герцог подал прошение в Рим о назначении генерального викария, который должен был проживать во Франции с полномочиями, независимыми от генерала, лично ему этот вопрос был безразличен.

Хорошо известно, какой ответ дал генерал Риччи на это заявление — “Sint ut sunt aut non sint”, Пусть они будут такими, какие они есть, или их больше не будет.

Парламент сначала упразднил и подавил все конгрегации, эти мощные двигатели ордена; затем, 6 августа 1762 года, он объявил, что Институт иезуитов противостоит любой власти, духовной и светской, церковной и гражданской, и рассчитан на то, чтобы сделать их полностью независимыми от такой власти любыми средствами и даже способствовать их узурпации правительства; поэтому он объявил, что орден должен быть бесповоротно и навсегда изгнан из королевства. [344] В результате этого указа были закрыты восемьдесят четыре колледжа иезуитов. Отцы были изгнаны из всех своих домов, их имущество конфисковано; [345] каждому человеку, однако, разрешен небольшой доход из государственной казны, и на данный момент им разрешено проживать во Франции отдельно и в качестве светских священнослужителей. Это разрешение было отозвано два года спустя, в 1764 году, из-за отвращения Людовика XV. потерпев поражение, иезуитам было приказано покинуть французские территории.

Но более серьезное и неожиданное бедствие постигло Компанию всего через три года. До настоящего момента иезуиты и их сторонники хвастались своими поражениями и преследованиями и высокомерно заявляли перед лицом всего мира, что их преследует только философский дух, который пронизал Европу и который, главной целью которого было разрушение католической религии, начал с нападения на ее самый прочный оплот — Общество Иисуса. Помбаль и Шуазель были всего лишь посланцами Вольтера; Жозеф и Людовик - ленивые и сладострастные монархи, полностью находившиеся под руководством и игм двух министров. Но что они могли сказать теперь, когда их собирались изгнать из владений короля, не только враждебного философам, не только фанатичного католика, но до настоящего момента друга и защитника Ордена? Что они могли сказать против этого образцового христианина, Карла III. короля Испании, такого верного, откровенного, добродетельного, целомудренного и безупречного, каким он был? Возможно, он и был недалеким, но не менее дальновидным, активным и внимательным; скорее своевольным, чем склонным поддаваться влиянию кого бы то ни было; и если его можно в чем-то упрекнуть, так это в том, что он был довольно равнодушен к тому рассаднику монахов и монахинь, наводнившему Испанию, и за тех или иных из них он постоянно обращался в Рим с прошениями о канонизации. И все же этот человек больше, чем кто-либо другой, способствовал отмене ордена.

Мотивы, побудившие Чарльза принять столь решительное участие в разрушении Общества, выяснены не очень хорошо, и обе стороны приписывают это разным причинам. Мы попытаемся пролить новый свет на это темное дело. Поскольку все, за отсутствием доказательств, были вынуждены прибегнуть к домыслам, мы просим разрешения высказать и свои собственные. Мы начнем с изложения фактов.

Длинные и просторные плащи и низкие шляпы с широкими полями, которые носили в ту эпоху в Испании, служили для облегчения совершения многих преступлений и сокрытия преступников. Скиллаче, премьер-министр короля, по приказу Карла издал прокламацию, запрещающую их использование; но население Мадрида подняло восстание, осадило министра в его доме, разрушило его, отбросило выступившую против них валлонскую гвардию и вынудило короля, увещевания которого они презирали, на время удалиться из Мадрида. Восстание продолжалось несколько дней, когда иезуиты, смешавшись с бунтовщиками, усмирили их в одно мгновение с величайшей легкостью. Это восстание, произошедшее в 1766 году, известно в истории как *Восстание против Шапо*.

Эта вспышка, не имевшая результата, была полностью забыта, когда 2 апреля 1767 года появилась королевская прокламация, упраздняющая Общество иезуитов на полуострове и изгоняющая их из испанской монархии. Пусть читатель представит себе изумление, которое это воззвание произвело по всей Европе, и тот ужас и отчаяние, в которые оно повергло иезуитов. Что произошло такого, что могло послужить мотивом для такой суровой меры? Никакие признаки перемен не были предвестниками бури; иезуитам не было дано никакого предупреждения; им не было показано никаких признаков вражды. Прокламация не только умалчивала о мотивах, побудивших к ней, но и запрещала каждому человеку оценивать и обсуждать как саму меру, так и ее причины; и это удвоило удивление и любопытство. Давайте попробуем проникнуть в эту тайну. Прежде всего, мы приведем причины, которые, по словам маркиза д'Оссена, французского посла при мадридском дворе, были приведены ему самим Карлом, как побудившие его к подавлению ордена.

Шарль поклялся своей честью маркизу д'Оссану, что никогда не питал личной неприязни к иезуитам; что до последнего заговора он даже неоднократно отказывался санкционировать любые враждебные им меры. Несмотря на то, что он был предупрежден конфиденциальными советниками, на слово которых он мог положиться, что с 1759 года иезуиты постоянно очерняли его правительство, его характер и даже его веру, его ответ этим министрам неизменно сводился к тому, что он считает их либо предвзятыми, либо плохо информированными. Но восстание 1766 года открыло королю глаза; Чарльз был убежден, что несколько членов Общества были арестованы при раздаче денег населению. После того как они подготовили почву, отравив умы граждан инсинуациями против правительства, иезуиты ждали только сигнала, чтобы взорвать мину. Первого удобного случая было достаточно, и они довольствовались самыми легкомысленными предложениями: в одном случае формой шляпы или плаща, в другом - проступком интенданта или плутовством коррехидора. Попытка (*эмут* от 1766 года) провалилась, поскольку беспорядки вспыхнули в Вербное воскресенье. Назначенным временем был Страстной четверг, во время церемоний посещения церквей, когда король должен был быть застигнут врасплох и окружен у подножия креста. Такова суть мотивов, изложенных королем Испании маркизу д'Оссану, сопровождаемых повторным протестом против правдивости того, что он сказал, и в доказательство этого он обратился к судьям и магистрам самой неподкупной порядочности; он даже упрекнул себя в том, что был слишком снисходителен к такому опасному органу, а затем, глубоко вздохнув, добавил: "Я научился слишком хорошо их узнавать". [\[346\]](#)

Таковы мотивы такого поведения противников иезуитов, и они опираются, как можно видеть, на очень высокий авторитет. С другой стороны, иезуиты и их друзья утверждают, что все это дело было отвратительным и бесчестным заговором Шуазеля. Они утверждают, что герцогу удалось

передать в руки Карла письмо с автографом, предположительно написанное генералом ордена провинциалу в Испании, в котором утверждалось, что Карл был незаконнорожденным сыном кардинала Альберони, и что трон принадлежал дону Луису, младшему брату короля, и что именно это письмо вызвало негодование Карла. Кретино утверждает, что так оно и было. “Чарльз, который оставался ревностным христианином, не разрушил бы институт, если бы они не наложили на его королевский герб клеймо незаконнорожденности.... Этот факт подтверждается другими свидетельствами современников и документами Компании”. [347] Ранке, не обвиняя ни одну из сторон, похоже, склоняется к этому предположению и говорит: “Карл III. убедился, что одной из целей иезуитов было возвести на трон вместо него его брата дона Луи”. [348] Теперь, отвергая абсурдное обвинение в подделке этого письма, которое по многим причинам совершенно невозможно и которое никоим образом не согласуется с характером Шуазеля, и принимая версию Ранке или Оссуна, все еще остается объяснить вражду иезуитов против такого доброго католика, как Карл; и эту вражду ни один историк, насколько нам известно, никто никогда не пытался это объяснить. И все же это наиболее необходимый момент для изучения; потому что, если мы не предположим, что такой проницательный и дальновидный человек, как Карл III, после года строгого расследования пришел к серьезному решению осудить иезуитов исключительно на основании поддельного письма, без каких-либо других доказательств их недоброжелательности к нему, остается несомненным, что иезуиты были виновны и враждебны к его личности и правительству. Откуда, повторяем, эта вражда? Немного подумав о хорошо известном характере иезуитов, мы, возможно, сможем ответить на этот вопрос.

Каждый, кто прямо или даже косвенно выступает против желаний или замыслов Общества, рассматривается как его смертельный враг, и каждый враг должен быть сломлен любыми средствами. Карл с самого начала своего правления постоянно настаивал на канонизации Палафокса, ненавистного противника общества “первая скорбь”. Чарльз не выказывал к иезуитам никакой особой привязанности и защищал их и подружился с ними только так, как он делал это со всеми другими монашескими орденами — вторая скорбь. Чарльз не подчинился, как это сделали его предшественники, влиянию отцов церкви, и его духовником был орден доминиканцев, древний и непримиримый враг Общества — третья и самая серьезная горе. Теперь, если однажды признать, что у иезуитов были причины не любить Карла, все легко объясняется. Тогда никакой акт вражды с их стороны не должен нас удивлять. Они бы ни мгновения не колебались, распространив слух о том, что Карл был незаконнорожденным, организовав заговор, подстрекая народ к восстанию и пытаясь сместить короля его младшим братом. Таким образом, становится ясно, почему Карл, получив доказательства их махинаций, пришел в ярость против них; и легко понять, что из гордости и деликатности он не упомянул французскому послу среди других причин негодования против иезуитов о том, что они оклеветали его как незаконнорожденного, подлежащего низложению. Именно такой точки зрения мы придерживаемся на этот счет, и мы сомневаемся, что поведение Чарльза можно объяснить каким-либо другим правдоподобным способом.

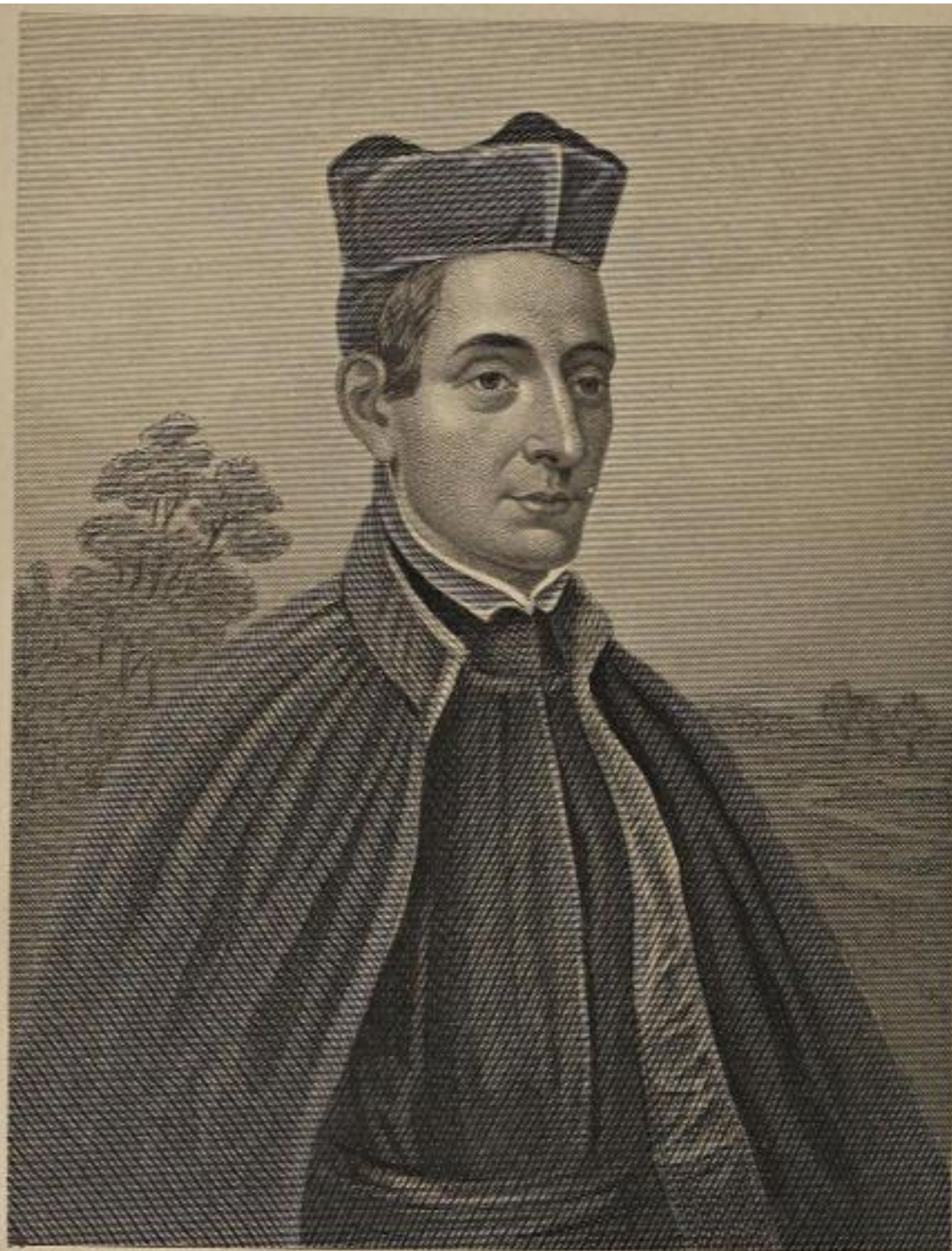
Таковы, по нашему мнению, были мотивы, побудившие благочестивого короля Испании изгнать иезуитов из всех своих владений. Способ, которым это было достигнуто, также был весьма примечательным и заслуживает упоминания. Сразу после “*л'эмеут де шапо*”, который, по-видимому, пробудил подозрения Карла, начался судебный процесс против иезуитов, который продолжался в течение года в строжайшей тайне. Руководил ими д'Аранда, ныне главный министр. Он не пренебрегал никакими предосторожностями, чтобы обеспечить успех своего

плана. Прежде всего, он очень заботился о том, чтобы у Римского двора не возникло подозрений о его планах. Король и его министры посвятили в свою тайну только дон Мануэля де Рода, способного юриста, а ранее агента Испании в Риме. Д'Аранда совещался с Мониньо и Кампоманесом, двумя очень влиятельными магистратами, в необычной и романтической манере. Они жили порознь, не зная друг друга, в каком-то разрушенном доме, работали в одиночку, общаясь впоследствии только с премьер-министром, который либо сам переписывал их информацию, либо доверял ее своему пажу, который был слишком молод, чтобы ему можно было доверять. Эту информацию министр лично передал королю. [349] Несмотря на эти меры предосторожности, иезуиты, похоже, не были в полном неведении о том, что против них замышлялись какие-то странные меры. На самом деле, было бы почти невероятно, чтобы судебное расследование, хотя и окруженное тайной, в ходе которого было допрошено множество лиц, независимо от того, с какой степенью осмотрительности, могло быть проведено таким образом, чтобы ни одно слово не дошло до ушей отцов церкви. Они, конечно, не знали о реальном положении вещей и, возможно, были далеки от того, чтобы подозревать о бедствии, надвигающемся на их головы. Но что доказывает, что они, должно быть, имели какое-то представление о происходящем, так это то, что незадолго до своего изгнания они потребовали у короля подтверждения своих привилегий и забрали свои документы и деньги. [350]

Когда все меры были готовы, из Мадрида были отправлены депеши всем губернаторам всех испанских владений в Африке, Азии, Америке и по всему полуострову. Эти депеши, подписанные королем и дополненные подписью Д'Аранды, были скреплены тремя печатями. На втором конверте было написано: “Под страхом смерти вы не должны вскрывать это послание иначе, как 2 апреля 1767 года, ближе к вечеру”. [351] Все приказы, которые должны были быть выполнены в разных местах 2 апреля, были одного и того же содержания. Алькальдам было предписано под страхом самых суровых наказаний (Кретино говорит, что под страхом смерти) немедленно входить в заведения иезуитов вооруженными, овладевать ими, изгонять иезуитов из их монастырей и в течение двадцати четырех часов доставлять их в качестве заключенных в указанные порты. Отцы церкви должны были немедленно отправиться в путь, оставив свои бумаги запечатанными и взяв с собой только требник, кошелек и кое-какую одежду. [352] Приказы повсюду исполнялись со всей строгостью, и очень скоро шесть тысяч иезуитов одновременно поплыли по пустынному океану к берегам Италии.

Карл не уведомил о своих намерениях ни французский двор, неосмотрительности министра которого он опасался, ни Римский двор, который, как он знал, всеми силами воспрепятствует этой мере. Ни один из этих дворов не был проинформирован об этом факте до тех пор, пока он не был совершен. Когда новость достигла Рима, старый и немощный Климент XIII. пролил поток слез. Его дух был сломлен несчастьями, выпавшими на долю его иезуитов. Уже после их изгнания из Франции он объявил, что указ, которым они были изгнаны, недействителен, добавив: “Мы отвергаем серьезный ущерб, нанесенный Церкви и Святому Престолу, и мы заявляем во всей полноте наших определенных знаний, *certâ scientia*, что институт иезуитов в высшей степени благочестив и свят”. [353] В нынешних обстоятельствах он снова попытался укрыть детей своего пристрастия под маской своей непогрешимости и направил королю Испании краткое послание, в котором мы читаем следующее: “Из всех несчастий, обрушившихся на нас за девять лет нашего несчастливой понтификата, самым ощутимым для нашего отеческого сердца было то, что было причинено рукой вашего Величества. Так и ты, сын мой, *tu quoque fili mi*, так что король-католик Карл III, который так дорог нашему сердцу, наполняет чашу наших страданий, обрекает нашу старость на потоки слез и низвергает нас в

могилу. Благочестивый испанский король ... думает уничтожить институт, столь полезный, столь достойный Церкви, который обязан своим происхождением и своим великолепием тем святым и героям, которых Бог избрал в испанской нации для Своей вящей славы” (это скорее отдает иезуитским сочинением).... “Мы призываем Бога и людей в свидетели того, что Общество не только невиновно во всех преступлениях, но и что оно *благочестиво, полезно, свято в своих стремлениях, в своих законах, в своих максимах*”. [354] Чарльз ответил, что ему одному известны преступления Общества и что он будет скрывать их в своей собственной груди, чтобы избавить христианский мир от большого скандала. [355] Клемент снова залился слезами, и это было все, что ему оставалось сделать в пользу своих детей.

H. Schickel

Lorenzo Ricci

Lorenzo Ricci.

Хинчлифф.

Однако в Риме был человек, который не стал бы свидетелем крушения Общества Иисуса, не предприняв отчаянных усилий по его спасению. Этим человеком был Риччи, генерал. Риччи был угрюмым, упрямым и узколобым фанатиком, чрезвычайно ревниво относившимся к своему авторитету и совершенно неспособным ценить ни обстоятельства, ни людей. В отличие от Аквавивы, он вложил всю свою славу в то, чтобы никогда не уступать ни пяди земли; и частичной потере он предпочел целые руины. Благодаря какой-нибудь своевременной уступке Аквавива мог бы на некоторое время отсрочить надвигающуюся бурю. Риччи ускорил ее продвижение своей несговорчивостью. “Пусть они будут такими, какие они есть, или не будут вообще”, — эти слова показывают мужчину. И теперь, когда его ученики были изгнаны из части Европы, он, чтобы спасти Общество, если это возможно, решил пожертвовать несколькими тысячами людей. Либо преследование, которое он планировал сделать более жестоким и в какой-то мере эффективным, побудило бы папу, других монархов или различные группы населения к каким-то энергичным действиям по восстановлению дел ордена, либо оно должно было повлечь за собой последние печальные последствия. Он скорее подчинился бы любым крайностям, чем унижению. В результате он вынудил Торриджани, которого, по-видимому, держал под суровым гнетом (если кардинал получал или получал деньги, мы можем это понять), написать испанскому министру, что его Святейшество не позволит иезуитам высаживаться в его поместьях. Чарльз не обратил на письмо особого внимания и отдал приказ командующему флотом высадить их, в случае необходимости, силой оружия.

Торриджани подчинился предписанию Риччи буквально. Когда после нескольких дней плавания первые суда прибыли к Чивита-Веккья, их встретили пушечным выстрелом. Бедные иезуиты, которые думали, что их страдания близки к концу, и улыбались при виде земли обетованной, пришли в ярость, когда увидели, что их изгнали из страны, в которой, как они знали, их генерал имел огромное влияние, и громко обвинили его во всех их несчастьях. Испанский командующий, не желая прибегать к насилию и высаживаться с оружием в руках, направился вдоль берега в сторону Ливорно и Генуи, но и там им было отказано в высадке. Подобная участь была уготована и им при первом приближении к Корсике; и только после того, как они в течение долгих шести месяцев были отданы на милость ветров и волн, этим несчастным монахам, измученным болезнями, усталостью и старостью, было разрешено высадиться на Корсике, недавно уступленной Генуей Франции, и где Паоли в тот самый момент начал борьбу за независимость.

Король Неаполя и герцог Пармский, оба из дома Бурбонов, первый в ноябре 1767 года, второй в начале 1768 года, прибегли к тем же мерам, что Франция и Испания, и иезуиты были изгнаны из своих поместий.

При известии об этих повторяющихся безобразиях, как он их считал, старый папа, доведенный до крайности и подстрекаемый иезуитами, решился на решительный акт, чтобы проверить, что Верховный понтифик может сделать для сынов своего пристрастия. Похоже, ему не хватило смелости нанести удар по Франции, Испании или Неаполю, но он думал, что может отважиться на что угодно против герцога Пармского. Он рассматривал его не как внука Франции и младенца

Испании, а как Фарнезе, над герцогством которого Римский престол всегда если не осуществлял, то, по крайней мере, заявлял о праве сюзеренитета. Руководствуясь этими убеждениями, он опубликовал “мониторинг”, в котором вынес церковное порицание своему вассалу и объявил, что тот лишился своих владений. Карл и Людовик были ошеломлены смелостью старого папы, и хотя ленивый Людовик не проявил особой решимости возмутиться нанесенным оскорблением, Шуазель и Карл ухитрились вызвать его негодование, представив ему презрение, которое падет на дом Бурбонов, если сын венецианского купца (Климент) безнаказанно оскорбит внука Людовика Святого. [356] Вследствие этого послам трех дворов - Франции, Испании и Неаполя - было приказано представить Папе меморандум с просьбой отменить “monitorium” или ожидать конфискации части его поместий. Торриджани и сторонники-иезуиты, знавшие о требовании, с которым собирались обратиться к папе, опасаясь, как бы старик не уступил, объяснили ему, как славно было бы снова поднять тиару, униженную Бенедиктом XIV, перед светскими властями, и заставили его даже издали разглядеть мученический венец - честь, которой восторженный и набожный папа желал бы больше всего на свете. Соответственно, Климент, когда послы явились на назначенную аудиенцию, едва ли соизволил взглянуть на памятник; а когда они заговорили о *репрессиях*, все его тело задрожало, и он воскликнул прерывающимся голосом— “С заместником Иисуса Христа обращаются как с низшим из людей. Верно, что у него нет ни армии, ни пушек, и легко отнять у него все его имущество; но человеку не под силу заставить его действовать против своей совести”. [357]

В тот момент, когда этот ответ был доведен до сведения монархов, войска французского короля захватили Авиньон, войска неаполитанского короля - Понтекорво и Беневенто - все владения, принадлежащие римским государствам.

При таких печальных известиях бедный папа был охвачен горем и, поняв, что он не в состоянии оказать никакого материального сопротивления, решил терпеливо сносить эти обиды, но не поддаваться угрозам; и он оставался тверд в своей решимости, хотя римляне громко роптали на него, угрожали и оскорбляли партию иезуитов как единственную причину общественных бедствий. Положение папы с каждым днем становилось все более отчаянным, и он не знал, что у него остался единственный друг. К кому он мог теперь обратиться за помощью? Генуя, Модена, Венеция, нет, все итальянские государства выступили против него. Он снова обратил свой взор на Австрию. Он писал императрице Марии Терезии, что она - его единственное утешение на земле; она, конечно, не допустит, чтобы его старость была омрачена актами насилия. [358] Но императрица ответила ему, что дело касается не религии, а государственной политики, и что она не может вмешиваться, не подвергаясь несправедливости.

И это не было самым большим несчастьем, выпавшим на долю старого понтифика. В то время как Климент был так подавлен горем, в начале 1769 года послы Франции, Испании и Неаполя один за другим предстали перед ним и потребовали бесповоротного уничтожения всего Ордена иезуитов. Папа римский, услышав это предложение, был ошеломлен и на некоторое время лишился дара речи. Когда к нему немного вернулось самообладание, он ответил прерывающимся голосом, что скоро сообщит о своих намерениях, и созвал консисторию на 3 февраля. Но вечером, предшествовавшим дню, когда должна была собраться эта консистория, его охватили судороги, в результате которых он скончался. [359] Иезуиты превозносили до небес добродетели и святость этого папы и считают его лучшим другом, который когда-либо

был у ордена; в то время как философы в своих рассуждениях приписывают ему окончательное крушение Общества из-за его упорного сопротивления требованиям реформ.

Канова увековечил память Реццоники самым красивым из всех памятников, которые есть в соборе Святого Петра. Незнакомые люди приходят туда, чтобы полюбоваться целомудренной и чистой фигурой религиозного деятеля, плачущего над своей могилой, величественным достоинством бдительного льва, внушительным спокойствием спящего и восхитительным исполнением всей группы.

С Климентом XIII. папы потеряли всякую независимость как светские князья и, как таковые, с тех пор находились во власти сильнейшей светской власти, которая желала господствовать над ними.

ГЛАВА XVI. 1773. ОТМЕНА ОРДЕНА.

После смерти Климента XIII все влияние дома Бурбонов было использовано для того, чтобы выбор Коллегии кардиналов пал на человека, враждебно настроенного к Обществу Иисуса, поскольку все усилия членов этого органа были направлены на достижение противоположного результата. В то время как Д'Обетер, французский посол, выступая также от имени Испании и Неаполя, повторял, что выборы, противоречащие желаниям дома Бурбонов, приведут к краху Римского престола, пытаясь таким образом запугать наиболее малодушных кардиналов, Риччи метался с места на место, умоляя одних, угрожая другим гневом Божиим и свободно раздавая подарки и деньги, когда это было необходимо. На рассвете он был уже пешком, обходя все кварталы города и общаясь со всеми слоями населения. Он посетил их высокопреосвященства, их духовников, их служанок, не обойдя вниманием некоторых светских дам, духовных друзей Высокопреосвященнейших! Он и Торриджани не выдержали и повторили с большим негодованием и напускным достоинством, что отказ от своей независимости и подчинение требованиям властных государей навлекли бы вечный позор и замешательство Священной коллегии.

Римский двор в то время был разделен на две партии; — zelanti, которые стремились сохранить все привилегии Церкви в их целостности и полном объеме; и regalisti, или приверженцы короны, которые считали, что благополучия Церкви следует добиваться путем мудрого примирения. Через тринадцать дней после кончины Климента собрался Конклав, и Зеланти, несмотря на инсинуации и угрозы Д'Обетера, попытались избрать папу до прибытия французского и испанского кардиналов. Они почти преуспели в своей попытке. Кардинал Джиджи, один из них, пропустил свое выдвижение всего на два голоса. Затем борьба за выдвижение снова началась более серьезно. Шуазель, а еще больше, чем он, Карл III, будучи полны решимости упразднить иезуитов, были полны решимости не давать своего согласия на избрание папы, пока у них не будет хорошей уверенности в том, что он упразднит Общество. Французскому и испанскому послам в Риме и, прежде всего, французским и испанским кардиналам было приказано приложить все усилия для достижения этого результата. Но

человеком, которому бурбоны поручили самую заметную роль в Конклаве, был кардинал де Бернис. Бернис был человеком, наделенным многими благородными качествами, но тщеславным, напыщенным и прежде всего снедаемым желанием играть заметную роль. Он был первым министром Людовика XV, но был смещен своим протезе Шуазелем, который отправил его обратно в его епископство Альби и который теперь доверил ему деликатную миссию выбора преемника святого Петра. Мы говорим "*выбирая*", потому что, чтобы польстить его тщеславию, Шуазель сказал ему, что такова, несомненно, будет его миссия, и кардинал вошел в Конклав в полной уверенности, что только от него зависит выбор будущего понтифика. Он был уверен, что авторитет монархов дома Бурбонов и его собственные приятные и вкрадчивые манеры будут непреодолимы. "Его приветливость, - говорит Сен-Прист, - которая была немного театральной, но всегда подкупающей, казалось, покорила Двор Людовика XV. посреди мрачных покоев Ватикана." Войдя в Конклав, Бернис в самой вежливой и скромной манере и не выказывая никаких претензий на желание осуществлять какую-либо власть над святой коллегией, сказал своим коллегам: "Франция желает только видеть возведенным на папский престол мудрого и умеренного принца, который может пользоваться уважением, подобающим великим державам. Выбор Священной коллегии может основываться только на добродетели, поскольку она сияет в каждом из ее членов. Но одной добродетели недостаточно. Кто мог бы превзойти Климента XIII. в религии и чистоте учения? Его намерения были прекрасны; тем не менее, во время его правления Церковь была встревожена до глубины души. Пусть ваши высокопреосвященства восстановят согласие между Святым Престолом и католическими государствами и вернут мир в христианский мир, и Франция будет довольна". [360] Чтобы побудить кардиналов подчиниться воле монархов, Бернис получил разрешение пообещать от их имени реституцию Авиньона, Понтекорво и Беневенто; и вполне можно предположить, что он максимально воспользовался этим разрешением. На это zelanti и партия иезуитов ответили, что при избрании верховного главы Церкви не следует принимать во внимание никаких соображений, кроме блага религии, и что избиратели не должны прислушиваться ни к каким советам, но горячо звать к Святому Духу и следовать его вдохновению. Положение Де Берниса стало довольно неловким. Карл III, по-видимому, предлагал связать будущего папу *письменным обещанием* упразднить орден иезуитов. Но когда Д'Обетерр предложил Бернису такое соглашение, кардинал отказался; его совесть не позволила ему быть соучастником столь сильного понижения Тиары. Он отказался делать какие-либо подобные предложения, справедливо добавив, что ничто не может обеспечить выполнение контракта, и что кардинал, который был способен заранее посвятить себя такому контракту, опозорил бы свой будущий понтификат, поскольку в конечном итоге все должно выплыть наружу; [361] и хотя послы снова настаивали на более неотложных примерах, Бернис оставался тверд в своем мнении, что такое поведение было позорным и незаконным. Обетер пытался преодолеть свое отвращение всевозможными аргументами, и в письме, адресованном ему 11 апреля, мы находим следующий отрывок: "Я хорошо знаю, что не могу быть *казуистом* вашего высокопреосвященства; но пусть ваше высокопреосвященство проконсультируется с кардиналом Ганганелли, одним из самых знаменитых богословов этой страны, которого никогда не обвиняли в том, что он исповедует распущенную мораль". [362]

В то время как кардиналы были таким образом заняты высшим и чрезвычайно важным делом выбора главы своей Церкви, они, иезуиты, послы и весь Рим внезапно оказались в состоянии тревоги и ожидания. Иосиф II, император Германии, в сопровождении своего брата Леопольда, великого герцога Тосканского, прибыл в Рим. Обладая реальными личными достоинствами, Джозеф презирал показуху и появлялся среди жителей вечного города со всем продуманным и

разительным контрастом инкогнито, изобретением которого он был, под скромным титулом графа Фолкштейнского. Он смешался с римлянами без свиты, без украшений и без какой-либо помпы. И все же его присутствие в Риме произвело большую сенсацию.

Почти у каждого народа существуют определенные традиции, которые передаются из поколения в поколение молчаливо, без каких-либо видимых усилий со стороны кого-либо для их передачи, которые, однако, передаются к самым отдаленным потомкам как бы интуитивно и составляют часть нравственной жизни народа. Такова в Риме более или менее правильная традиция республики и императоров, которая лежит в глубине сердца каждого жителя мировой столицы. В истории записано очень мало людей, которые сражались бы так, как это недавно делали мы, римляне. Но я сильно сомневаюсь, что мы стали бы так сражаться даже за один и тот же приз — свободу и независимость — во имя принца или короля, или любого другого титула в христианском мире, или, более того, во имя чего угодно, кроме республики, и это может быть имя императора. [363] Джозеф, хотя и был католиком и стремился уважать щепетильность своей матери, Марии Терезии, был философом, уже обдумывавшим часть тех реформ, которые он вскоре после этого осуществил; и в тот момент, когда он оказался в пределах видимости Рима, он решил смирить ее гордыню и несколько ограничить ее неумеренные притязания. Когда он был в Риме, как можно себе представить, за ним ухаживали все партии, и все жадно искали его поддержки, особенно zelanti и иезуиты. Каждый с нетерпением ждал, какую роль он примет в состязании. Но молодой принц был или делал вид, что равнодушен к ничтожному вопросу об иезуитах, который тогда был первостепенным; и, говоря об этом, он часто повторял, что удивлен, что судьба нескольких тысяч монахов вызывает столько беспокойства у таких могущественных монархов. Хотя он отзывался об иезуитах с величайшим презрением, тем не менее отцы надеялись, что они смогут считать его своим приверженцем; мнение, которое Джозеф постарался вскоре развеять. Осматривая различные памятники Рима, он посетил также Джезу, главное и самое великолепное учреждение ордена. Отцы церкви вскоре собрались вокруг него в самой почтительной и смиренной позе; и генерал, приблизившись к нему и простершись ниц к ногам императора с глубочайшим смирением, собирался обратиться к нему, когда Иосиф, не дав ему продолжить, резко спросил его, когда он собирается отказаться от своего одеяния. Риччи побледнел и пробормотал несколько нечленораздельных слов; он признался, что времена были очень тяжелыми для него и для его братьев, но что они верили в Бога и в будущего святого Отца, чья непогрешимость была бы навсегда скомпрометирована, если бы он уничтожил орден, получивший одобрение стольких его предшественников. Император улыбнулся и, находясь в тот момент в церкви и случайно взглянув на статую Игнатия из массивного серебра, сверкающую драгоценными камнями, воскликнул по поводу огромной суммы, которую она, должно быть, стоила. “Сир, ” пробормотал отец генерал, “ эта статуя была воздвигнута на деньги друзей Общества. “Скажи лучше, - ответил Джозеф, - с прибылью из Индии”, - и удалился, оставив отцов в величайшей печали и унынии. [364] Джозеф, с другой стороны, принимая подчеркнуто превосходящий тон по отношению к монархам дома Бурбонов, проявил такое же безразличие к избранию папы, которое он считал, как он сказал, несущественным и недостойным занимать внимание монарха восемнадцатого века; и, чтобы доказать делами искренность своих слов, он дал приказывать кардиналу Поццо-Бонелли, своему министру, не поддерживать и не выступать против каких-либо кандидатов.

Кардиналы были огорчены таким явным безразличием единственного католического монарха высокого ранга, который в то время находился в хороших отношениях с Римом; и желая попробовать, не смогут ли они привлечь молодого принца на Святой Престол, оказав ему какой-

нибудь необычайный знак уважения и преданности, в целом столь лестный для юношеского ума, они, нарушив все свои правила и предписания, пригласили императора оказать им честь посещением Конклава. Джозеф отправился туда и был встречен всеми кардиналами в полном составе, один из которых взял его за руку и ввел в те пределы, куда ни один человек не может войти или выйти с начала собрания до избрания папы. Император принял все эти необычайные авансы с холодным достоинством. Он обратился к Бернису с довольно снисходительной приветливостью, которая очень польстила тщеславию кардинала. Но когда Торриджани был представлен ему, он просто заметил: “Я много слышал о вас”, - и немедленно спросил кардинала Йоркского. “Le voici”, - ответил внук Якова II. Джозеф приветствовал последнего из Стюартов выразительным жестом и попросил, чтобы его пропустили в его камеру. “Он очень мал для вашего высочества”, - сказал император, осмотрев его. [365]

Когда император собирался покинуть Конклав, демонстрации кардиналов усилились. “Сир, - воскликнули они, - мы верим, что ваше императорское величество защитит нового папу, чтобы он мог положить конец смутам Церкви”. Император ответил, что власть осуществить это принадлежит их высокопреосвященствам, избрав папу, который должен был бы подражать Бенедикту XIV и не требовать слишком многого; что духовный авторитет папы неоспорим, но что он должен быть доволен этим; и что, прежде всего, в общении с монархами он никогда не должен забывать о себе настолько, чтобы нарушать правила политики и хорошего тона. [366] С этими словами он покинул Конклав, и даже покинул Рим в тот же вечер и отправился в Неаполь, чтобы избежать приготовленных для него праздников.

Кардиналы, когда волнение, вызванное визитом императора, немного улеглось, вернулись к своим партийным интригам и в течение трех долгих месяцев тщетно пытались назначить преемника святому Петру. Наконец испанские кардиналы, которые, по-видимому, намеренно отложили свое путешествие до этого момента, чтобы своими голосами и своим влиянием решить исход состязания, которое к этому времени должно было испытать обе партии, прибыли в Рим и приняли участие в Конклаве. Ла Седа и Де Солис, последний архиепископ Севильи, пользовавшиеся доверием Карла III, сразу же начали разведывать обстановку и принимать все необходимые меры для достижения своей цели, Бернис по-прежнему притворялся переговорщиком Конклава. Испанцы, предоставив ему радоваться этому мнению, спокойно взялись за дело, и вскоре им удалось довести дело до конца, выбрав кандидата, который был принят обеими сторонами. Этим кандидатом был кардинал Ганганелли, о котором мы должны дать некоторый отчет, прежде чем двигаться дальше.

Лоренцо Ганганелли родился в городке Сан-Арканджело 30 октября 1705 года в плебейской семье, его отец был чернорабочим. Как и его предшественник, пастух из Монтальто, Лоренцо в очень раннем возрасте вступил в орден Святого Франциска (Кордельеров), [367] и отличился постоянным усердием, любовью к уединению и спокойным, уравновешенным поведением. Его основным занятием было изучение теологии, в которой он стал опытным профессором. Но его долгие размышления над этой наукой не внушили ему духа фанатизма и преследования, а, напротив, внушили дух терпимости и любви к своим ближним; и, что кажется еще более редким, он ни в малейшей степени не изменил своих веселых и приятных манер. Он также, с головой уйдя в изучение богословия, не стал нечувствительным к очарованию природы или к прелестям изящных искусств. Он увлекался естественной историей и проводил много свободного времени, препарируя насекомых или собирая растения. Он с некоторым успехом занимался литературой; и если он не был здравомыслящим ценителем, то, несомненно, горячо защищал

изящные искусства и страстно любил музыку. [368] Один из его учителей однажды сказал о нем именно так: “Неудивительно, что он любит музыку, видя, что все в его уме находится в гармонии”. [369] С самой ранней юности Лоренцо питал надежды достичь выдающегося положения в жизни; и его честолюбие, пылкое и настойчивое, убедило его, что Провидением ему предназначено совершать выдающиеся поступки; это убеждение придало всему его поведению характерный оттенок таинственной уверенности в будущем. Когда родители отговорили его поступать в монастырь, Лоренцо, хотя он был тогда еще очень молод, ответил, что монашеское одеяние часто предшествовало пурпурному и что два последних Систуса вышли из монастырей Святого Франциска. Действительно, он бережно хранил память о падре Феличе, о том Систусе, которого даже в наши дни с любовным почтением помнят все итальянцы, но, прежде всего, низшие классы общества. Подобно Систу, Ганганелли не проявлял особой склонности к аристократии и добивался благосклонности толпы. Ганганелли, даже после того, как он возвысился до высшего сана, оставался непритязательным и популярным монахом. Он был честолюбив и чрезвычайно ревниво относился к реальной власти, но презирал шоу и видимость этого. “Несмотря на свое возвышение, Ганганелли сохранил свои прежние простые привычки. Пышность и церемонии были ему менее по вкусу, чем скромная трапеза, долгие поездки верхом в римскую кампанию, дружба Франческо, [370] визит нескольких хорошо информированных незнакомцев и, прежде всего, беседа отцов монастыря Святых Апостолов”. [371]

Это были, действительно, очень приятные и благородные качества, и, несомненно, Климент XIV. оказался одним из самых просвещенных и исполненных благих намерений пап, когда-либо занимавших папское кресло. Но почти все историки, на многих из которых, без сомнения, повлиял тот факт, что он был усмирителем ордена иезуитов, преувеличили достоинства Ганганелли и сделали из него, будь то монаха или папы, безупречную личность, одаренную почти сверхъестественными качествами. [372] Мы не столь уж равнодушны к нему, и, хотя мы отдаем ему должное за его многие превосходные качества, мы не можем игнорировать его недостатки или объявить его поведение свободным от порицания. Так, например, очевидно, что Ганганелли, как истинный францисканец (орден от первого до последнего враждебен Обществу), и как терпимый и примиряющий человек, не мог быть другом или иметь какое-либо уважение к иезуитам; и все же, видя, насколько влиятельными были отцы при Реццонико, падре Лоренцо заручился их благосклонностью, заручился покровительством Риччи, который представил его племяннику папы, и благодаря их совместным интересам бедный монах стал *eminentissimo*. Это, конечно, не слишком говорит в пользу его прямолинейности; и все его поведение во время Конклава доказывает также, что Ганганелли не был чрезмерно щепетилен в отношении средств, которые он использовал для удовлетворения своих глубоко укоренившихся амбиций. Джоберти, его горячий апологет, видя, что было бы довольно трудно снять с него упрек в честолюбии, признает, что он действительно был честолюбивым человеком, но он говорит: “Если это правда, согласно святому Павлу, что человек, желающий должности епископа, желает хорошей работы, [373] почему в определенных случаях не будет разрешено хотите получить папство, которое является высшим священством?” [374] И он (Джоберти) продолжает доказывать, что такие амбиции допустимы, когда человек стремится не к своему собственному, а к общественному благу, когда он уверен, что он подходит для этой задачи, и когда он не использует никаких недостойных средств для достижения объекта своих амбиций; и он делает вид, что Ганганелли выполнил все эти условия. Мы также отдаем должное бедному кордельеру за то, что он выполнил два первых условия, и мы верим, что, стремясь к верховному

престолу, он имел в виду общественную выгоду, благополучие Церкви и что, более того, он считал себя вполне годным на то, чтобы быть папой; но мы предоставим нашим читателям судить, были ли все средства, к которым он прибегал, безупречными и честными.

Во время Конклава всех кардиналов кардинал Ганганелли казался самым безразличным к чрезвычайно важному делу, которым они занимались. Он держался в стороне от интриг всех партий, так что каждая могла считать его одним из своих приверженцев. Он снискал расположение партии монархов, часто повторяя публично, но с крайней робостью, просто в качестве замечания, которое следует принять во внимание: “У них очень длинные руки, они простираются за Альпы и Пиренеи”; в то время как сторонникам иезуитов он повторил: “Мы должны думать о разрушении Общества Иисуса не больше, чем о разрушении купола Собора Святого Петра”. [375] Многие историки намекали и даже утверждали, что, хотя Ганганелли публично высказывался столь двусмысленно, он тайно заверил французского министра в своем враждебном отношении к иезуитам и что Франция с самого начала выбрала его в качестве своего кандидата. Сен-Прист категорически отрицает, что это было так, и утверждает, что Ганганелли ни в коем случае не был тем человеком, на которого Франция возлагала свое доверие. “Кардинал действительно был упомянут в списке *bons sujets*, то есть лиц, которые не были бы неприемлемы для бурбонов; но его имя, как и имя многих других, сопровождалось оговорками”. [376] И французский историк продолжает утверждать, что Франция, отнюдь не предпочитая его остальным кандидатам, подозревала его в интригах и двуличии; и поведение Ганганелли вполне могло дать повод для таких подозрений. Ранее он был близок с французскими кардиналами и проявил себя весьма благосклонным к их интересам, но во время заседания Конклава делал вид, что избегает их, очевидно, с намерением не обидеть другую сторону. Он жил один, запершись в своей камере, и казалось, что происходящее его нисколько не касается.

Как же тогда случилось, что он был избран на вакантный трон? Иезуиты обвинили его *всимонии* и утверждали, что в обмен на письменное обещание упразднить их орден испанские кардиналы передали ему все голоса, которые были в распоряжении дома Бурбонов. [377] Поклонники Климента, с другой стороны, с негодованием отрицали позорную торговлю и утверждают, что он был избран как самый умеренный, терпимый и добродетельный из всех кардиналов и как тот, кто один мог исцелить раны Церкви; и факт в том, что ни одна из сторон не может быть полностью права в своих утверждениях. Это основано на многих авторитетных источниках; и в наших глазах не вызывает сомнения тот факт, что Ганганелли за два или три дня до проверки кандидатуры папы передал Де Солису письменную записку, сформулированную в следующих выражениях: “Я признаю, что Суверенный понтифик может с чистой совестью упразднить Общество иезуитов, не нарушая канонических предписаний”. [378] Теперь, насколько это разбирательство может представлять собой грех симонии, мы не претендуем на то, чтобы решать. Очевидно, что в самом строгом смысле этого слова здесь нет конкретного контракта, составляющего симонию. В этой заметке кардинал Ганганелли выражает свое мнение как богослов, что Верховный понтифик может с чистой совестью отменить Орден Иисуса; и это мнение совершенно здраво и ортодоксально. Но, по правде говоря, можно спросить, был ли этот ответ направлен на то, чтобы заручиться поддержкой советника Испании, которая была твердо намерена не соглашаться ни на какое выдвижение, не получив от будущего папы письменного обещания подавить Общество Иисуса? Похоже, что испанские кардиналы, с какими бы намерениями Ганганелли ни передавал записку, восприняли ее не как мнение богослова, а как торжественное обязательство будущего папы, так что вскоре после

написания записки, как будто Святой Дух внезапно определился с выбором и предложил избирателям то же имя, Ганганелли был избран на кафедру апостолов.

Однако в период между переговорами испанских министров с Ганганелли и тщательным изучением кандидатуры Бернис, видевший, что все мнения склоняются в пользу францисканца, и понимавший, что его кастильские коллеги разыграли его, поскольку все делалось без его участия, чтобы сохранить хотя бы видимость, поспешил к вероятному кандидату и похвастался ему, что его избрание будет обусловлено влиянием Франции. Испанцы охотно позволили ему сыграть эту благовидную роль, так соответствующую его напыщенному характеру, и Ганганелли, который, возможно, был смущен тем, как ему следует выразить свою притворную благодарность, ответил этими странными словами: “Я ношу Людовика XV. в моем сердце, а кардинал де Бернис - в моей правой руке. [379] Затем Бернис с некоторой дипломатической важностью недвусмысленно попросил узнать мнение Ганганелли относительно иезуитов и дела Пармского младенца. По последнему пункту будущий папа ответил самым удовлетворительным образом и пообещал не только отозвать *monitorium*, но и лично посвятить предстоящую свадьбу герцога в базилике Святого Петра. Но по вопросу об иезуитах он был не столь откровенен; он признал, что их подавление представляется необходимым и что, скорее всего, будущий папа не удовлетворился бы одними словами; и, “короче говоря, - говорит святой прист, - Ганганелли пообещал де Бернису все, что тот желал”. [380] Так как это было устроено, и австрийская партия, к которой примкнули также иезуиты, приняла кандидатуру Ганганелли, он был, как мы уже говорили, избран Верховным понтификом и принял имя Климента XIV.

Ганганелли, достигнув наконец вершины своего честолюбия, на короткое мгновение с восторгом наслаждался своей удачей и огромной популярностью, которые сразу же окружили его и дали выход всем естественным добрым порывам его сердца. В день своей коронации, при входе в базилику Ватикана, его взгляд упал на камень, на котором он когда-то стоял простым монахом, чтобы посмотреть, как мимо проезжает кортеж папы Реццонио. “Смотрите, - сказал он, указывая на него одному из своей свиты, - с этого камня меня свергли десять лет назад”. [381] Само начало его понтификата доставило большое удовлетворение монархам и всем сторонникам либеральной и толерантной политики. Он начал с запрета чтения Буллы *in coena Domini*, столь оскорбительной для всех монархов; он приостановил действие *monitorium* против герцога Пармского; он объявил, что направит нунция в Португалию; и он расширил некоторые уступки, сделанные Бенедиктом XIV. королю Сардинии, и который его предшественник отказался признать. Если бы не вопрос об иезуитах, нет сомнений, что Ганганелли вызвал бы всеобщее удовлетворение, а сам он жил и умер бы счастливым и почитаемым папой. Но это злосчастное дело отравило всю его радость с начала правления. В какую бы сторону он ни поворачивался, он не видел ничего, кроме почти непреодолимых препятствий. С одной стороны, монархи настоятельно требовали упразднения ордена, и Клименту приходилось опасаться, что его отказ подчиниться лишит Рим не только ценных владений Авиньона и Беневенто, но и сыновней покорности Испании, Франции и Португалии. С другой стороны, как мог он, верховный глава Римско-католической церкви, отменить орден, который считался самым прочным оплотом этой же Церкви и, как таковой, признавался и одобрялся многими его предшественниками? Каково было бы суждение потомков и последователей его вероучения? Утвердят ли они его приговор, и припишут ли ему дар непогрешимости за счет других заблуждающихся понтификов? или его сочли бы виновным, а его предшественников непогрешимыми? В обоих случаях папская непогрешимость была бы сильно подорвана, а авторитет, который она придавала решениям Святого Престола, значительно уменьшен, чего

никогда не желали ни Ганганелли, ни какой-либо другой папа; потому что это замечательный факт, что папы, выборные монархи, и которые единственные из таковых не имеют никакой надежды передать своему потомству или своим родственникам какую-либо часть своей власти, всегда были и остаются скрупулезно осторожными, чтобы не умалять величие и славу папского престола, хотя иногда они могут предвидеть, что после их смерти это будет невозможно. оккупирован их злейшим врагом. Что же тогда мог сделать бедный папа римский в этих критических обстоятельствах? Хотя ему нравилось, когда его сравнивали с Систом V., памяти которого он искренне поклонялся, он был далек от твердости характера и неукротимой энергии *старого* козопаса из Абрुцци. Он действовал не так, как поступил бы Сист; подобно всем людям без энергии, в опасных и трудных чрезвычайных ситуациях он не принимал решительных мер, но направлял все свои усилия и ухищрения на то, чтобы выиграть время, непрестанно обещая государям прийти к решению и всегда уклоняясь от выполнения своих обещаний в решающий момент.

Чтобы добиться некоторой отсрочки от Франции, он подумал, что лучшее, что он мог сделать, - это польстить тщеславию Де Берниса, ныне аккредитованного посла при Версальском дворе, и сделать его невольным сообщником в своей системе проволочек; а Бернис, хотя и умный и проницательный человек, был настолько ослеплен своим тщеславием, что его легко было обмануть своим искусством. Святой Прист привел из писем Берниса Шуазелю отчет о некоторых беседах, которые имели место между папой и кардиналом. "Когда кардинал отправился засвидетельствовать свое почтение папе, тот не принял обычного почтения; он запретил ему преклонять колени, неоднократно предлагал ему свою табакерку и даже заставил его сесть в его присутствии. Бернис удалился со всеми знаками глубокого уважения, но Климент сказал фамильярным тоном: "Мы одни, и никто нас не видит; давайте обойдемся без этикета и восстановим прежнее равенство кардиналов". [382] Несколько дней спустя, когда Бернис вручил письмо от Людовика XV, Климент схватил и с трепетом поцеловал его, воскликнув: "Я всем обязан Франции. Провидение избрало меня среди людей, подобных святому Петру, и дом Бурбонов, по воле Провидения, был средством возвести меня на престол князя Апостолов. Провидение также допустило, " добавил он, обнимая Берниса, " чтобы вы стали министром короля при папском дворе. Я безгранично доверяю вам, мой дорогой кардинал; пусть между нами не будет никаких косвенных сношений, никакой тайны". [383]

Эти заверения льстили тщеславию Берниса, который постоянно просил свой двор санкционировать задержки, которые достоинство папы делало необходимыми и которые, по его мнению, были неизбежны в вопросах, затрагивающих церковную дисциплину. Эти представления оказали некоторое влияние на ум Людовика XV, которого в его расточительстве часто охватывали временные приступы раскаяния; и он убедил короля Испании, хотя и с некоторым трудом, быть немного терпеливее и предоставить папе некоторую разумную отсрочку для урегулирования вопроса.

Радость Климента по поводу успеха его политики была неудержимой. Он не только гордился собственной сообразительностью, но и надеялся найти новые предлоги для отсрочки на неопределенный срок. Этот краткий миг иллюзии был самым счастливым за весь его понтификат; более того, он был единственным счастливым моментом. Лицо его сияло довольством, манеры стали еще более дружелюбными, и ничто не могло сравниться с его добродушием. Чтобы окунуться в свое счастье, он отправился в очаровательную резиденцию Кастель-Гандольфо и провел много счастливых часов на очаровательном берегу озера Альбано,

не имея других свидетелей или свиты, кроме старого друга своей юности, бедного брата-мирянина Франческо.

Но счастье было недолгим. Едва Ганганелли вернулся в Рим, как все его иллюзии рассеялись. Пылкий и неугомонный в осуществлении своих проектов Карл III. ему не терпелось увидеть, как свершится уничтожение иезуитов; и, видя, что в этом направлении не было достигнуто никакого прогресса, он обвинил Берниса Шуазеля либо в неспособности, либо в попустительстве Клименту. Шуазель, которому Карл оставил всю свободу действовать по своему усмотрению в общей политике Европы, очень стремился выполнить его пожелания в этом деле. Некоторое время назад он уже написал Бернису письмо, полное упреков и заканчивающееся так: “И если бы я был послом в Риме, мне было бы стыдно видеть отца Риччи врагом моего хозяина”. [384] Но теперь он все сильнее и сильнее давил на кардинала, чтобы привести папу к скорейшему решению. Испанский король, со своей стороны, не довольствуясь стимулированием Шуазеля, давил на папу все сильнее и сильнее. Сначала он угрожал Римскому двору; затем, когда Климент заявил, что существует некоторая опасность того, что мера пресечения вызовет восстание или вмешательство других монархов или благочестивых друзей иезуитов, он предложил высадить в Чивита-Веккья 6000 человек для защиты папы от его врагов; и, чтобы еще больше напугать Ганганелли, он публично и недвусмысленно донес на кардинала де Берниса французскому двору и попросил отозвать его.

Бернис был ошеломлен этим потрясением и чувствовал себя так, словно его посольство, самое дорогое для его сердца из-за помпезности и власти, которые оно придавало, уже было вырвано у него. Симпатия, которую он испытывал к Клименту, желание быть с ним любезным и отплатить Папе за доверие, которое, как он думал, его Святейшество оказал ему, сразу исчезли, и все его мысли были направлены на то, чтобы выяснить, как он мог заставить Суверенного Понтифика, своего духовного и непосредственного начальника, подчиняться своим светским хозяевам и таким образом сохранить себя в своем посольстве. Вместо прежнего легкого согласия он теперь стал суровым и требовательным; и, не видя более эффективных шагов, которые можно предпринять, чтобы успокоить нетерпение Карла III, он убедил папу написать королю и заключить с ним мир. [385] Ганганелли, вне себя от радости, что избежал нынешнего зла, безрассудно согласился на то, что от него требовали, не задумываясь о том, что, дав письменное обещание, он сделал свое положение еще более трудным и опасным в будущем. В своем письме испанскому королю, отклоняя помощь, предложенную его католическим величеством, он просил времени для завершения подавления иезуитов, признавая, в то же время, что эта мера была необходимой, и прямо заявляя, что *“члены Общества заслужили свое падение беспокойством своего духа и дерзостью своих действий”*. [386] Это письмо, написанное в 1770 году, некоторыми было опровергнуто, а другие перепутали с более расплывчатой запиской, в которой, как мы видели, утверждалось, что Ганганелли написал до своего восхождения на понтификат. Это серьезная ошибка; и, чтобы развеять любые сомнения, мы процитируем слова самого кардинала Берниса в его депеше от 29 апреля 1770 года. Они, как будет видно, имеют величайшее значение: “Вопрос не в том, захочет ли папа подавить иезуитов; но может ли его Святейшество хоть на мгновение поколебаться выполнить их после официальных обещаний, данных им в письменной форме королю Испании? Это письмо, которое я убедил его написать его католическому величеству, связывает его так крепко, что, если испанский двор не изменит своего мнения, папа будет вынужден завершить начатое. Заполучив его, это правда, он мог бы чего-то добиться, но сила отсрочки ограничена. Его Святейшество - человек слишком дальновидный, чтобы не понимать, что, если король Испании

заставит напечатать его письмо, он потеряет свою репутацию человека чести, если не решится выполнить свое обещание и подавить Общество, план уничтожения которого он обещал обнародовать, и членов которого он считал опасными, недовольными и беспокойными ”. [387]

На существовании этого письма, которому они ошибочно приписывают, как мы уже говорили, дату, предшествующую избранию Ганганелли, иезуиты основали свою систему защиты. Они утверждали, что папа был вынужден совершить акт упразднения их Общества, который лично Климент не считал ни справедливым, ни необходимым; и нельзя отрицать, что монархи оказывали на него своего рода давление. Но был ли тогда Ганганелли благосклонен к ордену, и позволил бы он иезуитам жить в мире, если бы был предоставлен самому себе, и защитил бы их от большей части Европы, замышлявшей их уничтожение? Нет! несомненно, нет. Мы уже отмечали, что Ганганелли не мог быть другом иезуитов. Человек, который похитил Систа Пятого и Бенедикта XIV. ибо его модели, с которыми у него было так много общего, могли желать только того, чего желали и пытались сделать эти его предшественники, а именно положить конец гордыне и высокомерию иезуитов. Но мы скажем больше. Если бы монархи не оказывали на Климента слишком сильного давления, мы убеждены, что он действовал бы более энергично и решительно. Мы должны помнить, что Ганганелли, хотя и не был требователен к внешним проявлениям пышности и власти, был самого высокого мнения о достоинстве, которым он был облечен, и ни в коем случае не был расположен видеть, как тиара опускается или бесчестится на его лице. Однажды, когда Флорида Бланка, испанский посол, в подтверждение своих аргументов предположил Папе, что сразу после публикации Сводки о подавлении Авиньон и Беневенто будут возвращены Святому Престолу, Климент ответил с величественным достоинством: “Помните, что папа управляет Церковью, но не злоупотребляет своей властью”, [388] и, прервав конференцию, удалился в возмущение. Кроме того, Ганганелли, несмотря на недостаток энергии и хотя его можно упрекнуть в несколько двусмысленном поведении ради удовлетворения своих амбиций, был человеком слишком религиозным и слишком благородным сердцем, со слишком прочными принципами морали и честности, чтобы согласиться на меру, которую он считал несправедливой. Он предпочел бы любые неудобства, даже мученическую смерть, такому несправедливому и бесчестному поведению. Почему же тогда он так долго колебался, прежде чем принять меры, которые считал полезными и справедливыми? Пусть Климент сначала ответит сам за себя, а мы потом изложим наши доводы. В Кратком отчете о пресечении Папа говорит: “Мы не пренебрегали ни заботой, ни усилиями, чтобы прийти к полному знанию происхождения, прогресса и фактического состояния этого регулярного ордена, обычно называемого Обществом Иисуса”. [389] И Ранке, которого иезуиты часто цитируют как авторитет и который, кажется, довольно равнодушен к ним, говорит: “Климент с предельным вниманием относился к делам иезуитов. Была сформирована комиссия из кардиналов, изучены архивы Пропagанды, и аргументы обеих сторон были тщательно рассмотрены”. [390] Таким образом, очевидно, что Климент хотел вынести решение, прекрасно зная суть дела. Следует помнить, что существует большая разница между мнением, которого мог придерживаться Ганганелли об иезуитах, и фактом, что Верховный понтифик, глава религии, торжественным и бесповоротным актом осудил религиозный орден, одобренный и защищенный тринадцатью бывшими папами. Следует помнить, что Климент сам был монахом, и что в самом начале Судебного разбирательства он сообщает нам, каковы были его чувства по отношению к монашеским общинам. “Не подлежит сомнению, - говорится в Отчете, - что среди вещей, способствующих благу и счастью Христианской Республики, религиозные ордена занимают первое место. Именно по этой причине Апостольский престол, который обязан

своим благосостоянием и поддержкой этим орденам, не только одобрил, но и наделил их многими исключениями, привилегиями и полномочиями”. [391] Помимо этих весомых и главных причин, множество других второстепенных, должно быть, побудили Климента отложить важнейший акт. Прибегать к суровым мерам было противно его мягкому, доброжелательному и покладистому характеру. Благородство и щедрость его сердца, с другой стороны, наводили его на мысль, что иезуитам, возможно, он был обязан высшим достоинством, которого он достиг, поскольку именно под их влиянием он был назначен кардиналом; и это заставляет нас полагать, что, если бы эта мера была менее срочной и необходимой для благополучия Церкви и христианства, он, в память о прошлых благодеяниях, никогда бы не упразднил орден. В качестве последней, но не менее важной причины колебаний Ганганелли можно привести то, что римско—католический мир воспринял бы это с удивлением и не без ропота, если бы он упразднил общество, к которому его благодетель Реццонико, чей прах был еще теплым, питал такую особую привязанность и которое он взял под защиту своей непогрешимости - непогрешимости, о которой, хотя Климент никогда не говорил, ему, без сомнения, не понравилось бы, если бы другие ставили под сомнение. Одним словом, оценивая поведение Ганганелли, различные партии слишком часто забывали, что он был папой римским и монахом.

Все мотивы, которые мы привели, чтобы объяснить и оправдать задержку Климента в подавлении ордена, были благородными и похвальными; но следует признать, что к ним примешивался другой, менее благородный и не столь похвальный для характера папы. Он боялся, что иезуиты убьют или отравят его; и его опасения, как мы увидим, были небезосновательны.

Можно себе представить, что иезуиты не жалели усилий, чтобы повлиять на мнение Климента и отвергнуть план их уничтожения. Сначала они пустили в ход все влияние, которым все еще обладали. Прежде всего, в Риме они были всемогущи среди знати. Они были доверенными лицами мужей, исповедниками жен, воспитателями детей; и с помощью этих вельмож они пытались повлиять на папу в свою пользу. Но поскольку Ганганелли принимал мало лиц такого ранга и никого не слушал, этот прием отцов церкви оказался безуспешным. Впоследствии они получили от государей Австрии, Баварии, Польши и Сардинии рекомендательные письма к Святому Отцу; и когда они поняли, что даже они оказались безрезультатными, они прибегли к угрозам и с помощью множества хитрых ухищрений внушили Клименту уверенность, что они лишат его жизни, какие бы меры предосторожности он ни предпринял. Чтобы произвести еще более сильное впечатление на его разум, они приказали группе самозванцев предсказать его смерть, в предсказания которых, как это обычно бывает, люди охотно верили; и иезуиты позаботились о том, чтобы укрепить эту веру. Бернадина Ренци, крестьянка из Валентано, выдававшая себя за пророчицу, предсказала вакантность Святого Престола по таинственным инициалам P. S. S. V. (престо саре седе ванканте). Другая Прорицательница из Монтефьясконе также сделала подобные странные и загадочные предсказания. [392] Папа был слишком просвещенным, слишком религиозным, чтобы верить в подобные обманы; но именно потому, что он в них не верил, он боялся их еще больше, зная, что те, кто их выдвинул, найдут средства для их осуществления. Два иезуита, отцы Колтраро и Веницца, вместе с духовником Бернардины были брошены в тюрьму по подозрению в том, что они были советниками пророчицы. В различных кругах общества, почти публично и вслух, иезуиты и их приверженцы обвиняли и проклинали Климента, осыпая упреками его имя и даже намекая на возможность низложения. Были выдвинуты оскорбительные образы и отвратительные фигуры, возвещающие о приближающейся катастрофе в форме мести Провидения. Отец Риччи, далекий от того, чтобы

испытывать какое-либо отвращение к поддержке такого бесстыдного обмана, даже не уклонился от интервью с колдуньей Валентино. [393]

Окруженный предательством, Ганганелли не мог долго сопротивляться впечатлению, которое такое положение вещей должно было произвести на него. Его природная веселость ослабла, здоровье пошатнулось, и явные признаки усталости отпечатались на всем его лице. Он жил еще более уединенно, чем когда-либо, и не пробовал никаких блюд, кроме тех, которые готовил его верный Франческо или его собственные руки.

С другой стороны, суверены становились все более и более настоятельными. Анзпуру сменил на посту испанского посла тот самый Муниньо, который в качестве магистрата помогал Д'Аранде в таинственном расследовании поведения иезуитов послеэмьеранта 1766 года, и который теперь был графом Флорида Бланка. Он был суров и непреклонен и изо всех сил настаивал на том, чтобы бедный папа совершил опасный прыжок. Преходящая, обманчивая надежда, которой пользовались иезуиты, избежать разорения после опалы Шуазеля, и огромное влияние, которое приобрела на короля их подруга мадам Дюбарри, преемница мадам де Помпадур, вскоре исчезли. Д'Эгийон, чтобы смягчить гнев Карла III. что касается падения его друга Шуазеля, то он энергично поддерживал испанского короля в его заветном проекте добиться Подавления; и, поскольку Австрия отказалась от дела ордена, [394] крушение иезуитов стало неизбежным. И все же Климент сопротивлялся всем этим приставаниям и угрозам и держался твердо, пока после долгого расследования его совесть не убедила, что поступок, который он был призван совершить, был актом высшей справедливости и принес огромную пользу христианству. Затем, хотя он был уверен, что ему придется расстаться с жизнью, он решил пожертвовать ею ради исполнения долга, что придает этому поступку более внушительный и торжественный вес. 23 июля 1773 года он поставил свою подпись под Запиской, сказав в самом акте написания своего имени: “Мы подписываем нашу смерть” — *Sottoscriviamo la nostra morte*. [395]

Теперь мы представим нашим читателям большую часть этого краткого Изложения, которое мы хотели бы, чтобы они внимательно прочитали и обдумали, потому что, как заметил римско-католический священник, “Это, несомненно, одно из самых красивых и почетных деяний Римской Церкви; и настолько важное, что я осмеливаюсь утверждать, что нет церковного таинства, в котором так ярко сияли бы мудрость, святость, умеренность и истинная философия апостольской кафедры. Идея, которая преобладает в Кратком Изложении, заключается в единстве и мире, которые Человеко-Бог принес смертным, установив свою религию” и т.д. [396] На самом деле, Краткое изложение чрезвычайно примечательно во всех своих частях и показывает, с какой точностью, с каким терпением Клемент изучил этот вопрос. Она начинается с восхваления монашеских орденов и благих намерений Лойолы основать орден иезуитов. Затем в нем указывается на многие из этих орденов, которые были упразднены разными папами. В нем резюмируются все милости, которые Святой Престол оказал иезуитам. Затем, в кратком очерке истории ордена, в нем раскрывается принцип раздора, раскола; о постоянной войне, которую он вел против всех других религиозных общин; о разногласиях, которые он возбуждал в различных католических странах; об упрямстве иезуитов, упорствующих в своем предосудительном поведении, несмотря на ряд записок и увещаний Верховного понтифика; и, наконец, в заключение объявляется невозможным, чтобы Церковь могла восстановить прочный мир, пока существовало указанное Общество. Ниже следует этот памятный документ,

[397] который мы приводим подробно, как наиболее точное изложение истории Компании, написанное самым высоким и компетентным органом власти:—

“Краткое описание эффективного подавления ордена иезуитов.

“Климент XIV, папа римский и проч.

“Иисус Христос, наш Спаситель и Искупитель, был предсказан пророками как *Князь Мира*: ангелы провозгласили его под тем же титулом пастухам при его первом появлении на земле; впоследствии он неоднократно заявлял о себе как *верховный миротворец*; и он рекомендовал мир своим ученикам перед своим вознесением на небеса.

“Примилив все с Богом, своим Отцом, умиротворив своей кровью и своим крестом все, что содержится на небесах и на земле, Он рекомендовал своим апостолам служение примирения и даровал им дар языков, чтобы они могли распространять его; чтобы они могли стать служителями и посланниками Христа, Который есть Бог не раздора, но мира и любви; чтобы они могли возвещать этот мир по всей земле и направлять свои усилия на этот главный пункт, чтобы все люди, возрожденные во Христе, могли сохранить единство Духа в узах единения”. мир; могли бы считать себя одним телом и одной душой, призванными к одной и той же надежде, к одному и тому же призванию, к которому, согласно святому Григорию, мы никогда не сможем прийти, если не будем действовать согласованно с нашими братьями. То же самое слово примирения, то же самое служение рекомендовано нам Богом особым образом. С тех пор как мы были возведены (без каких-либо личных заслуг) на кафедру Святого Петра, мы вспоминали об этих обязанностях день и ночь; они постоянно были у нас перед глазами; они глубоко запечатлелись в нашем сердце; и мы прилагаем все усилия, чтобы удовлетворить их и исполнить. С этой целью мы непрестанно молим о защите и помощи Бога, чтобы он вдохновил нас и всю свою паству советами мира и открыл нам дорогу, ведущую к нему. Кроме того, мы знаем, что *Божественным Провидением мы установлены над царствами и народами для того, чтобы срывать, разрушать, рассеивать, расточать, насаждать или питать*, как это может наилучшим образом способствовать правильному возделыванию виноградника Саваофа и сохранению здания христианской религии, главным краеугольным камнем которой является Христос. Вследствие этого мы всегда думали и постоянно придерживались мнения, что, поскольку наш долг - тщательно насаждать и лелеять все, что может каким-либо образом способствовать спокойствию христианской республики, узы взаимного милосердия требуют, чтобы мы были в равной степени готовы и расположены срывать и уничтожать даже то, что нам наиболее приятно и чего мы не можем лишить себя без глубочайшего сожаления и самой острой скорби.

“Не подлежит сомнению, что *среди вещей, способствующих благу и счастью христианской республики, религиозные ордена занимают, так сказать, первое место*. Именно по этой причине Апостольский престол, который обязан своим блеском и поддержкой этим орденам, не только одобрил, но и *наделил их многими исключениями, привилегиями и способностями*, чтобы они могли быть еще более заинтересованы в развитии благочестия и религии; в направлении нравов людей, как своими наставлениями, так и своими примерами; в сохранении и подтверждении единства веры среди верующих. Но если в какое-либо время какой-либо из этих религиозных орденов не принес этих обильных плодов процветания христианскому народу,

не принес тех преимуществ, на которые надеялись при их учреждении; если в какое-либо время они казались склонными скорее к беспокойству, чем к поддержанию общественного спокойствия; тот же Апостольский престол, который воспользовался своей собственной властью для учреждения этих орденов, не колеблясь реформировал их новыми законами, чтобы вернуть их к их примитивному устройству или даже полностью упразднить их, где это казалось необходимым”.

[Далее следует длинный список религиозных орденов, подавляемых разными папами, не давая им возможности очиститься от выдвинутых против них обвинений. Затем он выполняется следующим образом:—]

Поэтому, имея перед глазами эти и другие подобные примеры, примеры большого веса и высокого авторитета, — воодушевленные, кроме того, живым желанием ходить с чистой совестью и твердым шагом, о которых мы поговорим ниже, — *мы не пренебрегли ни заботой, ни трудом, чтобы прийти к полному знанию происхождения, прогресса и действительного состояния этого регулярного ордена, обычно называемого “Обществом Иисуса”*. В ходе этих исследований мы увидели, что святой основатель ордена действительно учредил его для спасения душ, обращения еретиков и неверующих, и, короче говоря, для большего продвижения благочестия и религии. И, чтобы более уверенно и счастливо осуществить столь похвальный замысел, он строго посвятил себя Богу абсолютным обетом евангельской бедности, которым должен был связать Общество в целом и каждого отдельного человека в частности, за исключением только колледжей, в которых должны были преподаваться светская литература и другие отрасли знаний и которым разрешалось владеть имуществом, но так, чтобы никакая часть их доходов никогда не могла быть направлена на нужды указанного Общества в целом. Именно в соответствии с этими и другими священными ограничениями Общество Иисуса было одобрено папой Павлом III, нашим блаженной памяти предшественником, в его письме *sub plumboot* 27 сентября 1540 года”.

[Здесь Климент перечисляет других пап, которые либо подтвердили привилегии, уже предоставленные Обществу, либо объяснили и расширили их.]

“Несмотря на столь многочисленные и великие милости, из апостольских Уставов явствует, что почти в самый момент его учреждения в недрах этого Общества зародились семена раздора не только между самими компаньонами, но и с другими регулярными орденами, светским духовенством, академиями, университетами, государственными школами и, наконец, даже с князьями государств, в которых было принято Общество.

Иногда эти разногласия и споры возникали относительно характера их обетов, времени принятия к ним, силы исключения, права приема в священные ордена без достаточного титула и без принятия торжественных обетов, вопреки содержанию постановлений Тридентского собора и Пия V., нашего предшественника; иногда относительно *абсолютной власти, принятой генералом указанного ордена*, и по вопросам, касающимся надлежащего управления и дисциплины в ордене; иногда относительно различных положений доктрины, касающихся их школ, или таких, как их исключения и запреты. привилегии ординариев и других гражданских или церковных должностных лиц объявлены противоречащими их правам и юрисдикции. Короче говоря, против указанного ордена постоянно поступали обвинения самого серьезного характера, *и весьма пагубные для мира и спокойствия христианской республики*. Отсюда и происхождение того бесконечного количества призывов и протестов против этого

Общества, которые столь многие монархи возлагали к подножию трона наших предшественников Павла IV, Пия V и Сикста V.

Среди принцев, подавших апелляцию таким образом, Филипп II, король Испании, славной памяти, который изложил Сиксту V. не только причины жалобы, которые у него были, но и те, на которые ссылались инквизиторы его королевства, против *чрезмерных привилегий* Общества и формы их правления. Он также пожелал, чтобы Папа был ознакомлен с главами обвинений, выдвинутых против Общества, и подтвержденных некоторыми из его собственных членов, замечательных своей образованностью и благочестием, и потребовал, чтобы Общество подверглось апостольскому посещению. Сикст V, убежденный, что эти требования и мольбы Филиппа были *справедливыми и хорошо обоснованными, без колебаний подчинился им*; и, как следствие, назначил епископа, отличавшегося исключительным благоразумием, добродетелью и ученостью, апостольским посетителем, и в то же время поручил конгрегации кардиналов изучить этот вопрос.

“Но этого понтифика унесла преждевременная смерть, и это мудрое начинание осталось безрезультатным. Григорий XIV, возведенный на верховную апостольскую кафедру, в максимальной степени одобрил учреждение Общества своим письмом, *sub plumbo*, датированным 28 июля 1591 года. Он подтвердил все привилегии, которые были предоставлены Обществу любым из его предшественников, и особенно право исключать и увольнять любого из его членов без какой-либо предварительной процедуры, информации, действия или задержки; исключительно исходя из истинности факта и характера преступления, исходя из достаточных мотивов и с должным учетом лиц и обстоятельств. Он постановил, и это под страхом отлучения от церкви, что все судебные разбирательства против Общества должны быть прекращены, и что ни одно лицо не должно осмеливаться, прямо или косвенно, нападать на институты, конституции или декреты указанного Общества или пытаться каким-либо образом внести в них какие-либо изменения. Каждому из членов только упомянутого Общества он разрешил раскрывать и предлагать, либо самим, либо через легатов и нунциев Святого Престола, только ему самому, или папам-его преемникам, все, что они сочтут нужным добавить, изменить в своем учреждении.

“Кто бы мог подумать, что даже эти меры окажутся неэффективными для умиротворения криков и призывов против Общества? Напротив, со всех сторон возникли очень ожесточенные споры относительно доктрины Общества, которую многие считали противоречащей ортодоксальной вере и здоровой морали. Разногласия между собой и с другими становились с каждым днем все более ожесточенными; обвинения против Общества множились без числа, и особенно из-за той *ненасытной жадности к мирским благам*, в которой его упрекали. Отсюда возникновение не только тех хорошо известных проблем, которые навлекли столько забот на Святой Престол, но и резолюций, которые некоторые монархи приняли против указанного ордена.

“В результате вместо того, чтобы получить от блаженной памяти Павла V. новое подтверждение своего института и привилегий, Общество было вынуждено просить его, чтобы он снизошел до ратификации и подтверждения своими полномочиями определенных указов, принятых в Пятой Генеральной конгрегации Общества и слово в слово переписанных в Записке упомянутого Папы, датированной 4 сентября 1606 года. В этих декретах ясно признается, что разногласия и внутренние восстания указанных товарищей, вместе с требованиями и призывами

незнакомцев, вынудили указанных товарищей, собравшихся на собрание, принять следующий закон, а именно:

“Божественное Провидение создало наше Общество для распространения Веры и обретения душ, указанное Общество может, согласно правилам своего собственного института, которые являются его духовным оружием, счастливо прийти под знаменем Креста к концу, который оно наметило для блага Церкви и назидания наших ближних. Но упомянутое Общество предотвратило бы действие этих драгоценных благ и подвергло бы их самым неминуемым опасностям, *если бы оно занималось мирскими делами, которые относятся к политическим делам и управлению правительством*; вследствие чего нашими начальниками и древними было мудро предписано, что, ограничиваясь борьбой во славу Божью, мы не должны заниматься делами, чуждыми нашей профессии: но тогда как в эти трудные и опасные времена случилось так, что, возможно, по вине определенных лиц, из-за амбиций и невоздержанного рвения, что наш институт о нем дурно отзывались в самых разных местах и перед самыми разными монархами, чью привязанность и благоволение святой памяти отец Игнатий считал, что мы должны сохранить на благо служения Богу; и хотя хорошая репутация совершенно необходима для того, чтобы *виноградник Христов приносил плоды*; вследствие этого наша паства решила, что мы будем воздерживаться от любых проявлений зла и устранять, насколько это в наших силах, зло, возникшее из-за ложных подозрений. С этой целью и в соответствии с настоящим декретом упомянутой конгрегации всем членам Общества строго-настрого запрещается *каким бы то ни было образом вмешиваться в общественные дела*, даже если их к этому приглашают, или отклоняться от института с помощью мольбы, убеждения или любого другого мотива, какого бы то ни было. Конгрегация рекомендует отцам-помощникам предложить и определить, со всем усердием и быстротой, такие дополнительные средства, которые они сочтут необходимыми для исправления этого злоупотребления”.

“К сожалению нашего сердца, мы увидели, что ни эти средства, ни бесконечное множество других, примененных с тех пор, не оказали должного эффекта и не заставили замолчать обвинения и жалобы в адрес указанного Общества. Другие наши предшественники, Урбан VII, Климент IX, X, XI и XII, а также Александр VII. и VIII в., Иннокентий X., XII и XIII, а также Бенедикт XIV безуспешно прилагали все свои усилия к одной и той же цели. Зря они стремятся к спасительным Конституции, чтобы восстановить мир в церкви; а также в отношении к светским делам, с которыми компания не должна вмешиваться, а что касается миссии, которая породила большие споры и возражения со стороны компании с епископы, и с другими религиозными орденами, о святых мест, и общины всех видов в Европе, Африке и Америке, к великой потере души, и разразился большой скандал народа; а также о значении и практике *некоторых языческих обрядов*, принятые в определенных местах, в неуважении к тем справедливо утвержден Католической Церковью; и далее, Что касается использования и разъяснение отдельных *сентенций*, которые Святой Престол с разумом, *запрещенной скандальные, и явно противоречащее нормам морали*; и, наконец, что касается других вопросов особой важности и первой необходимости, с целью сохранения целостности и чистоты учения Евангелия; от сентенции приводили к очень большим неудобствам и с большим ущербом, как в наши дни и в прошлые века; как *восстаний и кишечника проблемы в некоторых католических государствах*, гонения против Церкви, в некоторых странах Азии и Европы, не говоря о досаде и решетки заботливость которых эти меланхолии дел принесли на наши предшественники, в основном по Иннокентием XI., блаженной памяти, который оказался сводятся к необходимости *запрещая получать больше новичков*, и после этого ни в чем не повинных XIII в.,

кто был вынужден угрожать компании, с таким же наказанием; и, наконец, после Бенедикта XIV., кто принял решение посвящение общего посещения всех домов и колледжей компании в царстве нашего горячо любимого сына в Иисусе Христе, самым верным королем Португалии.

“Последнее апостольское послание Климента XIII, блаженной памяти, нашего непосредственного предшественника, которым институт Общества Иисуса был снова одобрен и рекомендован, было далеко от того, чтобы принести какое-либо утешение Святому Престолу или какую-либо пользу христианской республике. Действительно, это письмо было скорее *вымогано* чем *предоставлено*, если воспользоваться выражением Григория X. на вышеупомянутом Генеральном совете Лиона.

“После стольких бурь, тревог и разделений каждый порядочный человек с нетерпением ожидал счастливого дня, который должен был восстановить мир и безмятежность. Но при правлении того же Климента XIII. времена становились все более трудными и бурными; *жалобы и ссоры множились со всех сторон; кое-где возникали опасные мятежи, смуты, раздоры, раздробленности, скандалы, которые, ослабляя или полностью разрывая узы христианского милосердия, возбуждали у верующих всю ярость партийной ненависти и вражды.* Опустошение и опасность достигли такой высоты, что те самые монархи, чье благочестие и щедрость по отношению к Обществу были настолько хорошо известны, что считались наследственными в их семьях, — мы имеем в виду наших нежно любимых сынов во Христе, *королей Франции, Испании, Португалии и Сицилии - оказались доведенными до необходимости изгнать из своих государств, королевств и провинций этих самых Сподвижников Иисуса; убежденные, что не осталось другого средства от столь великого зла; и что этот шаг был необходим для того, чтобы предотвратить восстание христиан. друг против друга, и от истребления друг друга в самом лоне нашей общей матери Святой Церкви.* Упомянутые “наши дорогие сыны в Иисусе Христе”, с тех пор посчитав, что даже этого средства будет недостаточно для примирения всего христианского мира, если только указанное Общество не будет *полностью упразднено и подавлено*, сообщили о своих требованиях и волеизъявлении по этому вопросу нашему упомянутому предшественнику Клименту XIII. Они объединили свои общие молитвы и авторитет, чтобы добиться применения этого последнего метода на практике, как единственного, способного обеспечить постоянный покой их подданных и благо Католической церкви в целом. Но неожиданная смерть вышеупомянутого понтифика сделала этот проект несостоятельным.

“Как только по божественной милости и провидению мы были возведены на кафедру святого Петра, те же молитвы, требования и пожелания были возложены на нас и подкреплены настоятельными просьбами многих епископов и других лиц выдающегося ранга, учености и благочестия. Но, чтобы мы могли избрать самый мудрый курс в деле столь большой важности, мы решили *не торопиться*, но потратить должное время; не только внимательно изучить, тщательно взвесить и мудро обсудить, но также непрестанными молитвами просить Отца Светов о его особой помощи в этих обстоятельствах, призывая в то же время верующих сотрудничать с нами своими молитвами и добрыми делами в получении этой необходимой помощи.

И прежде всего мы предложили изучить, на каких основаниях основывается общее мнение о том, что институт клерков Общества Иисуса был одобрен и подтвержден особым образом Тридентским собором. И мы обнаружили, что на упомянутом Соборе больше ничего не было

сделано в отношении упомянутого Общества, только для исключения его из общего указа, который предписывал, чтобы в других регулярных орденах те, кто закончил свое послушничество и был признан достойным быть принятым в профессию, были приняты в нее; и что те, кто не был признан достойным, должны быть отправлены обратно из монастыря. Тот же Совет заявил, что это означает не вносить никаких изменений или нововведений в управление клерками Общества Иисуса, чтобы им не мешали быть полезными Богу и его Церкви в соответствии с намерениями благочестивого института, одобренного Святым Престолом.

“Сработан так многие и важные соображения, и, как мы надеемся, чему способствует наличие и вдохновение Святого Духа; принужден, к тому же, при необходимости наши министерства, которые строго обязывает нас обратиться к согласительной процедуре, поддерживать и подтвердить мира и спокойствия христианской республики, и удалить все препятствия, которые могут беспокоить его; рассмотрев далее, что говорит Общество Иисуса уже не может производить те обильные плоды, и те огромные преимущества, с тем, к которому он был учрежден, утверждается, что многие наши предшественники, и наделены столько и широкие привилегии; что, наоборот, было очень сложно, если не сказать невозможно, *что Церковь может восстановить твердого и прочного мира, пока он существовал*; вследствие этого закона, и определяется конкретным причинам, которые мы здесь якобы и заставляли по другим мотивам, благоразумие и добрые государством Церкви было продиктовано, знание которых мы оставляем в себе, соответствуя себя примеры наших предшественников, и, в частности, Григорий X. В общем Лионском соборе; а так как, в данном случае, мы определяем, на судьбу общества *относятся к числу нищенствующих орденов, как ее института и свои привилегии*;—после зрелого обсуждения, мы сами, наши определенных знаний и полноту наши апостольские силы, подавить и отменить указанное компании: мы лишаем его всей деятельности независимо от ее дома, школы, колледжи, больницы, земель, и, в общем, любой другой бы то ни было, в любом Королевстве или провинции они могут быть расположены; Мы *отменить и аннулировать* его уставы, правила, обычаи, законы и Конституции, *хотя и подтвердил клятвой, и утвержденный Святым престолом или иным образом*; таким же образом мы аннулировали все и все свои привилегии, *indults*, общего или частного характера, содержание которого, и принимается, как полностью и исчерпывающе выразил в настоящем кратком, как если бы они были вставлены слово в слово, независимо от положения, формы, или декрет, или под каким бы то ни санкции их привилегии, возможно, был задуман. Мы объявляем, что все виды власти, генерал, провинциалы, приезжие и другие высшие чины указанного Общества, будут НАВСЕГДА АННУЛИРОВАНЫ И УНИЧТОЖЕНЫ, какой бы природы ни была указанная власть, как в духовных, так и в мирских делах. Мы также приказываем, чтобы указанная юрисдикция и полномочия были переданы соответствующим ординариям полностью и таким же образом, как упомянутые генералы, и т.д. осуществляли их в соответствии с формой, местами и обстоятельствами в отношении лиц и на условиях, определенных ниже; запрещая, как мы настоящим запрещаем, прием любого лица в указанное Общество, послушничество или привычку к нему. А что касается тех, кто уже был принят, наша воля такова, чтобы они не были допущены к исповеданию простых, торжественных, абсолютных обетов под страхом признания недействительными и других наказаний, которые мы установим. Кроме того, мы желаем, повелеваем и рукополагаем, чтобы те, кто сейчас совершает свое послушничество, были быстро, немедленно и фактически отправлены обратно в свои дома; мы также запрещаем, чтобы те, кто принял первые простые обеты, но кто еще не допущен ни к одному из священных орденов, допускались к ним под каким бы то ни было предлогом или титулом; будь то из-за

профессии, которую они уже приняли в указанном Обществе, или в силу каких-либо привилегий, полученных указанным Обществом, *вопреки смыслу постановлений Тридентского собора.*

“И тогда все наши усилия направлены к великой цели закупки на благо Церкви и спокойствие народам; и он, будучи в то же время мы намерены оказывать всю необходимую помощь, утешение, и помощь лицам или спутники указанного общества, каждый из которых, в своем личном качестве, мы любовью о Господе с поистине родительской любви; и до конца, что они доставляются со своей стороны от гонений, раздоров, и неприятностей, с которыми у них уже давно был возбужден, может работать с более успеха в виноградник Господень, и внести свой вклад в спасение души; следовательно, и на эти мотивы, мы делаем указа и определите, что таких сподвижников, как еще принято профессий только первой клятвы, и пока не произведен в духовный сан, будучи прощен, так как фактически они освобождаются, от первого простые обеты, делать в обязательном порядке выйти из дома и колледжей указанного общества, и в полную свободу, чтобы выбрать такой жизненный путь, как каждый будет судить, наиболее сообразный своему призванию, сила и совесть, а что в промежуток времени назначаются обычные епархии; что времени должно быть достаточно для каждого, чтобы обеспечить себе хоть какую-нибудь работу или бенефиций, или хоть какого-то покровителя, который примет его в свой дом, при условии, что время, таким образом, допускается не превышает одного года, чтобы исчисляется со дня даты выпуска. И это тем более справедливо, что, согласно привилегиям упомянутой Компании, те, кто принял только эти первые обеты, могут быть исключены из ордена по мотивам, полностью зависящим от благоразумия вышестоящих, как того требуют обстоятельства, и без какой-либо предварительной процедуры. Что касается тех компаньонов, которые уже возведены в священные сани, мы разрешаем им покинуть дома и колледжи Компании и *вступить в любой другой обычный орден, уже одобренный Святым Престолом.* В этом случае, и предположим, что они уже приняли первые обеты, они должны пройти обычное послушничество в том порядке, в который они должны вступить в соответствии с предписанием Тридентского собора; но если они приняли все обеты, тогда они должны пройти только шестимесячное послушничество, мы милостиво отказываемся от остальных. Или, в противном случае, мы разрешаем им жить на свободе *в качестве светских священников и клерков, всегда находясь в совершенном и абсолютном повиновении юрисдикции ординария епархии,* в которой они обосновываются. Мы также предписываем, чтобы тем, кто воспользуется этим последним средством, выплачивалось соответствующее пособие из доходов дома или колледжа, в котором они проживают; при назначении этого пособия учитывались расходы, которым будет подвергаться указанный дом, а также доходы, которыми он пользовался. Что касается тех, кто принял последние обеты и возведен в священный сан, и кто либо из-за страха не иметь возможности прокормиться из-за отсутствия пенсии, либо из-за ее малости, либо потому, что они не знают, где устроиться, либо из-за возраста, немощи или по другим серьезным и законным причинам не решают покинуть указанные колледжи или дома, им разрешается проживать в них при условии, что они *не осуществляют никакого служения вообще в указанных домах или колледжах, и полностью подчиняются ординариям епархии;* что они не делают никаких *приобретений,* согласно постановлению Лионского совета, чтобы они не отчуждали дома, имущество или фонды, которыми они фактически владеют. Должно быть законно объединять в одном или нескольких домах количество оставшихся людей, и другие лица не должны замещаться в комнатах тех, кто может умереть; так что освободившиеся дома могут быть преобразованы для таких благочестивых целей, каких потребуют

обстоятельства времени и места, в соответствии со святыми канонами и намерением основателей, чтобы наилучшим образом способствовать богослужению, спасению душ и общественному благу. И с этой целью член постоянного духовенства, рекомендуемый за его благоразумие и здравую мораль, должен быть избран председательствовать в указанных палатах и управлять ими; *так что название Компании должно быть навсегда уничтожено и замалчивается.*

Подобным образом мы заявляем, что это общее подавление Общества будет охватывать отдельных его членов во всех провинциях, откуда они уже были изгнаны; и с этой целью наша воля заключается в том, чтобы указанные лица, даже если они были возведены в священный сан, были *ipso facto* низведены до положения светских священников и клерков и оставались в абсолютном подчинении ординарцам епархии, всегда предполагая, что они не вступят ни в какой другой орден.

“Если среди бывших членов Общества Иисуса, но которые станут светскими священниками или клерками, ординарии найдут кого-либо, кто соответствует их добродетелям, образованию и чистоте нравов, они могут, по своему усмотрению, предоставить им право исповедоваться и проповедовать или отказать им в этом; но никто из них не должен выполнять указанную священную функцию без письменного разрешения; и епископы или ординарии не должны давать такого разрешения тем членам Общества, которые останутся в колледжах или домах, ранее принадлежавших Обществу, которым мы прямо и навсегда запрещаем исповедовать или проповедовать. отправление таинства покаяния и функция проповеди; поскольку Григорий X. действительно запретил это на уже цитированном Соборе. И мы оставляем на совести епископов следить за строгим соблюдением этого последнего пункта; увещевая их иметь перед глазами суровый отчет, который они должны представить Богу о вверенной их попечению пастве, и суровое наказание, которым великий Судья живых и мертвых угрожает тем, кто облечен столь высоким авторитетом.

Далее, мы хотим, чтобы, если кто-либо из тех, кто до сих пор исповедовал институт Компании, пожелал посвятить себя обучению молодежи *в каком-либо колледже или школе, мы позаботились о том, чтобы они не принимали участия в управлении или руководстве тем же самым*, и чтобы свобода преподавания была предоставлена только тем, чьи труды обещают счастливый исход, *и кто проявит отвращение ко всякому духу спора* и не запятнают себя никакими доктринами, которые могут вызвать легкомысленные и опасные настроения. ссоры. Одним словом, способность обучать молодежь должна предоставляться и сохраняться только *тем, кто, по-видимому, склонен поддерживать мир в школах и спокойствие во всем мире.*

“Наше намерение и удовольствие состоят в том, чтобы положения, которые мы таким образом обнародовали для подавления этого Общества, были распространены на его членов, занятых в миссиях, оставляя за нами право придерживаться таких методов, которые нам представляются наиболее надежными и удобными для обращения неверных и урегулирования спорных вопросов.

“Все привилегии и уставы упомянутой Компании в отдельности, таким образом, аннулируются и полностью аннулируются, мы заявляем, что, как только ее члены покинут свои дома и колледжи и примут привычки светских клерков, они будут иметь право получать, в соответствии с указами святых канонов и апостольских конституций, исцеления, пособия без излечения, должности, сборы, достоинства и все виды занятий, каких бы то ни было, *которых они не могли получить,*

*пока были членами упомянутого Общества, согласно воле Григория XIII. , блаженной памяти, выраженный в его булле, датированной 10 сентября 1548 г., краткое изложение которой начинается такими словами—*Satus superque* и т.д. Подобным же образом мы даруем им власть, которой у них не было раньше, получать милостыню для совершения мессы и в полной мере пользоваться всеми милостями и одолжениями, которых они до сих пор были лишены как обычные служители Общества Иисуса.*

“Мы также отменяем все прерогативы, которые были предоставлены им их генералом и другими начальниками в силу привилегий, полученных от Суверенных понтификов, и благодаря которым им было разрешено читать еретические и нечестивые книги, запрещенные Святым Престолом; также право, которым они пользовались, не соблюдать установленные посты и есть мясо в постные дни; также право читать молитвы, называемые *каноническими часами*, и все другие подобные привилегии; наше твердое намерение состоит в том, чтобы они во всем соответствовали образу жизни Святых Апостолов”. к светским священникам и к общим правилам Церкви.

Далее, мы постановляем, что после публикации этого нашего письма ни одно лицо не осмелится приостановить его исполнение под предлогом каких-либо действий, апелляции, облегчения, объяснения сомнений, которые могут возникнуть, или под любым другим предлогом, предусмотренным или не предусмотренным. Наша воля и значение таковы, что подавление и разрушение указанного Общества и всех его частей должно возыметь немедленный эффект в порядке, изложенном здесь выше; и что под страхом большего отлучения от церкви, которое немедленно понесет тот, кто осмелится создать малейшее препятствие или отсрочку в исполнении этой нашей воли: указанное отлучение должно быть снято только нами самими или нашими преемниками, римскими понтификами.

Далее, мы предписываем и повелеваем, в силу святого послушания всем и каждому церковному лицу, штатному и светскому, независимо от ранга, достоинства и состояния, и особенно тем, кто до сих пор состоял в упомянутой Компании, чтобы никто из них не заходил в своей дерзости настолько далеко, чтобы оспаривать, бороться или даже писать или говорить об упомянутом подавлении, или о причинах и мотивах этого, или об институте Компании, ее форме правления, или о других обстоятельствах, связанных с этим, без прямого разрешения Римского понтифика, и что в соответствии с та же боль отлучения.

“Мы запрещаем всем и каждому оскорблять любого человека в связи с указанным подавлением, и особенно тех, кто был членами указанного Общества, или использовать любые оскорбительные, недоброжелательные, укоризненные или презрительные выражения по отношению к ним, устно или письменно.

“Мы призываем всех христианских князей приложить всю ту силу, авторитет и могущество, которые Бог дал им для защиты святой Римской Церкви, чтобы вследствие уважения, которым они обязаны Апостольскому Престолу, все было устроено так, чтобы эти наши письма имели полную силу, и чтобы они, внимательно прислушиваясь ко всем содержащимся в них статьям, опубликовали такие постановления и подзаконные акты, которые могут предотвратить все эксцессы, споры и раздоры среди верующих, пока они исполняют эту нашу волю.

Наконец, мы призываем всех христиан и умоляем их чревом нашего Спасителя Иисуса Христа помнить, что у нас один Учитель, который на небесах, один Спаситель, который купил нас своей

кровью; что все мы были заново рождены в воде крещения через слово вечной жизни; что все мы были объявлены сынами Божиими и сонаследниками Иисуса Христа; все питаемся одним и тем же хлебом католической доктрины и Божественного Слова; что все мы - одно тело в Иисусе Христе, членами которого мы являемся. Следовательно, абсолютно необходимо, чтобы, объединенные общими узами милосердия, они жили в мире со всеми людьми и считали своим первым долгом любить друг друга, помня, что тот, кто любит своего ближнего, исполняет закон, старательно избегая всякого повода для скандала, вражды, разделения и тому подобного зла, которые были изобретены и пропагандировались древним врагом человечества, чтобы возмутить Церковь Божию и воспрепятствовать вечному счастью верующих под ложным названием школ, мнений и даже совершенства христианства. Напротив, каждый должен прилагать все усилия, чтобы обрести ту истинную и искреннюю мудрость, о которой святой Иаков говорит в своем каноническом послании, гл. iii. ст. 13.

“Далее, в нашей воле и желаниям, что, хотя начальство и другие члены общества, и другие заинтересованы в нем, не дали на это согласие нравом, не привел и не слышал, до сих пор он ни при каких обстоятельствах не допускается их, чтобы сделать какие-либо замечания на наш настоящего письма, чтобы атаковать или признать его недействительным, потребовать проведения дальнейшего обследования, чтобы обжаловать его, сделать его предметом спора, уменьшить его условиям закона, чтобы принять против него меры *porrestitutionis* *объявление Интегрум*, открыть рот против, чтобы уменьшить это *объявление ВИАМ Эм терминос Юрис*, или, короче, ставить под сомнение его любым способом, что, в суде право или факт, за или юстиции; и хотя эти средства могут быть предоставлены их, и хотя они получили их, все равно они не могут использовать их в суде или вне суда; и не будут они судиться изъяна, *subreption*, *obreption*, ничтожность, или недействительность в этом письме, или любое другое заявление, как здорово, непредвиденные, или существенное то, может быть, ни пренебрежения какой-либо форме в разбирательствах, описанным выше, или в любой его части, ни пренебрежение любой точке основана на какой-либо закон или обычай, и вошли в свод законов, ни даже заявление *enormis enormissimæ Эм тотальной læsionis*, ни, в общем, любой повод или мотив, но справедливого, разумного, или привилегированные, даже несмотря на исключение такой формы или точки должны быть такого характера, как, без специально охраняемую против, сделает каждый акта недействительным. Несмотря на все это, наша воля и удовольствие состоят в том, чтобы эти наши письма *во веки веков были действительными, постоянными и действенными*, имели и приобретали свою полную силу и действие и неукоснительно соблюдались всеми, кого они касаются или могут касаться, *сейчас или в будущем*, каким бы то ни было образом.

Подобным образом, и не иначе, мы постановляем, что все вопросы, указанные здесь выше, и каждое из них должно быть приведено в исполнение обычным судьей и делегатом, будь то аудитор, кардинал, *поздний* легат, нунций или любое другое лицо, которое имеет или должно иметь полномочия или юрисдикцию по любому вопросу или искам, отнимая у всех и каждого из них все полномочия по толкованию этих наших писем. И это должно быть выполнено, несмотря на все конституции, привилегии, апостольские повеления и т. Д. И т. П. И т. П. И хотя для того, чтобы сделать отмену этих привилегий законной, их следовало процитировать слово в слово, а не включать только в общие положения, все же на данный момент и по нашему специальному предложению мы отступаем от этого обычая, заявляя, что весь смысл указанных привилегий выражен и должен предполагаться столь же полно выраженным и отмененным, как если бы они были процитированы слово в слово и как если бы была соблюдена обычная форма.

Наконец, наша воля и удовольствие заключаются в том, чтобы всем копиям настоящего Отчета, подписанным государственным нотариусом и скрепленным печатью какого-либо сановника Церкви, были приданы та же сила и доверие, что и этому оригиналу.

“Дано в Риме, в церкви Святой Марии Великой,
за печатью Рыбака,
21 июля 1773 года, на пятый год
нашего Понтификата”.

Сразу же после обнародования этой Сводки прелаты Македонио и Альфани в сопровождении корсиканских солдат явились в Джезу, созвали всех членов Общества, зачитали им Сводку о подавлении и на время разогнали их по разным церковным учреждениям; генерал Риччи был заключен в Английском колледже. Два прелата, которые были членами комиссии, назначенной для изучения и дальнейших действий по всему этому важному делу, затем вступили во владение зданием, наложили печати на все бумаги и другие ценные вещи и оставили дом на попечение солдат. Другие уполномоченные прибегли к тем же процедурам в тридцати одном учреждении, которым иезуиты владели в Риме; в то время как в провинциях епископы получали и исполняли те же приказы. На следующее утро Романо-коллегио и все другие различные школы иезуитов были захвачены капуцинами и обслуживались ими. Но здесь мы должны заметить, что еще до того, как Краткое Изложение было опубликовано, иезуиты предстали перед различными трибуналами в Риме и в других частях Папской области, обвиненные и признанные виновными в различных проступках; что несколько их домов, как, например, в Болонском Мечерата Фраскати, были епископами подвергнуты посещению, а некоторые из них заперты; и что даже имущество и все ценные вещи Романо-коллегио были конфискованы для выплаты кредиторам. Таким образом, можно сказать, что даже если бы Ганганелли захотел сохранить орден иезуитов, ему было бы трудно противостоять общественному мнению, которое даже в его собственных владениях было столь решительно настроено против ордена.

Возможно, будет полезно бросить здесь ретроспективный взгляд и быстро изучить прогрессивное движение знаменитого Общества.

Как мы видели, десять бездомных и без гроша в кармане энтузиастов под руководством замечательного и выдающегося интеллекта решили основать новый религиозный орден в стране, уже настолько зараженной проказой, что сам Святой Престол запретил создавать какие-либо новые братства. У них не было друзей, без сторонников; они столкнулись со многими препятствиями, преодолеть которые им могли помочь только мужество и неукротимая энергия их вождя. Они были вынуждены выпрашивать, от двери к двери, черствый кусок хлеба, и им нечем было укрыть свои усталые головы, кроме больничных крыш. Однако все трудности были преодолены, Общество было создано, и шестнадцать лет спустя, в 1556 году, когда Игнатий умер, орден насчитывал более тысячи членов, был основан в тринадцати провинциях и владел многими ценными учреждениями. Сто лет спустя число членов Общества возросло до двенадцати тысяч, провинций - до тридцати четырех, их богатство и количество заведений - в очень значительной степени. Уже в ту эпоху они хвастались тем, что у них было три святых, восемь или десять мучеников, а десять или двенадцать учеников Лойолы заседали в Коллегии кардиналов. На момент Подавления Общество насчитывало *тридцать девять* домов исповедующих себя членов, 669 колледжей, 61 послушницу, 196 семинарий, 335 резиденций,

223 миссии и 22 782 члена, рассеянных по всей поверхности земли. Затем орден внес в список своих членов в качестве своей главной славы 24 кардинала, 6 выборщиков империи, 19 принцев, 21 архиепископа, 121 титульного епископа (вот и вся статья Конституции, запрещающая члену принимать какие-либо саны), 11 мучеников и 9 святых.

Мы хотели бы с такой же степенью точности назвать размер их состояния, увеличенного одними до баснословной суммы, а другими представленного как очень незначительное. Тем не менее, мы попытаемся прийти к справедливой оценке всего этого, исходя из того, что мы знаем, из их собственного признания, что они были его частью.

Кретино приводит мельчайшие подробности состояния, которым владели иезуиты во Франции; и общая сумма, по его подсчетам, составила 58 миллионов франков. [398] В том же томе, на странице 303, тот же историк говорит, что состояние, которым отцы владели в Испании, было гораздо более значительным — *beaucoup plus significant* — чем состояние, которым они располагали во Франции; тогда давайте скажем 80 миллионов; в то время как состояние, которым они владели в Австрии, согласно тому же источнику, составляло 125 миллионов. [399] Таким образом, общая сумма их состояний в этих трех поместьях составила, по их собственному подсчету, 263 миллиона франков. Мы, знающие почти все заведения, которые у них были в Италии, без колебаний заявляем, что то, чем они там владели, составляло равную сумму - 263. Теперь давайте добавим к этим 526 миллионам их другие владения в Бельгии, Польше, в остальной части Германии, в Португалии, в других небольших государствах и в тех богатых торговых учреждениях в обеих Индиях, и мы думаем, можно смело утверждать, что в целом их состояние составляло сумму, безусловно, не меньшую, чем 40 миллионов фунтов стерлингов. Вот и вся статья Конституции, рекомендующая *святую бедность как оплот религии*. К этому огромному и почти невероятному количеству собственности, которая, однако, не была полностью продуктивной, часть ее состояла из жилых домов и колледжей, преподобные отцы добавили годовой доход, получаемый от пенсий или доходов, назначаемых князьями, городами или капитулами на содержание различных колледжей, некоторые из которых были настолько значительными, что достигали 3000 фунтов стерлингов в год. Кроме того, у них были ежегодные доходы от подарков, которые они дважды в год получали от двухсот или трехсот тысяч учеников; вознаграждения, получаемые некоторыми из них в качестве частных наставников, агентов или управляющих знатных семейств; и, наконец, ... милостыня!!! Разве это не удивительный факт, убедительно доказывающий хитрость и сообразительность тех монахов, у которых, по-видимому, не было за душой ничего, кроме обращения душ и безвозмездного образования детей, и которые смогли за 230 лет накопить огромную сумму в сорок миллионов фунтов стерлингов?

Однако, когда Риччи допросили, он поклялся, что у него не было ни спрятанных сокровищ, ни денег, выложенных под проценты; и мы предполагаем, что добрый отец, чтобы не сказать неправды, должно быть, добавил тайно после слов: “у нас нет спрятанных сокровищ”, “в тех местах, где вы их искали, или где вы предполагали, что они существуют”. Однако мы знаем, что после того, как иезуиты были изгнаны из Франции, Испании, Неаполя и Пармы, “они были так напуганы, что отец Делчи немедленно отправился в Ливорно, забрав сокровища ордена с намерением перевезти их в Англию; но генерал, который был менее малодушным, остановил его бегство”. [400] Что же тогда стало со всеми деньгами и ценными вещами, которыми владели иезуиты, поскольку в их заведениях практически ничего не было найдено? Это тайна, которую мы не в состоянии объяснить. Мы можем себе представить, и каждый может легко вообразить,

что иезуиты, которые в течение последних двенадцати лет своего существования ожидали, что их со дня на день будут подавлять, были не так просты, чтобы оставить свои перемещаемые богатства на милость своих врагов; но мы бы без колебаний заявили, что в то время Общество, должно быть, обладало большим сокровищем, хотя, что с ним стало, мы не можем сказать. Действительно, они были настолько осторожны и так стремились накапливать деньги, что в течение многих лет доходы Романо-коллегиума не использовались для его содержания, и отцы церкви предпочли конфисковать свое недвижимое имущество для уплаты его долгов вместо выплаты денег. Мы также знаем, что, когда они были восстановлены в 1814 году, они сразу же построили свои заведения в самом великолепном стиле и вскоре после этого сделали много приобретений. Как они получили средства, с помощью которых все это было осуществлено? Было ли это древнее сокровище? и кто отвечал за него все сорок лет их юридического подавления? Это скорее напоминает роман, чем чистую историческую правду, и у нас нет никаких средств прояснить это.

Тем временем была создана комиссия для возбуждения дела против Риччи и некоторых других его собратьев. Старый генерал на допросе отвечал достаточно просто и без какой-либо видимой обиды. Он подробно остановился на невинности Общества и заявил, что он не скрывал и не давал займы под проценты никаких денег; и из всех обвинений, которые были выдвинуты против него, он признал только, что вел переписку с королем Пруссии; позже мы увидим, с какой целью.

Примерно через два месяца после этого Риччи, помощники, секретарь ордена, отцы Фавр, Форрестье, Готье и некоторые другие были отправлены в Кастель-Сент-Анджело, государственную тюрьму. Преступления, в которых их обвинили и осудили, заключались в том, что они пытались, как инсинуациями, так и более открытыми усилиями, поднять восстание в свою пользу против Апостольского престола; что они опубликовали и распространили по всей Европе клевету на папу Римского, одна из которых имела заглавие "*De Simoniaca electione fratris Ganganellii in Summum Pontificem*" — избрание брата Ганганелли по Симонии на должность Главного понтифика; в то время как Фавр, Форрестье и Готье громко повторяли повсюду говорилось, что папа был антихристом и что пять кардиналов комиссии следует сравнивать с пятью положениями Янсениуса. [401] И в следующей главе мы увидим, что они не ограничивали свой гнев угрозами и проклятиями.

ГЛАВА XVII.

1774.

СМЕРТЬ КЛИМЕНТА XIV.

Во время борьбы, которой Клименту пришлось подвергнуться перед распадом ордена, его здоровье, как мы видели, было подорвано, и его веселое, безмятежное настроение сильно изменилось. Но в тот момент, когда он поставил свою подпись под документом, после того, как произнес эти зловещие пророческие слова: “Это подавление приведет к нашей смерти”, — вырванные из его сердца знанием о врагах, которых он собирался оскорбить, как будто эти слова были последней скорбной мыслью, которую он собирался высказать по этому поводу, —

он стал другим человеком, или, правильнее сказать, он снова стал тем же добродушным, мягким и приветливым монахом, которым он когда-либо был. Легкость, с которой выполнялись его приказы, также наполняла его необычайной радостью. “Его здоровье совершенно, а веселость более примечательна, чем обычно”, - писал Бернис 3 ноября 1773 года. Какое бы недовольство ни испытывали дворяне и кардиналы, они оставались молчаливыми зрителями этого события; и большинство граждан Рима, и, в частности, Трастеверини, приветствовали папу громкими возгласами одобрения. Напрасно партия победителей разжигала восстание; Рим оставался спокойным; Климент был в восторге; и, как бы в компенсацию за пережитые им печальные минуты и проявленный им вспыльчивый юмор, его характер стал еще более радостным и почти детским. Однажды в сопровождении Священной коллегии и всех римских прелатов он верхом на лошади отправился в церковь Ла Минерва. Внезапно начался сильный дождь; *все порпорати Монсеньори* исчезли, а легкие всадники сами искали укрытия. Папа, оставшись один и смеясь над ужасами своего эскорта, храбро продолжил свой путь среди бури, и люди были в восторге от этого зрелища и громко аплодировали. [402]

Hirschler

Clement XIV.
(Ganganelli)

Климент XIV. (Ganganelli)

Хинчлифф.

Все авторы единодушны в этом вопросе и сходятся в том, что представляют Ганганелли полным сил и обладающим самым совершенным здоровьем. “Папа, - говорит Ботта, - обладал довольно крепким здоровьем, потому что он был крепкого телосложения, и его природная сила не была растрочена невоздержанной и распутной жизнью; ибо, напротив, он всегда жил бережливо и умеренно, в соответствии со своей собственной природной склонностью”. [403] А бывший иезуит Джорджель, которого, безусловно, можно обвинить в чем угодно, но только не в пристрастии к подавителю своего ордена, говорит, “что крепкое телосложение Ганганелли, казалось, обещало ему долгую карьеру”. [404] Тем не менее, несмотря на видимость, зловещие слухи ходили не только в Риме, но и по всей Италии. В то самое время, когда папу видели на публичных церемониях, во всех церквях и повсюду еще в прекрасном здравии и силе, широко распространился слух о его смерти. Прорицательница из Валентано объявила об этом с характерным для нее упрямством, а иезуит, написав брату по ордену и рассказав о таких нечестивых предсказаниях, говорит: “Применяйте единую систему”. [405]

И прошло немало времени, прежде чем зловещие предсказания сбылись. Этот человек, которого все представляли сильным и здоровым, внезапно, с приближением страстной недели 1774 года, примерно через восемь месяцев после подписания Брифа, заболел, был прикован к своему дворцу и не мог предоставить никакой аудиенции даже дипломатическому корпусу. Что случилось с Климентом, который, когда 17 августа послы великих держав были допущены к нему, выглядел ПРОСТО СКЕЛЕТОМ? Откуда такая странная и роковая перемена? Ответ на эти вопросы можно найти из следующего изложения фактов.

Однажды, встав из-за стола, папа почувствовал внутреннее потрясение, за которым последовала сильная простуда; и хотя он на мгновение встревожился, вскоре оправился от испуга и приписал свое недомогание несварению желудка. Но вскоре после этого голос папы, который всегда был полным и звучным, превратился в необычайную хрипотцу; воспаление горла вынуждало его постоянно держать рот открытым. У него повторялись приступы рвоты, и он чувствовал такую слабость в конечностях, что был вынужден прекратить свои привычные долгие прогулки. Его шаг прерывался из-за острой боли, и в конце концов он вообще не мог найти покоя. Полный упадок сил внезапно сменился некоторой даже юношеской активностью и энергичностью; и печальное убеждение, что его опасения оправдались и что на его жизнь было совершено покушение, овладело Клементом и сделало его странным даже в его собственных глазах. Его характер изменился как по мановению волшебной палочки. Уравновешенность его характера уступила место капризности, мягкость - страсти, а природная непринужденная уверенность - постоянному недоверию и подозрительности. Он повсюду видел яд и кинжалы. Иногда, будучи убежден, что его отравили, он усугублял свою болезнь неэффективными противоядиями; в другие моменты, в надежде избежать зла, которое, по его мнению, еще не свершилось, он ел блюда, приготовленные его собственными руками. Его кровь испортилась, а тесная атмосфера его квартиры, которую он не хотел покидать, усугубила последствия нездорового питания. В этом расстройстве его физического организма его моральные силы иссякли; все следы прежнего Ганганелли исчезли; и даже его рассудок пришел в смятение. В короткие минуты отдыха его преследовали призраки, и в ночной тишине он то и дело вскакивал,

как будто ужасные сны поражали его воображение. Часто он перебегал с места на место, как будто его преследовали, восклицая, словно прося пощады: *“Принудительный уход! принудительный акт!”* — Меня принудили! [406] Действительно, принято считать, что рассудок покинул его; и Пий VII, будучи пленником в Фонтенбло в 1814 году, воскликнул, что он должен умереть безумным, как Климент XIV. Эти слова передает кардинал Пакка, сокамерник Пия. [407] Ганганелли провел семь месяцев в этом ужасном состоянии; наконец к нему вернулся рассудок. На какое-то время он показал, что превосходит свои страхи и немощи. “К нему вернулось некоторое спокойствие, - говорит Ботта, - как это обычно бывает за несколько мгновений до того, как человек достигает последнего момента своей жизни, как предупреждение Бога смертным подумать о своих собственных делах в этот последний момент. Слуги уже радовались, как будто их хозяин возвращался к жизни; но спокойствие было предвестником смерти. Роковые признаки вскоре проявились вновь, и 22 сентября Ганганелли испустил последний вздох, вернув свою мужественную душу Тому, от кого он ее получил”. [408]

Римляне слышали о кончине папы с безразличием, как о событии, которого ежедневно ожидали; но иезуиты и их сторонники непристойно и бесстыдно выразили свою радость, выразив ее в самых гнусных и кощунственных сатирах, которые они сами разносили с места на место; и это обстоятельство, вместе с тем, что было известно о болезни Ганганелли, не оставило в умах людей ни малейшего сомнения в том, что несчастный Климент умер от яда. “Человеческий разум, - говорит Джоберти, - неохотно верит в некоторые чудовищные преступления, и я признаюсь, что не решался поверить в секту, виновную в смерти Ганганелли; и я не соглашался верить в это, пока меня не вынудят факты”. [409] Хотя наше мнение в точности совпадает с мнением нашего прославленного соотечественника, все же мы представим факты и документы нашим читателям, и пусть они сами составляют суждение.

В чем заключалась болезнь Климента? Как его крепкое и здоровое телосложение претерпело такие мгновенные и фатальные изменения? И какая болезнь свела его в могилу? Сторонники иезуитов и некоторые не очень хорошо информированные историки, такие как Горани, например, Шоэль и другие, отрицают, что Ганганелли был замешан в нечестной игре. Джорджель делает вид, что умер от угрызений совести, что он полностью отказался от своих слов; и в доказательство этого он указывает на свое обычное восклицание: *“Принудительное исполнение!”* О его опровержении мы говорить не будем. Это оспаривается каждым историком; об этом нет никаких упоминаний, кроме как в трудах бывшего иезуита Джорджеля и его последователей, которые не могут привести ни единого доказательства или свидетеля своего утверждения. Но верно ли, по крайней мере, что угрызания совести, которые свели его с ума, как утверждает Кретино, свели его в могилу? Мы сомневаемся, могут ли иезуиты подтвердить это другое утверждение. Как можно утверждать, что Климент умер от угрызений совести, если в течение восьми долгих месяцев после того, как он подписал Заключение, он наслаждался не только своим обычным здоровьем и спокойствием, но, напротив, был более игривым, чем когда-либо? Как пришло раскаяние в столь поздний час? Какое новое преступление он совершил за это время? Допускает ли раскаяние отсрочку? Вызывает ли раскаяние все физические заболевания, которыми внезапно заболел Ганганелли? Исчезновение голоса, воспаление горла, рвота, полный упадок сил — являются ли это симптомами раскаяния? Это правда, что он часто восклицал *“Принудительный труд!”* и просил пощады; но несчастный просил пощады у своих убийц, а не у Верховного Судьи. В бреду он умолял своих убийц пощадить его; не вводить дозу повторно; или ввести ему какое-нибудь противоядие, чтобы его страдания прекратились. “Пощадите меня! пощадите меня!” повторил он. “Меня вынудили к этому поступку не столько

монархи, сколько ваши собственные беззакония. Пощадите меня, избавьте меня от этих ужасных страданий!” - взывал он ко всем и взывал к своей любимой Мадонне, чтобы она помолилась за него и положила конец его мучениям. Являются ли бред и безумие последствиями раскаяния или, скорее, действием нескольких ядов — например, белладонны?

Но давайте посмотрим, какие другие симптомы предшествовали и сопровождали его смерть, и мы сможем лучше судить о характере болезни, которая свела его в могилу.

“За несколько дней до смерти его кости расслаивались и засыхали — по меткому выражению Караччоли — подобно дереву, которое, будучи вырублено с корнем, отмирает и сбрасывает кору. Ученые, которых вызвали для бальзамирования его тела, обнаружили, что черты лица мертвенно-бледные, губы черные, живот раздутый, конечности истощенные и покрытые фиолетовыми пятнами; размер сердца был значительно уменьшен, а все мышцы в позвоночнике отслаивались и разлагались. Они наполняли тело благовониями и ароматическими веществами, но ничто не могло рассеять мепитические испарения. Внутренности разорвали сосуды, в которых они находились; и когда с его тела сняли папскую мантию, к ним прилипла большая часть кожи. Волосы на его голове остались целыми на бархатных подушках, на которых он покоился, а от малейшего трения отвалились ногти”. [410] Вида мертвого тела Ганганелли было вполне достаточно, чтобы убедиться в том, с какой смертью он столкнулся. Он даже не сохранил тех черт, которые природа оставляет нашим останкам в тот момент, когда ими овладевает смерть, и погребальные церемонии убедили весь Рим, что Климент XIV. погиб от руки *аква тофана* из Перуджи. [411]

Однако доктор Саличетти, апостольский врач, и Адинольфи, ординарный врач Климента, 11 декабря, через три месяца после смерти Ганганелли, выступили с длинным *устным заявлением*, заявив, что утверждение о том, что папа был отравлен, было ложью; но они не привели никаких доказательств и объяснили факт разложения тела такими странными и подозрительными причинами, которые скорее укрепили, чем приуменьшили мнение тех, кто думал иначе. Дело в том, что в Риме, после того как заявление врачей было обнародовано, даже те немногие, у кого были некоторые сомнения относительно причины этой загадочной смерти, теперь твердо придерживались мнения, что бедного папу отравили иезуиты. Джоберти, среди других приводимых им доказательств отравления Ганганелли, называет доктора Бонелли, известного своей образованностью и честностью, почти непосредственного свидетеля фактов, который часто заявлял многим еще живущим людям, что нет никаких сомнений в том, что Ганганелли был отравлен.

Но есть свидетель гораздо более уважаемый и заслуживающий доверия, который ставит вопрос вне всяких сомнений: этот свидетель - Бернис; и никто, кто хоть что-то знает о лояльности и благородстве его характера, никогда не посмеет оспорить его показания в деле такого масштаба, когда он, как посол, излагает своему суду факты, очевидцем которых он был. Бернис, во время болезни папы, в то время как все остальные считали, что Климент столкнулся с нечестной игрой, один сомневался; и само его колебание, доказывающее его искренность, более уверенно ведет его к открытию истины, которой он достигает шаг за шагом. [412]

28 августа, за двадцать четыре дня до смерти Ганганелли, он написал французскому министру: “Те, кто судит опрометчиво или со злым умыслом, не видят ничего естественного в состоянии папы; рассуждения и подозрения проверяются с большей легкостью, поскольку определенные злодеяния менее редки в этой стране, чем во многих других”. Через шесть дней после кончины

папы, 28 сентября, он написал: “Природа болезни папы и, прежде всего, обстоятельства, сопровождавшие его смерть, порождают распространенное мнение, что она не была вызвана естественными причинами.... Врачи, которые помогали при вскрытии тела, осторожны в своих высказываниях, а хирурги говорят с меньшей осмотрительностью. Лучше поверить рассказу о первом, чем докопаться до истины слишком печального характера, открытие которой, возможно, было бы неприятным”. Месяц спустя сомнения Берниса рассеялись, и 26 октября он пишет: “Когда другие узнают столько же, сколько и я, из определенных документов, которые покойный папа передал мне, подавление будет признано очень справедливым и очень необходимым. Обстоятельства, которые предшествовали, сопровождали и последовали за смертью покойного папы Римского, вызывают в равной степени ужас и сострадание.... Сейчас я собираю воедино истинные обстоятельства болезни и смерти Климента XIV., [413] который, наместник Иисуса Христа, молился, подобно Искупителю, за своих самых непримиримых врагов; и который зашел в своей добросовестности так далеко, что едва позволил себе избавиться от жестоких подозрений, терзавших его разум с конца страстной недели, период, когда им овладела болезнь. Правду нельзя скрыть от короля, какой бы печальной она ни была, и это войдет в историю”.

Но есть другое, более впечатляющее свидетельство этого факта — свидетельство папы Пия VI, преемника Климента XIV; оно передано нам также Бернисом, который говорит в следующих холодных и бесстрастных выражениях более чем через три года после смерти Ганганелли. 26 октября 1777 года он написал следующее: “Я лучше, чем кто-либо другой, знаю, как далеко простирается привязанность Пия VI. ибо бывшие иезуиты простираются; но он скорее поддерживает с ними отношения, чем любит их, потому что страх оказывает большее влияние на его разум и сердце, чем дружба.... У папы бывают определенные моменты откровенности, в которые проявляются его истинные чувства. Я никогда не забуду трех или четырех излияний его сердца, которые он излил, находясь со мной, по которым я могу судить, что он был хорошо осведомлен о несчастливом конце своего предшественника и что он стремился не подвергаться такому же риску”. [414]

Таков был конец человека, родившегося с наилучшими из возможных склонностей и наделенного поистине благородными и дружелюбными качествами. Его дух терпимости, прежде всего, заслуживает самого высокого восхваления. Он терпимо относился ко всем видам мнений, при условии, что они выражались благопристойным языком; и хотя он осуждал доктрины философов, он поддерживал с ними хорошие отношения. Он не стал бы, как Бенедикт XIV. сделав это, написал Вольтеру; но в ответ на несколько шуточных замечаний в его адрес, о которых ему сообщили, он намекнул патриарху Фернейскому через своего старого друга Де Берниса, что “охотно примет его в свое сердце, при условии, что он в конце концов станет хорошим капуцином”. [415]

Ганганелли, без сомнения, был человеком, неспособным управлять страной в трудных обстоятельствах. У него не было ни энергии, ни достаточного умения справляться с трудностями, и он вкладывал все свои заслуги в то, чтобы избегать их. Но его умеренность, его подлинный дух терпимости, чистота его нравов, его скромность, его доброжелательность заслуживают самого искреннего уважения, а его прискорбная смерть - неизгладимого сострадания. [416]

ГЛАВА XVIII.

1773-1814гг.

ИЕЗУИТЫ ВО ВРЕМЯ ИХ ПОДАВЛЕНИЯ.

Постановление о запрете, как, возможно, видели наши читатели, содержало положение, согласно которому иезуиты могли как светские священники и отдельные лица выполнять священнические функции, подчиняясь, разумеется, епископальной власти. В результате некоторые из них спокойно заняли разные должности. Другие думали скрыть игнатианский прием под новым названием "Отцы веры", "Отцы Креста" и т. Д. Но большая часть, самые смелые и неугомонные, не подчинились бы Требованию Подавления, оспаривали его обоснованность в тысяче трудов, ставили под сомнение даже законность избрания Климента, которого они называли *Отцеубийцей*, *Святотатцем Симониаком*, и считали себя все еще составляющими часть все еще существующего Общества Иисуса. Невзирая, как мы показали, на ущерб, который они могут нанести вере, они объявили войну Риму, религии и превзошли даже школу Вольтера в дерзости, высмеивая и оскорбляя добродетельного папу. [417] Хотя они были разбиты со всех сторон, они не были обескуражены, и их мужество все еще было больше, чем их несчастья. Изгнанные из тех стран, в которых они были воспитаны и лелеялись и которые должны были быть их естественным пристанищем, они обратили свое почтение в лагерь своих бывших врагов. Как Фемистокл, ищущий защиты у своей неблагодарной страны под сенью персидского трона, который он поколебал и почти уничтожил, так и те пламенные гонители всех религиозных сект, которые находились за пределами черты Рима, и особенно лютеране, обратились за защитой к лютерану Фридриху Прусскому и раскольнице Екатерине Российской; и мы без колебаний подчеркиваем, что если бы эти монархи в обмен на некоторые преимущества и привилегии попросили их бороться с папскими доктринами, они не стали бы подражать афинскому герою, который был одним из самых могущественных монархов в мире. но они боролись бы против римско-католической религии с тем же пылом, с каким защищали ее.

Но если легко понять разностороннее и заинтересованное поведение иезуитов, странным должно показаться поведение монархов, которые оказывали им защиту и помощь. Прежде всего, следует объяснить аномальные действия Фридриха, Северного Соломона, как называли его философы.

Мы уже видели, что Риччи на допросе признался, что состоял в переписке с его прусским величеством; и это факт, что Фридрих еще до подавления Общества проявил себя его другом и защитником, несмотря на упрёки и насмешки своих друзей и наставников, философов. Д'Аламбер, прежде всего, нападал на короля во всех его уязвимых местах, но тщетно: Фридрих оставался тверд в своем намерении поддержать иезуитов. "Говорят, - писал Д'Аламбер 16 июня 1769 года своему царственному другу, - что кордельер Ганганелли не обещает сладкого мяса (*poires molles*) Обществу Иисуса, и может случиться так, что святой Франциск Ассизский убьет святого Игнатия. Мне кажется, что святой отец, каким бы кордельером он ни был, совершит большую ошибку, распустив таким образом свой гвардейский полк из угодливости католическим князьям. Мне кажется, что этот договор во многом напоминает договор волков с овцами, которые в качестве главного условия были обязаны отказаться от своих собак. Каждый знает, как им это удавалось. Однако будет странно, сир, что в то время, как их самые

христианские, самые католические, самые апостольские и самые Верные величества пытаются уничтожить гренадеров Святейшего Престола, ваше самое еретическое величество должно быть единственным, кто желает их сохранить ”.

Это письмо было написано, как можно видеть, до подавления, и многие другие послания были адресованы Д'Аламбером в Берлин после публикации Сводки. Когда силезские иезуиты, отказываясь подчиняться приказам папы, оставались в своих монастырях и домах, как и прежде, и вели себя так, как будто ничего не произошло, Д'Аламбер 10 декабря 1773 года написал Фредерику, сообщив ему, что он “хотел бы, чтобы ни у него, ни у его преемников никогда не было причин раскаиваться в предоставлении убежища интриганам, и чтобы эти люди оказались более верными, чем они были в последней войне в Силезии”. В другой раз, насмехаясь над снисходительностью Фредерика, он говорит, что “он сильно сомневается в том, что правительство Иезуиты когда—нибудь оказали бы его величеству честь принять его в свой орден, как они сделали это великому Людовику XIV, хотя он вполне мог бы обойтись без этого, и бедному, несчастному Якову II, который гораздо больше подходил на роль иезуита, чем короля”. - Январь 1774 г. И, переходя от личных аргументов к более общим соображениям, он говорит: “Я опасаясь восстановления этих бывших самозванных иезуитов, как называл их покойный парламент Парижа, не из-за вашего величества. В самом деле, какой вред они могли причинить князю, у которого австрийцы, империалисты, французы и шведы, объединившись, не смогли отнять ни одной деревни? Но я встревожен, сир, как бы другим принцам, которые не обладают такой же властью, как вы, чтобы противостоять всей Европе, и которые выпололи этот ядовитый болиголов из своих садов, однажды не вздумалось прийти к вам и одолжить семена, чтобы заново засеять свою землю. Я искренне надеюсь, что ваше величество издаст указ, навсегда запрещающий экспорт зерна иезуитов, которое не может процветать нигде, кроме как в ваших владениях ”. [418]

Фридрих остался непоколебим; и когда римско-католический архиепископ Бреслау, считая своим долгом следить за выполнением приказов Святого Престола, попытался воспрепятствовать иезуитам, король вмешался, конфисковал епископство и высокомерно заявил, что отцы церкви находятся под его защитой. Затем по всей Силезии возникло множество домов и колледжей, и иезуиты съезжались сюда со всех сторон. Именно по этому поводу старый Вольтер, смеясь над странным поведением своего бывшего ученика, воскликнул, что “его безмерно развеселило бы думать о Фредерике как о генерале иезуитов, и что он надеется, что это вдохновит папу на идею стать муфтием”. [419]

Тем временем дворы Франции и Испании настаивали на том, чтобы преемник Ганганелли неукоснительно выполнил Приказ о пресечении, указывая на все различные места, и особенно на Пруссию, где иезуиты все еще существовали и процветали, и прося, не без некоторого высокомерия, папу выполнить их пожелания. Но правящий понтифик был не из тех, кого легко напугать. Скромному, простому, непритязательному монаху наследовал престол святого Петра Анже Браски, принц в лучшем смысле этого слова. На Конклаве он, после долгой борьбы между двумя партиями, вновь объединил голоса обеих, как человек, действительно равнодушный ко всем политическим интригам, но обладающий в высшей степени качествами, вызывающими уважение и восхищение, и как тот, кто мог вернуть низко упавшей тиаре часть ее древнего великолепия; и если кто-то и мог совершить такое чудо, то Браски действительно был этим человеком. Во всех его личных качествах сияло что-то королевское и великое. Высокий, красивый, со слегка залысевшим лбом, черты его лица производили впечатление величия,

смягченного милым и безмятежным выражением. Его траты были королевскими, его великолепие таким, какого Рим не видел со времен Льва X. Его идеи были возвышенны и великодушны, его любовь к искусству была просвещенной и настойчивой. Много памятников, которые он оставил потомкам о своей любви к искусству и полезным предприятиям. Он сформировал и обогатил музей, созданный под его руководством в понтификат Климента, который, как мы уже говорили, носит название Museo Pio-Clementino и является величайшим чудом современности. Он потратил огромную сумму денег, чтобы предотвратить полное падение Колизея. Он пытался, хотя и без особого успеха, осушить Понтийские болота и был щедрым другом и защитником всех литераторов. В качестве папы Пий VI — таково было имя, которое он себе присвоил, — тоже был экстраординарен. В то время как он выступал против любой реформы, даже самой необходимой и срочной, и решил предпринять единственный шаг — отправиться самому — папе - в Вену, чтобы отговорить Иосифа II от ее проведения, в Риме церкви и его собственная часовня были заполнены людьми всех вероисповеданий, которым Пий оказывал такую же защиту и благосклонность, как и своим собственным подданным.

Что касается иезуитов, которые нас особенно интересуют, то Браски, по словам Берниса, не любил и не ненавидел их. Он был убежден, что они отравили Ганганелли; и поскольку он очень дорожил своей собственной жизнью, он не стал бы подвергать ее опасности, следуя примеру своего предшественника. По-видимому, Пий, от природы человек великодушный, жалел их; и, если бы он не боялся рассердить бурбонов, возможно, улучшил бы их положение. При нем иезуиты прилагали титанические усилия, чтобы вернуть утраченные позиции. Они собрались в Риме и привели в действие все механизмы, которые еще были в их распоряжении, чтобы достичь желаемой цели, но тщетно. Флорида Бланка был неумолим в своей ненависти к ученикам Лойолы и, как мы уже говорили, выступил с сильнейшими протестами против благосклонности, которая, как он утверждал, была оказана иезуитам Римским двором. Браския, как мы уже говорили, был не столь малодушен, как Ганганелли, и эти интриги или дипломатические переговоры не могли повлиять на него настолько, чтобы нарушить его неизменную безмятежную безмятежность; и все же он считал нужным сделать что-нибудь, чтобы умиротворить бурбонов, и жить со всеми в хороших отношениях. Соответственно, он отправил копию увещеваний, полученных им из Испании и Франции, Фредерику, прося его лишиться своей защиты тех монахов, которых осудил Святой Престол. Сатирический дух Фридриха, должно быть, возрадовался, увидев, как папа умоляет его разогнать приверженцев римско-католической церкви; но он ответил презрительно, как великий монарх, сознающий свои права и достоинство. Папа снова настаивал с бесконечной настойчивостью, пока, наконец, Фридрих, сохранив иезуитам все их доходы и сборы, не согласился, чтобы они сменили свои одежды. Папа, возможно, удовлетворенный таким решением, написал королю Испании: “Я сделал все, что было в моих силах, но король Пруссии является хозяином в своих собственных владениях”.

Точный и беспристрастный историк падения иезуитов в замечательно хорошо написанной главе объясняет поведение Фридриха, поддержавшего иезуитов, тем фактом, что прусский монарх рассердился на философов, когда последние, не довольствуясь нападками на христианскую религию, принялись за разрушение монархии и высмеивание каждого благородного чувства, которое до тех пор считалось священным. Он говорит, что не только Фридрих, но и почти все министры других князей, если не сами князья, и аристократия, далекие от того, чтобы сдерживать дерзость философов, были вынуждены, следуя моде, считать делом чести поощрять и защищать ее, нападая на религию и жречество; но когда они, покинув церкви

и монастыри, проникли в прихожие и парадные покои, и их нападки стали личными, тогда великие мира сего, которые непочтительно относились ко Христу и Апостолам, не потерпели бы подобного по отношению к себе. Более того, он говорит, что, когда школа Д'Гольбаха выпустила слишком известную работу "*Система природы*", возмущению Фридриха не было предела. Фактически, в этой книге, написанной тридцатью умными, смелыми, и взволнованными людьми, ничего не осталось незамеченным: "каждый из них нашел, что разобрать на части; один начал с души, другой - с тела; один атаковал отцовскую любовь, благодарность, совесть; все темы рассматривались, препарировались, оспаривались, отрицались, осуждались громко, без апелляции. Это был своего рода Ветхий Завет, который прообразил новый с помощью типов и символов.... Фредерик прочел эту отвратительную, но пророческую книгу; роковой свет озарил его разум и заставил ужаснуться будущему". [420] Все это замечательно хорошо сказано; и из ответа, который король Пруссии дал *Системе природы*, ясно видно, что Фридрих не пошел бы дальше новой школы и не пожелал больше иметь с ними ничего общего.

Но, при всем уважении к благородному автору, мы не можем понять, какая связь существовала между королем Пруссии, опасавшимся падения монархического правления, и защитой, которую он предоставил иезуитам. Претендует ли французский историк на утверждение, что Фридрих, дальновидный и удивительно здравомыслящий Фридрих, рассматривал иезуитов в том свете, в котором они сами желали, чтобы их рассматривали, а именно как главных защитников трона и алтаря? Нам вряд ли следовало верить, что святой Прист способен приписать такому человеку, как Фредерик, столь ошибочное представление, и все же его слова не оставляют сомнений в том, что именно такое мнение он приписывал его величеству. Но, могут спросить, если это не так, то как же тогда мы объясним благосклонность, оказанную прусским монархом этим ненавистным монахам? Мы считаем, что, приписывая в качестве действенных и главных причин те, которые святой Прист в сомнительном тоне считает лишь второстепенными, мы были бы ближе к истине. Первую из этих причин следует искать в том, что сам король написал Д'Аламберу: "Я предлагал иезуитам свою защиту не тогда, - сказал он, - когда они были могущественны, а в их невзгодах: я считаю их образованными людьми, заменить которых для воспитания молодежи было бы чрезвычайно трудно. Этот важнейший объект делает их наиболее ценными в моих глазах, ибо из всего католического духовенства в моем королевстве только иезуиты разбираются в грамоте"; и это было верно в отношении новоприобретенной провинции Силезия. Другая всемогущая и действенная причина, на которой настаивает французский писатель Литтл, заключается в том, что Фридрих хотел с помощью иезуитов заручиться благосклонностью тех поляков, которых он так позорно предал. Мы видели, каким огромным влиянием иезуиты обладали на поляков. Известно, какой властью они пользовались повсюду над невежественными и фанатичными папистами. Фридрих знал это и был очень хорошо осведомлен, что иезуиты, у которых не было другого убежища, кроме его поместий, по собственной воле, без всяких просьб, сделают все возможное, чтобы убедить несчастных поляков, которых лишили гражданства и которые были распределены по жребью в качестве добычи завоеванного города, терпеливо переносить иго нового хозяина *в их личных интересах и во имя вящей славы Божьей*. Это был всемогущий мотив, побудивший Фредерика выступить в качестве защитника братства, к которому он не мог питать никакого уважения, но которого он никоим образом не боялся.

Тот же мотив побудил Екатерину II. предоставить им убежище и защиту в своих владениях, и особенно в Белой Руси, бывшей провинции Польши, но которая при разделе досталась на долю русского государя.

Екатерина также не обманулась в своих ожиданиях. Иезуиты поначалу оказали ей огромную услугу. До первого раздела несчастной Польши в 1772 году отцы проживали в Полоцке, в великолепном колледже, окруженном огромным участком земли, возделываемым в пользу отцов более чем десятью тысячами крепостных, частично на правом, частично на левом берегу реки Двины. После Непродолжительного Подавления иезуиты оказались либо вынужденными подчиниться приговору Святого Престола и прекратить свое существование как организация, либо принять предложенную защиту Екатерины. Они приняли последнюю альтернативу, покинули левый берег Двины, который все еще был польским, ради правого берега, который теперь был российским, и там не только сохранили свою одежду и свое имя, но и добились того, что Протокол о подавлении не был опубликован во всех российских государствах. С этого момента, бросив вызов папской власти, те монахи, которые как религиозная община не могли существовать без согласия Рима, учредили в России своего рода патриархат, высшую резиденцию римско-католической религии, представленную отдельными лицами, которые торжественным решением верховного главы этой же религии были отлучены от церкви и оказались за ее пределами.

Тем временем Риччи умирал в государственной тюрьме Кастель-Сент-Анджело. Pius VI. не осмелился отпустить его на свободу, но сделал его пребывание в плену максимально комфортным. И все же старик скончался в ноябре 1775 года, составив незначительное завещание, снимающее с Общества все обвинения, которые были выдвинуты против него. [\[421\]](#)

Иезуиты в России через некоторое время после того, как они услышали о смерти Риччи, созвали генеральную конгрегацию, чтобы избрать генерального викария, обладающего полной властью над всеми теми членами церкви, которые должны были считать себя иезуитами. Достигнув этого, они обратились к человеку, достойному их защиты, Сестренцевичу, бывшему кальвинисту, а ныне священнику двусмысленной ортодоксии, как и все те новообращенные, которые оставили свою прежнюю религию из личных интересов или соображений; и через его посредничество они надеялись возродить Общество. Вот метод, который они избрали: они убедили Екатерину назначить его епископом Могилевским, а одного из них, Бениславского, назначили его коадьютором. Последний, поддерживаемый авторитетом императрицы, отправился в Рим, смело явился в Ватикан и потребовал от папы даровать паллий Сестренцевичу, человеку, которого они выбрали епископом; и поскольку он не мог сначала получить доступ к папе, он твердо заявил, что, если бы он провел всю свою жизнь в прихожей, он не покинул бы ее, пока не будет удовлетворен по каждому пункту. И он преуспел в своей миссии. Так вот, этот Шестренцевич, который впоследствии был назначен легатом Белой Руси, сразу же разрешил иезуитам основать послушничество и принимать кандидатов в Общество, невзирая ни на какие другие соображения, кроме желания угодить своим покровителям. Варшавский нунций и Римский двор, узнав о таком злоупотреблении властью, упрекнули его в нарушении папских указов и пригрозили ему интердиктом; но Екатерина взяла его под свою защиту и поддерживала всей своей властью. И таким образом было представлено странное зрелище: папский прелат был осужден Святым Престолом за поддержку секты священников,

считающихся самыми ревностными римскими католиками, в то время как принцесса защищала его за то, что он оказывал покровительство этим самым священникам, которые, будучи приверженцами Рима, были злейшими врагами ее собственной веры. Иезуиты, ободренные благосклонностью, оказанной им в России, действовали полностью по своему усмотрению, присвоили генеральному викарию титул и абсолютную власть генерала, назначили помощником и наставником, принимали послушников и схоластов, и, казалось, ничего не изменилось в Обществе, за исключением резиденции генерала.

Чтобы оправдать их за эти продолжающиеся акты восстания против папской власти, Кретино, а вслед за ним и неаполитанский иезуит Курчи утверждают, что, хотя папа Пий VI. не восстановил Общество никаким публичным актом, и все же он в присутствии *Бениславского* (отметьте!) произнес слова: “Approbo Societatem Jesu in Alba Russia degentem; approbo, approbo” - Я одобряю Общество Иисуса, проживающее в Белой России; Я одобряю, я одобряю. Мы предполагаем, что должны положиться на правдивость отца Бениславского в этом раскрытии чувств Святого Отца.

Три или четыре неясных и незначительных имени [422] сменяли друг друга в качестве генералов Ордена, в то время как он все еще находился под анафемой, объявленной Климентом. Наконец, Пий VII, сменивший Браски в 1800 году, разрешил Обществу обосноваться в Белой России и жить в соответствии с Конституцией Лойолы. Этот отчет датирован 1801 годом и был предшественником их восстановления.

Между тем Общество добилось замечательных успехов в России; и, как будто все сговорились благоволить им, среди них в ту эпоху случайно оказался человек, которого у них хватило такта избрать своим Генералом и который немногим уступал Лайнезам и Аквавивам. Этим человеком был Грубер, образованный и очень способный человек, долгое время находившийся при дворе в Санкт-Петербурге, желанный гость Екатерины, очень уважаемый Павлом и нанятый Александром для выполнения некоторых деликатных миссий. Грубер был человеком, имевшим точное представление о времени, в которое он жил, и подавлял неумеренное рвение к прозелитизму, проявляемое его подчиненными, которые уже говорили о творении чудес и создании новых миссий на Востоке. Грубер получил поздравления от всех сторонников иезуитов и с замечательной ловкостью использовал влияние и ресурсы, которыми все еще обладало Общество, чтобы добиться восстановления ордена в различных частях страны. Они уже вернулись в Парму, хотя и только на условиях терпимости, и в 1804 году папа оказал иезуитам обеих Сицилий те же милости, которые он оказал иезуитам Белой России. Он восстановил их на Сицилии, разумеется, под руководством генерала, проживавшего в России.

К несчастью для Общества, Грубер погиб во время пожара в 1805 году. После его смерти иезуиты, отказавшись от мудрой политики, принятой их покойным генералом, и воодушевленные частичным успехом, вернулись к неизменной политике ордена и попытались установить господство над страной, которая приютила их в дни тревог и невзгод.

Никакие наши страницы не могли бы дать нашим читателям более точного представления о поведении иезуитов в России, чем отрывок из императорского указа, которым Александр изгнал их из своей столицы. Мы считаем это изгнание и мотивы, на которые, как утверждает государь, побудили его принять эту меру, наиболее значимыми и клеймящими позором более убедительно, чем любая брошюра или декламация, отвратительные искусства и обычаи неисправимого потомства Лойолы.

Александр, записав, что в то время как иезуиты подвергались преследованиям в остальной Европе, только Россия из духа гуманности и терпимости защищала их, оказывала им милости, не ограничивала свободное исповедание их религии и доверила их заботам воспитание молодежи; так продолжалось в императорском документе: “Однако было доказано, что они не наслаждались обязанностями, налагаемыми на них благодарностью, и тем смирением, которого требует христианская религия. Вместо того чтобы оставаться мирными жителями чужой страны, они попытались нарушить греческую религию, которая с незапамятных времен была преобладающей религией в этой стране. Они начали с того, что злоупотребили оказанным им доверием и отвернули от нашей религии молодых людей, которые были им доверены, и нескольких слабых и невежественных женщин, которых они обратили в свою собственную Церковь. Побудить человека отречься от своей веры, веры своих предков, погасить в нем любовь тех, кто исповедует ту же веру, сделать его *чужаком в своей стране, посеять плевелы и вражду между семьями, оторвать сына от отца, дочь от матери*, посеять раскол среди детей одной и той же Церкви, — разве это голос и воля Бога и Его святого Сына Иисуса Христа?... После таких действий мы больше не удивляемся тому, что этих монахов изгоняют из всех стран и нигде не терпят. *Где, в самом деле, находится государство, которое терпело бы в своих недрах тех, кто сеет в нем ненависть и раздор?*” По всем этим причинам император в 1815 году изгнал иезуитов из Санкт-Петербурга и запретил им возвращаться ни в эту столицу, ни в Варшаву. И заметьте, что в доказательство того, что он изгнал их не потому, что они были католическими священниками, император в том же указе добавляет, что он уже послал за монахами других орденов на благо своих римско-католических подданных!

Но пусть никто не воображает, что это суровое предостережение от государя, которому и предкам которого иезуиты были так глубоко обязаны, привело их к некоторому осознанию своего долга. Напротив, они удвоили свои интриги и злобные действия; и поскольку их число быстро увеличивалось, достигнув в 1820 году 674, [\[423\]](#) и они могли стать опасными, Александр другим указом от 13 марта 1820 года изгнал их из всех своих владений. В изложении мотивов, которые Министр культа представил Александру, требуя изгнания, мы читаем: “Изгнание иезуитов из Санкт-Петербурга не заставило их изменить свое поведение”; и далее следует перечисление всех бед, причиненных отцами церкви в России и Польше. Мы с трудом можем себе представить, что иезуиты могут ответить на эти обвинения. Следует также отметить, что их собственный ставленник, Шестренцевич, архиепископ Могилевский, был одним из самых ярких сторонников их изгнания.

Ни в России, ни в Польше сейчас нет иезуитов, за исключением тех, кто в Галиции помогает австрийскому суверену управлять этой провинцией — каждый знает, как.

ГЛАВА XIX.

1814 ГОД.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ.

События, произошедшие в Европе в 1814 году, известны каждому. Наполеон, представлявший за границей ту самую французскую революцию, которую его военный деспотизм задушил у себя

дома, пал под натиском объединенных усилий Европы, которому благоприятствовали стихии и предательство его бывших товарищей по оружию, которым он вручил либо жезл фельдмаршала, либо скипетр короля. Последовало восстановление всех свергнутых монархов, и, вернувшись в свои владения, эти монархи направили все свои заботы на то, чтобы стереть даже воспоминание (глупая и бесполезная попытка!) Обо всем, что было сделано, сказано и опубликовано в минувшее время ураганов и революций, и с необдуманной серьезностью поспешили вернуться к своей старой и примитивной системе правления. Иезуиты, искусные извлекать выгоду из любых обстоятельств, затем выступили вперед и предложили этим государям свои безоговорочные услуги. Уже после их подавления и во время восходящего марша Французской революции они с бесконечной настойчивостью убеждали различных монархов, которым угрожали на их тронах или которые уже были сброшены с них, что их свержение — преступления, которые, к сожалению, были совершены в момент бреда во имя свободы — нечестивые и подрывные доктрины, которые заполонили Европу и уничтожили всякое чувство морали и религии — все это следует приписать подавлению ордена. Они утверждали, что энциклопедисты после разрушения Общества, самого надежного оплота трона и алтаря, не встретив больше противодействия и перейдя от теории к практике, вызвали революцию и погрузили всю Европу в пылающий пожар; и это даже сейчас повторяют отцы церкви и их сторонники. Прежде чем продолжить, мы должны дать ответ, который Джоберти дает на их утверждения. Он признает, что энциклопедисты действительно совершили революцию. “Но, — говорит он, — Общество, изменив и обезобразив, по мнению многих, католическую веру, евангельскую мораль, власть монархов и все те фундаментальные законы, которые составляют основу всех государств и правительств, - фактически, заменив религию своей собственной сектой, - пошатнуло все принципы морали, религии и хорошего управления и действительно привело к появлению энциклопедистов; наиболее заметные из которых, на самом деле, как Вольтер, Дидро, Гельвеций, Мармонтель, Сен-Ламбер, Ламетри и многие другие окончили иезуитские колледжи или имели наставниками иезуитов”. [424]

Однако эти монахи, которые, как мы видели, составили заговор против жизни и независимости почти всех государей Европы, теперь владели искусством убеждать правящих монархов в том, что они всегда будут чувствовать себя неуверенно на своих тронах без помощи и поддержки Общества; и, как ни странно, некоторые действительно верили им, в то время как другие притворялись, что верят. С того момента и до наших дней в глазах таких фанатичных и близоруких деспотов, как Фердинанд Неаполитанский, Леопольд Тосканский, Франциск Иосиф Австрийский и всех сторонников абсолютизма, иезуиты считались лучшими столпами и сторонниками деспотизма и тирании. Эта вера также не лишена основания в том, что касается намерений отцов церкви. Либералы в наше время в их глазах являются тем же, чем были реформаторы два столетия назад. Против них теперь направлены все их усилия; либералы теперь прокляты Богом, нечестивцы, которых все мужество и способности сыновей Игнатия едва ли могут держать в узде. И это не первый случай, когда эти лживые и наглые монахи ухитряются навязывать себя различным государствам, представляя свое вмешательство как необходимое для благополучия общества и подавления его врагов. Таким образом, они навязали себя как необходимые для борьбы с реформаторами в шестнадцатом веке, янсенистами и кальвинистами в семнадцатом и снова, в восемнадцатом, с философами и приближающейся революцией; хотя только очень поздно, когда первые преследования пробудили их от состояния блаженства, они провозгласили себя противниками энциклопедистов. В девятнадцатом веке противниками, с которыми они привыкли бороться,

являются, как мы уже говорили, либералы; и отцы церкви действительно должны быть искусными и могущественными инструментами для подавления всех идей свободы, всех свободных устремлений, всех благородных чувств, всего личного достоинства и для удержания людей в порабощении, поскольку в высшей степени хитрый Луи Наполеон выбрал их в качестве своих самых полезных помощников и осыпал их всевозможными милостями.

Среди монархов, которые в 1814 году вновь взошли на троны, с которых их сверг дерзкий и беспринципный завоеватель, был старый понтифик, который после своего пленения в Фонтенбло 24 мая вернулся в Рим среди неподдельных знаков любви и почитания со стороны своего народа. Действительно, человек, который в ту эпоху занимал папское кресло, был по многим причинам достоин величайшего восхищения и уважения. Этим человеком был Барнаба Кьярамонти, монах-бенедиктинец, принявший имя Пий VII. Его жизнь была чиста и незапятнанна; его намерения были благими; его характер мягким и великодушным; и до своих несчастий он проявлял некоторую готовность идти на уступки, которых требовали время и обстоятельства; но после своего пленения, после ряда прямых несчастий, выпавших на долю его и Священной коллегии, несчастий, которые он приписывал духу безбожия, господствовавшему тогда в Европе, Пий VII, ныне немощный старик, уступил всем наклонностям фанатичного, фанатичного монаха, которые, в его лучшую сторону, были связаны с религиозностью. дни, когда он был покорен и сдерживался рассуждениями. Поэтому его первой заботой было восстановить все монашеские ордена, какие только он мог, и среди первых был орден иезуитов, которые уже стекались в Рим со всех концов, будучи уверенными в скором восстановлении своего прежнего положения и великолепия. И они не были разочарованы в своих ожиданиях. В воскресенье, 7 августа 1814 года, Пий VII. торжественно отправился в церковь Джезу, сам отслужил мессу перед алтарем, посвященным Лойоле; прослушал вторую мессу, сразу после которой приказал зачитать и обнародовать буллу, которой Общество Иисуса было восстановлено в соответствии с древними правилами.

Партийные писаки, слишком стремящиеся найти пап в противоречии друг с другом и выставить их мнимую непогрешимость на посмешище своим читателям, обратились к этим двум актам и спросили: “Кто был непогрешим — Климент XIV, упразднивший Общество, или Пий VII, восстановивший его?” Мы не стремимся к столь легкому триумфу и рассмотрим буллу Кьярамонти несколько серьезнее.

По нашему мнению, булла Пия VII. в меньшей степени, чем можно предположить, противоречит брифу Климента. Пий ни в малейшей степени не осуждает ни сводку, ни ее автора; он также не говорит, что ее вымогали, как сказал Ганганелли о булле Реццонико. Напротив, он говорит об этом как о законном и совершенно авторитетном акте, посредством которого Компания прекратила свое существование; и когда он каким-либо образом обязан аннулировать его, он не аннулирует его, за исключением той части, которая противоречит его собственной булле, а именно той, которая влияет на существование Общества. Во всей булле нет ни слова, ни слога, которые противоречили бы или ослабляли длинный список ужасных обвинений, выдвинутых против них Климентом. Если по отношению к иезуитам была допущена несправедливость, которую Пий хотел исправить, он должен был, по крайней мере, упомянуть, что с ними поступили несправедливо и что долг Верховного Главы Церкви - восстановить их в добром отношении к Европе. Но булла умалчивает о любых подобных нарушениях и очень скупотно относится к своим похвалам сыновьям Игнатия. Почему же тогда, можно спросить, Пий VII восстановил Общество Иисуса? Во-первых, как я уже говорил, потому что он был фанатичным

монахом и думал, что, возможно, во власти фанатичных и праздных братств всех мастей погасить свет, распространяемый новыми доктринами, и вернуть человечество обратно в благословенную тьму средневековья. Другими словами, он думал, и многие монархи, некоторые из которых не были католиками, думали вместе с ним, что священники и монахи смогут остановить прогресс цивилизации; ибо следует помнить, что ужасы и акты варварства, которые были совершены в течение последних десяти лет восемнадцатого века и которые были последствиями принудительного и преувеличенного применения новых теорий о правительстве и религии, никоим образом не могут быть отнесены на счет самих доктрин, которые рассчитаны на содействие реальному и благотворному прогрессу общества. Помимо пристрастия Кьярамонти ко всем монахам, восстановлению которых, как он говорит в булле, *“уделяется вся его забота”*, все монархи просили Пия восстановить Компанию; и он говорит, что должен считать себя не выполнившим свой долг, если, в то время как барку "Питер" швыряло взад и вперед среди опасных скал, он пренебрег помощью этих *сильных и опытных гребцов*.

Таковы были мотивы чисто политического характера со стороны монархов и смешанного характера со стороны папы Римского, которые побудили первых просить, а вторых предоставить Обществу Иисуса новое существование. Но заметьте, что в самом акте, которым он восстановил орден, Пий оставил за Святым Престолом право изменять его, если его положениями злоупотребляли. Он подчиняет членов Общества при выполнении всех их духовных функций юрисдикции ординариев, тем самым лишая его самых драгоценных привилегий, о которых он недвусмысленно напоминает. И булла еще более значима, когда она призывает всех членов Общества вернуться к примитивным правилам Игнатия и взять его за образец. Понтифик не говорит: "Вернитесь к своему занятию, к тем упражнениям, которыми вы занимались до Подавления". Но он говорит им вернуться к примитивному духу своего учреждения, от которого они так далеко отошли. Благородный и добродетельный понтифик надеялся, что их прошлые невзгоды проинструктируют этих невнимательных и порочных монахов и предостерегут их, чтобы они больше не навлекали на себя ненависть христианского мира. Тщетные надежды! Бесполезные увещевания! Не пройдет и пятнадцати лет, как вся Европа, за исключением, возможно, некоторых деспотов и их сторонников, будет с тревогой ожидать счастливого дня, когда беспокойное потомство Игнатия будет безвозвратно изгнано из своего лона!

Однако, поскольку булла очень короткая, мы представим ее на спокойное и серьезное рассмотрение наших читателей, и мы уверены, что у них сложится о ней то же мнение, что и у нас, а именно, что в самом акте, которым Пий восстанавливает иезуитов, он изменяет их институты и осуждает их поведение в прошлом.

“Булла о восстановлении ордена иезуитов. [425]

“Пий, епископ, Слуга слуг Божьих (ad perpetuam rei memoriam).

“Забота обо всех Церквах, доверенная нашему смирению Божественной волей, несмотря на скромность наших заслуг и способностей, делает нашим долгом использовать все средства, которые в наших силах и которые предоставлены нам милостью Божественного Провидения, для того, чтобы мы могли, насколько позволят изменения времен и мест, удовлетворять духовные потребности католического мира, без какого-либо различия между людьми и нациями.

“Желающих выполнять эту обязанность нашего апостольского служения, как только Фрэнсис Карегу (тогда еще живого) и других светских священников, проживающий уже много лет в обширной империей России, и которые были членами Общества Иисуса, подавляется Климент XIV., счастливой памятью, была умолял нашего разрешения объединяться в теле, для того чтобы быть в состоянии применить себя более свободно в соответствии с их учреждений, с указанием молодежи в религии и доброй нравственности, чтобы посвятить себя проповеди, исповеди, и Администрации других таинствах, мы чувствовали, что наш долг более охотно выполнять свои молитвы, поскольку правящий император, Павел I., рекомендовал сказал Попов, в его благодатных отпавкой, от 11 августа 1800, в котором, после того как изложил свое особое отношение к ним, он объявил нам, что будет ему угодно, чтобы просмотреть компании он создал в своей империи под свою власть; и то, на нашей стороне, внимательно большим преимуществом этих обширных регионов могут оттуда извлечь, учитывая, насколько полезны те духовные лица, чьи мораль и учить в равной мере попытался бы к католической религии, считал нужным, чтобы второе желание такого великого и милостивого князя.

“Вследствие этого, нашим приказом от 7 марта 1801 года мы предоставили упомянутому Фрэнсису Кэрю и его коллегам, проживающим в России или которые должны прибыть туда из других стран, право объединяться в организацию или конгрегацию Общества Иисуса; они вольны объединяться в один или несколько домов по указанию их настоятеля, при условии, что эти дома расположены на территории Российской империи. Мы назначили упомянутого Фрэнсиса Карью генеральным упомянутой конгрегации; мы уполномочили их возобновить и следовать правилу святого Игнатия Лойолы, одобренному и подтвержденному Конституциями Павла III., нашего предшественника, светлой памяти, для того, чтобы компаньоны в религиозном союзе могли свободно заниматься обучением молодежи религии и хорошей грамоте, руководить семинариями и колледжами и, с согласия рядовых, исповедоваться, проповедовать Слово Божье и совершать таинства. Тем же приказом мы взяли конгрегацию Общества Иисуса под нашу непосредственную защиту и зависимость, оставив за собой и нашими преемниками предписание всего, что могло показаться нам подходящим для ее укрепления, защиты и очищения от злоупотреблений и коррупции, которые могли быть в ней привнесены; и с этой целью мы прямо отменили такие апостольские конституции, статуты, привилегии и индульгенции, предоставленные вопреки этим уступкам, особенно апостольские послания Климента XIV, нашего предшественника, которые начинались словами *Dominus ac Redemptor Nostra*, только в той мере, в какой они противоречат нашему краткому изложению, начинающемуся с *Catholicæ*, и которое было дано только для Российской империи.

Вскоре после того, как мы постановили о восстановлении ордена иезуитов в России, мы сочли своим долгом оказать такую же милость королевству Сицилия по горячей просьбе нашего дорогого сына в Иисусе Христе, короля Фердинанда, который просил, чтобы Общество Иисуса могло быть восстановлено в его королевстве и государствах, как это было в России, исходя из убеждения, что в эти печальные времена иезуиты были наставниками, наиболее способными воспитывать молодежь в христианском благочестии и страхе Божьем, который является началом мудрости, и обучать их наукам и литературе. . Долг нашего пастырского служения побуждает нас поддержать благочестивые пожелания этих прославленных монархов и, имея в виду только славу Божью и спасение душ, мы в нашем кратком сообщении, начинающемся *под псевдонимом* датированном 30 июля 1804 года, распространили на королевство обеих Сицилий те же уступки, которые мы сделали для Российской империи.

“Католический мир demands with unanimous требует восстановления Общества Иисуса. Мы ежедневно получаем по этому поводу самые настоятельные прошения от наших почтенных братьев, архиепископов и епископат, а также от самых выдающихся личностей, тем более что обильные плоды, которые эта Компания принесла в вышеупомянутых странах, общеизвестны. Рассеивание даже камней святилища во время этих недавних бедствий (о которых сейчас лучше сожалеть, чем повторять), уничтожение дисциплины регулярных орденов (славы и поддержки религии и Католической церкви, на восстановление которой в настоящее время направлены все наши мысли и заботы) требуют, чтобы мы согласились со столь справедливым и общим желанием.

“Мы должны были бы считать себя виновными в великом преступлении перед Богом, если бы среди этих опасностей христианской республики пренебрегли вспомогательными средствами, которые особое провидение Божье предоставило в наше распоряжение, *и если бы, находясь на барке "Питер", которую швыряет и атакует непрерывный шторм, мы отказались использовать ЭНЕРГИЧНЫЕ И ОПЫТНЫЕ СИЛЫ, добровольно предлагающие свои услуги, чтобы преодолевать морские волны, которые ежеминутно угрожают кораблекрушением и смертью.* Руководствуясь столь многочисленными и могущественными мотивами, мы решили сделать сейчас то, что нам хотелось бы сделать в начале нашего понтификата. После того, как мы горячими молитвами воззвали к Божественной помощи, после того, как воспользовались советом большого числа наших почтенных братьев, кардиналов Святой Римской Церкви, мы постановили, с полным осознанием, в силу полноты апостольской власти и с бессрочной действительностью, что все уступки и полномочия, предоставленные нами исключительно Российской империи и королевству Обеих Сицилий, отныне распространяются на все наши церковные государства, *а также на все другие государства.* Поэтому мы признаем и даруем нашему горячо любимому сыну Таддеру Барзозовски, в настоящее время генералу Роты Иисуса, и другим членам этой Роты, законно делегированным им, все подходящие и необходимые полномочия для того, чтобы упомянутые штаты могли свободно и законно принимать всех тех, кто пожелает быть принятым в обычный орден Роты Иисуса, которые, под руководством Генерала, *временно,* будут приняты и распределены, в зависимости от возможности, в один или несколько домов, один или несколько колледжей и одну или несколько провинций, где они будут соответствовать их образ жизни соответствовал правилам, предписанным святым Игнатием Лойолой, одобренным и подтвержденным Конституциями Павла III. Кроме того, мы заявляем и наделяем полномочиями, что они могут свободно и законно обращаться к воспитанию молодежи в принципах католической веры, воспитывать в них добрую нравственность и руководить колледжами и семинариями; мы разрешаем им принимать исповеди, проповедовать Слово Божье и совершать таинства по месту жительства с согласия и одобрения рядовых. Мы берем под нашу опеку, под наше непосредственное послушание и послушание Святого Престола все колледжи, палаты, провинции и членов этого ордена, а также всех тех, кто присоединится к нему; всегда оставляя за собой и Римскими понтификами, нашими преемниками, право предписывать и направлять все, что мы сочтем своим долгом предписывать и направлять, чтобы все больше и больше укреплять указанное Общество, делать его сильнее и очищать его от злоупотреблений, если они когда-либо возникнут, чего Бог не допустит. Теперь нам остается от всего сердца и во имя Господа призвать всех руководителей, провинциалов, ректоров, компании и учеников этого возрожденного Общества всегда и везде проявлять себя верными подражателями своего отца; что они в точности соблюдают правила,

предписанные их основателем; что они со все возрастающим рвением следуют полезным советам и спасительным наставлениям, которые он оставил своим детям.

“В общем, мы настоятельно рекомендуем в Господе Компанию и всех ее членов нашим дорогим сыновьям в Иисусе Христе, прославленным и благородным князьям и светским лордам, а также нашим достопочтенным братьям архиепископам и епископам и всем тем, кто облечен властью; мы увещеваем, мы заклинаяем их не только не терпеть, чтобы эти религии каким-либо образом поругивались, но и следить за тем, чтобы к ним относились со всей должной добротой и милосердием.

“Мы предписываем, чтобы настоящие послания неукоснительно соблюдались в соответствии с их формой и содержанием во все грядущие времена; чтобы они пользовались своим полным действием; чтобы они никогда не были представлены на суд или пересмотр какому-либо судье, какой бы властью он ни был облечен; объявляем недействительными любые посягательства на настоящие правила, сознательно или по незнанию; и это несмотря на любые апостольские конституции и постановления, особенно краткое послание Климента XIV. светлой памяти, начинающееся словами *Dominus ac Redemptor Noster*, выданное за печатью рыбака 22 июля 1773 года, которое мы категорически отменяем, поскольку оно противоречит настоящему приказу.

“Мы также желаем, чтобы копиям, будь то рукописным или печатным, нашего настоящего отчета уделялось такое же внимание, как и самому оригиналу, при условии, что на них есть подпись какого-либо государственного нотариуса и печать какого-либо церковного сановника; чтобы никому не было позволено нарушать *или с дерзкой отвагой выступать против какой-либо части этого постановления*; и что, если кто-либо решится на это, дайте ему знать, что тем самым он навлечет на себя гнев Всемогущего Бога и святых апостолов Петра и Павла.

“Дано в Риме, в Sancta Maria Major,
7 августа 1814 года от
Рождества Христова и 15-го числа нашего
понтификата.

(Подпись) “Кардинал Продатер.

“Кардинал Браски”.

В тот момент, когда булла 1814 года дала Обществу новое существование, почти двести отцов, переживших бедствия 1773 года, вновь собрались в Джезу и в послушничестве Святого Андрея в Риме. Вместе со старыми остатками Общества многие молодые иезуиты, которые во время подавления были приняты в орден в своих домах в Силезии, России и Палермо, вернулись в обитель своей былой славы и великолепия и открыли свои сердца новым и блестящим перспективам. Они также не обманулись в своих ожиданиях. В те первые моменты бурной реакции в Италии священники и монахи считались почти святыми, а Пию VII. фактически поклонялись как Богу. Свержение империи Наполеона в Италии считалось делом руки Бога, который наказал его за то, что он возложил свою нечестивую руку на помазанника Господня — наместника Иисуса Христа. Наполеон, которого во Франции считали восстановителем религии, в Италии считался величайшим еретиком, который когда-либо жил, — хуже, чем Лютер, Кальвин, Зингл. Поскольку невежественные и фанатичные люди полуострова в ту эпоху считали религию состоящей из монахов, монахинь и процессий, то человек, отменивший их, был в их

глазах величайшим врагом Бога и религии; и эти монахи, хотя и не пользовались большим уважением как личности, были, когда их восстановили в их монастырях, встречены одобрением и поклонением. Даже те, чьи чувства носили далеко не религиозный характер, думая, что клерикальная партия теперь вновь обретет верховную власть и будет осуществлять ее более абсолютным и исключительным образом, притворялись преданными правящей власти, либо чтобы избежать преследований, либо получить благосклонность как набожные сторонники римско-католической веры. Слава Богу, этого больше нет.

Орден иезуитов, прежде всего, привлекал всеобщее внимание, и приема в него добивались со страстным рвением, как самого верного пути к богатству и уважению. Многие младшие братья из хороших семей поступили в послушничество Святого Андрея, которому выпала редкая честь видеть в качестве претендента на вступление в братство некогда коронованного главу. Карл Эммануил Савойский, который уже отказался от короны Сардинии в пользу своего брата Витторио, вступил в послушничество, с непритворным смирением исполнил все обязанности послушника и умер примерно три или четыре года спустя, попросив в качестве последнего одолжения похоронить его в одеянии иезуита.

Вскоре появилось еще одно случайное обстоятельство, избавившее иезуитов от больших трудностей. В 1820 году смерть генерала Барзозовского, которому Александр никогда не позволил бы покинуть Россию и без которого ничего определенного нельзя было сделать, положила конец этому аномальному положению вещей. Новые выборы вернули главу Компании в метрополию Христианского мира; и с Джезу, где сидели Лойола и Риччи, избранный генерал Фортис теперь следил за интересами и процветанием Общества, которое он надеялся снова увидеть во всей его былой славе.

На нашем полуострове их продвижение было быстрым.

—Come di gramigna,

Да здравствует земля, [\[426\]](#)

таким образом, Италия вскоре была покрыта вредными сорняками. Большая часть их прежних заведений была им возвращена, другие они купили; и, в полном согласии с Римским двором, поскольку каждый нуждался в другом, они принялись за работу, чтобы низвести несчастную страну до минимально возможной степени невежества и деградации, погасить все благородные устремления, подавить все великодушные чувства и загнать нас в ту форму, в которую вылеплены праздные, развратные и развращенные монахи. Но, слава Богу, их объединенные усилия! оказались безрезультатными. Гений древнего Рима, одетый в соболиные одежды, наблюдал за нами из руин Колизея и с вершины Капитолия и указал нам, что на каждом камне наших городов написана страница славы, надпись о благородных и героических деяниях! Да! в самих названиях наших памятников, даже когда они не видны нашим глазам, есть что-то волшебное, какая-то таинственная сила, которая волнует все фибры сердца и заставляет страстно желать восстановить славу прошлого. И в этом, мы считаем, больше, чем в чем-либо другом, следует искать объяснение того исторического факта, что, хотя в средние века папы были почти верховными судьями в различных королевствах Европы, они никогда не могли обрести стабильную опору в Риме, но часто были изгнаны из него, часто осаждались в своих замках или становились пленниками, в то время как к их двору и правительству обычно относились с величайшим презрением. Итак, теперь, хотя иезуитов поддерживали все мелкие

итальянские деспоты и их повелитель император Австрии, и хотя они почти имели в своем распоряжении молнии Ватикана и темницы инквизиции, они могли убедить только старых женщин и немощных и фанатичных мужчин, но никого из мыслящего и активного населения Италии. Революция 1848 года еще раз доказала, насколько глубоко укоренилась ненависть итальянцев к братству Лойолы, единственному религиозному ордену среди такого огромного числа, который был насильственно изгнан со всего полуострова.

Однако иезуиты, как только они были восстановлены, не теряя времени, вторглись в другие страны, где, как они думали, они могли бы восстановить свое упавшее состояние. Сразу после реставрации они вернулись в Испанию, Францию, Бельгию, Австрию, Швейцарию и многие страны Нового Света. Мы попытаемся на том небольшом пространстве, которое нам осталось, вкратце обрисовать историю отцов церкви в этих разных странах.

Иезуиты в количестве около ста человек, в основном члены Общества, которые были изгнаны в 1767 году, вернулись в Испанию и были связаны с Фердинандом VII. во всех актах мести, которые этот жестокий и глупо свирепый принц совершал над несчастными испанцами. Они увеличивались так быстро, что уже в 1820 году насчитывали уже 397 членов. [427] Но в то время кастильцы восстали против жестокости деспотического короля. Добившись успеха в своей революции, они установили Конституцию 1812 года; и одним из первых актов кортесов было принятие закона, который изгнал иезуитов из всех испанских владений. Но прошло совсем немного времени, прежде чем они вновь зашли в тыл французской армии под предводительством герцога Ангулемского, чтобы заменить Фердинанда на троне, и стали наиболее эффективными инструментами его фанатичной и трусливой политики. В 1825 году в Сеговии был основан общевоинской колледж, и, как ни странно, иезуиты стали наставниками этих будущих офицеров во всем, что не было строго военным. В 1827 году был основан еще один колледж для дворянства и детей придворных и камергеров, который также был передан под руководство иезуитов. Но их процветанию положила конец смерть Фердинанда. Право Изабеллы, малолетней дочери покойного короля, оспаривал ее дядя Дон Карлос, и следствием этого соперничества стала долгая и кровопролитная гражданская война. Иезуиты сначала тайно принимали сторону карлистов и действовали только как информаторы, когда это было возможно. Во время *восстания* в 1834 году жители Мадрида убили некоторых из них, а в 1835 году они были юридически отменены декретом законодательного органа, санкционированным сувереном. Но они не из-за этого покинули Испанию. Они восстановили свое положение в тех провинциях, где преобладали войска дона Карлоса, и были выбраны наставниками сыновей претендента. Они построили послушничество в Кипузоа и, казалось, бросили вызов правительству страны. После Вергарской конвенции Эспартеро изгнал их из их новых колледжей и приказал им покинуть испанские территории; но хотя с тех пор они не имеют законного существования на земле Лойолы и Ксавьера, согласно лучшим сведениям, в 1845 году там находилось около 250 иезуитов, по-видимому, как отдельные лица, но на самом деле составляющих часть ордена и прикрепленных либо к провинции Бельгия, либо к провинции Южная Америка.

Их историю в Португалии можно изложить более кратко. В 1829 году несколько французских иезуитов, приглашенных узурпатором Доном Мигелем, прибыли в Португалию и были с почетом приняты, как они утверждают, внучкой Помбала, которая предложила доверить им образование четырех своих детей. [428] Власти также ухитрились устроить своего рода манифестацию, устроенную другими монахами при въезде иезуитов в Коимбру, где они пробыли два или три

года. Но едва дон Педру стал хозяином Португалии, как в 1834 году своим указом он изгнал отцов из всех владений своей дочери доньи Марии. Мы не знаем, что сейчас в Португалии много иезуитов.

В Германии отцы церкви были далеки от восстановления положения, которое они занимали ранее. Сама Австрия отказалась вновь принять их. Меттерних, воспитанный в школе Иосифа II. и Кауниц не были расположены позволить дурному семени снова пустить корни на немецкой почве. Однако, когда в 1820 году изгнанные из России иезуиты проезжали через Вену, они нашли средства получить разрешение поселиться в Галиции, где вскоре открыли школы и коллежи, главные из которых находились в Турнове и Лемберге, и где они добились такого успеха, что в последнем колледже в 1823 году насчитывалось 400 учеников. Число иезуитов в провинции продолжало увеличиваться, и их влияние, особенно на сельское население, которое почти все является папистами, теперь всемогуще и непреодолимо. Теперь наши читатели, которые помнят зверские и бесчеловечные акты, опустошившие несчастную страну в 1846 году, могут составить представление о том благе, которое принесла их система образования.

Они также попытались обосноваться в Штирии, хотя и без особого успеха. Но в 1838 году им, наконец, разрешили вновь открыть свой бывший колледж в Иннсбруке, где они сейчас находятся в самом процветающем состоянии. Ни в какой другой части Германского союза они не имеют законного существования; и покойный король Пруссии очень мудро запретил кому-либо из своих подданных переезжать в другие страны для получения образования у иезуитов.

В Голландии иезуиты действовали почти так же, как и в России. Создается впечатление, что во время Подавления протестантские страны, забыв о всяком благоразумии, просто чтобы продемонстрировать свою оппозицию Папскому двору, наперебой приветствовали и покровительствовали монахам, которых преследовал Рим. Даже в Англии к иезуитам никогда не относились так хорошо и, возможно, не процветали так, как во время их судебного подавления. Некоторые из иезуитов восстановили свое положение в Голландии и жили там без помех и под защитой, пока французские армии не изгнали их или не вынудили переодеться в другую одежду; но они вновь появились в 1814 году и со своей обычной активностью начали возводить дома и послушничества. Король Вильгельм Нассауский терпел их; но, по-видимому, они не были довольны тем, что их терпели, — они стремились к более высокому предназначению. Распространяя недовольство среди римско-католического населения, они призывали его не принимать или спокойно подчиняться конституции, столь неблагоприятной для их интересов, и готовили материалы для революции. Де Брольо, архиепископ Гента, всецело преданный ордену, писал в том же духе всем своим подчиненным. Зная об их интригах и махинациях, правительство сочло необходимым указом от 1816 года изгнать их. Дерзкие монахи, вместо того чтобы подчиниться, отправились во дворец архиепископа, как бы бросая вызов законам. Но правительство сохранило свои права. Был выдан ордер на арест Де Брольо, который, однако, обратился в бегство и сопровождал во Францию ректора Колледжа иезуитов. Затем отцы покинули страну, но не все. “Некоторые сыновья Лойолы, тем не менее, остались на месте под руководством отца Демейстра и, зачисленные под знамена Церкви, сражались добровольцами”. [429] Другими словами, под разными масками они продолжали свои интриги, и вдохнули дух революции в папистское население Бельгии. При первой же возможности этот дух вырвался наружу. “Революция 1830 года была совершена во имя католиков и иезуитов”.

[430] Очень хорошо! нам нравится этот смелый и откровенный язык, и мы выражаем признательность иезуитам за то, что они помогли угнетенному народу сбросить иго, наложенное на него грубой силой. Но тогда пусть они никогда больше не приходят и не утверждают, что они религиозный орден, всецело занятый духовными заботами и совершенно безразличный к политическим вопросам.

После революции 1830 года влияние иезуитов в Бельгии значительно возросло, и сейчас эта страна является одной из самых процветающих провинций ордена, насчитывающей более 400 членов. Чрезвычайная осмотнительность и проницательность Леопольда помешали им натворить много бед; но они сделали все возможное, чтобы обрести верховную власть в этой стране и уничтожить в ней всякую гражданскую и религиозную свободу. В тот самый момент, когда мы пишем эти страницы, они изо всех сил стараются повергнуть Бельгию ниц к ногам своего достойного защитника Луи Наполеона.

Во Франции отцы церкви вели гораздо более взволнованное и неустроенное существование с момента их изгнания в 1765 году. Португалия и Испания, изгоняя их, прибегли к таким строгим и универсальным мерам, что в течение некоторого времени после их изгнания в этих двух странах было мало иезуитов или их вообще не было. Но во Франции все было не так. Никаких строгих мер для исполнения указа о высылке принято не было. Иезуиты, это правда, покинули свои колледжи и дома и сбросили длинные мантии и широкополые шляпы; но большая их часть осталась на территории Франции, сменив местожительство, и многие из них превратились в Отцов Веры или Братьев *Кретъенской доктрины*. Затем, когда представлялась возможность, они вновь появлялись повсюду в своих собственных одеждах, и никто не знал, откуда они пришли и где были. Мы находим мало следов их деятельности в первые годы Французской революции 1789 года; но в тот момент, когда Наполеон в своих собственных политических целях восстановил древнюю форму религии и вернул духовенству некоторую свободу выполнять свои обязанности, иезуиты под именем Отцов Веры появились вновь и сразу же принялись за работу, пытаясь с помощью новых ухищрений восстановить хотя бы часть своего утраченного влияния и власти. В 1800 году сестра отца Барата под руководством своего брата основала Сестричество Святого Сердца; в то время как отец Баруффе основал Конгрегацию Святого Семейства; первая руководила образованием дочерей аристократии, вторая обучала гувернанток и слуг, которых они распределяли особенно среди семей, секреты которых им было интересно узнать. Отец Деспуитс был еще более дерзок и основал Конгрегацию Святой Девы, в которую он при любой возможности зачислял самых разных людей, но особенно представителей высшего класса общества и военных. Два первых учебных заведения в настоящее время очень процветают во Франции, и почти вся французская знать отправляет своих дочерей получать образование в знаменитом женском монастыре *Ле Уазо* в Париже. Конгрегация Пресвятой Богородицы пришла в упадок после революции 1830 года.

Однако Наполеон, встревоженный прогрессом и интригами Отцов Веры, указом Мессидора от XII века (1804) упразднил братство, а другим императорским указом 1810 года - Конгрегацию Пресвятой Богородицы, и на некоторое время иезуитам пришлось быть более осмотнительными и меньше вмешиваться.

Но в 1814 году эти монахи, которые на мгновение исчезли со сцены, появились снова, более живые и интригующие, чем когда-либо. Они отказались от заимствованного имени Отцов Веры и вновь взяли имя иезуитов. Конгрегации получили новый импульс, и, прежде всего,

Богородица проявила исключительную активность в привлечении к ней военных. Умудренные прошлым опытом, они поняли, что никогда не преуспеют в своих замыслах без согласия или, по крайней мере, нейтралитета светского духовенства. Чтобы обезоружить его враждебность, которая была столь яркой в прежние времена, они спонтанно отказались от своих привилегий и проявляли величайшее почтение к светским священникам всех рангов. Отец Симпсон, провинциал 1819 года, в письме своему подчиненному говорит ему: “Давайте помнить, что мы всего лишь вспомогательные органы светских священников, что мы, будучи монахами, должны смотреть на них как на своих начальников, и что Святой Игнатий дал нашему Обществу в качестве отличительного названия *Малое общество Иисуса*”. [431] Интересно, написали бы так Лашез или Летелье. Затем, при поддержке значительной части епископов и поощрении правительства, часть иезуитов отправилась во Францию в качестве миссионеров, чтобы попытаться сделать все, что в их силах, для восстановления господства суеверий и фанатизма и вернуть Францию к старым добрым временам гражданского и религиозного рабства; часть снова взялась монополизировать образование молодежи; и в обоих начинаниях они добились, среди определенных классов, поразительного успеха.

Но жертвы, принесенные Францией ради обретения свободы, были слишком свежими, чтобы она могла спокойно подчиниться господству священников, которое теперь стало слишком заметным и угрожающим. Общественное мнение выступило так сильно и так неодолимо против всех священников в целом и против иезуитов в частности, что фанатичный Карл X. сам был вынужден в 1828 году издать указ, который лишал отцов права обучать молодежь и, более того, предусматривал, что ни одно лицо не должно быть допущено к преподаванию без принесения присяги в том, что оно не принадлежит к какой-либо религиозной общине, не одобренной законом. Однако иезуиты, тайно поощряемые двором и поддерживаемые аристократией, ускользали от этих постановлений с помощью тысячи различных хитростей; и, хотя и не так открыто, они никогда не отдыхали от своих интриг и активного участия в образовании.

Революция 1830 года, во многом вызванная отвращением французской нации к господству священников и иезуитов, снова на некоторое время рассеяла их. Они ушли со сцены; никто не знал, когда они исчезли, куда направились и когда вернулись, пока ближе к 1836 году о них не заговорили и не указали, что они становятся многочисленными, могущественными и опасными; они, тем не менее, спокойно и благоразумно продолжали жить, постоянно прогрессируя, до 1845 года, когда денежное дело теперь, как и в 1761 году, снова привело их к кратковременным неприятностям. Некий Аффнер — по-видимому, архиезуит, поскольку он обманул своих одураченных, притворившись обращенным грешником, — стал их доверенным лицом и украл у них огромную сумму в 10 000 фунтов стерлингов, о растрате которой они оставались в неведении, пока он не обратился в бегство — (такие они бедные!) Отцы церкви имели неосторожность обратиться в суды. Мошенник действительно был осужден, но в то же время стало известно о существовании иезуитов не как частных лиц, а как религиозной общины, уже обладавшей огромным богатством и всевозможными учреждениями, которые до тех пор почти игнорировались или, по крайней мере, упускались из виду — все это противоречило существующим законам. Тьер, добиваясь популярности, призвал правительство заняться этим вопросом, и парламент единогласно заявил, что уверен в том, что министерство проследит за строгим исполнением законов страны. Чтобы избежать открытого разрыва с Римом, Росси был направлен туда, чтобы добиться от папы и генерала ордена добровольного согласия с желаниями нации. Рутаан, тогдашний глава Общества, более благоразумный, чем Риччи, удовлетворил просьбу и приказал своим собратьям покинуть свои заведения. Однако, чтобы не

отказываться от всех преимуществ, которые они получали в обучении подрастающего поколения французов, отцы основали колледж на самых границах французской территории, в Брюжеллете, и французская знать отправляла своих детей либо туда, либо во Фрибург, куда эмигрировала часть французских отцов. Предполагалось, что иезуиты снова покинули Францию. В последние два года правления Луи Филиппа и в течение богатого событиями 1848 года их почти не видели; но в 49-м они появились снова, сначала нерешительно, но потом более смело; и теперь, в 1852 году, они обладают таким влиянием, что даже беспринципный военный узурпатор вынужден заискивать перед ними. дружба. В 1845 году число иезуитов во Франции составляло 870 человек.

В Швейцарии кровавые и бесчеловечные действия, с помощью которых иезуиты пытались проникнуть в Люцерн, остались в слишком недавних и ужасных воспоминаниях, чтобы требовать от нас подробного рассказа. Экспедиция Корпуса Франка, их поражения, 112 убитых, 300 раненых, 1500 пленных, Зондербунд и вся братская кровь, пролитая в Швейцарии в 1844, 45 и 46 годах, должны быть отнесены на счет иезуитов, которые настояли на вступлении в Люцерн против воли половины населения. Если бы они были истинными христианами и религиозными людьми, они отказались бы от своих планов установить себя силой там, где они знали, что попытка будет стоить жизни стольким их братьям-христианам и Илиады страданий несчастной стране.

Хотя мы находим мало указаний на присутствие иезуитов в Англии после восшествия на престол ганноверского дома и до последних нескольких лет прошлого столетия, Кретино, на которого можно положиться как на человека, написавшего свою апологию Общества в реестре ордена и под диктовку отцов, сообщает нам, что “с того дня, когда свобода перестала быть обманом, иезуиты поняли, что им больше не нужно бояться необычайных суровостей прошлых времен.... Затем они начали жить в постоянных жилищах, сначала *тайно*, затем немного более открыто и сообща. Таковы были поначалу миссии Ливерпуля, Бристоля, Престона, Норвича и многих других городов. К дому была пристроена небольшая часовня (это означает, что в комнате был сооружен алтарь); и, не вызывая ни малейших подозрений, верующие могли приходить туда и молиться”. [432] Так, по словам французского историка, они жили до 1795 года, когда льежские иезуиты, спасаясь от победоносных республиканских армий Франции, искали убежища в Великобритании, которая предоставила им то гостеприимство, в котором она никогда не отказывает несчастным. Затем мистер Уэлд, богатый католик, проявивший щедрость, за которую, какой бы благодарностью иезуиты ни были обязаны его памяти, Англия уж точно ничем не обязана ему, подарил им старинное поместье и кое-какую собственность в Стоунхерсте, недалеко от Престона, в Ланкашире. Достойные отцы немедленно отправились туда и поначалу вели себя со всем смирением, заявляя, что намерены зарабатывать на жизнь исключительно обучением. Как мы уже говорили, протестанты той эпохи, по-видимому, получали своего рода удовольствие, защищая этих мятежных монахов, и, возможно, тем более потому, что они упорно оставались монахами вопреки воле Рима. Поэтому иезуиты спокойно обосновались в Стоунхерсте, *немайн контрадикенте*. Постепенно, находя всевозможное поощрение, они превратили поместье в колледж, где, помимо пансионеров и учеников, которые регулярно платили им плату, они давали бесплатные инструкции каждому, кто посещал их занятия. Вдоме были произведены значительные улучшения, благодаря которым он стал способен принимать сначала 150, а впоследствии, благодаря дополнительным зданиям, 300 учеников. Уэлд уступил им большой участок земли, и один из его сыновей вступил в орден. “Все древние иезуиты стекались в Стоунхерст. Среди первых были отцы Стэнли, О’Брайен, Лоусон, Черч, Дженкинс,

Плоуден, Говард и некоторые другие”. [433] Все вместе посвятили свои заботы “созданию священников и воспитанию молодых людей, столь же преданных и образованных, которые должны привнести в свои семьи мужество и веру, пример которых они подавали и получали в колледже”. [434] Вскоре колледж Стоунхерста был признан недостаточным для количества учеников, которые приезжали туда со всех концов; так что в пределах четверти мили в Гринхерсте была основана семинария для пансионатов и обучения мальчиков, готовящихся к поступлению в Стоунхерст. Наиболее поразительной характеристикой иезуитского образования, как мы уже часто отмечали, было и остается то, что почти все лица, получившие образование в своих колледжах, считают себя определенным образом привязанными к ордену и до конца своей жизни делают все возможное для его возвышения. И это искусство привязывать к своему Обществу всех своих учеников делает иезуитов могущественными и опасными, особенно в тех странах, где они враждебны правительству или определенному классу граждан. Мы настаиваем на этом рассмотрении.

В Стоунхерсте честолюбие отцов росло вместе с их процветанием и вдохновляло их неугомонную деятельность на более смелые и масштабные планы. Усилия тех же самых молодых людей, которые получили у них образование и некоторые из которых стали священниками, посеяли семя иезуитизма во всех частях Англии и, прежде всего, в окрестностях Стоунхерста, где их обширное имущество и значительные ежегодные расходы придали отцам церкви дополнительное влияние, так что вскоре римско-католические часовни можно было увидеть по всей стране; и современный автор [435] утверждает, что если до основания ордена иезуитов близ Стоунхерста было всего пять папистов, то теперь их число исчислялось тысячами.

Из Англии часть успешной колонии Игнатиус перешла в Ирландию в начале нынешнего столетия и сразу же обратила внимание на наиболее важное положение для приобретения обширного влияния. Отец Кенни, один из трех первых иезуитов, переселившихся туда, нашел средства быть назначенным вице-президентом Мейнутского колледжа, ведущим и влиятельным членом которого он стал и в котором с тех пор преподаются иезуитские доктрины как в области теологии, так и дисциплины; так что общеизвестным фактом является то, что из всего римско-католического духовенства англичане исповедуют наиболее абсолютные и неограниченные принципы ультрамонтанства. Что касается отца Кенни, который был неутомим в своем призвании и уже приобрел огромный авторитет, то теперь в болезненной совести строгих папистов возникли некоторые сомнения относительно того, действительно ли он был законным иезуитом, поскольку он принял постриг только в Стоунхерсте, когда Общество еще не существовало легально. Убедившись в справедливости этих замечаний, Кенни поспешил в Палермо, где Общество было в некотором роде восстановлено. Там он был принят и признан подлинным сыном Лойолы и вернулся в Ирландию, чтобы возобновить свою деятельность. Но, поскольку Мейнутский колледж был основан только для обучения священников, Кенни подумал о создании другого колледжа для мирян. Клонгоуз был выбран для этой цели. Кенни был назначен президентом этого колледжа, и его усилия были настолько успешными в привлечении туда учеников, что с 1814 года, с момента его открытия, по 1819 год в нем уже обучалось 250 учеников; в то время как благодаря щедрости Мэри О'Брайен, приверженки папизма, был построен еще один колледж в округе Кингс. [436]

В тот момент, когда булла 1814 года освободила их от интердикта, под которым они трудились, число иезуитов увеличилось так быстро, что, согласно отчету, опубликованному по распоряжению парламента в 1830 году, в Ирландии в ту эпоху было 58 отцов, и 117 из них

находились в Англии. В какой степени их число увеличилось к настоящему моменту, установить довольно сложно. Пункт Билля об эмансипации, который запрещает любому мужчине давать обеты или получать обеты в Англии или вступать в нее после того, как он дал их в другом месте, обязывает иезуитов соблюдать некоторую умеренность и секретность. На самом деле, это не значит, что они обращают какое—либо внимание или подчиняются закону, потому что, как прямо говорит Кретино, “иезуиты чувствовали, что такой закон (положение о религиозных общинах в Законе об Эмансипации) был принят против них; но они *мало обращали на это внимания*” -*ils en tinrent peu de compte*. [437] Но они проявляют некоторую осмотрительность, чтобы по возможности избежать неприятностей, и потому что в их практике не принято смело выступать против каких-либо мер, но находить определенное удовольствие в том, чтобы ускользать от закона, и таким образом показывать себя хитрее своих соседей. Тем не менее, тот, кто проверил бы общий реестр, хранящийся в Джезу в Риме, мог бы получить точное количество четырех общепризнанных классов иезуитов — послушников, схоластов, помощников и исповедующих; но кто мог бы назвать количество лиц, принадлежащих к пятому тайному классу, которые, по признанию отца Пеллико, составляют силу Общества и которые, мы можем добавить, делают его также очень опасным? Кто может сосчитать тех бесчисленных агентов, которые частично намеренно, частично по неведению активно используются для содействия успеху хорошо продуманных и глубоко заложенных планов отцов — этих тайных заговорщиков против гражданских и религиозных прав человечества? Никто не может; и в этом, повторяем, заключается опасность. Иезуит, когда его знают, так же мало опасен, как грабитель, который намекнет вам о своем намерении украсть вашу собственность. Должны ли они представиться смело и откровенно и сказать: “Вот мы — мы, иезуиты, самые решительные противники протестантской веры, самые ярые сторонники Римского двора. Отрекитесь от своей религии, сожгите свою Библию, разорвите свои Тридцать девять статей и примите доктрину Рима, которая является единственно верной; вы можете верить ей на наше слово”. Если бы они так говорили, то вообще не причинили бы никакого вреда. Но способ, которым папистские миссионеры пытаются обратить в свою веру, совершенно иной и показывает, что их религия сама по себе не является насильственной и что она не обладает такими неопровержимыми доказательствами истины, что простого и неприкрашенного изложения ее принципов достаточно, чтобы убедить человека принять ее. От крошечных картинок, раздаваемых монахами маленьким мальчикам, до великолепного театрализованного представления в Ватикане - все предназначено для обращения еретиков в свою веру или для удержания верующих в общении с их Церковью. Затем следует исповедь для тех, кто желает грешить со всей ответственностью; затем, снова, мессы и индульгенции для тех, чьи грехи не могли быть очищены отпущением грехов, но требовали мучительного огня Чистилища. Раньше, в старые добрые времена папства, они прибегали к еще более убедительным аргументам; свидетелем тому были несчастные альбигойцы, гугеноты, индейцы и многие другие, которые были настолько слепы, что не видели в папстве откровения Того, Кто является одновременно Отцом Милосердия и Отцом Света. Агент Рима, и, прежде всего, иезуит, также не излагает сразу всю систему своей религии такой, какая она есть; но с дьявольской ловкостью он сначала втирается в доверие к человеку, которого он принял за новообращенного, пленяет его благосклонность всевозможными уловками, а затем, шаг за шагом, ведет его как новообращенного в лоно современного Вавилона. К тому же методу прибегают те люди, которые стремятся к массовому обращению. Они доводят человека до отступничества, так сказать, во имя его собственной религии. Посмотрите, например, на пьюзеитов; понаблюдайте за их прогрессивным продвижением от их первых трактатов, в которых обрушивалось множество оскорблений

папства, до недавней попытки ввести исповедь через ушную раковину, и вы обнаружите тот же процесс, с помощью которого римский агент — иезуит — пытается обратить — мы бы сказали, соблазнить - отдельного человека. И кто бы поклялся, что доктор Пьюзи не принадлежит к пятому тайному классу Ордена Иисуса? или что милорд епископ Эксетерский не является одним из его членов? Конечно, мы не могли подтвердить этот факт, но и отрицать его больше не стали бы. Что мы знаем, и что должно быть хорошо рассмотрено и принято во внимание всеми английскими протестантами, так это то, что иезуиты громко восхваляют пьюзиитов и что они откровенно признают, что эта англиканская секта станет средством возвращения Англии к римскому сообществу. Пусть Бог предотвратит это зловещее предсказание! Пусть наши читатели хорошенько обдумают следующую выдержку из Кретино, который, проследив историю пьюзеитов от их происхождения и превознеся до небес их главного лидера, говорит: “Пьюзеиты, увлеченные против своей воли силой доказательств римской верой, притворялись, это правда, что они никогда не перейдут на сторону Рима. Тем не менее, они фактически приняли часть ее догм и даже ее практики. Определенное количество их учеников откровенно вернулись к католицизму. Правда, с апреля 1841 года публикация трактатов была приостановлена, но партия не испытывала недостатка в средствах для распространения своих доктрин. Она царила во многих семинариях и университетах; она распространилась в Америке и даже в Индии. *"Британский критик"* продолжал публиковать свои ежеквартальные труды и, постепенно отказываясь от нападков на Рим, начал вести свою научную войну против Реформации шестнадцатого века.... Эта школа (пьюсизм) в своем тихом прогрессе сотрясает англицизм с его основания. Она оказывает огромное влияние на объем своих сообщений и своей литературы и привлекает бесчисленных прозелитов. Многие пьюзеиты, увлеченные истиной, вскоре отказались от своих теорий. Они искали логического единства: Римская церковь предложила им это, и они приняли это!” [438] Мы не добавляем комментариев.

Возвращаясь к нашей истории, мы скажем, что влияние иезуитов в трех королевствах возросло с 1814 года, и его пагубные последствия можно проследивать ежедневно. Было бы почти смело утверждать, что каждое препятствие, возникшее на пути прогрессивного продвижения свободной и могущественной нации, в определенной степени является результатом скрытой руки иезуита. Следует иметь в виду, что Рим, прежде всего, желает разорения еретической Англии и старается, насколько это в его силах, посеять смуту и трудности в этой свободной стране; и если это будет признано, мы напомним нашим читателям, что все трудные миссии, все деликатные и тайные предприятия с этой целью, начиная со времен Сальмерона и Бруэ, всегда поручались отцам церкви. Светский священник, особенно в странах, удаленных от Рима, смотрит на иезуита как на своего начальника в знании религиозных дел, как на человека, лучше осведомленного о намерениях Рима; и всегда склонен проявлять всяческое уважение к его советам и нередко выполнять его приказы. “Уже с 1829 года, - согласно Кретино, - иезуиты были правой рукой епископов, живыми образцами, предложенными прелатами духовенству”. [439] И это делает иезуитов более опасными, чем любое другое религиозное сообщество. В самом деле, я бы предпочел увидеть, как все различные виды этих животных-паразитов, называемых монахами, будут пересажены на английскую почву, чем позволить одному иезуиту прожить в ней хоть один день; и не без оснований мы так говорим в этой протестантской стране. Орден иезуитов был намеренно учрежден для борьбы с протестантизмом, для его искоренения; и мы показали, были ли отцы церкви щепетильны в отношении средств, которые они использовали для достижения своей цели. Искоренение ереси - их главное занятие, работа, которая делает их достойными уважения в глазах Рима. Лишите иезуитов призвания досаждать, преследовать или

обращать еретиков, и они станут самой незначительной из всех корпораций, не имеющей никакой цели. Каждый монашеский орден отличается особым характером. Заговоры и махинации против протестантов и против любой гражданской и религиозной свободы являются характерными чертами иезуитов. Монах-бенедиктинец будет спокойно сидеть в своей очень уютной комнате, потягивать шоколад, играть в вист и даже не мечтать никого обратить. Францисканец любой конфессии будет шутливо сидеть за вкусным обедом, который он приготовил, ходя от двери к двери, раздавая в обмен на провизию нюхательный табак и изображения, не произнося ни слова о своей или вашей религии и только рассказывая несколько приятных анекдотов о святом основателе своего ордена, святом Франциске. Доминиканец, несомненно, сообщит о вашем поведении в Рим и попытается обратить вашу дочь в свою веру, но его обращение будет очень мало волновать. Аутодафе, которым он раньше восхищался, рассматривалось им не столько как средство обращения еретиков, сколько как варварское развлечение для себя. Ему было запрещено помогать на бое быков! Иезуиты, напротив, не имеют, как мы уже говорили, никакого другого занятия или желания, кроме обращения в свою веру; и нам не нужно утруждать себя доказательством этого, поскольку они сами это признают. Они гордятся этим, и это составляет их право на благодарность Святого Престола и всех фанатичных папистов. Мы не будем говорить, что другие римско-католические священники не будут стремиться обращать в свою веру. Более того, они обязаны по своему призванию усердно трудиться над этим. В их молитвах, в их гимнах, на всех торжественных церемониях Римской Церкви ко Всевышнему обращены молитвы не столько об обращении, сколько об истреблении еретиков; и каждый епископ дает клятву сделать все возможное для достижения этой цели; так что римско-католический священник должен либо пренебречь главной обязанностью своего служения, либо стать злейшим врагом всех протестантских учреждений, если не каждого протестанта. И все же они не готовы, как иезуиты, прибегнуть к самым преступным уловкам, чтобы добиться обращения.

Поведение иезуитов в Голландии, Пруссии, России ясно доказывает, что никакие выгоды никогда не смогут произвести никакого впечатления на это братство или помешать им замыслить ваше разорение; и если протестантская Англия вскоре не осознает грозящей ей опасности, мы опасаемся, что она слишком поздно раскается в том, что взрастила в своей груди этих ядовитых гадюк. Посмотрите, что происходит! Посмотрите, был ли когда-либо романизм таким угрожающим! Посмотрите на высокомерие Римского двора! Посмотрите на почти непрерывное состояние мятежа, в котором священники держат фанатичных папистов Ирландии, и будьте уверены, что такого бы не было, если бы среди них не было иезуитов. Всю нашу жизнь мы боролись за равенство прав, за гражданскую и религиозную свободу, и сейчас мы не стали бы проповедовать нетерпимость. Мы не хотели бы видеть никакой разницы в отношении гражданских прав и привилегий между мирянами-католиками и протестантами; но, совершенно несомненно, мы бы выполнили буквально пункт, касающийся религиозных братств, и долго думали, прежде чем выделять деньги на воспитание группы священников, которые по самой природе своего призвания строго обязаны добиваться вашего уничтожения.

Я прошу извинить меня за то, что позволил себе эти замечания. Это не пустые декламации; я надеюсь, что мне поверят. Я родился и вырос среди монахов и иезуитов; и именно потому, что я хорошо их знаю, я, благодарный за оказанное мне гостеприимство, предупреждаю Англию остерегаться всех монахов, но особенно иезуитов. Это злоешие птицы, которые не могут не заражать своим ядовитым дыханием чистый и вольный воздух Великобритании.

Теперь мы завершим нашу историю главой, посвященной нынешнему состоянию Компании в Европе.

ГЛАВА XX. 1848-1852. ИЕЗУИТЫ В 1848 ГОДУ И ПОСЛЕ НЕГО.

До Подавления иезуиты, с различными превратностями судьбы, обладали меньшим или большим влиянием во всех римско-католических странах, в некоторых из которых в разные эпохи они были всемогущими и деспотичными. Но с момента их восстановления их реальная эффективная власть, можно сказать, ограничивается итальянским полуостровом. Именно моя несчастная страна с самого начала их восстановления больше, чем любая другая часть Европы, испытала на себе пагубные последствия их возрождения. Поскольку с самого начала они выступали как естественные враги либеральной партии, монархи полуострова, желавшие править деспотически, не предоставляя никаких уступок, требуемых временем, поддерживали и защищали иезуитов самым решительным образом. Карл Феликс отдал им Пьемонт, и они завладели им и управляли им, как будто были его абсолютными хозяевами. Даже Карл Альберт не смог или не захотел противодействовать их влиянию. В Модене и Парме они обладали равной властью; в то время как в Неаполе их владычество было еще более тираническим, поскольку основывалось не только на поддержке двора, но также на суевериях и фанатизме населения, самого слепого фанатика во всей Италии. Но высшим центром их власти, как можно легко себе представить, был Рим — Рим, ныне находящийся в совершенной дружбе с отцами. Одескальки, иезуит, был кардиналом-викарием Рима, высшей церковной властью в мире после папы Римского. Вся государственная администрация была заполнена лицами, либо принадлежащими к Обществу, либо находящимися под их защитой. Государственное образование было полностью в их собственных руках или в руках тех, кого они защищали. Кандидатура каждого учителя или профессорши представлялась на утверждение епископа. К рекомендациям отцов церкви прислушивались так, словно это были приказы вышестоящего начальства; и лишь немногие, если таковые вообще были, из представителей установленной власти осмеливались противостоять им в каком-либо из их начинаний. Бедная Италия находилась в плачевном состоянии. Различные правительства Италии, поощряемые отцами церкви в их тиранической и нетерпимой политике, посеяли такое недовольство среди высших классов общества, [440] что каждые два года предпринимались попытки революции, некоторые из которых были частично успешными, как в 1821 и 1831 годах. Однако они всегда были сокрушены превосходящими силами Австрии и только увеличивали число жертв и жестокость правительств, непреклонных в своей деспотической политике. И все же население, доведенное до отчаяния и предпочитающее смерть позору, было готово пролить свою кровь, чтобы исправить плачевное состояние страны. Во второй половине правления Григория XVI дела были доведены до такого состояния, что каждую минуту ожидалась новая всеобщая вспышка по всей Италии; последствия которой, учитывая раздраженное состояние народных умов, были бы неисчислимы. При таких обстоятельствах Григорий XVI. умер, и Джованни Мастаи всего после двухдневного конклава был возведен на папское кресло. Считалось, что кротость его характера, чистота его жизни, его решительное неприятие любого акта тирании могли бы отчасти

успокоить раздраженное население римских государств, наиболее угнетенных из всех государств Италии, а также наиболее готовых к революции; и начало правления Пия IX сулило несчастному полуострову новую эру. Мимолетная и обманчивая надежда! Увы! новая эра сейчас такова, что будущее поколение будет проклинать тот день, когда Мастаи вззошел на трон!

Однако через месяц после своего возвышения Пий IX объявил амнистию, исправил некоторые грубые злоупотребления, отправил в отставку самых отвратительных агентов прошлого тиранического правительства и пообещал править в соответствии со справедливыми и отеческими законами. Мы превозносили его милосердие до небес и видели в нем палладиум свободы; мы прославляли его добродетели тысячью различных способов. Вскоре мир наполнился хвалебными речами Пию, и на короткое время Европа пала ниц у ног идола, воздвигнутого нашей благодарностью.

Но в то время как мы громко восхваляли Пия IX, надеясь, что он окажется реформатором и благодетелем Италии, иезуиты, объединившись со старой деспотической партией, которая признавала Австрию своим вождем, всеми способами пытались противодействовать его благотворительным актам, клеветали на его личность, оскорбляли его министров и открыто строили против него заговор. Римляне опасались, что его постигнет судьба Ганганелли; и эти опасения были выражены не только во всех писаниях и стихотворениях, но и когда папа проходил по улицам Рима, Трестевини выкрикивал: *“Святой отец, остерегайтесь иезуитов!”* Очень важный факт, который демонстрирует мнение, которого придерживаются отцы там, где они наиболее известны.

Однако хорошее взаимопонимание, существовавшее около восемнадцати месяцев между либеральной партией и папой римским, начало пошатываться, когда римляне, устав от милостей и незначительных уступок, потребовали либеральных органических законов и пожелали, прежде всего, вырвать из рук священников и монахов их несправедливо добытую и дурно используемую власть, распространяющуюся на все ветви администрации, даже на те, которые наиболее несовместимы с их призванием. Хорошо известно, что ни один сколько-нибудь важный пост в римских государствах не занимал мирянин - даже генерал армии был *монсеньором*. Мы желали радикальной реформы в этом вопросе. К сожалению, в это время Грациоли — благородный и терпимый священник, духовник папы Римского — умер, и Пий попал в руки духовника, преданного иезуитам, и с этого момента его поведение стало лицемерным и лживым, а впоследствии жестоким и бесчеловечным. К иезуитам, безусловно, следует отнести изменение политики папы римского. С самого начала Пий был недоволен, когда услышал оскорбления в адрес Собравшихся; но его стремление к популярности и аплодисментам изменило склонности священника, более того, узколобого, фанатичного главы жрецов. Но теперь, отказавшись от заимствованного образа терпимого и либерального человека, Пий вернулся к прежнему заблуждению всех пап и не захотел слушать ни слова о реформе, касающейся священства. Именно это непреклонное противодействие нашим справедливым и разумным желаниям, а не наша раздражительность довели дело до крайности, и иезуиты были даже очевидной причиной разрыва.

Хотя римляне были полны решимости больше не быть вассалами священства и не оставлять следов власти в гражданских делах ни одному церковнику, кроме папы Римского, тем не менее, ни одному светскому священнику или монаху, за исключением иезуитов, не причинялось никакого вреда, никаких злоупотреблений. Но против них был поднят большой переполох. На

улицы Рима ежедневно выливались всевозможные публикации, направленные против отцов церкви; и к призывам в защиту Италии примешивался крик: “Долой иезуитов!”

Книга Джоберти *"Современная история"* была у всех в руках, и когда этот отважный священник приехал в Рим, люди выкрикивали его имя как имя благодетеля; у его отеля был выставлен почетный караул, и ему оказывались почти королевские почести за то, что он так откровенно разоблачил беззакония отцов церкви. [441] Все это раздражало папу римского в высшей степени. С балкона Квиринала он упрекал римлян в *клевете на почтенных священнослужителей*; а когда пришло известие, что неаполитанцы изгнали иезуитов из своего города, он издал прокламацию, в которой угрожал нам, если мы поддадимся искушению подражать им, *своим гневом и проклятием Божьего негодования, которое обрушит Свою святую месть на обидчиков Его помазанника*. [442]

Но папской защиты было уже недостаточно, чтобы защитить иезуитов от общественной ненависти. Пий IX потерял значительную часть своей популярности, но не смог спасти их. Они были изгнаны со всего полуострова — не в качестве общей революционной меры, поскольку все другие религиозные общины жили спокойно, а как проявление общественного мнения против ненавистных потомков Игнатия. Возмущению папы этим святотатственным актом не было предела, и с этого момента он поклялся в непримиримой и лютой ненависти к либералам любой нации. [443]

Теперь Пий не только отказался предоставить какие-либо новые уступки, но и попытался отозвать те, на которые был вынужден согласиться; и когда он увидел, что не может достичь своей цели, он бежал в Гаэту в надежде, что Рим и Италия вскоре погрузятся в состояние анархии и смятения, так что великие державы Европы будут вынуждены вмешаться и восстановить его на троне в качестве абсолютного повелителя. Мудрость и умеренность народа снова обманули его надежды. Никогда Рим не был так верен своему долгу, как в отсутствие папы. Какое-то время даже правление осуществлялось от имени государя, покинувшего государство и отказавшегося даже выслушать три депутации, отправленные в Гаэту для достижения какого-то взаимопонимания. Это раздражало Пия еще больше, чем что-либо другое. Из Гаэты он изливал проклятия на своих подданных. И пока он проявлял все эти проявления своего отеческого сердца, иезуиты и кардинал Антонелли разрабатывали план этого адского соглашения между Римским двором и почти всеми деспотами Европы, направленного на подавление и уничтожение всех зачатков гражданской и религиозной свободы и на безжалостное убийство всех тех, кто призывал к реформе во имя и под покровительством Пия IX.; справедливое возмездие, казалось бы, за то, что они доверяли священнику и думали, что он способен быть честным и либеральным человеком. Монсеньор де Фаллу, иезуит, брат тогдашнего всемогущего министра Луи Наполеона, был, как известно, душой переговоров, и именно он решил римский двор принять помощь французов. Крестовый поход, предпринятый против Рима четырьмя нациями, столь разными по характеру и имеющими такие противоположные интересы, как Австрия и Франция, Испания и Неаполь, был сигналом той яростной реакции против свободы всех наций, которая все еще бушует и которая, мы опасаемся, не прекратится до тех пор, пока очередная всеобщая вспышка не научит тиранов, что не всегда безопасно слишком сурово испытывать терпение народа.

За лигой последовали печальные последствия для народа. Римские государства первыми ощутили на себе гнев союзников. Луи Наполеон, который в 1831 году сражался вместе с нами за свержение папского престола, теперь послал армию в поддержку папы. Он думал (я выразил это мнение в своей *Истории понтификата*, написанной два года назад), что священники и крестьяне помогут ему завладеть императорским скипетром, и что он не мог бы лучше снискать их расположение, чем заменив папу на троне; акт, который также был бы очень приемлем для других деспотов. Вследствие этого он поспешил послать свои войска, чтобы сокрушить новую республику. Французская армия высадилась в Чивита-Веккья. Генерал, избранный командовать ею, был достоин предложенного конца. Удино - это типичный иезуитизм, и сам Луи Наполеон совсем недавно подарил ему свою пустыню. Едва он высадился на наших берегах, как многие из отцов (мы здесь приводим факты, свидетелями которых мы сами были) — как отравленный выводок, возникший по волшебству из почвы, — вступили с ним в общение. Само воззвание, которым он объявил о высадке армии, было шедевром иезуитского мастерства. В соответствии с его содержанием, каждая сторона могла бы рассматривать французскую экспедицию как помощь самой себе. Первой депутации, посланной республиканским правительством для выяснения мотивов этого нежелательного визита, Удино сообщил, что французы прибыли как его друзья; но несколько часов спустя, когда вторая депутация потребовала от него большей ясности, он, наконец, признался, что они прибыли, чтобы заменить папу на троне. [444] Было бы к нашей славе, но не к цели, описывать чудеса доблести, проявленные нашими неопытными добровольцами в течение трех месяцев в борьбе с сорока пятью тысячами лучших войск Европы. Мы сражались так, как только граждане сражаются за дом и свободу. Мужчины и женщины были в схватке. Ни жена, ни мать не пытались слезами и мольбами удержать своего мужа или сына, но с благословением и поцелуем послали его против врага. О Рим! О моя благородная страна! когда я вспоминаю твои благородные поступки, готовность, с которой ты пожертвовал благороднейшим из своих детей, чтобы обрести свободу, надежда придает мне терпения переносить тоску и невзгоды моего изгнания! Ты не сможешь долго находиться под игом священников!

Но наша доблесть нам ни к чему не привела. Оставшись одни, мы не могли больше стоять. Четыре нации объединились против нас, и ни одна дружеская рука не была протянута нам на помощь. Англия должна упрекать себя за то, что оставила нас сражаться без посторонней помощи против четырех католических держав, объединившихся для восстановления Папы Римского, который является таким же ее врагом, как и наш. Теперь она должна почувствовать последствия своего преступного безразличия. Результатом стало — и это имеет большое значение для Англии, — что, наконец, австрийцы, хозяева наших судеб, основали военный порт в Ливорно, а французы - в Чивита-Веккья. Англичан режут средь бела дня на улицах Флоренции, [445] приговорен к смертной казни инквизиционным трибуналом в Риме, [446] заключен в тюрьму в Вероне, [447] и подвергался оскорблениям и жестокому обращению по всей Италии. Английский посол тщетно обвиняет папу в дружественном вмешательстве в английские дела; его не слушают, а газеты полуострова и держав, враждебных Англии, смеются над его поражением. Но надвигается еще более мрачная и серьезная перспектива, угрожающая наказать Англию за то, что она отказалась от дела гражданской и религиозной свободы. Восемнадцать миллионов англичан живут, мы не скажем, в постоянном страхе — они слишком храбры для этого, — но не без опасения увидеть, как на их берега вторгнется та же армия, которая завоевала Рим и которая принесет с собой благословение и добрые пожелания Пия IX. — Боже упаси, чтобы это также получило поддержку самой фанатичной и невежественной

части ирландских папистов, возглавляемой священниками и иезуитами. Мы надеемся, что этого не произойдет; и все же мы должны напомнить нашим читателям, что каждый раз, когда французы говорят о войне с Англией, они рассчитывают на ирландцев как на своих естественных союзников.

Мы не из тех, кто, одержимые навязчивой идеей о том, что надвигающаяся опасность угрожает протестантской религии, верят и утверждают, что Луи Наполеон будет готов по приказу иезуитов отправить экспедицию против еретической Англии. Напротив, мы думаем, что, однажды завладев императорской диадемой и прочно утвердившись на троне с помощью священников и магической силы, которой он, по-видимому, обладает, заставляя урну для голосования набирать именно то количество голосов, которое от нее требуется, он вскоре положит конец наглости духовенства, которая, мы уверены, возрастет прямо пропорционально услугам, которые они оказывают узурпатору, и милостям, которыми он их осыпает. Но в то же время мы твердо верим, что, если Наполеон, чтобы найти работу своим войскам и удовлетворить национальную вражду, попытается вторгнуться в Великобританию или если ему удастся высадить свои отважные батальоны на британском берегу, тогда, хотя Англии, возможно, и не придется оплакивать предательство фанатичных папистов Ирландии, она должна ожидать найти в своей стране столько же шпионов и союзников своего врага, сколько иезуитов на ее земле. Все это является результатом безразличия, проявляемого Англией к делам полуострова. Если бы она вмешалась, когда римляне храбро боролись за свои свободы, папа и Луи Наполеон не скрепили бы нашей кровью свой аномальный союз, и вышеупомянутые катастрофические последствия были бы предотвращены с меньшими трудностями и жертвами, чем сейчас требуются для сдерживания наглости этой чудовищной коалиции. И пусть никто не утверждает, что Англия не могла справедливо вмешиваться во внутреннюю политику других наций. Что! должно ли тогда вмешательство быть законным и похвальным только тогда, когда оно используется для угнетения нации, пробудившей чувство своих прав, и для того, чтобы погасить каждую искру свободы и патриотизма? Должно ли быть позволено только возмущать человечество и никогда не приносить ему пользы? И чтобы применить это правило к рассматриваемому сейчас случаю, мы спрашиваем, должны ли свирепые банды хорватов и униженные солдаты Луи Наполеона топтать нашу несчастную страну и распоряжаться ее судьбами по своему усмотрению, а Англия оставаться равнодушной зрительницей их зверских действий? Таковы соображения, которые мы просим разрешить обдумать не только государственным деятелям Великобритании, но и каждому свободному и просвещенному гражданину Англии.

Вернемся к нашему повествованию: французы вошли в Рим (3 июля 1849 г.), и с ними священники и иезуиты, которые скрывались или принимали другие обличья (нередко патриотов), вновь появились, чтобы насладиться своим триумфом и стонами несчастной страны. Удино, обгаренный кровью храбрых римлян, поспешил в Гаэту, чтобы получить благословение и признание папы, и был встречен там как ангел избавления. Мстительные священники радовались рассказу об истреблении паствы, вверенной их отеческому попечению, и заставляли Генерала повторять имена и числа жертв. Затем, когда герой Святого Панкратия [448] вернулся в Рим, священники, чтобы насладиться варварским удовольствием, приказали петь торжественную *"Те Деум"* во всех церквях государства; и те из несчастных итальянцев, чье пропитание и свобода находились во власти их безжалостного врага, были вынуждены присутствовать на церемонии и своими устами петь *"Те Деум"*. , по крайней мере, благодарят Всевышнего за убийство своих лучших друзей и ближайших родственников. [449]

Богохульная профанация! Тогда началось то непрекращающееся преследование, которое продолжается до сих пор; и священники удовлетворяли свою жажду мести, заполняя темницы жертвами и отправляя тысячи людей в изгнание в чужие земли.

Я не буду продолжать болезненную историю наших страданий. Я не буду говорить о разрушенных семьях - о брошенных и скитающихся детях. Я не буду подробно останавливаться на судьбе десяти тысяч пленников, захваченных папскими сбирри и французскими жандармами и заполняющих государственные тюрьмы. Я не буду умолять читателя о сострадании ко многим жертвам, которые снова были замурованы в застенках инквизиции, некоторые из которых за последние три года ни разу не видели дружеского лица и не слышали ни одного слова сочувствия. Я не буду указывать на бесчеловечное и лицемерное поведение так называемого Наместника Иисуса Христа, который, с благоговейным волнением говоря о своем милосердии, своем отеческом сердце и милосердии христианской религии, не даровал ни единого прощения, не осушил ни единой слезинки, ни на один день не сократил мучений, на которые он обрек тысячи своих подданных. Я приведу лишь отчет о массовых казнях, которые в прошлом месяце произошли в Синигаллии и Анконе и которые наполнили Италию и Европу ужасом и изумлением. Поскольку иезуиты, как известно, являются душой и духом папства и в настоящий момент являются признанными советниками и министрами Римского двора, мы надеемся, что это краткое повествование не будет сочтено посторонним по отношению к нашей теме.

Те, кто во времена спокойствия судят о событиях, происходящих в эпохи волнений и революций, когда страсти людей возбуждаются до наивысшего пароксизма, а голос разума налагает более слабые ограничения на их действия, оставляя им мало свободы судить о характере своих поступков, склонны совершать серьезную несправедливость; ибо они слишком склонны клеймить как преступные и заслуживающие высшего порицания поступки, которые, хотя и виновны сами по себе, все же были совершены в порыве героизма и преданности. Мы не намерены этим одобрять или потворствовать преступлению, независимо от того, под каким предлогом оно могло быть совершено. Но, несомненно, существуют обстоятельства, которые следует принять во внимание, которые могли бы сделать это если не простительным, то, по крайней мере, менее отвратительным из заслуживающим осуждения; и тот, кто выносит справедливое суждение в таких случаях, никогда не упустит из виду эти соображения.

Первые два года понтификата Пия IX удивительно характерны для благородства и щедрости либеральной партии. Хотя на протяжении тридцати лет с либералами обращались так жестоко и безжалостно, и хотя теперь они были доминирующей партией в государстве, их нельзя упрекнуть ни в оскорблении своих недавних угнетателей, ни в едином акте мести. Но, к сожалению, верно и то, что в последнее время, когда папа бежал в Гаэту именно с целью разжечь гражданскую войну, когда священники строили заговоры против республики, призывая на помощь чужеземцев и угрожая нам иностранным вторжением, в Анконе и Синигаллии было совершено много политических убийств. Это нельзя отрицать или смягчать; следует только отметить, что преступления были совершены только в этих двух городах — последний был местом рождения папы; и поскольку оба места были резиденцией его семьи, родственников и друзей, у многих, естественно, возникло подозрение, что эти преступления были совершены лицами, введенными в заблуждение советами некоторых скрытых иезуитов и сторонников папы, которые стремились довести дело до худшего. Подозрение усилилось из-за того обстоятельства, что никто из членов семьи Мастаи не пострадал. Хотя, как мы уже

сообщали, мы были свидетелями того факта, что те, кто во время недавних волнений в Риме предлагал самые энергичные и революционные меры, в конце концов были признаны агентами или орудиями иезуитов, тем не менее мы не хотели бы утверждать, что политические убийства, совершенные в Синигаллии, были вызваны вероломным подстрекательством священников. Нам не нравится верить в реальность такого адского вероломства; но почему Синигаллия и Анкона предпочли, к сожалению, видеть свои улицы обагренными братской кровью? Разве не было раздраженных умов и в других местах? Не было ли у других жителей штата веских оснований призвать к строгой ответственности агентов и сторонников прошлого тиранического правительства? Почему, повторяем, печальное превосходство в вине было возложено на родной город папы римского?

Как бы то ни было, после папской реставрации около 150 человек были брошены в тюрьму по обвинению в соучастии или подстрекательстве к этим преступлениям. Некоторых обвиняемых, возможно, виновных, так и не поймали, поскольку они бежали из страны. Около восьмидесяти были приговорены к пожизненным галерам, остальные - к смертной казни. [450] Сорок несчастных уже казнены, а остальных постигнет та же участь, когда папа найдет таких же милосердных и гуманных палачей, как он сам; — гарнизон Анконы, все до единого, отказался больше быть соучастниками папской мести.

Что важнее всего этого, так это показать нашим читателям и цивилизованной Европе, каким образом проводятся политические процессы в римских государствах, чтобы они могли осознать справедливость, милосердие и гуманность, которые характеризуют действия того, кто богохульно называет себя богом на земле, представителем Христа.

Тот, кто имеет несчастье навлечь на себя неудовольствие или ненависть его Святейшества, его министров, полицейского, сбирро, епископа, викария, монаха или любого другого представителя подобного сброда, составляющего неотъемлемую часть двуформного папского правительства, оказывается брошенным в темницу, беспомощным, лишенным комфорта, одиноким, и в течение нескольких месяцев не слышит и не видит ничего, кроме скрежета ржавых засовов и зловещего лица своего опекуна, который приходит, чтобы принести его жалкие гроши еды и убедиться, что жертва не может совершить побег. По прошествии более или менее длительного промежутка времени, но никогда не менее трех-четырех месяцев, в зависимости от ненависти или страха, которые внушал заключенный, или интереса, которым пользовались его друзья снаружи, его приводят *к cancelliere o giudice processante*, своего рода писцу, который его допрашивает. [451] При таком допросе вся забота полицейского — мы не можем называть его мировым судьей — направлена на то, чтобы добиться от жертвы признания в совершенном преступлении или назвать имена его сообщников, если предполагается, что они у него были. Обещания свободы, благосклонности и вознаграждения даются ему как стимул обесчестить или лжесвидетельствовать. Эти проверки повторяются каждые три-четыре месяца; и когда, наконец, по прошествии нескольких лет служитель закона получает то, что хотел, или отчаивается это получить, процесс объявляется закрытым и должно быть вынесено решение. Затем, но не ранее, обвиняемый может проконсультроваться с юрисконсультом, который обычно назначается ему трибуналом *по должности*; и ему предоставляется некоторое время для подготовки своей защиты. Но как он может защитить себя? Он не знает ни имен своих обвинителей, ни свидетелей, которые подтвердили правоту обвинения. Ему не разрешается

вступать с ними в очную ставку и подвергать перекрестному допросу. Даже его ответы на различные вопросы, заданные ему *судьей*, записаны не так, как они были даны им на самом деле, а так, как было желательно, чтобы они были даны, чтобы он мог выглядеть преступником, а это единственный результат, которого хотят добиться судьи. Когда адвокат выступает в свою защиту, тайный трибунал выносит решение, даже не видя лица подсудимого; и это решение обжалованию не подлежит. Такова общая практика, наблюдаемая в политических процессах. С грабителями обращаются немного лучше. В особом деле, которое мы рассматриваем, мы должны добавить, что, насколько выяснилось, все свидетели, вызванные для дачи показаний против обвиняемого, принадлежали к противной стороне — партии иезуитов, жаждущих мести и стремящихся продемонстрировать свою преданность секте. Нетрудно понять, что эти свидетели были не очень щепетильны в отношении обвинений, которые они выдвигали против обвиняемых, будучи уверенными, что их имена никогда не будут обнародованы и что они не встретятся лицом к лицу с подсудимым и никем не подвергнутся перекрестному допросу.

И тем не менее, именно на основании таких показаний трибунал *Консульты*, состоящий из кардиналов и прелатов, приговорил шестьдесят несчастных молодых людей к последнему наказанию по закону. Мы должны далее заметить, что, если бы те люди, которые составляли трибунал, который они называют Священным, были судьями, а не преследователями, если бы у них было хоть какое-то чувство гуманности при вынесении приговора, даже если преступление было доказано, они бы учитывали время и мотивы, которые побудили преступников совершить убийство, и не добавили бы еще одну красную страницу в анналы своей Церкви, и без того запятнанные невинной кровью. [452]

Синигаллия, в которой казни были самыми многочисленными, еще не оправилась от ужаса, навеянного такой кровавой трагедией, и не осушила слез из-за жестокой судьбы своих убитых граждан, и особенно из-за невинного и несчастного Симончелли, [453] когда, чтобы довершить ее страдания и оскорбить ее горе, появился папский указ, разрешающий иезуитам 40 000 фунтов стерлингов на строительство колледжа в заброшенном городе. Ах, так они правят в Папской области!

Когда иезуиты вновь вошли в Неаполь в 1849 году, настоятель устроил нечто вроде торжественной церемонии, на которой генералы армии, первые магистраты королевства и все гражданские и военные власти отправились засвидетельствовать свое почтение этим очень скромным монахам. Речи, которые были произнесены по этому случаю во славу этих людей Провидения, этих посланников Божьих, этих восстановителей всех моральных и святых институтов, были, из-за их гиперболического стиля, чрезвычайно забавными; и любопытно обнаружить, что некоторые из них были повторены почти буквально (плагиат, кажется, становится очень модным в наши дни) некоторыми епископами Луи Наполеону, спасителю общества, человеку Провидения, жемчужине целомудрия и добродетели — точно так же, как это было сделано с самими отцами церкви.

Если в Риме иезуиты должны проявлять почтение к кафедре святого Петра, то в Неаполе они хозяева положения. Святой Игнатий вытеснил даже святого Януария, и оба они почти стерли имя Христа. Суеверие и фанатизм этой части полуострова, находящейся исключительно под властью иезуитов, почти невероятны; и правительство, основанное на этих принципах, достигло высшей точки безнравственности и коррупции, и каждый честный человек, независимо от того,

какой партии он принадлежит, вызывает отвращение и презрение Европы; в то время как, чтобы не оставалось сомнений относительно преобладающего там влияния, папа, иезуиты и священники, их пособники, представляют Фердинанда II. как образец христианского совершенства, а королевство обеих Сицилий - как самое управляемое в мире; римские государства, конечно, исключены.

К сожалению, несчастным неаполитанцам, благороднейшим и лучшим среди них, приходится расплачиваться своими свободами и жизнями за хвалебную речь, воздаваемую иезуитами безжалостным бурбонам. Политика неаполитанских правительств - позор цивилизации. Банда головорезов под именем полиции или правительства хватают всех, кто имел несчастье вызвать их неудовольствие; их жертвы бросаются в тюрьму и обвиняются в мнимых преступлениях; в то время как обвинители, превращаясь в свидетелей, часто в судей, чтобы оправдать обвинение, держат их в цепях в течение трех или четырех лет на Искье, как в случае с Поэрио и Драгонетти, и, наконец, выносят им смертный приговор, чтобы воздать благочестивому и клементу Фердинанду и его духовнику-иезуиту по заслугам. в замене позорного приговора на ужасное и бессрочное тюремное заключение; и всему этому нагромождению беззаконий они дают название государственного судебного разбирательства. Таково неаполитанское правительство под руководством сыновей Лойолы.

Но злобный дух иезуитов, вырвавшись из Неаполя и Рима, недавно вторгся в провинцию, которая до тех пор была избавлена от его пагубного влияния. Среди всех других провинций Италии Тоскана была облагодетельствована сравнительно справедливым и терпимым правительством; и это, как открыто утверждалось, объяснялось отсутствием иезуитов в стране. Теперь, кто бы ни следил за ходом тамошних событий, он, должно быть, был поражен большой разницей, которая существует между прежней политикой правительства и новой, введенной после Леопольда II. некоторое время пробыл в Гаэте, находясь под влиянием Антонелли и иезуитов. С этого момента в Тоскане все изменилось. Священники вновь приобрели влияние, которым они не обладали со времен Леопольда I, и использовали его в своих недостойных целях. Мадонны снова стали чудесными. Пиршества и процессии устраивались с величайшей помпой, и на них в большом количестве присутствовали все те, кому было на что надеяться или чего опасаться со стороны правительства. Была объявлена яростная война всем доктринам, кроме тех, которые гармонировали с самыми строгими ультрапапистскими принципами. Книжки и газеты были запрещены, и не жалели усилий, чтобы заставить просвещенных, живых и интеллектуальных людей Тосканы ограничить свои литературные занятия совершенным знанием Катехизисов.

Влияние слишком известного Бочеллы, по его собственному признанию, иезуита, было, прежде всего, роковым для страны. В то время как он был главным советником великого герцога, великая герцогиня отправилась в процессии поклониться чудотворной Мадонне в Римини, и сам Леопольд заказал роскошный и экстраординарный праздник для другой Мадонны во Флоренции, церковь которой он отремонтировал. Но в то же самое время самые респектабельные граждане Флоренции, граф Гвиччардини и другие, были привлечены к суду и сосланы за отвратительное преступление чтения Библии; а два несчастных и безобидных существа — мадийцы — были приговорены к наказанию злоумышленников (каторжным работам) за то, что имели в своем распоряжении священный том и обсуждали его правдивость и пытались доказать ее правдивость. Еще позже указ великого герцога восстанавливает смертную казнь, которая уже давно была отменена; в то время как другой указ министра

полиции изгоняет с гостеприимной земли Тосканы сотни несчастных итальянцев, которые искали там убежища от свирепых и безжалостных преследований римского двора. Таковы последствия влияния иезуитов.

Что станет с Ломбардией, и без того такой несчастной, теперь, когда Австрия решила восстановить там иезуитов в расширенном масштабе, обескураживает; в то время как, с другой стороны, для итальянца и для каждого истинного друга гражданской и религиозной свободы чрезвычайно отрадно видеть поведение правительства Пьемонта по отношению к иезуитам и духовенству.

Иезуитам после их изгнания так и не разрешили вернуться в королевство, и священники теперь подчиняются, как и другие граждане, законам страны и обязаны подчиняться тому равенству, которое они считают позором для своей привилегированной касты. Ибо следует иметь в виду, что священник, причем более совестливый, чем другие, считает себя высшим существом, человеком намного выше любого мирянина, даже если бы он был королем. Он впитывает эту идею с детства, когда начинает одеваться в необычную одежду и к нему обращаются по уважительному имени. Согласно каноническому праву (а в Италии этот закон повсеместно соблюдается и неукоснительно соблюдается, за исключением, конечно, Пьемонта), в тот момент, когда младенец надевает одеяние священника и получает первый орден (тонзуру), он больше не подчиняется гражданским властям; отныне он подвластен только церковному суду, и тот, кто его ударит, подвергается *фактическому* отлучению от церкви. После того, как он был посвящен в сан священника, он притворяется или на самом деле верит, что в его силах заставить Всемогущего спуститься с небес в его руки, и что по его велению плоть и кровь Божественного Исккупителя пресуществляются в хлеб и вино и в таком виде отправляются освящать его грудь. Опять же, он верит или притворяется, что верит, что от него зависит открыть или закрыть врата рая, и что он обладает властью даровать вечное блаженство или обречь на вечное проклятие, в зависимости от того, отпускает он грехи или отказывается от них. Фактически, он ставит себя на место Бога, Помазанником которого называет себя и чье имя часто узурпирует. Когда мы обдумываем все это, нас не удивляет, что священники не могут смириться с равенством в правах с другими гражданами. Мы весьма удивлены, что серьезные и просвещенные люди этой страны могут на мгновение поверить в то, что ирландские римско-католические священники искренни, когда просят о равенстве прав. Взгляните на Пьемонт; там римское духовенство наслаждается этим равенством — нет, даже больше, чем равенством. Их религия признана религией государства; и многие писатели были недавно осуждены за пренебрежительное отношение к ней. Они обладают также некоторыми другими, менее значительными привилегиями по сравнению с другими гражданами; и все же они далеки от удовлетворения. Напротив, они обвиняют правительство в тирании. Епископы открыто восстают против суверена; священники и викарии выступают против законов страны. Кафедра, исповедальня поставлены в зависимость от их ненависти к новому положению вещей; и все это потому, что законодательная власть пытается не лишать их каких-либо прав или подвергать их какой-либо недееспособности, но ввести равенство и подчинить священнослужителей всех мастей общему праву. Гнев духовенства на эту кощунственную дерзость со стороны парламента, стремящегося приравнять их к другим людям, таков, что они объявили торжественный акт об отлучении от церкви всех тех, кто прочтет газеты, пропагандирующие такие позорные меры. За всем этим стоят иезуиты, и их интриги буквально на днях поставили Пьемонт на грань разорения. К счастью, общественное мнение заявило о себе так решительно, а король проявил такую твердость, что их махинации оказались безуспешными. При всем этом

следует отметить, что, когда либеральные газеты упрекают клерикальную партию в их действиях или словах, они всегда клеймят их именем иезуитов — настолько повсеместно это ненавистное имя сочетается со всем плохим, коварным и преступным!

Ужасающим и зловещим с неисчислимыми последствиями является влияние, которое иезуиты приобрели во Франции — в этой стране, которая повергла всю свою прошлую славу и достоинство нации к ногам беспринципного, безжалостного тирана, пытаясь в то же время забыть о своем позоре в опьянении пирами и шампанским. Иезуиты и священники являются самыми твердыми сторонниками Луи Наполеона; и стоит отметить, что епископы, известные своими ультрамонтанскими принципами и приверженностью иезуитской дисциплине, — это те, кто расточает самые высокие похвалы беспринципному узурпатору. Это дает нам еще один пример мирского духа папского духовенства и может стать полезным уроком на будущее. Со своей стороны, мы действительно склонны признать в этом руку Провидения, завершившую быстрое падение папской религии. Поведение Пия IX. уже погасил в Италии последние остатки чувства уважения и преданности папской религии. Итальянцы на мгновение понадеялись, что Пий примирит их с религией их предков, показав, что это религия не крови и преследований, а любви и братства, в высшей степени либеральная и национальная. Они надеялись, что папство, которому Италия обязана всеми своими несчастьями, теперь изменится и вернет ей часть ее былой славы. И эта идея помешала им полностью отказаться от религии в том виде, в каком она им проповедуется. Но теперь, когда не остается никаких сомнений относительно истинного духа папства, теперь, когда никто не может разумно питать ни малейшей надежды на то, что оно когда-либо изменится по сравнению с тем, чем оно было — институтом, основанным на суеверии, скрепленным кровью и поддерживаемым топором палача, — теперь, когда последний эксперимент показал всему миру его полную беспомощность перед свободной физической силой, можно с полным основанием сказать, что папство в Италии безвозвратно обречено. Это может продлиться еще некоторое время с помощью деспотических штыков, но итальянцы никогда больше по своей собственной воле не откажутся от своей веры в религию пап.

Точно таким же образом священники и иезуиты сейчас наносят последний удар папистской религии во Франции. Пусть пройдет нынешний преходящий момент безумия, и французская нация пересмотрит рабскую и позорную роль, сыгранную духовенством в недавних аморальных сатурналиях. Оно будет помнить, что человек, который лжесвидетельствовал — который стал причиной того, что тысячи граждан были убиты за то, что они были верны законам — который был предателем всех правительств со своей юности — который никогда не держал своего слова — который отличался безнравственностью и развратом даже среди беспринципных львов Лондона и Парижа — что этот человек был превознесен облаченными в стихари эмиссарами Рима как *человек Провидения, посланник Божий, Богиня Милосердия, восстановитель морали и религии, и благодетель человечества*. Кто, нужно ли спрашивать, снова поверит им, когда они будут говорить о небесных делах, после того, как они так нагло и намеренно лгали, говоря о вещах этого мира? Но пока не наступит реакция, иезуиты торжествуют во Франции.

Поскольку у нас была возможность случайно поговорить в различных частях этой работы об искусствах и практиках, применяемых в настоящее время иезуитами против Англии, и поскольку наши читатели ежедневно имеют множество способов узнать о нравах отцов церкви по общедоступным печатным изданиям, мы не считаем необходимым добавлять что-либо еще в

этом месте. Нам также мало что можно сказать о реальных миссиях иезуитов в обеих Индиях. Они не являются ни процветающими, ни важными, и отличаются только своими интригами и войной, которую они ведут против всех других миссионеров, будь то паписты или протестанты. Фактическое богатство иезуитов, хотя и значительное, далеко не приближается к той баснословной сумме, которой они обладали до подавления. Если наша информация и расчеты верны, а мы полагаем, что это так, то общее число членов, *внесенных в реестр Ордена*, составляет почти шесть тысяч — огромное увеличение с 1814 года, и действительно, такое, что вызывает у размышляющих умов серьезные опасения. Но мы почти исчерпали пространство, которое себе позволили. Мы должны перейти к заключению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Мы подходим к концу нашей работы; но, прежде чем расстаться с нашими читателями, мы хотели бы кратко привлечь их внимание к некоторым главным моментам нашей Истории. Если мы не ошибаемся, прочтение нашего повествования, каким бы несовершенным оно ни было, убедит даже безразлично внимательного читателя в том, что Лойола преследовал только одну цель — одну неизменную идею, а именно, установить порядок, который должен господствовать над обществом; и что его преемники не испытывали никаких угрызений совести относительно средств, которые следует использовать для достижения этой цели. За исключением этого незыблемого правила, которого иезуиты придерживались с непоколебимым постоянством, можно утверждать, что у них вообще нет никаких принципов. Догмы их вероучения, предписания их морального кодекса, их политические принципы - все это они меняли или модифицировали в зависимости от места и обстоятельств. Они были против или в пользу Римского престола, в зависимости от того, служило это интересам ордена или вредило им. Они провозгласили неограниченный суверенитет народа и сыграли важную роль в том, что многие несчастные люди были отправлены на эшафот за сопротивление тиранической власти абсолютных монархов. Для достижения своих целей они всегда думали, что деньги были бы самым эффективным инструментом; отсюда их ненасытное желание богатства, ради накопления которого они нарушали все законы, божественные и человеческие. Богатства, добытые незаконным путем, когда-либо тратились на еще более преступные цели. Иезуит не желает и не тратит деньги для себя; он бережлив в своих привычках и скуп на расходы в том, что касается простых удобств; но он не скряга. Он не прячет свои сокровища в недрах земли, но свободно тратит их, чтобы увеличить влияние и мощь своего ордена. Секретный агент Общества получает щедрое вознаграждение; шпиону щедро платят. Министры разных государей подкуплены королевской щедростью; и даже правящие красавицы двора подкуплены, чтобы служить ордену дорогими и подходящими подарками.

Отцы также с самого начала были убеждены, что проникновение в восприимчивые умы молодежи внесет большой вклад в величие и могущество ордена, и они не оставили ничего неиспробованного, с помощью чего этого можно было бы добиться. Другие планы — обращение еретиков, миссии, внешнее проявление многих христианских добродетелей — все были направлены на достижение одной и той же цели — возвышения ордена.

Заслуживают внимания два других принципиальных факта. Первая заключается в том, что с самого начала созданию Общества повсюду противодействовали, и во всех местах, где оно было окончательно признано, впоследствии, в разные эпохи, его преследовали и осуждали за незаконные и отвратительные преступления. Второй факт заключается в том, что Общество Иисуса, хотя иногда оно могло пренебрегать правилами внутренней политики, тем не менее сохраняло свой общий примитивный характер, а именно, свой безжалостный властный дух и отречение от любых личных чувств в пользу сообщества. Иезуиты наших дней, в отличие от всех других религиозных братств, которые неизменно претерпевали так много изменений, точно такие же, какими они были при жизни Лойолы. Основанный этим смелым, деспотичным и амбициозным человеком, компания, кажется, как будто его дух передался всему Обществу и руководил всеми его действиями. Компания, так сказать, увековечила жизнь Лойолы. Если бы мы захотели олицетворить орден, мы могли бы представить его по его подобию как внешне скромного и святого человека, глубоко поглощенного созерцанием небесных вещей, в то время как на самом деле в его обширном и смелом уме вертелись проекты безграничных амбиций. В истории нет записей об ассоциации, организация которой на протяжении трехсот лет оставалась неизменной, несмотря на все натиски людей и времени, и которая оказывала такое огромное влияние на судьбы человечества.

Эта настойчивость ордена в его принципах и политике не сравнима ни с чем, кроме соответствующего постоянства мира в том мнении, которое он сформировал об Обществе в начале его существования и которое оно сохраняет до сих пор. “В тот момент, - говорит автор начала семнадцатого века, - когда совершается великое преступление, общественный голос сразу и единодушно обвиняет иезуитов в том, что они его совершили”. И те же чувства по отношению к ним преобладают и по сей день. В прежние времена, действительно, это мнение было настолько сильным и общепризнанным, что наши предки, менее щепетильные, чем мы, в отправлении правосудия, при простом объявлении о проступке отдавали иезуита под трибунал и иногда несправедливо осуждали его за преступления, в которых он не был виновен. Значит ли это, что иезуиты из-за привычки совершать преступления носят на своих лицах признаки преступного и порочного нрава, как это обычно бывает с хулиганами, совершающими процессии? Или они, совершая публичные и неприкрытые проступки, дают миру право судить о них подобным образом? Ни в коем случае. Мы уже говорили обратное. Напротив, они кажутся самыми невинными, безобидными и святыми из людей; и действительно, если кто-то не присутствовал на представлении Тартюфа, ему нелегко отличить иезуита от беззастенчиво честного человека. Однако мы не были бы настолько нелиберальны, чтобы сказать, что все иезуиты - лжецы. Наш оплакиваемый друг Джоберти, когда отец Пеллико сказал ему, “Значит, все мы убийцы и грабители?” ответил: “Ни в коем случае. Лично я считаю вас очень честными ребятами, и если бы у меня было сокровище, я бы без колебаний доверил его вам. Возможно, мы не стали бы заходить так далеко; но мы свободно признаем, что иезуит может быть лично честен, если только интересы его ордена не обязывают его быть иным. Ибо нет таких соображений религии, честности или добродетели, которыми он не чувствовал бы себя обязанным безапелляционно и во все времена жертвовать ради этого единственного высшего соображения. “Цель освящает средства” - его любимая максима; и поскольку его единственной целью, как мы показали, является орден, по его приказу иезуит готов совершить любое преступление.

Итак, такова история Общества, которого боятся и на которое полагаются, которому поклоняются и которое вызывает отвращение, которое принесло мало хорошего и бесконечное

зло и которое, будучи низвергнуто с вершины великолепия и славы, теперь пытается с новой энергией и непрестанной активностью вернуть себе вершину своего древнего превосходства. Ужасающая перспектива, не предвещающая ничего хорошего для благополучия человечества! Однако все же остается одна ободряющая идея, чтобы рассеять дурные предчувствия. Иезуиты теперь более решительно, чем когда-либо, отождествили себя с делом деспотизма, фанатизма и невежества; и в тот день, когда шаткие троны тирании рухнут под могучей и несокрушимой рукой прогрессивной цивилизации, они глубоко и навсегда похоронят под своими руинами все следы влияния, которым когда-то обладало это самое грозное и пагубное Общество.

КОНЕЦ.

СНОСКИ

[1] *История Тридентского собора*, фра Паоло Сарпи, том i, стр. 9.

[2] Helyot, *Histoire des Ordres Monastiques, Religieux et Militaires*, tome vii. p. 452. Когда у нас появятся современные католические авторы, цитирующие "Саккинуса Орландинуса" и др., мы будем цитировать их, поскольку книги легче достать.

[3] Хелиот, *История. des Ord. Mon., Rel. et Mil.*, tome vii. p. 456.

[4] Там же. стр. 459.

[5] Под термином "Духовные упражнения" католики понимают курс уединенной молитвы и религиозной медитации, обычно длящийся много дней, который кандидаты в священный сан должны выполнять в уединении монастыря перед посвящением. Опять же, когда священник навлекает на себя неудовольствие своего настоятеля, его отправляют в качестве своего рода заключенного в какой-нибудь монастырь для выполнения там определенных предписанных "духовных упражнений", которые в этом случае могут длиться от одной до трех недель.

[6] Курсив здесь наш.

[7] Курсив здесь наш.

[8] Стивенс.

[9] Смотрите Краткий Катехизис, ч. 1.

[10] Привет. *Ист. des Ord. Mon., Rel. et Mil.* tome vii. p. 461.

[11] Привет. *Ист. des Ord. Mon., Rel. et Mil.* tome vii. p. 463.

[12] Там же. том vii. стр. 464.

[13] Раз и навсегда обещаю своим читателям, что не собираюсь утруждать их изложением всех чудесных легенд, связанных с Лойолой. В большинстве случаев они настолько абсурдны, что ниже достоинства истории. Пусть двух следующих примеров будет достаточно. Говорят, что дьявол, решивший помешать ему изучать латынь, настолько помутил его разум, что он

обнаружил невозможность запомнить спряжение глагола *ато*; после чего он немилосердно бичевал себя каждый день, пока таким образом злой дух не был побежден, после чего святой вскоре смог повторять *ато* во всех его времена. Опять же, когда Игнатий был в Венеции по пути в Святую Землю, говорят, что богатый сенатор этого города по имени Тревизини, роскошно возлежавший на своем пуховом ложе, получил известие от ангела, что слуга Божий лежит на твердых камнях под портиком своего дворца. После чего сенатор немедленно встал и направился к двери, где обнаружил Игнатия.

[14] Negroni expounds the word *societas* “quasi dicas cohortem aut centuriam quæ ad pugnam cum hostibus spiritualibus conserendam conscripta est.”

[15] Привет. *Ист. des Ord. Mon., Rel. et Mil.* tome vii. p. 469.

[16] Фра Паоло Сарпи, *История Тридентского собора*, стр. 118.

[17] Эти знаменитые Конституции были составлены Лойолой на испанском языке. Сначала они не были той совершенной системой, какой мы их находим сейчас; и только примерно в 1552 году, после многих изменений и усовершенствований, приспособивших их к потребностям времени, они приняли свою окончательную форму. Они были переведены на латынь иезуитом Поланкусом и напечатаны в коллегии Общества в Риме в 1558 году. Они ревностно хранились в секрете, и большая часть самих иезуитов знала только выдержки из них. Они никогда не появлялись в свет до 1761 года, когда были опубликованы по распоряжению французского парламента в ходе знаменитого процесса отца Лаваллетта.

[18] Мы просим объяснить смысл, в котором мы используем слово *католик*. Мы не имеем в виду, что христиане римского вероисповедания имеют на это исключительное право. Мы лишь сохраняем для них нынешнее наименование, как это делают все другие историки, чтобы предотвратить путаницу.

[19] *История Тридентского собора*, Паоло Сарпи, том i, стр. 47.

[20] *Const. Общество. Jesu*, pars i. cap i. § 3.

[21] *Постоянный*. параграф i. глава ii. § 1.

[22] *Постоянный*. параграф i. глава iv. § 6.

[23] *Постоянный*. параграф iii. глава i. § 12.

[24] *Постоянный*. параграф iv. глава x. § 5.

[25] *Постоянный*. параграф iii. глава i. § 23.

[26] *Постоянный*. часть vi. глава i. § 1.

[27] *Постоянный*. pars vi. cap. v. § 1.

[28] *Экзамен*, iv. § 11; и *Const.* параграф iii. глава i. § 7-9.

[29] После поступления в дом первого испытательного срока иезуиту не разрешается ни получать, ни отправлять какие-либо письма, которые не были предварительно прочитаны его начальником.

[30] *Постоянный*. параграф iii. глава i. § 2, 3.

[31] Пусть ни один английский читатель не обвинит меня в неточности по этому пункту на том основании, что иезуиты действительно ходят по улицам этой страны *поодиночке* или даже в маскировке. Они должны принять к сведению, что каждое правило Конституции содержит этот пункт — “За исключением общего порядка, касающегося иного, для вящей славы Божьей и блага общества”. Разве это не “для вящей славы Божьей и пользы Общества”, что иезуит, чтобы избежать подозрений, должен ходить один? — что он должен быть представлен в ваш семейный круг как джентльмен—протестант? — что он должен, чтобы завоевать ваше доверие, разыгрывать роль вашего веселого компаньона в театрах, концертах и на балах? - что он должен беседовать с вами на религиозные темы, всегда начиная с проклятия Папы Римского и т. Д.?

[32] *Постоянный*. параграф iii. глава i, § 18.

[33] *Постоянный*. параграф i. глава ii. § 13.

[34] Там же. параграф i. глава iii. § 3-16.

[35] *Постоянный*. парс против главы ii. § 7, 8.

[36] Там же. параграф iv. глава xvi. § 3.

[37] *Постоянный*. параграф iv. глава i. § 1, 6.

[38] *Постоянный*. часть ii. глава iii. § 5, 6, 8.

[39] В большинстве монастырей, и особенно в монастырях капуцинов и Реформатов (*Riformati*), с Рождества начинается серия праздников, которая продолжается до Великого поста. Здесь проводятся всевозможные игры, устраиваются самые роскошные банкеты, а в маленьких городках, прежде всего, трапезная монастыря является лучшим местом развлечения для большего числа жителей. На карнавалах устраиваются два или три очень пышных представления, стол разносится так обильно, что можно подумать, что Копия вылила сюда все содержимое своего рога. Следует помнить, что эти два ордена живут подаянием. Мрачная тишина монастыря сменяется смутными звуками веселья, и теперь под его мрачными сводами эхом разносятся другие песни, кроме песен Псалмопевца. Бал оживляет и завершает пир; и, чтобы придать ему еще больше оживления и, возможно, показать, насколько полностью их обет целомудрия уничтожил все их плотские аппетиты, некоторые из молодых монахов появляются, кокетливо одетые в одежды прекрасного пола, и начинают танец вместе с другими, превратившимися в веселых кавалеров. Описывать скандальную сцену, которая за этим последовала, значило бы лишь вызвать отвращение у моих читателей. Скажу только, что я сам часто был зрителем подобных сатурналий.

[40] *Винченцо Джоберти Фра Пеллико делла Компанья ди Джезу*, стр. 35, 36.

[41] *Экзамен*, iv. § 10-15.

[42] *Экзамен*, iv. § 17.

[43] *Постоянный*. Парс против главы iv. § 4.

[44] *Постоянный*. Парс против главы iv. § 2.

[45] *Постоянный*. Параграф ix. глава iii. § 9.

[46] *Постоянный*. Парс против главы iii. § 2-4.

[47] *Постоянный*. Параграф ix. глава v. § 5.

[48] Смотрите мою *Историю понтификата Пия IX.*, стр. 3.

[49] *Постоянный*. Pars viii. cap. vi. § 6.

[50] *Постоянный*. Параграф ix. глава iv. § 7.

[51] *Постоянный*. Параграф ix. глава iii. § 14-19.

[52] Маффеи, *Vita Ign.* стр. 90.

[53] Маффеи, *Vita Ign.* стр. 90.

[54] *Бромато Вита ди Паоло IV.* библиотека vii. § 3.

[55] История Рэнке. о папах, том i, стр. 189. Перевод на английский.

[56] *Кретино*, том i, стр. 134.

[57] *Orland.* библиотека iii. 48; *Crét.* vol. i. p. 134.

[58] *Crét.* том i. стр. 136.

[59] Кумулятивный грешок, вызывающий индульгенцию.—*Орланд.* библиотека. iii. с. 59.

[60] За исключением случаев иммунизации, безвозмездного использования в самолетах, а также постоянного постоянного проживания и т.д.—*Там же.* и *Крет.* том i, стр. 140.

[61] *Штайнмец*, том i, стр. 308.

[62] *Orl.* библиотека iii. 60; *Crét.* vol. i. p. 141.

[63] *Helyot*, том vii. стр. 491.

[64] *Гелиот*, том vii. стр. 491.

[65] *Постоянный*. параграф vi. глава iii. § 7. Быть духовником монахини считалось и остается высокой привилегией. До Тридентского собора эта привилегия принадлежала ордену Святого Франциска, по правилам которого также живет большинство монахинь. Поведение этих братьев и сестер было в высшей степени неподобающим и скандальным. Хотя францисканцы теперь больше не являются номинальными исповедниками этих монахинь, тем не менее они находятся в самых дружеских отношениях друг с другом; на этой дружбе итальянцы упражняют свое сатирическое и саркастическое остроумие. Исповедники теперь избираются соответствующими епископами, которые удостоивают этой чести своих самых верных приверженцев в награду за их заслуги. Соперничество этих святых женщин и их хитроумные ухищрения вызвать улыбку своего святого отца известны каждому, кто живет поблизости от монастыря.

[66] *Гелиот*, том iii. стр. 492.

[67] *Орл.* библиотека. viii. § 6.

[68] *Crét.* том i. стр. 284.

[69] *Орлан.* библиотека. viii. с. 43.

[70] *Crét.* том i. стр. 285.

[71] *Crét.* том i. стр. 290.

[72] *Orland.* библиотека. viii. 10.

[73] *Crét.* том i. стр. 299.

[74] *Там же.* стр. 292. Поскольку этот автор обычно цитирует Орландини и других иезуитских авторов *дословно*, мы отсылаем наших читателей к нему, поскольку это гораздо легче достать, и мы будем цитировать только оригинал, если перевод неточен.

[75] *Crét.* том i. стр. 305.

[76] *Там же.* стр. 299.

[77] *Crét.* том i. стр. 290.

[78] Нашим читателям не следует воспринимать слово парламент в том же значении, которое оно имеет в Англии. Парламент Франции состоял из коллегии магистратов и образовывал Высший судебный суд, в котором заседали принцы крови и который иногда возглавлялся королем. В каждой провинции был свой парламент, но ни одна из них не пользовалась таким влиянием, как Париж.

[79] *Crét.* том i. стр. 320.

[80] Этот Постель был раввином, обращенным в католицизм. Он был очень образованным, окончил университет и пользовался большим уважением Франциска I и всего его двора. В 1545 году он отправился в Рим, чтобы вступить в Общество Джезу. Это приобретение доставило большую радость иезуитам. Постель был очень любезно принят и очень польщен. Затем он прошел через *Духовные упражнения*; но этот странный образ жизни настолько повлиял на его пылкое воображение, что его способности ослабли. Он начал выдвигать странные доктрины — предлагать новые правила для Общества; и, прежде всего, ни в коем случае не желал подчиняться приказам Игнатия. Лойола, потерявший над ним какую-либо власть, уволил его, за что панегирист Лойолы превозносит его до небес.

[81] *Crétineau*, том i. стр. 334.

[82] Маффей, *Игнат. Вума*, стр. 110.

[83] *Там же*, стр. 109.

[84] *Orland.* lib. xiv. § 96, 97.

[85] *Ежегодные труды Общества Иисуса*, с 1606 по 1614 год, занимают восемь томов в 8 томах; "*Наставления*", двадцать один том в 8 томах, и так далее.

[86] Барт . *Vita Игн.*

[87] Барт. *Азия*, стр. 31.

[88] На протяжении почти двух столетий чудеса и святые происходили редко. Кажется, что они находятся в состоянии эмбриона, дремлющего до тех пор, пока не наступит подходящее время для их появления. Однако после Реформации было сочтено целесообразным явить несколько новых чудес и святых, чтобы доказать истинность и превосходство римско-католической религии над протестантской, которая не может похвастаться такими свидетельствами. Именно тогда изображения Девы Марии снова начали говорить, смеяться, плакать, у изображений на распятии выросли волосы, из их деревянных боков полилась кровь, мощи святых действовали как талисманы, отгоняющие болезни и несчастья, и новые святые появлялись, как грибы.

[89] *История Рэнке. о папах*, том ii. стр. 231. Перевод на английский.

[90] *История Ювенциуса. Soc. Иисус*, парс против тома ii. lib. xviii.

[91] *Lettres Edifiantes*, том. x. стр. 324.

[92] Феринги - это имя, данное индусами португальцам.

[93] *Литературное издание*. том. xxi. стр. 77.

[94] Там же, том. x. стр. 243-245.

[95] *Lettres Edifiantes*, том. xii. стр. 107.

[96] Том. xiii. стр. 54.

[97] Том. xiv. стр. 185, 186.

[98] *Письма о состоянии христианства в Индии*, стр. 74. Лондон, 1823.

[99] Талия украшена изображением бога Полляра, который, как предполагается, руководит свадебными церемониями. Этот самый неприличный идол был прикреплен к шнуру из 108 нитей, и женщины носили его на шее всегда после замужества в качестве обручального кольца.

[100] Crét. vol. v. стр. 47. Курсив наш.

[101] Пепел коровьего навоза посвящен богине Лакшмини и, как предполагается, очищает от грехов любого, к кому его прикладывают. Миссионеры клали этот пепел на алтарь рядом с распятием (ужасно рассказывать!) или изображением Богородицы, затем освящали и раздавали его в форме маленьких шариков среди своих новообращенных. Этот странный тип христиан взывал к языческому божеству так же часто, как они наносили навоз на тело. Таким образом, когда они натирают им голову или лоб, они говорят: *Неручигурм нетчада Шивен* — то есть, пусть бог Шива будет в моей голове; когда они натирают им грудь, они говорят: *Ману Рудрен* — то есть, пусть бог Рудрен будет в моей груди; и так далее.—See *Mémoires Historiques*, tom. iii. pp. 29, 30. Lucca, 1745.

[102] Crét. vol. v. стр. 47.

[103] Crét. vol. v. стр. 50.

[104] Отец Норберт был миссионером-капуцином в Индии, который представил папе Бенедикту XIV. a book entitled, *Mémoires Historiques sur les Missions des Indes Orientales*. Работа иллюстрирована подлинными документами. Она была опубликована с одобрения всех церковных властей и никогда не противоречила им. Тем не менее, мы не будем ссылаться на отца Норберта как на подлинный авторитет, если только то, что он рассказывает, не может быть подтверждено другими доказательствами.

[105] *Память. История.* том. прим. стр. 142.

[106] Указ инквизиции от 1706 года и его собственный от 1707 года, одобряющий и подтверждающий указ Де Турнона.

[107] *История Рэнке. о папах*, том ii. стр. 230. Англ. пер.

[108] *Там же.*

[109] Мегро. Мы ни в малейшей степени не хотим умалять заслуги и добрые намерения этих двух прелатов. Мы даже считаем, что господин де Турнон был превосходным человеком. Мы только хотим отметить, что и он, и Мегро были французами; что очень многие французские прелаты всегда проявляли большую враждебность к иезуитам и что это, возможно, оказало некоторое влияние на стимулирование их рвения к чистоте христианской религии.

[110] “я, н, приказа Н., или Общество Иисуса, послал, назначенным в качестве миссионера, в королевстве или провинции Н. в Ост-Индии, Апостольским престолом, со своим начальством, в соответствии с полномочиями, предоставленными им Апостольским престолом, подчиняясь заповедям Господа святого Папы Климента XII., в своем апостольском послании, опубликованном в форме краткого, на 13-й день мая 1739, предписывающий всем миссионерам, в указанной миссии, чтобы взять клятву, что они будут свято блюсти апостольские определения, касающиеся Малабарский обряд, в духе апостольском послании в виде этой же наш святой Господь, от 24 августа 1734 года и начале *Compertum deploratumque*, мне хорошо известно по моей прочитав все это кратко, обещаю, что я буду подчиняться полностью и достоверно, что я буду соблюдать его *в точности, целиком, абсолютно, и inviolably*, и что я буду выполнять его *без затягивания*; тем более, что я буду наставлять христиан совершенные в мои обязанности в соответствии с тенором сказал кратко, а также в своих проповедях, как в моей частной требы, и особенно оглашенные, прежде чем они должны креститься; и если они обещают, что они будут соблюдать сказал кратко, с определениями и запретов, что я не буду крестить их; далее, что я должна позаботиться, со всем возможным усердием и старанием, что обряды язычников быть отменены, и эти обряды практикуются и сохранен христианами, которые католическая церковь Свято распорядилась. Но если в любой момент (чего не дай Бог!) Я бы выступил против (*этого краткого изложения*), полностью или частично, так часто я заявляю и признаю, что подвергаюсь наказаниям, наложенным нашим Святым Господом, будь то в указе или в Апостольском послании, как указано выше, в отношении принятия этой клятвы, аналогичным образом, хорошо известным мне путем прочтения всего этого. Таким образом, прикасаясь к Святым Евангелиям, я обещаю, клянусь и божусь, да поможет Бог мне и этим Святым Евангелиям Божьим! Подписано моей собственной рукой —N.”

[111] Я предпочитаю говорить о процессии, проходившей в этом городе, потому что я сам был ее свидетелем.

[112] История Рэнке. о папах, том i, стр. 217. (Англ. пер.)

[113] Отрывок из Саккини наиболее поучителен в этом отношении. “Лайнез, - говорит он, - не написал ни единого слова по этому вопросу; напротив, Бобадилья и Горгодануз не занимались ничем иным, как выпускали брошюру за брошюрой, но всегда по Божественной воле (*Divino tamen consilio fiebat*) их труды попадали в руки главного викария. Иногда они (враги Лайнеза) неосторожно роняли рукописи на улице, иногда они небрежно оставляли их в своих комнатах незапертыми, в других случаях их доставляли Лайнезу те самые люди, которым они были адресованы”. Другими словами, Лайнез путем самых постыдных действий и подлого шпионажа стал хозяином трудов своих врагов; однако историк-иезуит говорит, “что это произошло *Divino consilio*”. Я удивляюсь, что он не добавляет, *ad maiorem Dei gloriam*.

[114] Sacch. lib. i. § 86.

[115] Акт крестного знамения очень важен. В Италии до сих пор существует обычай, когда простые люди делают это, услышав о каком-нибудь великом и необычном преступлении или о каком-нибудь экстраординарном событии.

[116] Crét. vol. i. p. 369.

[117] Crét. vol. i. p. 369.

[118] Павел IV. едва истек срок его полномочий, как римляне, крайне разгневанные бедствиями, вызванными войной, и жестокостью инквизиции, поднялись всем скопом и с проклятиями снесли статую, воздвигнутую ему в начале его понтификата, ворвались в здание инквизиции и уничтожили все, что в нем находилось.

[119] Crét. vol. i. p. 386.

[120] Sacch. lib. ii. § 131.

[121] Здесь я могу повторить то, что уже говорил в одной или двух моих предыдущих публикациях. Когда мы в 1848 году завладели монастырем Ла Минерва, резиденцией инквизиции в Риме, мы нашли среди прочего пачку писем с автографами, написанных священниками разных стран, раскрывающих различные признания инквизитору. И очень любопытно, что первое письмо, попавшее в руки мистера Монтекки, государственного секретаря, было от капуцина из Государственной тюрьмы, в которой он находился несколько лет назад. Эти письма, которые сейчас вне нашей досягаемости, однако, находятся в безопасности и, я надеюсь, вскоре будут опубликованы.

[122] иезуитам в этих обстоятельствах снова было запрещено покидать Испанию или отправлять какие-либо деньги из страны.

[123] Sacch. lib. v. § 107-10.

[124] Лайнез, среди прочих подвигов, с большой яростью атаковал власть епископов и хотел, чтобы они были всего лишь инструментами в руках папы римского. В другом случае он утверждал, что, “поскольку раб обладает меньшей властью, чем его хозяин, аналогичным образом Совет не мог провести реформу по этому вопросу, поскольку *аннаты* имеют Божественное право”. Опять же, “поскольку Иисус Христос обладает властью отменять все

виды законов, папа Римский, его викарий, обладает такой же властью, поскольку Судья и его Заместитель имеют один и тот же трибунал”, и другие подобные богохульства. Смотрите фра Паоло Сарпи на собраниях, 20 октября 1562 года и 16 июня 1563 года.

[125] Смотрите полностью письмо в Crét. vol. i. стр. 294.

[126] Ранке, *История. о папах*, том i, стр. 286.

[127] См. Crét. vol. ii. стр. 25 и далее.

[128] Саккини в "*Истории пап*" Ранке, том ii. стр. 80.

[129] Sacch. lib. ii. § 134.

[130] Примечательным фактом является то, что во время правления фанатичной и преследующей Марию Марии иезуиты не появлялись в Англии. Кардинал Поул, к которому они несколько раз обращались с просьбой разрешить им обосноваться в Великобритании, всегда отказывал в его согласии. *Полл близко знал Лойолу.*

[131] Crét. vol. i. p. 463.

[132] Смотрите всю статью целиком в Crét. vol. ii. страница 241.

[133] Crét. vol. ii. p. 269.

[134] Crét. vol. ii. p. 255.

[135] См. Bartoli dell' Ing. F. 101, 102, 104.

[136] Бартоли, *там же*.

[137] История Ранке. *о папах*, том i, стр. 512. (Англ. пер.)

[138] Камден, 1580 год н.э.

[139] Оно было тайно напечатано в доме леди Стоур и широко распространено.—См. Crét. том ii. стр. 272.

[140] Crét. vol. ii. p. 266.

[141] “Роберт Парсоний и Эдмунд Кампионус факультетский импетрант, Грегорио XIII. in hæc verba. Petatur a summo Domino nostro explicatio Bullæ Declaratoriæ per Pium V. contra Elizabetham et ei adhærentes, quem Catholicis cupiunt intelligi hoc modo, ut obliget semper illam et hæreticos, Catholicos vero nullo modo rebus sic stantibus, sed tum demum quando publica ejusdem Bullæ executio fieri poterit. Has prædictas gratias concessit summus Pontifex Padri Roberto Parsonio et Edmundo Campionio, in Anglicam profecturis die 13 Aprilis 1580, præsentе Padre Oliverio Manarco assistente.”—Camden, p. 464.

[142] Хорошо известно, что этот авантюрист, которого папа сделал своим камергером, находясь у берегов Португалии с флотом, снаряженным для вторжения, был уговорен королем

Себастьяном сопровождать его в его предприятии против Марокко, где он погиб вместе с неосторожным монархом Португалии.

[143] История Рэнке. *о папах*, том i, стр. 324. (Англ. пер.)

[144] *Ann. Litt.* 1583.

[145] Барт . dell. Ing. F. 117.

[146] Юм, глава xl. (1579 г. н. э.).

[147] См. Де Ты, 1587 год н.э.

[148] Юм, глава xli. (1580 г. н. э.).

[149] Crét. vol. ii. p. 280.

[150] Кэмден в Юме, глава xli. (1584 г. н.э.).

[151] *Государственные испытания*, том i. стр. 103, 104.

[152] Камден и Де Ты.

[153] “La misère et le désespoir lui inspirèrent la pensée d’exécuter en réalité le crime imaginaire qu’il prétendait avoir médité avec les Jésuites.”

[154] Crét. vol. ii. p. 302.

[155] 22 Eliz. c. ii.

[156] *История Юма. с английского.* глава. xlii.

[157] Crét. vol. ii. p. 309.

[158] Паскье, *Катехизис евреев*, библиотека iii. глава 16.

[159] См. Crét. vol. ii. стр. 79.

[160] Crét. vol. ii. стр. 78.

[161] Вот некоторые из бесчисленных привилегий, которые иезуиты получили от разных пап даже в течение первых двадцати пяти лет своего основания: - У них была привилегия иметь частную часовню в каждом доме или колледже и служить мессу даже во время интердикта; освобождение от всякого порицания даже в случаях, оставленных за одним папой; освобождение от религиозных обетов или препятствий для вступления в брак; присвоение академических степеней, которые давали выпускнику право на почести и привилегии, предоставляемые королевскими университетами. Они были освобождены от десятины и всех других церковных взносов; и, прежде всего, они были независимы от юрисдикции епископов.

[162] См. Crét. vol. i. стр. 406, 407.

[163] Там же.

[164] Хорошо известно, что во Франции римско-католическое духовенство делится на ультрамонтанство и галликанство; что последние при Луи Филиппе сохранили свою независимость и своего рода превосходство; но что при правлении пантеиста Луи Наполеона ультрамонтанская партия под руководством и покровительством иезуитов приобрела господство, которое они осуществляют с властным духом и которое увеличивается с каждым днем.

[165] Отец Малдонат выдвинул доктрину, согласно которой никто не оставался в чистилище дольше десяти лет; и это для того, чтобы заверить князей в том, что, если имущество монастырей или других благотворительных организаций будет передано иезуитам, не будет страха перед их предками, в целом благочестивыми основателями, поджаривающимися в чистилище — кто знает, как долго? — если благотворительные организации будут переданы иезуитам. используются не для тех целей, для которых они были предназначены.

[166] Crét. vol. ii. стр. 388.

[167] Там же, стр. 392.

[168] Это восстание получило название “дни баррикад”.

[169] Crét. vol. ii, стр. 414.

[170] Этот Совет был назван так потому, что состоял из шестнадцати членов, представлявших шестнадцать кварталов Парижа; и он обладал верховной властью *де-факто*. На этом соборе наибольшее влияние имели иезуиты, и один из них был его членом.

[171] Crét. vol. ii. стр. 404.

[172] В мемуарах сеньора де Шомберга утверждается, что после убийства Гиза Сикст через своего легата сделал предложение Генриху III. назвать одного из племянников папы своим преемником на троне Франции. Но мы слишком высокого мнения о проницательности Сикста, чтобы считать его виновным в столь экстравагантном проекте.

[173] История Рэнке. о папах, том ii. стр. 25.

[174] Как Элизабет сожалела об этом беспринципном поступке! “Ах, какое горе, - писала она ему после его отступничества, - и какие сожаления и какие стоны я ощутила в своей душе при звуке таких вестей, какие сообщил Морло! Боже мой! возможно ли, чтобы какое-либо человеческое уважение изгладило ужас, которым угрожает Божественный страх! Можем ли мы когда-либо, руководствуясь доводами разума, ожидать хороших последствий от столь незаконных действий? Тот, кто поддерживал и оберегал вас в милосердии, можете ли вы представить, что Он позволит вам без посторонней помощи спуститься с небес в величайшее затруднительное положение? Но опасно творить зло в надежде, что из этого последует добро. —Ваша очень преданная сестра, сир, по старинке... Я не имею ничего общего с новой — Элизабет. [175]

[175] Библ. du Roi MSS. de Colbert, apud Capefique, N. 251.

[176] Мезараи, *Абреге Хронологический* 1576 год.

[177] Кретино утверждает, что Григорий XIII, отец всех христиан, желая скорее умиротворить, чем возбудить их страсти, отказался выполнить их просьбу. Но Ранке утверждает, что его одобрение было дано, и ссылается в качестве доказательства на письмо самого отца Матье герцогу Нервскому, опубликованное в четвертом томе *Капеллик Реформ*.

[178] История Ранке. о папах, том i, стр. 505.

[179] Смотрите первую часть, Crét. vol. ii. стр. 392. As he does not quote the latter part, see for it Pasquier, or *Histoire Générale de la Naissance et du Progrès de la Compagnie de Jésus*, vol. i. p. 180.

[180] Crét. vol. ii. p. 391.

[181] Катехизис евреев, библиотека iii. глава 2.

[182] Crét. vol. ii. p. 396.

[183] Катехизис евреев, библиотека iii. глава 6.

[184] Мезараи, *Краткое хронологическое изложение 1594 года*. Генри был от природы щедр, как и все галантные мужчины. Единственная месть, которую он предпринял тучному герцогу Майеннскому, главе Лиги и своему сопернику за трон после смерти кардинала де Бурбона, заключалась в том, что он взял его под руку и, увлеченный дружеской беседой, очень быстрым шагом два или три раза обошел вокруг сада. Генрих улыбнулся, когда обошел Майенну, изрядно запыхавшись, и все раны герцога были забыты.

[185] До встречи, Л'Этуаль, и все историки того времени.

[186] Мезарай, *Ab. Chr.* в конце 1594 года.

[187] Смотрите Акты парламента или сборники *D'Argentré. Jud.* том. ii. стр. 524.

[188] В одном из этих сочинений, говоря о Генрихе IV, иезуит говорит: “Должны ли мы называть его Нероном, Сарданапалом Франции, лисом Беарнским?” и далее он заявляет, что “корона Франции может и должна быть передана другой семье; что Генрих, хотя и обращенный в католическую веру, был бы к нему отнеслись бы слишком снисходительно, если бы монашеский венец (тонзура) был дан ему в каком—нибудь монастыре для покаяния; что если его нельзя свергнуть без войны, тогда (сказал он) давайте начнем войну, а если мы не сможем начать войну, пусть он будет убит”. —Crét. vol. ii. p. 435.

[189] Смотрите полностью надпись в “Авторах эпохи”, в *Обзоре произведений, касающихся истории компании Иисуса*. Liège, 1716. Очень поучительная работа.

[190] Сигизмунд, после смерти своего отца Иоанна, проследовав из Польши в Упсалу для церемонии своей коронации, сословия категорически отказались оказывать ему почести, пока он торжественно не поклялся, что Аугсбургское исповедание должно насаждаться повсюду, единолично и чисто, будь то в церквях или школах. В этой ситуации принц обратился к Маласпине, папскому нунцию, с просьбой узнать, может ли он по совести дать такое обещание. Нунций отрицал, что может. После этого король обратился к иезуитам из своей свиты, и то, на что не осмелился нунций, они взяли на себя. Они заявили, что, принимая во внимание необходимость и явную опасность, в которой оказался государь, он может удовлетворить требования еретиков, не оскорбляя Бога. —Ранке, *История. о папах*, том ii. стр. 147, 8.

[191] Смотрите "*Историю пап*" Ранке, том i, стр. 411.

[192] *История* Ранке . о папах, том i. стр. 415-417.

[193] "*История пап*" Ранке, том i, стр. 411.

[194] Там же, стр. 426.

[195] Ранке, том i, стр. 422.

[196] Ранке, том i, стр. 487.

[197] Ранке, *История. о папах*, том ii. стр. 141.

[198] Джон до своего восшествия на престол находился в строгом заточении у своего брата Эрика. Его жена, польская принцесса, последний потомок рода Ягеллонов и приверженец Римской церкви, разделяла его заключение; печальные и мрачные часы этого заключения были менее тягостными благодаря частым посещениям римско-католического священника, который проявлял к ним величайшее сочувствие. По-видимому, это произвело некоторое впечатление на Иоанна и расположило его к папистам.

[199] Список литературы. том ii. стр. 195.

[200] Ранке сообщает нам, что Джон, терзаемый угрызениями совести из—за убийства своего брата, очень хотел получить отпущение грехов; - как будто слово человека могло успокоить угрызения совести, этого беспощадного мстителя за преступление!

[201] Crét. vol. i. p. 449.

[202] Там же.

[203] Об этом факте сообщают все историки-иезуиты. Мы, однако, слишком хорошего мнения о вальденсах, чтобы не заподозрить, что иезуиты, чтобы обмануть и навязать себя населению, подмешали к нескольким отступникам некоторое количество римских католиков, которые были готовы казаться обращенными еретиками.

[204] Смотрите также Crét. vol. iv. стр. 200, 201.

[205] Сборник. том iv. стр. 221, 222.

[206] *Постоянный*. параграф iv. глава vi. § iii.

[207] Чтобы убедиться, все ли посещают исповедальню каждую вторую субботу, каждый пансионер получает карточку со своим именем, написанным на ней, которую он должен передать своему духовнику, который возвращает ее настоятелю. Здесь я могу упомянуть, что этот метод также практикуется на Пасху во всех Штатах Церкви, со всеми жителями. Если вашей карточки нет среди тех, что были собраны у разных исповедников, очевидно, что вы не выполнили заповедь, и если вы не приведете удовлетворительной причины для этого до 26 августа, ваше имя будет вывешено на дверях приходской церкви как имя кощунственного и позорного человека. В колледже Сенегалии, где я получил образование, нас было около двухсот пансионеров. Для освящения были назначены восемь исповедников. На закате мы спустились в часовню, откуда по очереди разошлись по разным классам исповедоваться.

Комнаты были затемнены, и отцы церкви сидели каждый в своем кресле перед чем-то вроде исповедальни, через решетку которой наши грехи должны были дойти до их благочестивых ушей. С теми исповедниками, которые в прежних случаях были более суровы, мы обычно проделывали какие-нибудь трюки, например, клали в рот кусочек сырого чеснока и притворялись, что у нас приступ кашля или чихания, так что бедному исповеднику, который, чтобы хорошо расслышать нашу исповедь, был вынужден приблизить лицо к решетке, его обонятельные нервы были поражены резким дыханием, которое было каким угодно, но только не приятным. Епитимья, вы можете быть уверены, была двойной, но это никогда не удерживало нас от повторения подобных шалостей, хотя мы свято исполняли ее. Иногда мы ухитрялись вообще уклониться от исповеди следующим образом: — Тот, кто шел на исповедь, брал с собой карточку другого человека вместе со своей собственной. Целуя руку духовника после исповеди, он вложил в нее одну карточку, а другую положил на стол, на который отец разложил те, что он принимал. Когда все было закончено, слуга принес свет, и исповедник собрал все билеты, которые нашел на столе, и забрал их с собой. Тем временем человек, чья карточка таким образом прошла через исповедальню без своего владельца, прятался в шкафу или каком-нибудь другом укромном месте, пока по прошествии достаточного времени не возвращался, как будто он свято исполнил требуемый долг. Если вы спросите, верили ли мы в действенность исповеди, я отвечу, что все мы твердо верили в это и что при любой болезни или опасности мы бы искренне попросили духовника; только нам не нравилось ходить к нему так часто.

[208] Сборник. том iv. стр. 226.

[209] Джоберти - римско-католический священник, бывший премьер-министр короля Сардинии и один из величайших наших ныне живущих философов. Хотя он был строго ортодоксален и даже равнодушен к папской власти, он внес больший вклад, чем кто-либо другой, в нанесение последнего смертельного удара иезуитам в Италии. Его *Gesuita Moderno* (Современный иезуит), в котором он обнажает все беззакония отцов церкви, навсегда разрушил их орден в глазах итальянцев и фактически помешал их ноге снова ступить в Пьемонт. Я не разделяю его политических или религиозных убеждений, но Италия должна сохранить память о пользе, которую он оказал ей в этом вопросе, и я, в частности, должен признаться, что благодарен ему за совет и поддержку, которые он любезно дал мне при составлении этой работы.

[210] *Современная история*, том iii. стр. 226. Ред. ди Лосанна.

[211] Ранке, том ii. стр. 92, в примечании.

[212] *Воспоминания де Сюлли*, том ii. глава 3.

[213] См. Ranke, том ii. стр. 132.

[214] См. Беллармина в Ranke, том ii. стр. 116, 117.

[215] См. Аббата Расина, *Абреже из Церковной истории*, том. x. стр. 40. См. Также фра Паоло Сарпи, который обессмертил свое имя как богослов венецианского правительства и историк конкурса.

[216] Crét. vol. iii. p. 180.

[217] Мариана была одним из самых образованных испанских иезуитов, личным врагом и самым ярким противником Аквавивы. Он изо всех сил выступал против доктрины Молины о благодати и свободной воле и выдвигал, как мы частично видели, принцип суверенитета народа. Он пользовался большим почитанием среди испанцев.

[218] Смотрите *Ratio Studiorum*. См. также Ranke, том ii. стр. 88.

[219] Серри, в Ранке, том ii. стр. 88.

[220] *Арбитражный суд с благодарностью донису конкордии*.

[221] Смотрите ее более подробно в Ranke, том ii. стр. 90.

[222] Серри.

[223] Ранке, том ii. стр. 131.

[224] Crét. vol. ii. стр. 176.

[225] Эскобар составил свой труд по *моральному богословию* из двадцати четырех авторов-иезуитов, и в своем предисловии он находит аналогию между своей книгой и “тем, что в Апокалипсисе, который был запечатан семью печатями”, и заявляет, что “Иисус представил его запечатанным таким образом четырем живым существам”, Суаресу, Васкесу, Молине и Валенсии (четыре знаменитых казуиста) в присутствии двадцати четырех иезуитов, которые представляют двадцать четыре старейшины.

[226] Crét. vol. iv. стр. 58.

[227] Le monde s’était plaint depuis l’origine du Christianisme de l’austérité de certains precepts; les Jésuites venaient au secours de ces doléances, &c.—Crét. vol. iv. p. 50.

[228] Бузембаум, апуд Ранке, том ii. стр. 394.

[229] Энтони Эскобар. *Л. Теол. moralis viginti-quatuor Societatis Jesu Doctoribus reseratus*. Пример из "Пени", глава vii. N. 155. (Lugduni, 1656. Ed. Mus. Брит.)

[230] Томас Тамбурин. *Methodus Expeditæ Confessionis*, L. ii. ch. iii. § 3, N. 23. (Lugduni, 1659. Antverpiae, 1656. Изд. Сборник. Сион.)

[231] Джордж де Родс. *Вывод. Theologiae Scholasticæ*, том. i. Дис. xi. вопросы. xi. разделы 1 и 2, и Дис. i. q. iii. раздел 2, § 3. (Лугдуни, 1671.)

[232] При цитировании языка Паскаль мы используем перевод доктора Макри, чтобы лучше, чем могли бы, передать смысл автора. Стр. 107.

[233] Иоанн Саласский. *Disputationum R. P. Joannis de Salas, e Soc. Jesu, in primam secundæ D. Thomæ*, том. i. tr. 8, sec. 7, 9, N. 74, 83. (Barcinone, 1607. Ed. Bibl. Аpx. Косяк. Ягненко.)

[234] Григорий Валентийский. *Commentariorum Theologicorum*, том. iii. dis. v. quæ. 7, punct. iv. (Lutetiæ Parisiorum, 1609. Ed. Coll. Сион.)

[235] Томас Санчес. *Opus Morale in præcepta Decalogi*. L. ii. c. i. N. 6. (Venetiis, 1614. Antverpiae, 1624. Изд. Сборник. Сион.)

[236] Энтони Эскобар. *Universæ Theologiæ Moralis Receptiores absque lite Sententiæ, necnon Problematicæ Disquisitiones*, tom. i. L. ii. sect. i. de consc. c. 2. N. 18. (Lugduni, 1652. Ed. Bibl. Академик. Не могу.)

[237] Симон де Лессо. *Propositions dictées dans le Collège des Jésuites d'Amiens*. De præcept. Деколь. с. i. ст. 4.

[238] Томас Тамбурин. *Explicatio Decalogi*. L. i. c. iii. § 4. N. 15. (Lugduni, 1659. Лугдуни, 1665. Изд. Сборник. Сион.)

[239] Указ. соч. стр. 2.

[240] Там же.

[241] Tr. 1. et. 2. n. 21.

[242] Пинтеро на Паскале, стр. 205, 206.

[243] “Эти молитвы представлены на стр. 33, 59, 145, 156, 172, 258, 420 из первого издания”.

[244] Паскаль, стр. 176-178.

[245] Григорий XV. у кардинала Людивизи и его племянника есть два великолепных памятника в церкви Святого Игнатия Романо-коллегио, которую они построили и богато украсили для иезуитов и где они похоронены.

[246] Этот человек известен тем, что творит чудеса. Говорят, что он вернул к жизни своего дорогого товарища, свинью, которую у него украли, после того, как она была убита и съедена, а ее кости брошены в печь; точно так же, как Тор, великий скандинавский бог, вернул к жизни своего барана. Другое великое чудо о нем его панегиристом. Получив запрет от своего настоятеля (святой Антоний был монахом) творить слишком много чудес, он однажды оказался в большом замешательстве. Проходя по улице, он услышал, как бедный каменщик, падавший с высокого здания, взывал к нему по имени о чуде. Бедный святой, не зная, что делать, прибегнул к средству. “Подожди минутку, - сказал он падающему человеку, - пока я схожу за разрешением отца-настоятеля”. И человек подождал, подвешенный в воздухе, пока тот не вернулся с разрешением сотворить чудо!

[247] Так было со многими, и, если упомянуть одного, с отцом Закхерией, основателем Варнавитов, который был *беатифицированным* в течение восьмидесяти четырех лет, ему служили мессы и возносили молитвы, но в настоящее время он просто отец Закхерия.

[248] Эта конгрегация, как и все другие, такие как конгрегации индульгенций, инквизиции и т.д., состоит из кардиналов, епископов, прелатов и нескольких адвокатов. Они образуют своего рода комитет. Есть префект и секретарь; остальные называются *consultori*, советники — папа является *де-юре* префектом их всех. Члены Конгрегации обрядов очень рады, когда происходит канонизация. Кроме того, они имеют право на портрет святого, который, если святой возьмет, они продадут очень дорого, и на не знаю сколько фунтов шоколада.

[249] Ради Лойолы нам следовало бы пожелать, чтобы одно из трех первоклассных чудес, записанных в булле о канонизации, было немного более сверхъестественным и, возможно, немного более достойным. В булле говорится, что женщина из Гандии, страдавшая водянкой,

приложила к пораженной части тела изображение святой и вылечилась, *представьте, что это дикти беати вентри адмотаи* т.д.

[250] Высказывание одного из потомков Чарльза Борромео осталось известным в Италии. Оплатив все расходы по канонизации, он обратился к своей семье и сказал: “Будьте всегда добрыми христианами, мои дорогие дети, но никогда святыми; еще один святой, и мы погибнем навсегда”.

[251] Том iii. стр. 471.

[252] S. i. c. iii. стр. 64.

[253] S. iii. стр. 401.

[254] Там же. 402.

[255] Католики считают своим долгом отправлять детей на исповедь в раннем возрасте семи лет; и девять из десяти впервые слышат от духовника слова, которые пробуждают в их юных и невинных умах похотливые и доселе неизвестные желания.

[256] Crét. vol. iv. стр. 366.

[257] Это булла, которой папа объявил, что у Янсения можно найти пять положений; и это дало начало знаменитому различию *факта и правоты*.

[258] Это место называлось Мон-Луи, но впоследствии было преобразовано в великолепное и красивое кладбище, которое теперь носит имя Лашез.

[259] *Почтовое письмо* представляло собой приказ с подписью короля, обычно требовавший ареста или ссылки указанного лица. Во времена правления деспотичного Людовика, *рекламные листовки* выпускались в скандальном изобилии. Придворные, министры, любовницы короля просили в обмен на лесть или ласку *секретное письмо*. Часто письмо было пустым, с подписью только короля, и человеку, получившему его, предоставлялось заполнить его любым именем и назначить любое наказание, какое ему заблагорассудится. Отец Лашез всегда имел при себе некоторое количество писем этого последнего рода.

[260] В первые годы правления Людовика это право принадлежало комиссии, состоящей из двух прелатов и иезуита; но Ферье, предшественник Лашеза, сам обладал исключительным правом, которое с тех пор принадлежало духовнику короля.

[261] Летелье был обвинен в том, что он организовал следующий позорный обман. В 1690 году во время спора месье де Линьи, профессор моральной философии в Королевском колледже Дуэ, поссорился с отцом Бекманом, профессором-иезуитом. Доведенный до крайности в споре, он пригрозил своему оппоненту мезтью, сказав: *Ego te flagellabo*- “Я тебя выпорю”. Пятнадцать дней спустя Линьи получил письмо за фальшивой подписью Антуана А., то есть Антуана Арно, знаменитого янсениста, с адресом для ожидаемого ответа. Итак, профессор, польщенный честью получить письмо от такого известного человека, как Арно, ответил на письмо и продолжил переписку, так что в конце концов самозванец под именем Арно вытянул из Линьи имена тех, кто выступал против иезуитов, все они были докторами и профессорами теологии.

После этого самозванец начал и продолжил переписку с этими врачами, которые полагали, что пишут истинному Арно, убежденному противнику доктрины иезуитов. Линьи даже умолял невидимого Арно стать его духовным наставником и послал ему общее признание в состоянии своей совести. Вслед за этим его заставили покинуть свое кресло, своего благодетеля, и отослать все свои бумаги самозванцу, в то время как он отправился по тому же приказу в назначенное место, которым был Париж. Он отправился в Сен-Маглуар, но не нашел Арно; переходил с места на место, пока, наконец, простодушный фламандец не обнаружил, что его одурачили. Тем временем, однако, все профессора, о которых говорилось выше, были осуждены иезуитом Летелье и сосланы в различные города Франции; а сам Линьи был отправлен в Тур. Тем временем иезуит опубликовал письмо, адресованное доктору Дуэ, под заголовком "*Недавно раскрытые секреты партии господина Арно*". Затем Арно, в своем месте ссылки, обнаружив обман, опубликовал первую и вторую жалобы, а также третью, завершив ее ответом иезуиту, который ответил на его вторую жалобу. Все были возмущены, и даже Людовик XIV. он сам. Но иезуиты заверили его, что они невиновны в заговоре; и, получив прощение предполагаемому организатору, Турнеле, врач, которого иезуиты назначили профессором вместо изгнанного Жильбера, признался, что он сам играл роль фальшивого Арно, и иезуиты были этим обманом оправданы в этом акте вероломства. В *Газете* Роттердама за 1692 год говорится: "Но к нему (Турнеле) не испытывали особого уважения с тех пор, как выяснилось, что он согласился выдать себя за отца фальшивого Арно, чтобы оправдать иезуитов и, прежде всего, писателя де Водрипона, человека, который ответил на жалобу Арно и который, как предполагалось, действовал по вдохновению Летелье".

[262] См. *Edinburgh Review*, vol. lxxiii. стр. 361.

[263] Crét. vol. iii. p. 356.

[264] Там же, стр. 363.

[265] Crét. vol., iii. стр. 362.

[266] Там же, стр. 363.

[267] Crét. vol. iii. p. 179.

[268] Там же. стр. 388.

[269] Там же. стр. 371, 372.

[270] Crét. vol. iii. p. 375.

[271] Это воззвание было указом, которым фанатичный Фердинанд II с возмутительной несправедливостью лишил законных владельцев собственности, которая принадлежала религиозным общинам, но которая в значительной степени была выделена более ста лет назад тем монахам и священникам, которые приняли протестантизм, и которая, перейдя через многие руки к лицам, находившимся тогда во владении, составляла самая законная собственность.

[272] Crét. vol. iii. p. 390.

[273] *Лекции Красинского о Славонии*, стр. 321.

[274] "*История пап*" Ранке, том ii. стр. 161.

[275] Краковская литературная академия и Лованская академия, 2 июля 1627г.

[276] Ранке, том ii. стр. 362.

[277] Этот Беллармин, как известно многим нашим читателям, был знаменитым иезуитом, кардиналом и одним из самых фанатичных и фанатичных в ордене, прославленным прежде всего тем, что ставил папскую власть выше любой другой земной власти. Он является автором катехизиса, который до сих пор преподается по всей Италии, под именем *Доттрины Кристианы де Беллармино*. Он был очень образован и, судя по его внешнему поведению, не был плохим человеком.

[278] Джардин, пожалуй, самое беспристрастное руководство, которому следует следовать при расследовании этого трагического события.

[279] Пасквино и Марфорио являются, или, по крайней мере, были (сейчас существует только один из них), двумя статуями, установленными на углах двух смежных улиц в Риме, на которые римляне наносят те пасквили, в которых они, вообще говоря, выражают свою ненависть к римскому двору и его отвратительным порокам. Предполагается, что статуи обращены друг к другу.

[280] Батлер, *Память*. ii. 51.

[281] “N’ont ils pas conservé en Angleterre le germe qui se développe avec tant de vigueur, et qui en Irlande, après trois cents ans de martyre, devient une révolution légitime?” Том iii. 510.

[282]

“Ché assolver non si può chi non si pente,

Nè pentere e volere insieme puossi

Per la contradizion che nol consente.”—Dante’s *Inferno*.

[283] Судебный пристав Лондона, настоятель соборов Святого Павла и Вестминстера сопровождали его на роковой эшафот, и в тот ужасный момент, когда несчастному нужно было подготовиться к присутствию верховного непогрешимого Судьи, они в течение часа заставляли его обсуждать законность уклончивости от ответа и преступность Заговора и, таким образом, подвергли его еще одному суду!

[284] Олдкорн был казнен 17 апреля 1606 года, Гарнет - 3 мая того же года.

[285] Crét. vol. iii. p. 476.— Он мог бы сказать, что Фишер был автором многих незначительных изобретений и что его усилия были направлены не столько на облегчение страданий людей его убеждений, сколько на воскрешение врагов установленного правительства в соответствии с пожеланиями Испании и Франции.

[286] *Politique du clergé de France, ou entretiens curieux; deuxième entretien: par Pierre Jurieu la Haye, 1682.*

[287] Crét. vol. iii. p. 489.

[288] Crét. vol. iv. стр. 197.

[289] Ранке цитирует Эррару, том ii. стр. 228.

[290] Вряд ли нам нужно напоминать нашим читателям, что, когда мы говорим о праздной, роскошной и эгоистичной жизни монахов, мы говорим об общем, ибо мы не настолько нелиберальны, чтобы утверждать, что среди них не было никого, действительно воодушевленного истинным рвением и желанием обратить неверующих в ту религию, которую они считали истинной.

[291] Crét. vol. iii. p. 292.

[292] Там же, стр. 289.

[293] Crét. vol. iii. p. 312.

[294] Crét. vol. iii. p. 502.

[295] Смотрите это и другие письма этого прелата в Arnould, tom. xxxii. и xxxiii.

[296] Палафокс, желая увидеть разрешение, на наличие которого претендовали отцы, исповедоваться без распоряжения епархии, вопреки постановлению Тридентского собора, попросил их показать ему такое разрешение; они ответили, что у них была привилегия не показывать его. “Покажите мне эту привилегию”, - сказал епископ. “У нас есть привилегия хранить в секрете наши привилегии”. “Покажите мне хотя бы эту последнюю привилегию”. “Мы уполномочены хранить в секрете даже эту другую привилегию”. Смотрите письмо, в котором прелат сообщает об этом факте в Arnould, tom. xxxiii. стр. 486-534.

[297] Письмо Иннокентию X., 1649 г., ss. 14-18.

[298] Письмо Палафокса отцу Раде, провинциалу иезуитов, 1649 г. См. Арно, Том. xxxiii. стр. 643. Некоторые иезуиты отрицали подлинность этого письма, другие - истинность обвинения и называли прелата клеветником. Что касается подлинности письма, то его нельзя отрицать, поскольку сам епископ опубликовал его в своей “*Защите каноники*”, посвященной королю Испании; а хорошо известный характер Палафокса не вызывает сомнений в его правдивости; он также не осмелился бы выдвинуть перед королевским троном ложное обвинение.

[299] Говоря о канонизации святых, я забыл упомянуть, что, как правило, после получения титула Servus Dei проходит много лет, например, прежде чем запрашивается другой титул, Venerabilis, и так далее.

[300] Обязанность этого персонажа при канонизации состоит в том, чтобы *для проформы* выдвигать возражения против ее совершения, подвергая сомнению добродетель этого человека, реальность его чудес и так далее. В Италии его называют адвокатом дьявола; и наш Джоберти, возможно, с большим остроумием, чем христианское милосердие, говорит: “В случае с Палафоксом это имя (адвокат дьявола) вполне могло ему подойти, поскольку он был адвокатом отцов церкви”.

[301] Из-за Французской революции тысяча семьсот восемьдесят девятого года процедура канонизации Палафокса, длившаяся пятьдесят пять лет, так и не была возобновлена, пока недавно не была предпринята попытка причислить его к лику святых; но иезуиты снова оказались слишком могущественны, чтобы допустить это, и дело все еще находится на

рассмотрении, так что можно сказать, что добрый Палафокс находится в тяжелом положении. как бы подвешенный между землей и небом.

[302] Джоберти, см. выше, том iii. стр. 151.

[303] О преследованиях, которым подвергались все эти священнослужители, обычные или светские, из-за того, что они не подчинились властному духу иезуитов, см. Предисловие тома. xxxii. о работе Арно с документами.

[304] *Inhibendum est Patri Generali, totique societate ne in posterum recipiant novicios ad habitum societatis, neque admittant ad vota sive simplicia sive solemnia.*

[305] Смотрите *Исторические воспоминания Норберта*, которые уже цитировались. См. также *Китайские анекдоты*, т. vi. стр. 408.

[306] Ранке, том ii. стр. 388.

[307] *Сообщение. Меути Вителлескии др.* (Антверпен, 1665)

[308] Джоберти *Современная история*, том iii. стр. 299.

[309] *Дневник Деона* апуда Ранке, том ii. стр. 389.

[310] Послание Винцентия Караффе о *Модис консерванди, первичном духовном обществе*. Часть этого апуд Ранке, в примечании, том ii. стр. 391.

[311] Там же.

[312] Ранке, том ii. стр. 389.

[313] *Обстоятельное повествование в современном дискурсе*, апуд Ранке, том ii. стр. 396.

[314] *Сборник*. том iv. стр. 96.

[315] Джоберти, том iii. стр. 299.

[316] Джоберти, том iii. стр. 299.

[317] Тон, в котором Аннат писал своему генералу, заслуживает внимания и сравнения с письмами, которые Лайнез и Борджиа обычно писали Лойоле: “Я не могу не передать, — пишет он, - вашему отцовству свою скорбь, видя, что надежда, которую я питал на скорейшее заключение мира между суверенным понтификом и самым христианским королем, потерпела крах”. исчез.... Я не знаю, какое злостное стечение событий *разрушает все мои планы*” и т.д.

[318] *Г-жа Библ. Харл.* v. 895, f. 143.

[319] *Бартоли Джаппоне*, т. 22.

[320] *Crét.* vol. iv. p. 417.

[321] Ранке, том ii. стр. 293.

[322] St Priest's *История падения иезуитов*, английский пер., стр. 3.

[323] Духовником этой верной жены был иезуит!

[324] St Priest's *История падения иезуитов*, английский пер., стр. 4.

[325] Crét. vol. v. стр. 158.

[326] Святой прист, стр. 9.

[327] Там же.

[328] Ранке, том ii. стр. 392.

[329] *Voyage de Duquesne Chef d'escadre*xxxv. стр. 15.

[330] Crét. vol. v. стр. 171.

[331] Лаваллетт.

[332] Ранке, том vii. стр. 443.

[333] Ранке, том ii. стр. 444.

[334] Святой прист, стр. 12.

[335] Святой Прист, стр. 13.

[336] Полторы тысячи таких монахов высадились в Чивита-Веккья. Это было жалкое зрелище - видеть некоторых из этих очень старых священников, оторванных от места, где они провели свою жизнь, и выброшенных на чужбину. Даже доминиканцы, их постоянные противники, были тронуты состраданием и любезно приняли их; и они увековечили память об этом акте великодушия надписью на камне.

[337] Смотрите сообщение об этом в St Priest, стр. 21, и далее.

[338] Crét. vol. v. стр. 236.

[339] Обществом после Тамбурины управляли три генерала: Рец, Висконти и Чентуриони; и 19-я Генеральная конгрегация по имени Лоренцо Риччи, который был 18-м генералом до подавления.

[340] Долги Лаваллета составили 2 400 000 франков; но Кретино уверяет нас, что дома и земли, принадлежащие Компании, были куплены английскими капиталистами на сумму в четыре миллиона франков! Разве иезуиты не соблюдали обет бедности, этот *оплот религии*?

[341] Святой прист, стр. 27.

[342] Ранке, том ii. стр. 447; Святой Прист, стр. 29.

[343] *Государственные документы и рукописи герцога Шуазеля*. См. St Priest, стр. 18.

[344] См. Ranke, том ii. стр. 447; Crét. vol. v. стр. 274.

[345] Имущество, которым иезуиты владели во Франции, оценивалось в пятьдесят восемь миллионов франков; но в эту сумму, говорит Кретино, не следует включать милостыню, которую

раздавали *Мезонам, исповедующим*. У них пятьдесят восемь миллионов, и они просят милостыню! О! святая бедность!

[346] *Депеши маркиза д'Оссуна герцогу Шуазелю*. См. St Priest, стр. 34.

[347] Crét. vol. v. стр. 293.

[348] Ранке, том ii. стр. 448.

[349] Святой Прист, стр. 35.

[350] Смотрите в Ranke, том ii. стр. 447, примечание, где он цитирует отрывок из рукописи

[351] Crét. vol. v. стр. 296.

[352] St Priest, стр. 36; Crét. vol. v. стр. 297.

[353] Crét. vol. v. стр. 284.

[354] Смотрите это в Crétineau, vol. v. стр. 301.

[355] Там же.

[356] Святой прист, стр. 43.

[357] См. St Priest, стр. 45; Crét. vol. v. стр. 312.

[358] Ранке, том ii. стр. 448.

[359] Там же.

[360] Инструкции кардиналам Де Люину и Де Берни, 19 февраля 1769 года. См. St Priest, стр. 54.

[361] Святой прист, стр. 58.

[362] Crét. vol. v. стр. 326. Он цитирует № 14 из *"Леттрэдис Д'Обетэр"*. У нас нет возможности проверить эти письма, и мы должны полагаться на его авторитет. Сен-Прист говорит, что, напротив, Де Бернис пообещал послам проконсультироваться с Ганганелли; но как бы то ни было, то, что с Ганганелли консультировались, представляется неоспоримым.

[363] Однажды во времена нашей короткой республики мы были тронуты до слез, увидев, как некоторые Трастеврини сбрасывают шляпы и спонтанно, без приказа или обучения, идут и целуют эти волшебные и некогда уважаемые буквы, S.P.Q.R. На самом деле, я даже чувствую себя тронутым, когда пишу их.

[364] Святой Прист, стр. 55.

[365] Святой Прист, стр. 56.

[366] См. St Priest, стр. 57, который сообщает все эти подробности, переданные Д'Обетеру самим императором. Джозеф самодовольно рассказал о своей презрительной политике по отношению к Святому Престолу и прямо заявил, что он слишком хорошо знает Римский двор, чтобы не презирать его, и очень мало думал о своем допуске на Конклав. "Эти люди, - сказал

он, говоря о кардиналах, - пытались внушить мне ценность этого отличия, но я не был ими одурачен”.

[367] В Италии монастыри орденов, называемых нищенствующими, являются убежищем трех особых категорий людей. Первый класс тех, кто направляется туда, - это праздные, легкомысленные люди, которые брезгают выполнять какую бы то ни было работу; второй - это те, у кого есть только монастырь, чтобы избежать тюрьмы; и третий - те молодые люди, которые, чувствуя в себе силу, способность или честолюбие совершить какие-то великие подвиги и не видя возможности выделиться из толпы, прибегают к монастырю как к единственному оставшемуся у них способу достичь возвышения. Почти все выдающиеся люди среди итальянского духовенства были монахами, происходившими из бедных и смиренных семей; и многие папы были такого же происхождения. Известно, что для поступления в эти монастыри не требуется ни пенни, в то время как для того, чтобы стать светским священником, необходимо обладать небольшим имуществом.

[368] Именно он основал этот великолепный музей в Ватикане, впоследствии увеличенный Пием VI., который носит название Museo Pio-Clementino и вызывает восхищение всей Европы.

[369] См. Ranke, том ii. стр. 449, в примечании цитируется “Расследование в отношении семьи и оперы Клементе”.

[370] Франческо был братом-мирянином, к которому Ганганелли до последнего сохранял самую искреннюю дружбу и привязанность.

[371] Святой прист, стр. 60. Именно в этом монастыре проживал Ганганелли до своего возведения в сан понтификата, и впоследствии он часто ходил туда, чтобы провести несколько часов.

[372] Ранке (т. iii. стр. 449) преувеличивает достоинства Ганганелли и представляет его безупречным и святым, что заставляет нас сделать замечание о знаменитом немецком историке. Его неутомимое усердие в поиске архивов, государственных и частных библиотек и изучении неопубликованных рукописей позволило ему пролить свет на многие неясные вопросы; но мы думаем, что часто, основываясь просто на авторитете родственника какого-нибудь посла, или частных писем, или сочинений без названия, которые лишь выражают частное мнение автора, он устанавливал принципы и выводил следствия, которые не соответствуют тому, что известно или может быть установлено точным изучением фактов. Мы могли бы привести множество примеров того, что мы утверждаем.

[373] 1 Тим. iii. 1.

[374] Джоберти, том iii. стр. 347.

[375] Crét. vol. v. стр. 332.

[376] Святой Прист, стр. 61.

[377] Следует отметить, что теперь, когда между Римским двором и отцами церкви царит совершенное согласие и они поддерживают друг друга, последние изменили свой язык в отношении этого дела, и тот же Кретино уверяет нас, что он не верит этому обвинению.

[378] См. St Priest, стр. 63.

[379] Святой Прист, стр. 63.

[380] Там же, стр. 64.

[381] Святой Прист, стр. 65.

[382] Святой прист, стр. 66.

[383] Там же.

[384] Письмо Шуазеля кардиналу де Берни, 10 августа 1769 г. Смотрите это, Crét. vol., стр. 342, и далее.

[385] Святой прист, стр. 73.

[386] Там же.

[387] Смотрите это в St Priest, стр. 73, в примечании.

[388] Святой Прист, стр. 86.

[389] *Краткое описание Dominus ac Redemptor.*

[390] Том ii. стр. 450.

[391] Святой Прист, стр. 86.

[392] Святой Прист, стр. 28.

[393] Святой прист, *супруг уби.* Все эти подробности он почерпнул из письма Флориды Бланки, адресованного папе римскому Пию VI.

[394] По-разному сообщается, какими средствами было получено согласие Австрии на уничтожение иезуитов. Наиболее актуальным на тот момент было сообщение о том, что Карл III. добился этого от Марии Терезии, отправив императрице ее собственное признание, которое ее директор-иезуит отправил генералу и которое король имел возможность получить. Святой Прист, опровергая это мнение, говорит, что сопротивление Марии Терезии было побеждено ее сыном Иосифом, который, хотя и не проявлял особого интереса к этому делу, поскольку оно касалось иезуитов, все же жаждал их владений.

[395] Это слова, приписываемые Папе римскому популярной традицией. Однако святой прист, следуя за Караччоли, заставляет папу воскликнуть, после того как тот подписал протокол: “Questa suppressione mi darà la morte” — Это подавление будет моей смертью.

[396] Джоберти, том iii. стр. 374.

[397] Здесь он приводится в переводе в “Протестантском адвокате”, 1815, т. iii. стр. 153 и др.

[398] Crét. vol. v. стр. 275.

[399] Там же, стр. 390.

[400] Святой Прист, стр. 50.

[401] *История Италии продолжение. da quella del Guic.* 48. См. также Gioberti, том iii. стр. 391, и далее.

[402] Святой Прист, стр. 89.

[403] Ботта, *ibi* выше.

[404] Джорджель, *Мемуары*, том i, стр. 160. Апостол Апуд, стр. 90.

[405] Джоберти цитирует Флориду Бланку, том iii. стр. 394.

[406] Святой прист, стр. 91, и последующие. Все эти подробности болезни и смерти Ганганелли мы позаимствовали у Сен-Приста, время от времени добавляя некоторые подробности, которые мы нашли у других авторов. Но Сен-Прист - лучший авторитет в этом вопросе. Он опирался на оригинальные источники — Письма Берниса, Флориды Бланки, Историю Ботты Горани Караччоли - и свел свои материалы в наиболее точное и беспристрастное повествование. В таком случае было бы бесполезно либо отсылать наших читателей обратно к этим авторам, либо пытаться проанализировать их самим. Тогда мы удовлетворимся некоторыми размышлениями или умозаключениями в соответствующем месте.

[407] Там же.

[408] Ботта, *ibi* выше.

[409] Джоберти, том iii. стр. 392.

[410] Святой прист, стр. 92.

[411] Существует популярная традиция, и, действительно, она не лишена оснований, что в Перудже некоторые люди владели секретом приготовления воды, которая при употреблении вызвала верную смерть, хотя жизнь продлевалась на более или менее длительный период времени, в зависимости от количества и силы принятой дозы. Монахини, в частности, снискали печальную известность благодаря составлению этого наркотика.

[412] Святой прист, стр. 93.

[413] St Priest нигде не смог найти эти документы.

[414] Смотрите все эти письма в St Priest, стр. 93, и далее.

[415] Святой прист, стр. 78.

[416] В Италии обычно сообщают, а во Франции также верят, что в день смерти Ганганелли каждый год иезуиты, по крайней мере те, кто глубоко посвящен в тайны ордена, собираются в комнате, и после того, как один из них разразится градом проклятий в адрес памяти Климента, каждый присутствующий пронзает его изображение кинжалом. Мы повторяем распространенное мнение, не гарантируя, однако, его правильности.

[417] Святой прист, стр. 97.

[418] Д'Аламбер - Фредерику. 24 Апреля 1774 года.

[419] Святой прист, стр. 144.

[420] Святой прист, стр. 155.

[421] Смотрите это Завещание в Crétineau, vol. v., стр. 401, и далее.

[422] Чернивец, Ленквичус и Корелл.

[423] Crét. vol. vi. p. 33.

[424] Том iii. стр. 30.

[425] Приведенный здесь перевод взят из "*Протестантского адвоката*", том iii, стр. 13 и др.

[426] Как живой газон с зеленой травой.—Данте.

[427] Crét. vol. vi. стр. 323.

[428] Crét. vol. vi. p. 338.

[429] Crét. vol. vi. p. 105.

[430] Crét. vol. vi. стр. 110.

[431] Crét. vol. vi. стр. 110.

[432] Том vi. стр. 81.

[433] Crét. vol. vi. p. 84.

[434] Там же, стр. 83.

[435] Овербери.

[436] Crétineau, том vi. стр. 94.

[437] Том vi. стр. 89.

[438] Том vi. стр. 91, 92, в примечании.

[439] Том vi. стр. 97.

[440] Следует помнить, что все революции, произошедшие в Италии с 1814 года, были подготовлены и осуществлены высшими классами нации.

[441] Мы должны оплакать кончину этого выдающегося итальянца, которая произошла, пока мы писали эти страницы. Его страна не забыла, что именно благодаря ему, возможно, больше, чем чему-либо другому, в Пьемонте нет иезуитов. Ему будут воздвигнуты памятники, а его бранные останки будут перевезены из Парижа в Турин за государственный счет. Но в то время как вся Италия единодушно сожалеет о его потере, иезуитская газета "*Armonia*", приписывая его внезапную смерть суду Божьему, восклицает: "Посмотрите, что значит вести войну против Небес! Джоберти умер как Симон волшебник, как Арий!" Один иезуит в Риме утверждал то же самое с кафедры; в то время как римляне повторяют, что иезуиты отравили его. Он был тверд

доконца в своей враждебности к отцам церкви, и в последнем письме, которое он написал автору этой истории, призывая его продолжить работу, он добавляет: “Вы окажете хорошую услугу нашей стране”.

[442] Смотрите мою *Историю понтификата Пия IX.*, стр. 29 и далее.

[443] За месяц до того, как папа бежал из Рима в Гаэту, у автора состоялся разговор с Джозефом Мастаи, братом папы, который был изгнанником и политическим заключенным во время последнего правления. Он, чтобы извинить перемену в поведении своего брата, сказал: “Я предупреждал тебя, чтобы ты не нападал на религию, иначе ты погубишь дело свободы. Ты не прислушался к моему совету и должен отвечать за последствия. Когда я спросил его, в каком отношении мы проявили неуважение к религии, он ответил с большой серьезностью: “Вы изгнали иезуитов из Рима и попытались лишить церковников всякой власти”. Эти слова говорят о многом. Они выражают истинные чувства папы, которые, похоже, были приняты его братом, который раньше был карбонаро.

[444] Автор был членом этой второй делегации. Поначалу Удино был возмущен тем, что мы вздумали оказать сопротивление его войскам. “Как!” воскликнул он. “две армии, неаполитанская и австрийская, идут на Рим! Мы пришли вам на помощь, а вы говорите о борьбе с нами!” И через полчаса после этого, когда мы крепко прижали его к себе, забывшись, он воскликнул: “Eh bien! nom de Dieu nous venous pour remettre le Pape sur le trône.”

[445] Важно.

[446] Мюррей.

[447] Ньютон.

[448] Удино был назван папой герцогом Сент-Панкриси в память о том, что он разрушил церковь, посвященную этому святому, а также ту часть стены, через которую вошли французы, которая носит то же название.

[449] Многие государственные служащие были уволены или заключены в тюрьму за отказ присутствовать на *Вечере*.

[450] Этот номер принадлежит Мюррею.

[451] Когда не удастся изобрести ничего, что могло бы хотя бы отдаленно походить на преступление, и человека наказывают просто за его мнения, его вообще не допрашивают, а держат в заключении столько, сколько заблагорассудится его преследователям, и выпускают через пять, шесть или более лет, ни разу не допросив и даже не увидев лица судьи.

[452] Англоязычные читатели должны знать, что во Франции, так же как и в Италии, убийство не обязательно влечет за собой смертную казнь. Допускаются определенные смягчающие обстоятельства. В римских государствах, действительно, очень редко казнили обычного убийцу.

[453] Судьба этого великодушного и несчастного молодого человека вызвала глубочайшее сочувствие и действительно заслуживает его. Он был торговцем, а в 48-м оставил свое дело, чтобы отправиться с нами в Ломбардию; он стал лейтенантом батальона, которым командовал шевалье Джеральди, один из племянников папы римского, и был близок с Эрколе Мастаи,

который был офицером того же батальона. Вернувшись с войны, он был повышен, благодаря уважению своих сограждан, до звания полковника национальной гвардии. Когда в Синигаллии были совершены роковые акты мести, о которых говорилось выше, автор написал Симончелли из Рима, умоляя его использовать все свое влияние для пресечения этих убийств. Он ответил тоном, который не оставлял сомнений в том, что он полностью осуждает их. Он сказал, что смог спасти жизни некоторых людей и удвоит свои усилия, чтобы положить конец преступлениям, которые он ненавидит. Я передал письмо Мадзини. И все же этот же человек был расстрелян как подстрекатель и сообщник. Таково правосудие священников!

НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ "ХАРРИСОН И СЫНОВЬЯ", ЛОНДОНСКАЯ ГАЗЕТА, СЕНТ-МАРТИНС-ЛЕЙН.

Примечание переписчика

Ниже приводится список изменений, внесенных в текст для исправления предполагаемых опечаток. Ударения были стандартизированы (например, Crétineau часто печаталось как Cretineau), а пунктуация была изменена без примечаний.

Страница *xi*, “Карраффа” заменено на “Караффа” (Пьер Караффа, впоследствии Павел IV)

Страница *xvi*, “Бартолис” заменено на “Бартоли” (Бартоли—Сегнери—Бурдалу)

Страница *xvi*, “Криан” заменено на “Сиран” (Дю Верже де Оранн, аббат Сен-Сирана)

Страница *xvii*, “Кладбище” изменено на “Cemetery” (на кладбище Святого Лоренцо)

Страница *xviii*, “Валенштейн” заменено на “Валленштейн” (Тилли, Валленштейн и Пикколомини)

Страница *xx*, “Ла Валетт” заменено на “Лаваллетт” (Дело Лаваллетта)

Страница *xxiv*, “Бражеллетт” заменено на “Бругеллетт” (Их колледжи Бругеллетт и Фрибург)

Страница *20*, “aleady” заменено на “уже” (уже упомянутые прелюдии)

Страница *51*, “recal” заменено на “recall” (для отзыва миссионеров)

Страница *65*, “из” заменено на “выкл.” (избавьтесь от всех утомительных многословий)

Страница *98*, “ot” заменено на “to” (он решил расположить его к себе)

Страница *103*, “интерпретаторы” заменены на “переводчики” (которых он обратил в качестве своих переводчиков)

Страница *116*, “tbuse” заменено на “abuse” (это отвратительное злоупотребление)

Страница 132, “кошунственный” заменено на “кошунственный” (Все эти кошунственные пантомимы)

Страница 143, “Потестанты” заменены на “Протестанты” (протестанты не принимали участия)

Страница 154, “Католики” заменены на “Католики” (и римские католики не были просто довольны)

Страница 162, “Батоломью” заменено на “Варфоломей” (речь идет о другом святом Варфоломее)

Страница 162, “бдительность” изменено на “vigilance” (бдительность и суровость правительства)

Страница 196, “degeee” заменено на “degree” (в высшей степени подходит для их задачи)

Страница 197, “усиленные” заменены на “усиленные” (с целью усиления для их подтверждения)

Страница 248, “вечерний” заменен на “вечерний” (*Добрый день, Добрый вечер*)

Страница 350, “осажденный” заменено на “осажденный” (осадил министра в его доме)

Страница 361, “Риццонико” заменено на “Реццонико” (память о Реццонико)

Страница 362, “Эмминентиссими” заменено на “Эминентиссими” (духовные друзья Эминентиссими)

Страница 390, “их” заменено на “там” (возникло в лоне этого Общества)

Страница 412, “Транстеверини” заменено на “Трастеверини” (в частности, Трастеверини, приветствовавший папу Римского)

Страница 419, “Твой” заменено на “The” (Врачи, которые оказывали помощь)

Страница 428, “падение” заменено на “даунфолл” (падение монархического правительства)

Страница 438, “семнадцатый” заменен на “семнадцатый” (янсенисты и кальвинисты в семнадцатом, и)

Страница 440, “Реццоннико” заменено на “Реццонико” (как сказал Ганганелли о быке Реццонико)

Страница 449, “осажденные” заменено на “осажденные” (часто осажденные в своих замках)

Страница 450, “Belguim” заменено на “Belgium” (Испания, Франция, Бельгия, Австрия, Швейцария)

Страница 450, “1667” заменено на “1767” (члены Общества, исключенные в 1767 году)

Страница 470, “правительства” заменено на “правительства” (жестокость правительств)

Сноска 17, “Лавалетт” заменено на “Лаваллетт” (процесс отца Лаваллетта)

Сноска 283, “сопровождаемый” заменено на “сопровождаемый” (сопровождал его до рокового эшафота)

Индекс, “Angustinus” изменен на “Augustinus” и перемещен на правильное место в алфавитном порядке

Индекс, “Charamonti” изменен на “Chiaramonti”

Указатель, в разделе “Колледжи общества”, “Галлиция” заменено на “Галисия”

Указатель, в разделе “вероисповедание, политика” удалена ссылка на несуществующую страницу 931 (вероятно, имелась в виду страница 193, на которую уже есть ссылка)

Указатель, в разделе “Генрих IV Бурбонский”, “локтрины” заменены на “доктрины”

Индекс, “Inspruck” изменен на “Innsbruck” и перемещен на правильное место в алфавитном порядке

Указатель, в графе “Иоанн III Шведский”, “вакцинация” заменено на “колебание”

Индекс, “Лувен” изменен на “Louvain”

Индекс, “Нойелли” заменено на “Noyelle”

Индекс, “Пьер Карраффа” изменен на “Пьер Караффа”

Индекс “Пифия из Велантано” изменен на “Пифия из Валентано”

Индекс, в графе “Испания”, “Acquiviva's” заменено на “Acquaviva's”

Указатель, “Св. Петербург” сменился на “Санкт-Петербург”. Петербург”

Индекс, “Торон” изменен на “Турнон”

Было высказано предположение, что некоторые имена собственные, приведенные в этой книге, более известны под другими вариантами написания. Они не были изменены, но отмечены здесь для интереса.

- Капефик/Capefigue
- Мезарай/Mezeray
- Siestrenciewicz/Siestrencewicz
- Barzozowski/Brzozowski
- Ноайль/Noailles